

Литературный журнал

СИМБИРСКЪ

12+

№4 (97)
АВГУСТ

2022

Подписка в редакции
на 2-е полугодие 2022 г.

Цена подписки:
1 номер – 140 руб.
3 номера – 420 руб.

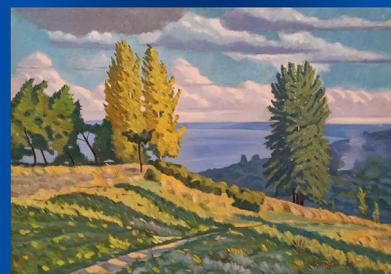
К 115-летию со дня рождения
писателя-фронтовика
Александра Кузнецова

стр. 4

Эхо Гончаровского праздника

стр. 39

Сентиментальные прогулки
по Винновской роше

стр. 45

Итоги молодёжного конкурса
«Друзья по вдохновению»

стр. 71

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»

Главный редактор Елена Викторовна Водкина
E-mail: karamz_sad@mail.ru. Телефон 8 (927) 803-62-56

Общественный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Алина Осокина
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев

Издатель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции: 432048, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11.
Телефон редакции: 41-04-32

Подписано в печать 18.08.2022 г.
Дата выхода 25.08.2022 г.
Тираж 1215 экз. Заказ №379

Отпечатано с готового оригинал-макета в АО «Областная типография «Печатный двор».
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27, ul-pd@mail.ru

© Литературный журнал
«СИБИРСКИЙ» №4 (97), 2022

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Ульяновской области ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.

Учредитель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Руководитель корректорского отдела – Наталья Степченко.

На обложке: фотографии Владимира Ламзина.

- Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.
- Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации.
- За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций.
- Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
- При перепечатке ссылка на «Симбирск» обязательна.

Редакционная подписка дешевле, в том числе для юридических лиц.
Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам в г. Ульяновске:
ул. Пушкинская, 11, каб. 104 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412 (тел. 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную подписку через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье», тел. 8 (846) 202-14-12 (г. Самара).

Оформить подписку на II полугодие 2022 года (подписной индекс ПА041) можно и с помощью Интернет на сайте podpiska.pochta.ru или через смартфон по QR-коду:

Литературно-художественный 12+
и культурно-просветительский журнал
«СИБИРСКИЙ» №4 (97), август 2022

Содержание

Драгоценный свет	3
Архив	
Валентина Костягина. Наша жизнь мятежно-бурная	4
Фотография с автографом	11
Дороги памяти военной	
Любовь Папета. Гришкина любовь	12
С любовью ко всему родному	
Юрий Козлов. К 150-летию Бориса Житкова	16
Ольга Даранова. Без хозяина. Рассказ	25
Край мой на Волге	
Николай Ларионов. Жизнь коротка, а Волга вечна	31
Литературное наследие	
Людмила Дягилева. Неутомимый миссионер Гончарова.	
О Вере Бишицки	34
Ирина Михайлова. Вечный памятник писателю	37
Татьяна Трошина. Гончаровские торжества в Ульяновске	39
Эхо Гончаровского праздника	41
Милая роща	
Фото Ольги Ронжиной	44
Сентиментальные прогулки по Винновской роще.	
Картины Алексея Колодина	45
Память сердца	
Елизавета Мартынова. Поиск подлинности.	
Памяти поэта Валерия Кремера	50
Валерий Кремер. Цветень тайны	54
Соло	
Елизавета Мартынова. Нам только слово остается. Стихи	58
Двое	
Татьяна Алисевич. Шиповник на том берегу. Рассказ	63
Татьяна Карпова. Костер любви. Стихи	68
При свете Пушкинского слова	
Ольга Яшкова. Традиция живёт	69
Итоги конкурса «Друзья по вдохновению»	71
Работы участников конкурса	72
Ольга Даранова. В память о Татьяне.	
Фестиваль, посвященный Татьяне Эйхман	76
Под сенью дружных муз	
Маргарита Смирнова. Неугомонный мой герой	
(О мастере Александре Ковалёве)	78
Рябиновый свет. Фотопейзажи Владимира Ламзина,	
Ильи Таранова, Ольги Ронжиной	83
Всё живое	
Нина Васильева. А всё это гроздь осенней рябины	89
Светлана Матлина. Польшает рябиновый куст	91
Черемшан	
Инга Гаак. Птицы алые, золоторудые. Сказка	92
Юбилей	
Творческое сообщество книголюбов	106
Удивительные встречи, дорогие сердцу люди.	
Стихи участников Литературной гостиной	107
Молодые голоса	
Анна Харланова. Иероглиф. Рассказ	111
Награда молодому писателю	114
Река воспоминаний	
Владимир Янушевский. Слова, слова, слова	115
Людмила Серзина. Друзья, земляки, стихотворцы.	
(Страницы книги)	129
Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО	135
Юбилейный календарь	138

КУПОН РОЗЫГРЫША ПРИЗОВ ПОДПИСКА НА II ПОЛУГОДИЕ 2022 ГОДА

Ф.И.О. _____

Контактный телефон, адрес проживания _____

Дата подписки на II полугодие 2022 года _____

ПРИСЫЛАЙТЕ КУПОНЫ ПО АДРЕСУ:
432048, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11,
литературный журнал «Симбирск».

ДРАГОЦЕННЫЙ СВЕТ

В августовском выпуске журнала мы вспоминаем яркие культурные события уходящего лета, рассказываем о фестивалях и литературных встречах, об интересных художественных выставках. В наших публикациях звучит эхо Гончаровского праздника. Вы узнаете, как прошли торжества, посвященные юбилею И.А. Гончарова в Ульяновске, какую награду в Швейцарии получила переводчица гончаровских романов Вера Бишицки, когда была открыта планета Goncharov.

В номере – стихи и проза, краеведческие статьи, автобиографические записки и календарь юбилейных дат.

На цветных страницах – фотопейзажи, стихи и картины, запечатлевшие сентиментальные прогулки по Винновской роще, художественные работы мастера, дающего вторую жизнь дереву.

В рубрике «Архив» читайте очерк Валентины Костягиной об ульяновском писателе-фронтовике Александре Родионовиче Кузнецове. Здесь же страницы прозы. Действие рассказа Любви Папета «Гришкина любовь» происходит во время Великой Отечественной войны.

Краевед Юрий Козлов посвятил свою статью 150-летию со дня рождения учёного-зоолога, уроженца Симбирского края Бориса Михайловича Житкова. Рассказ Ольги Дарановой «Без хозяина» поэтичен и наполнен светлой печалью. Герой рассказа не назван, но так узнаваем...

Николай Ларионов рассказывает об участии в мероприятиях памяти писателя Николая Сорокина, автора романа-трилогии «Вечная Волга». Рубрика «Память сердца» посвящена поэту Валерию Кремеру, «...сущностной чертой которого, полно отразившейся во всём им написанном, в стихах и прозе, был поиск подлинности». Читайте подборку стихов Валерия Кремера «Цветенья тайны». В рубрике «Соло» – стихи гостя журнала «Симбирскъ» Елизаветы Мартыновой (г. Саратов).

Стихи и проза о любви – в разделе «Двое»: рассказ Татьяны Алисевич «Шиповник на том берегу» и поэтическая страница Татьяны Карповой «Костёр любви».

Памятным событием лета стал Пушкинский праздник в Языкове, на котором по традиции награждались участники молодежного конкурса «Друзья по вдохновенью». Публикация Ольги

Яшковой – об этом творческом состязании. В июле в Карсуне прошел второй фестиваль, посвященный памяти поэта Татьяны Эйхман. На страницах номера – заметки и фоторепортаж об этом празднике.

В рубрике «Под сенью дружных муз» – рассказ Маргариты Смирновой о мастере Александре Ковалёве. Публикуем отрывок из книги «Вечен куст рябиновый» литератора, краеведа и педагога Нины Васильевой. «Рябиновый свет» в фотографиях Владимира Ламзина, Ильи Таранова, Ольги Ронжиной, в стихах Светланы Матлиной. В постоянном разделе журнала «Черемшан» представлена сказка дмитровградского автора Инги Гаак «Птицы алые, золоторудые».

55 лет отметила «Литературная гостиная», это творческое объединение книголюбов, встречи которого проходят в Историко-мемориальном центре-музее И.А. Гончарова. Публикуем поэтическую подборку участников клуба. Летом в Ульяновске по приглашению Аксаковской библиотеки побывала Анна Харланова, писатель из Липецка. Она как член жюри оценивала работы в конкурсе «Молодое слово России». Читайте рассказ Анны Харлановой «Иероглиф».

В рубрике «Река воспоминаний» – продолжение автобиографической прозы Владимира Янушевского «Слова, слова, слова...». Автор, в частности, публикует адресованные ему письма Анатолия Чеснокова.

Представляем книгу Людмилы Серзиной «Встречи. Впечатления. Поэты», страницы, посвященные ушедшим друзьям-стихотворцам.

Завершают выпуск новости программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» и постоянная рубрика «Юбилейный календарь».

Каждый проходит свой путь, с горестями и радостями в поисках подлинности и смыслов.

И поэт в словесной глубине находит ответы, ему сияет драгоценный свет.

«Есть я и ты в словесной глубине, / Как в сердце Бога, на одной волне. / Нет прошлого – и будущего нет. / Но есть река и сад, огонь и свет» (Елизавета Мартынова).

Добра, любви и света желаем вам, дорогие друзья!

Елена КУВШИННИКОВА

АРХИВ

*Валентина КОСТЯГИНА, старший научный сотрудник отдела фондов
ОГАУК «Ленинский мемориал».*

НАША ЖИЗНЬ МЯТЕЖНО-БУРНАЯ...

К 115-й годовщине со дня рождения писателя, героя-партизана
Александра Родионовича Кузнецова (29.08.1907 – 17.05.1988)

Среди множества писем от симбирян-ульяновцев, сохранённых Дмитрием Ивановичем Архангельским, а после его смерти – внучкой художника Натальей Андреевной Мешалкиной, передававшей работы дедушки, его коллекции и бесценный архив в Музей-мемориал В.И. Ленина – письмо от Александра Кузнецова, датированное 14 июля 1960 года, с обратным адресом: г. Ульяновск, пл. 3 Интернационала, д.12, кв. 23.

14 июля 1960

Дорогой Дмитрий Иванович!

Как-то В.А. Никонов мне сказал, что у Вас есть моя книжонка – «Свияга», что Вы интересуетесь всем, что связано с Ульяновском. Напоминал мне не раз о Вашей работе и Саша Маркельчев. Давно я хотел установить связь хоть какую-нибудь, да признаюсь, всё стеснялся, всё боялся быть навязчивым.

Вас я помню с юных лет, ибо и тогда, печатая стихи, я занимался рисованием. Лет в 12-13 я неплохо рисовал акварелью, любил и маслом писать. Волновали меня краски и до сих пор волнуют. Но я оставил кисть – взялся тогда за перо. А потом и его надолго оставил. Ведь я лирик. А время было грозное...

«Не до нас ей, жизни, торопливой,
и мечта права, что нам лгала...».

Долгий мучительный путь поисков. Я жил и работал в Москве. Она оглушила меня. Я окончил институт (истфак) и уехал в Зап. Белоруссию. А тут вскоре война. Меня подбило гранатой (раздробило ногу), и я вместе с нашими медсанбатом угодил в концлагерь.

Никогда ещё в жизни так
Нам, товарищ, не было круто:
Это свастики чёрный знак
Нас с тобой, словно спрут, опутал.

Потом, когда кости срослись, бежал к партизанам, хотя рана кровоточила до 1950 года. Был три года «мстителем народным». Там ещё начал писать книгу. В 1954 году у меня вышла книга «**Макей и его хлопцы**» в 3-х частях. В Москве, в Ленинск. биб. она есть и, говорят, сильно зачитана.

Вас же, Дмитрий Иванович, я прошу её не читать. Пройденный это этап. Сейчас я готовлю к печати новый вариант этой книги «**Гнев накаляет сердца**». Работаю мучительно тяжело – сказываются здесь, видимо, и годы, и то, что стал я требователен к себе и слову. Да и таланта-то большого нет. Не доволен я собой <...>.

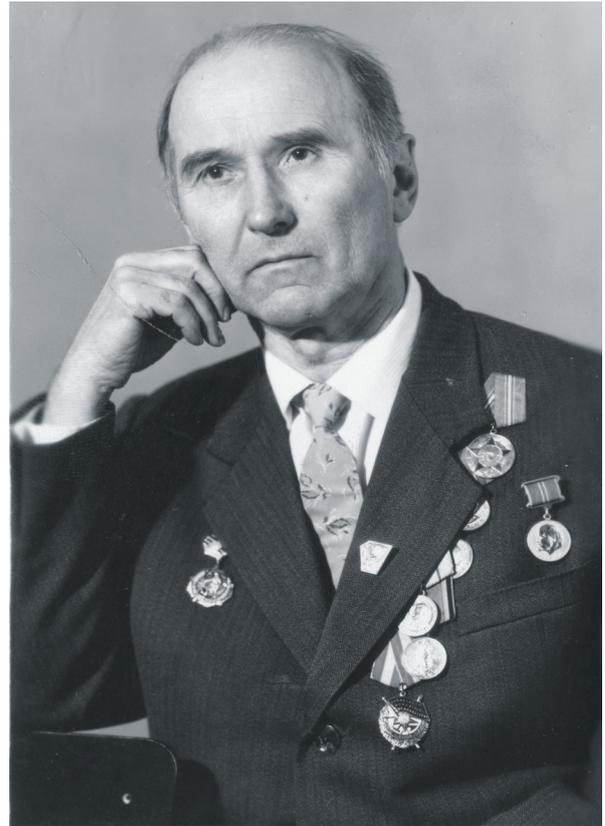
Ваш «Волжский простор» у меня на письменном столе, а если я поверну голову налево, в моё окно вливается настоящая Волга с далеко исходящими берегами. Они, кажется, соперничают. А гравюры – в альбоме. Я же Вам пока ничем не могу отплатить. В остальных книгах мои очерки, рассказы, даже портрет в одной. Но они все по одному экз. А в продаже их уже нет. Будем ждать 1961 года. Возможно, он принесёт мне радость. «Всякий труд благословит удача», – писал Есенин.

До свидания! Желаю Вам здоровья и творческих свершений

Ваш А. Кузнецов.

«Книжонка», как назвал сборник своих стихов А. Кузнецов, хранится в архиве Д.И. Архангельского, как и книги многих ульяновских писателей и поэтов. Художника интересовали все стороны культурной жизни Симбирска-Ульяновска, в самой гуще которой он находился. Этот интерес он не утратил и находясь вдали от родного города, который «жил и дышал» до конца своих дней.

Письмо же побудило предпринять попытку выявления дополнительных сведений о его авторе и о времени, в которое он жил и творил.

Александр Родионович Кузнецов.
Фото из фондов ОГБУК «Ульяновский областной краеведческий музей имени И.А. Гончарова»

Родился Александр Кузнецов 29 августа 1907 года в селе Чириково Сенгилеевского уезда [ныне – Кузоватовского района – В.К.] Симбирской губернии. Его отец, Родион Прокофьевич, был участником двух революций: Февральской и Октябрьской 1917 года, комиссаром батальона в Гражданскую войну. После окончания Гражданской войны получил назначение на должность заведующего Сенгилеевским уездным земельным управлением, и семья переехала в Сенгилей.

В 1920 году Александр вступил в комсомол. В 1923 году организовал при Сенгилеевском детском доме пионерский отряд имени Розы Люксембург.

10 июля 1924 года вышел первый номер губернской газеты ульяновских пионеров «Смена смена» под редакцией Владимира Андреевича Никонова. Выходила она один раз в неделю тиражом до 2300 экземпляров. Газета рассказывала о жизни страны, задачах пионерии, новинках науки и техники, печатала рассказы и стихи, загадки и ребусы. Важнейшей её частью были заметки, письма пионерских корреспондентов – «пикоров». Первый номер открывался словами: «Ты уже написал в свою газету? Нет? Садись и пиши!».

Именно на страницах этой газеты появились первые литературные опыты Александра Кузнецова, которые он подписывал псевдонимом «А. Кузнец».

Уже 13 августа 1924 года читатели газеты познакомились с его стихотворением «**Молодые ленинцы**».

Наша жизнь мятежно-бурная,
Кровь кипит в сердцах и пенится.
Мы идём под красным знаменем,
Молодые ленинцы.

Ходим стройными рядами,
Шаг отчётлив и уверен.
Пусть гремит над богачами
Грозное слово «Ленин».

Наша жизнь зажглась пламенем,
Наша жизнь кипит и пенится.
Мы идём под красным знаменем,
Молодые ленинцы.

А. Кузнец

20 августа в рубрике «От уездных пионеров» были помещены три заметки А. Кузнецова о жизни и делах сенгилеевских пионеров во время летних каникул: «У каждого свои причуды», «Наши новые друзья», «Крепим коллектив».

Стихи печатались почти в каждом выпуске газеты.

Вскоре семья Кузнецовых переезжает в Ульяновск, и свои публикации Александр подписывает как ученик школы К. Маркса.

8 октября печатается его стихотворение «Ветер»

Мне чужд кандаальный перезвон.
Скажи мне, ветерок-задира,
Как спрятал деда горизонт,
Когда он шёл в Сибирь с киркою
Навстречь морозу и пурги.
Неслышно ль было над землёю
Стой! Не беги!

Что же ты молчишь, буянный,
Чего руками замахал?
Эх ветер, ветер, ветер пьяный,
Ты деда скорбь не разгадал.
Быть может дед на завтрак ворону
Попал, конечно, не в живых.
Чего ж шархнул ты в сторону,
В кустах запутался и стих.
Чего же ты убёг, буянный,
И о былом не рассказал?
В кустах, за косогором, пьяный
Визгливо песню заорал.

А 25 октября была опубликована целая поэма под названием «Пионерия», из 10 частей. В подзаголовке указано: «Сенгилеевским пионерам посвящаю». Заканчивается она такими словами:

Встали в строй. Хорошо нам босыми
Ступать по росе золотой,
Хорошо яровыми покосами
С паровой погулять косой.
А потом умыться на речку,
С холщёвым бежать платком.
Разве можно быть разведчику
Неумелым и незнатком?
И у всех раздумянулись лица,
А улыбка – радость одна.
Хорошо, хорошо погрузиться
В воду, ныряя до дна.
Хорошо мальчуганам резвиться
На полях золотых [неразборчиво]
Пусть хоть дедам в могилах снится,
Как их внуки теперь живут.

Возможно, эти стихи сегодняшнему читателю покажутся наивными и вызовут улыбку, но они вполне отвечали духу времени.

Губернская пионерская газета «Смена смене» просуществовала недолго. Последний её номер вышел 13 января 1925 года.

Живя в Ульяновске, Александр Кузнецов, как начинающий поэт, не мог не интересоваться литературной жизнью города и не участвовать в ней.

В послереволюционном Симбирске-Ульяновске насчитывалось около десятка литературных объединений. Первое из них – Дом народного творчества (ДНТ), который группировал вокруг себя писателей-самоучек из народа. Его руководителем был Нилли (Ильин) Николай Николаевич, известный в культурной жизни Симбирска прежде всего как издатель газеты «Жизнь», содействовавшей «развитию самообразовательной творческой мысли». По мнению Нилли в ДНТ должны были объединиться две творческие силы: рабочие и крестьяне, он должен формировать самостоятельную работу, не должны никому подражать и, кроме того, совершенно порвать с искусством и литературой прошлого.

В октябре 1919 года под редакцией В.А. Алексеева Домом народного творчества был выпущен литературно-художественный сборник «**Самородок**». Среди его авторов – Сергей Павлович Храмцов – широко эрудированный человек, обладавший многими талантами. В 1919 году был ответственным секретарём Симбирской губернской большевистской газеты «Заря», позднее заместителем редактора газеты «Пролетарский путь», заведовал губернским отделением Госиздата. Всю свою сознательную жизнь сочинял стихи, публиковал их под звучным псевдонимом «Воцмарх», образованном от перестановки в обратном порядке букв собственной фамилии. «Самородок» напечатал тринадцать стихотворений Сергея Павловича, признанного первым поэтом Симбирска.

Дом народного творчества формально просуществовал до 1923 года. Фактически же его деятельность окончилась через год в связи с выходом из объединения В.Н. Алексеева, С.П. Храмцова, А.В. Швера и образованием ими совместно с И.М. Варейкисом, М.Б. Гольманом и Б. Белоцерковским новой литературной группы «Пролеткульт» под председательством М. Гольмана. При Симбирском ГубОНО в 1920 году был создан литературно-издательский подотдел, вокруг которого и группировались пролетарские писатели.

Пролеткультовцы писали о Красной Армии, её победоносных сражениях, о коммуне, свободе, об угнетённых колониях, восставшем пролетариате и т.п. и успешно выполняли задачи агитаторов.

Но когда в жизни страны военный коммунизм сменился НЭПом, в литературе наступил перелом, вызвавший временное затишье литературной жизни.

Летом 1922 года симбирская газета «Экономический путь» под редакцией Льва Яковлевича Ильинского стала отводить место для литературной странички. Это стало началом небывалого подъёма литературной жизни города, который вылился в литературные собрания – «**Пятницы**».

По пятницам в Доме рабочей культуры [ныне – здание филармонии – В.К.] собирались все пишущие, начинающие, желающие писать и просто интересующиеся. Авторы зачитывали написанное за неделю. Их произведения отличались большим разнообразием тем, стремлением написать обо всём увиденном. Затем шло горячее обсуждение прочитанного.

В статье «**Наши пятницы**», опубликованной в №9 журнала «Симбирский понедельник», её автор В.П. Баев писал: «<...> Почему создались пятницы? Потому что людям, любящим литературу, людям пишущим, людям, пытливым следящим за новым у нас, – сейчас почти нет возможности ни всего прочесть, ни своего напечатать, ни просто услышать дружескую, может быть и резкую, критику, на примерах учиться, созданное отметить. Это причина, почему создались пятницы».

«Пятницы» просуществовали три года: 1922–1924. За это время под руководством Л.Я. Ильинского стали выходить литературные издания: юмористические журналы «Медведь» и «Бегемот», детский журнал «Жаворонок»; журналы литературы и искусства – «Симбирский понедельник», «Искусство и жизнь».

В архиве Д.И. Архангельского сохранилось несколько экземпляров первого и единственного номера журнала литературы, искусства и науки «**Синбир**» (1923). Журнал иллюстрирован работами художников Д. Архангельского, В. Воробьёва, П. Добрынина. Он состоит из нескольких тематических разделов. В разделе «Поэзия. Беллетристика» опубликованы стихи Л. и С. Резцовых, П. Бунакова, Б. Молотова, С. Храмцова, проза В. Баева и Н. Нилли.

Были напечатаны и отдельные книги, в том числе два сборника стихов «Молодняк» и «Чужие стихи» Владимира Андреевича Никонова, впоследствии учёного-филолога, литератора, руководителя группы ономастики института этнографии АН СССР, почётного члена Международного комитета ономастических наук при ЮНЕСКО.

«Пятницы» воспитали и вызвали к действию много «непокорных», главным образом, комсомольцев-активистов, заставив их остро интересоваться литературной жизнью, творить её. Так образовалась первая молодёжная литературная группа «**Молодняк**», объединившая, главным образом, учащихся. Но вскоре группа распалась, а её руководители разошлись по разным направлениям. Стало ясно, что ни одна литературная группа без определённой литературной платформы существовать не может. Это было учтено при организации новой молодёжной литературной группы «**Стрежень**», которая была создана В.А. Никоновым в 1924 году как отделение общесоюзного «Перевала» – содружества писателей революции, основанного в Москве при журнале «Красная новь» в конце 1923 – начале 1924 гг. Никонов был знаком с председателем «Перевала» Н.Н. Зарудиным, которому посвятил стихотворение. В Симбирске-Ульяновске в 1924–1925 гг. жила и работала Анна Александровна Караваява, входившая в состав московского «Перевала».

С первых же дней, приняв литературную платформу «Перевала», стревневцы создали внутри группы мирную деловую обстановку. Одним из первых членов «Стрежня» был поэт **Александр Кузнец (Кузнецов)**.

Спустя годы, 19 октября 1980 года в газете «Ульяновская правда» в рубрике «Далёкое-близкое» он опубликовал свои воспоминания, озаглавленные «**Стрежень**» [Приводятся в сокращении – В.К.]

«Это слово едва ли что говорит молодому поколению ульяновцев. Нет, это не волжская стремнина, хотя и обозначала некогда бурное течение Волги. Между тем в 20-е годы у жителей Ульяновска слово «стрежень» ассоциировалось с литературой, прежде всего с поэзией, потому что такое название носила популярная группа, большинство которой составляли поэты.

Из этой литературной группы вышли видные литераторы, которые делают честь нашему краю. Кузьма Яковлевич Горбунов и Арсений Иванович Рутько, например. В конце 20-х годов у Горбунова вышел в свет роман «Ледолом». Появление его с интересом было встречено читателями. Горький в рецензии «Хорошая книга» поздравил автора и отметил, что молодая советская литература впервые так удачно подошла к жгучей теме Октября в деревне. Арсений Иванович Рутько в «стрежневский» период писал стихи. Своё истинное призвание он нашёл в прозе. Им написано не менее десяти книг <...>

Большой период в литературной жизни нашего города – 20-е годы – остаётся для многих своего рода «белым пятном». В меру моих сил хочу этот пробел как-то восполнить.

Шёл 1924 год. Молодые поэты и прозаики Ульяновска, печатавшиеся главным образом в стенных газетах, иногда выходили и на большую арену: их стихи появились в «Пролетарском пути», «Ленинском молодняке» и губернской пионерской газете «Смена смене». Последнюю редактировал Владимир Андреевич Никонов, ныне известный учёный-топонимист.

В 1920-е у него уже было два поэтических сборника. Вокруг него и собралась пишущая молодёжь, образовавшая «Стрежень». В него входили К. Горбунов, Н. Фирюбин, ныне заместитель министра иностранных дел СССР, Ф. Кутанов, более известный под псевдонимом Ф. Подвальский, А. Рутько, братья Пахомовы, один из которых – Василий был сотрудником газеты «Советская Россия», другой – Александр, погиб в годы Великой Отечественной войны. Из девушек были Инна Кротова, которая потом работала редактором Детгиза, и Валентина Попова.

Каждую пятницу мы собирались на квартире у Никонова. Здесь читали свои произведения, спорили, горячились, и всех больше горячился наш темпераментный хозяин.

Критикуя недостатки в наших стихах, он развивал мысль о единстве формы и содержания, о современности, о слитности поэзии с жизнью. Раз в месяц мы проводили литературные вечера в ДРП [Доме работников просвещения – В.К.]. Большой зал был всегда переполнен. Наши вечера проходили живо и интересно».

Следует заметить, что литературные вечера стрежневцев проходили не только в ДРП. Так, 6 января 1929 года газета «Пролетарский путь» сообщала: «На днях в профшколе им. К. Либкнехта прошёл большой литературный вечер. После докладов членов «Стрежня» т. Ин. Кротовой «Для чего нам нужна

художественная литература» и т. Ал. Кузнеця «**Молодые поэты**» – со стихами выступили стрежневцы: Вик. Прунов, Ал. Кузнец, В. Николаев, Евгения Берже, Г. Юдин и др. Кроме членов «Стрежня» читал рассказы т. Архипов.

Вечер интересен привлечением массовой публики окраин; он собрал несколько сотен слушателей, преимущественно молодёжи».

«Тогда и возникла мысль, – пишет далее Кузнецов, – создать своё книжное издательство. Нашему руководителю не откажешь в энергии. Московская литературная организация взяла нас под своё крыло. Так возникло издательство. [Ульяновское отделение Всесоюзного объединения рабоче-крестьянских писателей «Перевал» – В.К.]

Были изданы книги: В. Никонова – «Статьи о конструктивистах», очерки Инны Кротовой о женщинах-героинях, сборник стихов известного в то время нашего поэта К. Митрейкина «Бронза», сборник ульяновских поэтов «Литературный альманах». [Сборник стихов Константина Никитича Митрейкина «Бронза», в который вошло шестнадцать стихотворений поэта, написанных в 1926–1928 гг., был издан в 1928 году. Он также хранится в архиве Д.И. Архангельского. О творчестве и судьбе К. Митрейкина рассказал С.Б. Петров в статье «Кто стихами льёт из лейки...», опубликованной в журнале «Мономах» №3 за 2005 г. – В.К.]. Задумали мы издавать и свой журнал. Скоро вышел первый номер «Стрежня».

Первый номер литературного журнала «**Стрежень**» вышел в ноябре 1925 г. под редакцией К. Горбунова и В. Никонова. Значительное место в нём занимали стихи Софьи Шагаровой, Ф. Подвальского (Ф.П. Кутанова), Н. Донского (Н.Н. Введенского), Н. Клёнова и других поэтов. На седьмой странице – стихотворение Александра Кузнеця «Молодость».

Опубликованы рассказы «Душа партизана» К. Горбунова и «Скит» Н. Фирюбина; статья В. Никонова «Поэт большого сердца», посвященная Александру Блоку.

Сообщалось, над чем работают «стрежневцы»: «К. Горбунов обрабатывает 2-ю книгу рассказов. Ф. Подвальский пишет цикл лирических стихотворений «Годы молодые». А. Кузнец [Выделено – В.К.] занят обрисовкой в стихах быта деревни. Никонов ушёл в область изысканий по теоретической поэтике; книга о В.Я. Брюсове уже закончена. Н. Фирюбиным начат ряд рассказов из мало затронутой беллетристической школьной жизни. П. Рогозинский намечает переход от бытовых очерков к жанру коротких рассказов с сатирическим оттенком. Тарасюк развёртывает поэму «Москва».

Газета «Пролетарский путь» 10 декабря 1925 года откликнулась на выход журнала «Стрежень» большой статьей А.Ш. [А. Швера – В.К.] в разделе «Библиография». Украшением сборника он назвал стихотворение без названия молодой талантливой поэтессы Софьи Шагаровой, в котором она прощается с Ульяновском. «Хорошее впечатление производит статья Никонова о поэте Есенине. Никонов даёт на двух страничках то, что пожалуй, другой не даёт в целой книге.

Перед нами выпукло, ярко выплывает образ этого молодого и, пожалуй, гениального поэта современности».

Остальные публикации автор оценивает весьма скептически и заканчивает рецензию словами: «В общем, если первый блин и вышел наполовину комом, то всё-таки это не значит, что в дальнейшем нужно прекратить выпуск следующих сборников «Стрежня». Будем ждать второго выпуска».

Но, к сожалению, продолжение этого издания не состоялось из-за финансовых затруднений.

В 1927 году выходит в свет тиражом 500 экземпляров сборник из 15 стихотворений Александра Кузнецова «Свяга. Лирика». В небольшой вступительной статье отмечается: «В наши дни стихи труднее читать, чем писать. Впрочем, в провинции труднее всего – печатать. Для поэта же, обходящего тупики «искусства для себя» не печататься – значит, не творить. Тем более, для поэта молодого.

Александр Кузнецов – молодой и не во всём окрепший поэт <...> лишь в 1924 г. дорвавшийся до глухого провинциального городка, впервые напечатанный (губ. дет. газ. «Смена Смене» – Ульяновск) и вскоре вошедший в лит. гр. «Стрежень». <...> 8 лет он работает упорно, упрямо над стихом, над языком, над всем «литературным сознанием». Определённые результаты <...> позволяют нам выпустить «Свягу» <...>

Лит. группа «Стрежень»
(Ульяновск. Отделение В.О.Р. – К.П. «Перевал»).

Открывает сборник стихотворение «О молодости».

Через годы и метели,
Через дальние дороги
Пронесём мы бодрость в теле
Молодости босоногой.
Зреют знойные поляны,
Травным мёдом пахнет вечер,
Снятся нам чужие страны,
Чужестранные наречья.
И в чужой стране на чудо
Мы легки в своём движенье,
Молодых созвездий гряда
Кружит нам воображенья
И слова любимой даже
По лебяжьим говорливым
Крепче в юности марьяжете,
Чтоб под старость быть счастливым.
Чтоб, собрав ржаное жито,
И в часы уединенья
Вспоминать о пережитом,
Как о лёгком сновиденье.
Хорошо до снежной дрожи
И до белого пожара
Думать, что и ты не даром
Годы молодости прожил.

В 1940 году А.Р. Кузнецов окончил исторический факультет Московского индустриально-педагогического института имени К. Либкнехта и вместе с женой Лидией Николаевной и дочерью Светланой выехал на работу в Западную Белоруссию, где был назначен директором школы в

г. Бельске. Через несколько месяцев его призвали на краткосрочные военные учения и домой он уже не вернулся. Война застала его под Брестом в должности командира роты. В бою под Могилёвом на реке Сожь получил тяжёлое ранение в правую ногу. Истекающего кровью бойца отправили в медсанбат, но операцию по извлечению пули сделать не успели: госпиталь захватили немцы.

Так Александр Родионович оказался в Могилёвском концлагере. Немцы, ликвидировав врачей и тяжелобольных, приставили к раненым двух пожилых женщин-белорусок. Одна из них всё приглядывалась к Александру, напоминая ему ей давно умершего сына, которого не смогло забыть материнское сердце. И, выдав бойца за своего сына, получила разрешение забрать его в свой дом, где проживала с мужем и 17-летним сыном: немцы поначалу охотно отдавали безнадёжных калек на жительство селянам.

Благодаря хорошему уходу и питанию силы постепенно восстанавливались. К ноющей при ходьбе боли Александр Родионович привык. В меру своих сил он помогал по хозяйству и быстро сдружился с хозяйским сыном, который и помог ему уйти к партизанам.

В военные годы в лесах Белоруссии широко развернулось партизанское движение. Командиром 620-го партизанского отряда был молодой лейтенант Макей Севостьянович Михолап. Более трёх лет Александр Родионович делил с боевыми товарищами все тяготы партизанской жизни. Для поднятия их боевого духа он выпускал боевые листки со стихами, а порой и с карикатурами на врагов.

Не расставался с записными книжками. Сотни имён, дат, событий запечатлели его карандашные наброски. Так позднее родились книги «Макей и его хлопцы», «Партизанские ночи», «Тереспольские ворота» [последняя вышла в Минске на белорусском языке – В.К.], статьи в ульяновских газетах.

После окончания войны, вернувшись из Бобруйских лесов, Александр Кузнецов работал в белорусском городке Клёцке вторым секретарём горкома партии. В родной город он вернулся вместе с семьёй в 1947 году и посвятил себя журналистике.

В 1954 году в издательстве «Ульяновская правда» вышла книга А. Кузнецова «Макей и его хлопцы», состоящая из трёх частей: часть первая – «В Усакинских лесах», часть вторая – «Поход в Орловщину», часть третья – «Во имя жизни».

В обращении «К читателю» автор писал: «Работа над книгой «Макей и его хлопцы» была начата мною ещё в партизанском отряде. Я не расставался с записной книжкой. В ней записывал всё, что относилось не только к жизни и боевым делам нашего отряда, но и то, что происходило более или менее значительного в окружавших нас деревнях, партизанских бригадах. Записывал факты злодеяний фашистов, совершаемых ими на нашей территории, героическую борьбу советского народа против иноземных захватчиков, личные судьбы партизан и партизанок. Всё это так или иначе нашло отражение в книге «Макей и его хлопцы». Таким образом, в её основу положены истинные факты. События и люди, о которых идёт в ней речь, были на самом деле. Разумеется, все имена героев книги, за исключением погибших, вымышлены.

Кроме того, автор оставил за собой право по своему усмотрению сдвигать во времени и по-особому группировать некоторые факты, если это не искажало жизненной правды.

Главная цель, во имя чего я взялся за перо – это описать жизнь одного партизанского отряда, который я хорошо знал и любил всем сердцем и хотел, чтобы его полюбили и другие. Насколько я справился с этой задачей и достиг ли своей цели, предоставляю право об этом судить нашим читателям».

12 марта 1955 года газета «Ульяновская правда» в рубрике «Новые книги местных авторов» сообщила:

«В областном издательстве «Ульяновская правда» вышла из печати и поступила в магазины Книготорга книга Александра Кузнецова «Макей и его хлопцы». Это повесть о буднях и боевых делах одного из партизанских отрядов, действовавших в Белоруссии во время её оккупации немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны. А. Кузнецов, в прошлом учитель, воевал в этом партизанском отряде, сам был участником и свидетелем событий, которые положены в основу книги».

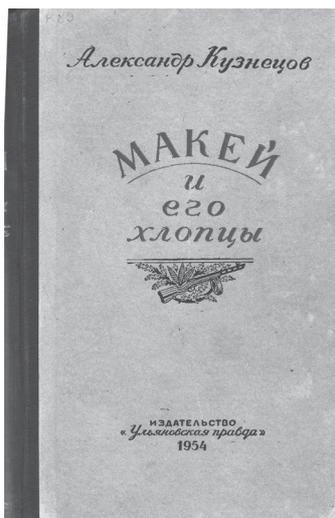
Журналист Н.А. Малинин откликнулся на книгу большой статьёй под названием «Книга о партизанах», опубликованной в «Ульяновской правде» 14 июня 1955 в рубрике «Критика и библиография».

Приветствуя сам факт появления книги, посвящённой героическим подвигам советских людей в годы Великой Отечественной войны, он отмечает, что её автор был свидетелем и участником описываемых событий, ему не пришлось фантазировать и придумывать сюжет своей книги – его дала сама жизнь. Писателю оставалось рассказать о славных делах партизан в форме литературного произведения. И далее Н. Малинин даёт подробный анализ того, насколько автор справился с этой задачей, и отмечает, что «Макей и его хлопцы» – первая книга Александра Кузнецова, его первая литературная заявка, и надо ожидать от писателя новых интересных книг.

Состоялись встречи А.Р. Кузнецова с читателями. Об одной из них, со студентами Мелекесского педагогического института, 16 ноября 1955 года рассказывала «Ульяновская правда».

Интересна заметка «Пепел твоего праха. Опыт рецензии» в «Литературной газете» от 24 декабря 1955 года, в которой автор, подписавшийся «Благодарный читатель», пишет: «Книга «Макей и его хлопцы» – первое произведение А. Кузнецова. Однако неверно было бы видеть в авторе начинающего писателя. Он мастер зрелый и законченный, и именно это заставляет нас указать – хотя бы кратко – на отдельные недостатки рецензируемого издания».

Прежде всего удивляет весьма ограниченный тираж книги, 15 тысяч экземпляров, вышедших в прошлом году, уже давно разошлись, а спрос растёт, – в особенности после того, как газета «Ульяновская правда» в статье Малинина 14 июня

сего года высоко оценила это оригинальное повествование. Огорчает также бедное оформление книги: в ней нет иллюстраций, нет портрета автора – А. Кузнецова. И здесь А. Кузнецов как старший редактор издательства проявил, на наш взгляд, излишнюю застенчивость.

Скромность, конечно, украшает. Но 439 страниц такой книги должны были бы заслуженно открываться портретом её автора».

Много внимания Александр Родионович уделял работе с молодыми авторами. Начинаящие литераторы тянулись к чуткому, бескорыстному и опытному собрату по перу. Среди них – поэт Николай Благов. Светлана Гужева, дочь А.Р. Кузнецова, вспоминала:

«В 1955 г. в Ульяновском издательстве вышел первый сборник стихов поэта «Ветер встречный», в 1957 году – второй, включавший в себя стихи и поэму «Волга». Отец был их первым редактором. Николай любил отца, часами засиживался в нашем доме, став уже известным в стране маститым литератором. «Первому и самому мудрому редактору моему, герою-партизану, бойцу сабельной чистоты, душевнейшему, благороднейшему человеку», – с такими словами дарил он свои сборники отцу».

В 1980 году Приволжское книжное издательство выпускает документальную повесть А.Р. Кузнецова «Партизанские ночи» – хронику боевой жизни в тылу врага партизанского отряда имени Чапаева. Автор рассказывает, как рождался этот отряд, действовавший на временно оккупированной территории Могилёвской, а затем Барановичской областей Белоруссии, отображает дух и атмосферу развернувшейся борьбы, стойкость и величие простых людей, ведущих войну с врагами. Большое место в повести отведено Макею Севостьяновичу Михолапу – партизанскому вожаку, одно только имя которого наводило ужас на фашистов.

Автор – активный и непосредственный участник описываемых событий, ведёт повествование не от своего имени. В повести он назвал себя Свягиным. В партизанском отряде Кузнецов-Свягин был вначале парторгом роты, потом парторгом отряда.

«Партизанские ночи» – не только пересказ событий. Не переступая границ документального жанра, Кузнецов широко пользуется публицистическими средствами отображения действительности. В истории партизанского отряда Макея просматривается история партизанской войны в Белоруссии с его тяготами кочевой жизни, горечью утрат и поражений, радостью побед.

Журналист Н. Васильев в статье «За землю родную», опубликованной 2 мая 1981 года в газете «Ульяновская правда» под рубрикой «Среди книг», высоко оценивая повесть, отметил, что «отгремевшая война всегда будет привлекать внимание писателей и историков. <...> Имена людей, совершивших подвиг, отдавших борьбе всех себя, не будут забыты. Об этом ещё раз напоминает книга «Партизанские ночи»».

Александр Родионович много выступал перед молодёжью, много ездил по стране, встречался с боевыми друзьями, навещал в Белоруссии свою спасительницу.

Дочь писателя, Светлана Александровна Гужева вспоминала: «В последний раз я встречалась с отцом зимой 1987 года. Он был нездоров, но бодрился. Зима стояла холодная. Отец кутался в плед... Но вот пришла румяная весна, зашумела листьями молодых тополей. Утро вливало прохладу в открытую настежь дверь лоджии. Отец, хромя, дошёл до письменного стола и вдруг стал медленно сползать со стула, на который присел. «Что это? – прошептал он, не веря и изумляясь приходу своей смерти. Это было утро 17 мая 1988 года».

ФОТОГРАФИЯ С АВТОГРАФОМ

Из семейного архива

Татьяна Андреевна Алисевич, дочь ульяновского писателя Андрея Ивановича Царёва (1914–1989), прислала в редакцию фотографию Александра Родионовича Кузнецова с его автографом.

«Я хорошо помню Александра Кузнецова, он был другом моего отца. В нашем семейном архиве сохранилась единственная фотография Александра Родионовича, где он стоит возле могилы Анны Керн. На обороте снимка – дарственная надпись. Среди бумаг отца я нашла рукописное стихотворение, о котором упоминает А. Кузнецов»

За историей одной фотографии – след жизни и дружества двух писателей. Вспомним о них.

Надпись на обороте фотографии:

«Дорогому другу Андрею Царёву, автору замечательного стихотворения «На могиле Анны Керн». Я с обнажённой головой стою, опершись на её надгробье, и думаю: «Все в землю ляжем...» Июль 1971 года.

Александр Кузнецов на могиле Анны Керн

На следующий день «Ульяновская правда» опубликовала скромный некролог: «Правление Ульяновской областной организации Союза журналистов СССР с прискорбием извещает о смерти члена КПСС с 1940 г., ветерана печати, члена Союза журналистов СССР **Кузнецова Александра Родионовича** и выражает глубокое соболезнование родным и близким покойного».

Прах А.Р. Кузнецова покоится на Северном кладбище Ульяновска (участок 206, могила 5245).

Имя Александра Родионовича, ветерана Великой Отечественной войны, младшего лейтенанта, кавалера орденов Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалей «Партизану Отечественной войны», «За победу над Германией» внесено в I том областной Памятной Книги «Солдаты Победы».

Андрей ЦАРЁВ

НА МОГИЛЕ АННЫ КЕРН

*Село Прутня, Калининской обл.
На камне высечено «Я помню...»*

На сельском маленьком погосте
Под скрипку грустную дождя
Стоим, примолкнувшие гости,
В эпоху Пушкина входя.
Средь всех событий и явлений
Мы различаем их черты:
Поэзии высокий гений
И гений чистой красоты.
Они сошлись, потом расстались.
И не замечены никем
Их встречи, может быть, остались.
И кто бы вспомнил Анну Керн?
Но почему ж как откровенье,
Как сердца собственного грусть,
«Я помню чудное мгновенье...»
Мы произносим наизусть?
О, та лазурная влюблённость,
Та, для полёта высота,
Где вдохновенья окрылённость
И строк парящих красота!
Стоим мы тихо и несмело,
Не смея слова проронить.
Как эта женщина сумела
Поэту душу озарить!
А на погосте – дождь и осень
И робких туфелек следы.
Приносят, всё ещё приносят
Сюда от Пушкина цветы!

Любовь ПАПЕТА (НОВИКОВА) родилась 7 июля 1957 года в Симферополе.

В 1977 году переехала в Ульяновск. С детства мечтала быть журналистом или писателем. В Ульяновске окончила курсы по дизайну и вёрстке. Работала в газете «Град Симбирск» верстальщицей. Здесь попробовала себя в настоящей журналистике. С 1996 года работала в медиахолдинге «Мозаика». Сначала верстальщицей, дизайнером, начальником редакционно-издательского центра, затем журналистом, литературным и техническим редактором в газете «Аргументы и факты» (ульяновская вкладка). В состав медиахолдинга входили такие издания: газеты «Мозаика», «Аргументы и факты» (ульяновская вкладка), «Комсомольская правда» (ульяновская вкладка), «Труд» (ульяновская вкладка), журнал «Деловое обозрение» и др. Здесь появилась возможность публиковать свои небольшие рассказы и повести.

Традиционно перед 9 Мая в газете «Аргументы и факты» (ульяновская вкладка) публиковала свои рассказы о Великой Отечественной войне. Впоследствии они вошли в сборник «Юность, опалённая войной». С 2017 года работает в Ульяновской областной библиотеке для детей и юношества имени С.Т. Аксакова.

Всё, что было накоплено за предыдущие годы: встречи с интересными людьми, информация, профессиональные навыки, умение общаться – оказалось востребованным в библиотечной работе.

Участствует в качестве члена жюри во многих конкурсах и фестивалях Аксаковки.

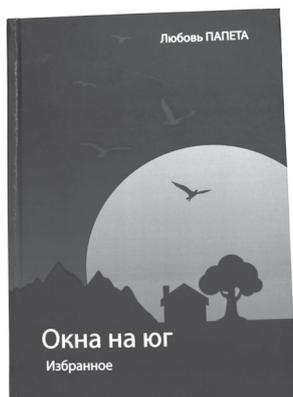
С 2018 года руководит литературной студией «Переплёт» для одарённых детей.

Рассказы и повести публиковались в литературном журнале «Симбирскъ», на сайте журнала «Деловое обозрение», в других изданиях.

Сборник «Светлые рассказы» был представлен на конкурсе «Симбирская книга – 2020».

К юбилею автора издан сборник избранных произведений (повести, рассказы, стихи) «Окна на юг».

Любовь Викторовна Папета – член Союза журналистов России и член Союза писателей России.

ГРИШКИНА ЛЮБОВЬ

НАКАНУНЕ

Маруся вся сияла: ей – активистке, лучшей в школе певунье и отличнице – предложили поработать летом пионервожатой в школьном лагере.

До выпускного был ещё целый год, но Маруся так любила свою школу, что даже на лето ей не хотелось расставаться с этими стенами, классами, садом, выращенным её друзьями и подругами.

Девушка бежала домой, чтобы обрадовать маму – всё лето она будет заниматься малышами, учить их петь, танцевать, любить жизнь так, как любит её она сама. Узкая улочка повторяла русло быстрой речушки, берега которой густо заросли вербами. Маруся подпрыгнула, сорвала веточку с острыми листочками и чуть не упала – впереди, прислонившись плечом к толстому стволу, стоял Гришка. Он смотрел на Марусю не мигая, тёмными, без зрачков, глазами. Девушка быстро пробежалась пальцами по застежке блузки, одернула юбку. Сосед, недавно вернувшийся из «мест не столь отдаленных», пугал и смущал её.

На его тяжёлый взгляд она в последние дни наткалась постоянно. Он мог подглядывать за ней из-за забора – их дворы были рядом. Неожиданно она замечала его в толпе у магазина, куда бежала за хлебом. Даже на школьном дворе, где старшеклассники любили играть в волейбол, её преследовали темные неподвижные глаза Гришки.

Маруся встряхнула упрямой чёлкой и гордо прошла мимо парня, хотя сердце её колотилось от страха. Она боялась, что Григорий заговорит с ней, а что ответить ему, не представляла. Девушка слышала разговоры старших, что сидел сосед за изнасилование. Это было так страшно и гадко.

Увидев маму, которая развешивала во дворе бельё, Маруся забыла о неприятной встрече. Взвизгнув, повисла у неё на шее, не обращая внимания на то, что связка прищепок больно колется. Мама шуточно хлестнула её мокрым полотенцем – она не могла сердиться на свою любимицу.

Весь вечер в доме слышалось пение. Маруся гладила белую блузочку и синюю юбочку в крупную складку, осторожно водила утюгом по красному галстуку – завтра у неё первый рабочий день. Иногда ей подпевала мама, которая сидела на веранде и шила, поглядывая вдоль улицы – скоро с работы должен был прийти отец.

Быстро стемнело. Маруся с мамой, не зажигая света, сидели на веранде, прижавшись друг к другу. Отец не первый раз задерживался на работе, но почему-то именно сегодня обе они встревожились сильнее обычного. Судя по всему, не было дома и Гришкиного отца (он работал там же, где и Марусин) – у них тоже не зажигали огня. Вдруг необычно громко пробили старинные часы в доме – полночь. Закончился последний мирный день...

Завтра было 22 июня 1941 года.

НАДО ЧТО-ТО ДЕЛАТЬ

Почти всех мужчин мобилизовали. Ушёл воевать и Марусин отец. Мама проводила его без слёз, а когда нестройная колонна мужчин скрылась за поворотом, молча упала в пыль на дороге. Потом ещё сутки она лежала неподвижно, отвернувшись к стене. Когда она поднялась, Маруся с ужасом увидела, что золотые мамины волосы, которыми она так гордилась, поседели. И яркие голубые глаза стали почти прозрачными.

Так и не пришлось Марусе поработать пионервожатой. Война стремительно катилась на мирный городок. Школу заняли под госпиталь. И это было пока самое страшное – люди ещё не слышали выстрелов, а на полуторках и телегах уже везли молодых парней, кое-как забинтованных, часто без рук и ног. Маруся и её подруги каждый день бегали в школу, старались помочь. Иногда им позволяли вымыть полы в коридорах, кое-что постирать, но чаще прогоняли девчонок – не дело им смотреть на боль и страдания. Не все женщины выдерживали это.

К середине июля госпиталь эвакуировали, с ним уехали те женщины, которые здесь работали. Им даже позволили забрать семьи. С госпиталем отправилась и Гришкина мать. Отца его забрали вместе со всеми мужчинами ещё в первых числах июля. Сам же Григорий исчез. Никто не знал, куда он подевался, да никого это и не волновало – у каждой семьи было своё горе.

Мама Маруси работала на хлебозаводе и никуда уезжать не собиралась – хлеб нужен был каждый день.

Когда школа опустела, девушки и ребята снова стали собираться на школьном дворе. Из всего класса их осталось восемь человек. Двое парней – маленький очкарик Сергей и хулиганистый, но справедливый Пашка, остальные – девушки. Само собой получилось, что центром маленького кружка стала Маруся. Молодые люди внезапно поняли, что они – самая бездеятельная часть населения.

Взрослые были заняты работой – часто тяжёлой, без сроков. Работали сутками, иногда даже спали на рабочих местах. Малыши пока ещё не осознали, что война – это страшно, играли в неё. Правда, они не знали, какие такие эти фашисты, но никто не хотел ими быть. Фашистами стали кусты крапивы на месте сгоревшего когда-то дома в конце улицы. Эти кусты обстреливала артиллерия и рубила конница, а со старой яблони бомбила авиация.

– Ребята, мы уже не дети, нам по 16-17 лет, мы тоже можем приносить пользу, – убеждала Маруся своих друзей.

С ней никто не спорил, но что делать, не знали. Они уже пробовали записаться добровольцами. Военком, поглаживая забинтованную руку, сначала спокойно, а потом все больше волнуясь, пытался объяснить ребятам, что их время ещё не пришло.

В конце концов он просто прикрикнул на них: «Марш по домам!».

Как-то вечером, когда ребята уже собирались расходиться, во двор школы вошел пожилой человек с палочкой. Маруся узнала в нем партийного секретаря завода, на котором работал отец. Девушка удивилась – всё руководство эвакуировалось в первые же дни войны вместе с имуществом завода. Маруся вспомнила его фамилию – Михеев. Он спросил, чем занимается молодёжь, и предложил им завтра после обеда прийти в городскую библиотеку. Ребята притихли – такой человек не станет зря тратить время, значит, и для них будет работа.

ОККУПАЦИЯ

Первого августа весь день стояло пекло. Ветра не было, но иногда в уличной пыли возникали странные бурунчики – как будто маленькие смерчи пытались вырасти и закрутить, затянуть в свое ненасытное жерло этот тихий городок и его обитателей. Ночью разразилась такая гроза, что, наверное, не было человека, который смог уснуть в этом грохоте. Сначала дождя не было, только почти непрерывно сверкали молнии и глухо рычало за холмами. Потом неожиданно стеной упал дождь. Теперь уже молнии стали редкими, а гром гремел не переставая.

Утром на мокрой дороге четко отпечатались следы колёс больших грузовиков и узкие резные следы мотоциклов. Город заняли фашисты.

Весь день люди боялись показываться на улицах. Оккупанты хозяйничали всюду – занимали лучшие здания под конторы и лучшие дома под жильё для офицеров и солдат. На маленький домик Маруси они не позарились, зато в соседнем появились жильцы. С ужасом увидела девушка Гришку, стоящего на высоком крыльце. В его доме поселились два офицера.

Утром следующего дня на всех столбах появились объявления о том, что все работающие должны выйти на свои рабочие места. За неповиновение – расстрел. После восьми вечера ходить по улицам запрещается – расстрел. Собираться группами больше трёх человек нельзя – расстрел. И ещё более двадцати пунктов, после которых короткое: расстрел.

И ещё одно нововведение – появилась управа. В ней хозяйничал Гришка. В какой норе он отсиживался до прихода фашистов, никто не знал, зато теперь стал важным начальником. Носил черные офицерские брюки и начищенные до блеска хромовые сапоги. На рукаве пиджака белела повязка со свастикой. От его угрюмости не осталось и следа. Он старался быть вежливым с земляками. Но Григория почему-то боялись больше, чем его хозяев.

Мама с Марусей старались не попадаться соседу на глаза. Девушка спрятала свои нарядные сарафанчики и блузки. Носила теперь старые мамины платья, которые прикрывали ноги, и почти не снимала выгоревшего платочка, повязывая его низко над бровями.

Впрочем, о страшных Гришкиных глазах думать было некогда. После встречи в городской библиотеке, которая состоялась накануне оккупации, у ребят появилось столько дел, что не хватало светлого времени суток. А после восьми часов, когда наступал

комендантский час, старшие товарищи строго-настрого запретили ребятам выходить из домов.

Михеев рассказал, что в городе действует подпольная организация, руководящий центр которой сформировался в первые дни войны. Марусина молодёжная ячейка была не единственной, но о других они не должны были знать. Вся связь с центром осуществлялась через библиотекаршу Розу Михайловну. Фашисты считали себя культурными людьми и разрешили снова открыть библиотеку, кинотеатр, танцплощадку в парке. Правда, фильмы крутили только немецкие, без перевода, и военную хронику, а на танцы ходили немецкие офицеры и несколько девиц, с которыми в городке никто не здоровался.

То, что делала Марусина группа, возможно, и не было похоже на героическую борьбу, но когда люди шёпотом пересказывали друг другу содержание листовок, откуда-то взявшихся на заборах, когда из этих листовок жители города, отрезанного от большой земли, узнавали правдивые новости о войне, глаза у ребят горели ярче. Не зря они сидели ночами, переписывая печатными буквами те сведения, которые передавала Марусе Роза Михайловна.

Иногда кому-то из ребят (чаще это были Пашка или Серёга) поручали отнести небольшой пакет в посёлок, который до войны носил гордое имя Совхоз Красный. Чтобы ребятам легче было пройти оккупационные кордоны, делалось это под видом обмена вещей на продукты. Всё-таки в деревнях ещё были запасы продовольствия. Когда информация была очень важной, от Михеева поступало распоряжение, чтобы именно Маруся отправилась «за харчем».

За два года оккупации ей приходилось делать это много раз. Она уже почти не боялась – дорога была известной, немцы не обращали внимания на тощую девчонку в длинной старушечьей юбке и мужском пиджаке, подвязанном пестрым пояском от крепдешинового платья. Так было и в этот раз. Она возвращалась из Красного усталая, замерзшая, да ещё и не вовремя разболелся живот. Обходить за два квартала самое опасное место в городе – рынок – просто не было сил. И хотя Маруся зарекалась не появляться здесь с «грузом», в этот раз пошла напрямик. И попала в облаву, которую устраивали фашисты иногда просто для того, чтобы согреться или повеселиться.

Рыжий мордатый фельдфебель выдернул из рук девушки плетеную кошёлку, в которой была буханка хлеба, бутылка с молоком и несколько печёных яиц. Маруся медленно опустилась на пол. Хлеб для конспирации был завернут в сильно помятую, но почти свежую газету. Когда фашист развернул листок, его красное лицо побагровело ещё больше – на первой странице крупными буквами было напечатано слово «Сталинград». Он, конечно, не мог читать по-русски, но это слово не требовало перевода.

Двое суток девушка провела в подвале больницы, где новая власть устроила тюрьму. Её даже не вызывали на допросы – ждали приезда какого-то гестаповца. Немцы решили, что она и есть руководитель подпольной организации. Раз в сутки приносили жестянку с водой и кусок невкусного немецкого хлеба.

На вторую ночь сквозь тревожное полузабытьё Марусе почудилась русская речь за дверью. Затем смех часовых, какие-то булькающие звуки. Через некоторое время дверь открылась. Вошли двое – немец-охранник и Гришка. Оба пьяные. Гришка вразвалку подошёл к забившейся в угол девушке. Рывком поднял её на ноги и сказал охраннику на ломаном немецком, что через пару часов вернёт, только позабавится немного. Узница поняла, что спасения нет.

Во дворе сосед посадил почти потерявшую сознание Марусю в коляску мотоцикла, тщательно укутал её своей шинелью и сердито буркнул: «Держись крепче!». Девушка машинально сжала ледяными руками обод коляски. На большой скорости, разбрызгивая осенние лужи, мотоцикл мчался по просёлочной дороге. Маруся почему-то думала, что Гришка повезет её к себе домой, но вскоре поняла, что едут они в направлении Красного Совхоза.

На самой окраине села мотоцикл остановился, Григорий на руках занес ослабевшую девушку в покосившийся дом. Из полумрака навстречу шагнуло странное существо – по одежде женщина, но с совершенно голым черепом. Она торопливо накинула на голову платок, лежащий на плечах.

Бережно опустив Марусю на лежанку, покрытую солдатским одеялом, Гриша повернулся к хозяйке и сказал: «Дороже её у меня никого нет». И ушёл.

Очнулась девушка на третий день, вернее ночь, когда за ней приехали из партизанского отряда. Приехал сам Михеев.

Так Маруся стала партизанкой. Здесь уже была и мама, которую поспешили переправить в отряд сразу же после ареста дочки.

Ещё почти год продолжалась оккупация. За это время Маруся нашла свою любовь. В отряде воевал Митя – лётчик, сбитый в самом начале войны. Партизанам удалось добраться до раненого и застрявшего на дереве лётчика раньше фашистов. Раны его залечили, только сломанное бедро срослось неправильно, и он хромал до конца жизни.

Они с Марусей прожили вместе много лет. Дмитрий Иванович скончался в новогоднюю ночь 2000 года.

Марусе не сразу сказали, что Гришу фашисты встретили, когда он на рассвете возвращался из Красного. Они убивали его долго. Сначала прострелили ноги, затем несколько раз переехали тяжелым мотоциклом. Ещё живого сбросили в воронку, заполненную водой.

В конце войны они зверствовали гораздо сильнее, чем в сорок первом, когда были опьянены лёгкими победами. Теперь они не жалели даже тех, кто верно служил им раньше.

Последние годы своей жизни Мария Константиновна прожила в семье племянницы.

В начале марта тётя сказала, что ей снова стали сниться тёмные Гришкины глаза.

– Только теперь я уже не боюсь их.

Через неделю Мария Константиновна тихо умерла в своей постели.

Юрий КОЗЛОВ, краевед, заслуженный работник культуры Ульяновской области. Автор книг «Столыпин и Симбирск», «Керенский из Симбирска», «Генерал Каппель и волжане», «Последний министр Российской империи (А.Д. Протопопов)» и других.

ПИСАЛ КРАСИВЫМ, ДОХОДЧИВЫМ РУССКИМ ЯЗЫКОМ

К 150-летию со дня рождения зоолога, исследователя Русского Севера, одного из основателей отечественной охотоведческой науки Бориса Михайловича Житкова (1872–1943).

Его дед, Иван Никитович Житков, участвовал во всех войнах России против Наполеона. В Бородинском сражении командовал батареей и «наносил из своих орудий великий урон неприятелю» до тех пор, пока французская пуля не пробилась ему плечо. По выздоровлении догнал русские войска за границей, сражался под Дрезденом и Лейпцигом, вошел со своей частью в Париж. В 1828 году женился на Анне Михайловне Филатовой, получившей в приданое пустошь Михайловку, Поляны тож в Ардатовском уезде Симбирской губернии. Умер в Петербурге в чине генерал-майора в 1840 году.

Когда единственный сын окончил Главное инженерное училище и получил офицерский чин, овдовевшая Анна Михайловна переехала из Северной столицы в Поляны и построила в имении небольшой дом. Михаил Иванович «воевал сначала с венграми, а потом с англичанами и французами»; при защите Севастополя был контужен и получил два ордена за храбрость. После Крымской кампании подал в отставку и поселился в деревне, перед освобождением крестьян служил мировым посредником, после – председателем мировых судей. В 1867 году женился на своей двоюродной сестре Елизавете Ипполитовне Тюбукиной, которая говорила удовлетворительно по-французски и с трудом по-немецки, могла разыгрывать пьески на рояле и всю жизнь посвятила детям.

Будущий профессор, Борис Михайлович Житков, родился в Полянах 20 сентября 1872 года, в обществе братьев и сестер прошло его детство. Читать выучился «самоучкой» и читал много, в доме имелась большая библиотека русских, французских и немецких книг. От отца унаследовал любовь к литературе и способность легко запоминать стихи. По собственному признанию, поначалу был «туп» к математике, но затем она давалась ему легко.

Усадьба Житковых лежала в живописной пойме полноводного Алатыря, среди лесов и лугов, обильных зверем и дичью. «С детства, с восьми лет, я пристрастился к охоте и, хотя и остывши несколько с годами, все же оставался верен этой страсти до конца жизни, – писал Борис Михайлович уже в зрелом возрасте. – Я особенно все же благодарен за это моим родителям, однако все же нужно предполагать, что и у брата, и у меня было по неотлучному ангелу-хранителю, которые позаботились спасти нас от увечья, гибели в воде или трясине и неумышленного убийства друг друга».

В 1880 году старшего брата Всеволода – соучастника детских игр и охотничьих вылазок – отдали в Симбирский кадетский корпус. Спустя два года и самого Бориса определили в Алатырскую прогимназию с четырехлетним курсом обучения; среди товарищей по классу, детей торговцев и хуторян, он шел первым учеником. Начальство учебного заведения не поощряло охотничьих походов воспитанников. «Деревенскую охоту в Алатыре мне заменяла ловля удочками, но заядлого рыбака из меня не вышло, – отметит Житков. – Пожалуй, больше страсти вносил я в ловлю и содержание певчих птиц. Любители держали преимущественно чижей и щеглят, ловили их в садах на горе и хвастались лучшими певунами».

По окончании прогимназии он поступил в пятый класс Нижегородского дворянского института. Среди преподавателей было несколько замечательных личностей, например Александр Эдуардович Воргман, учитель русского языка и литературы. Его чтение, декламация захватывали учеников, давали понять разницу между настоящим чувством и пафосом. Когда Воргман читал ученикам повесть Гоголя «Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», то веселый и здоровый смех слушателей не умолкал. Незаурядным учителем являлся и математик Всеволод Васильевич Малинин. «Я понял, что математика – не скучная материя,

а очень интересная вещь, – писал Борис Михайлович. – Постепенно я понял также, что правильное обучение математике есть в то же время обучение безупречной логике».

С некоторыми нижегородскими сотоварищами Житков сохранял дружеские отношения многие годы. Одним из них был Александр Кирмалов, приходившийся внучатым племянником знаменитому писателю И.А. Гончарову. Сестра литератора, Александра Александровна, вышла замуж за небогатого помещика Кирмалова и поселилась в имение при селе Хухорево, что в 7 верстах от имени Житковых. Борис близко знал ее детей и внуков, причем с одним не только подружился, но и в дальнейшем породнился. «Александр учился со мной в Алатырской прогимназии двумя классами ниже, потом в Нижегородском институте и окончил математический факультет (университета. – Ю.К.) в Петербурге, – писал Житков. – Мы провели вместе много времени и во время пребывания в имениях много вместе охотились». Александр Викторович до революции служил земским начальником в родных местах. Его сын, окончивший политехнический институт, женится на старшей дочери Житкова; в этом браке, скоро расстроившемся, родится девочка.

Другой товарищ Бориса Житкова, Григорий Граве, сын небезызвестного тогда поэта, учился в институте курсом ниже и позже служил в Смоленском губернском земстве. «Там, в небольшой усадьбе на реке Вязьме, с 1900-го по 1916-й год мы не раз собирались по веснам дружеским кружком для охоты за глухарями, тетеревами и вальдшнепами, – вспоминал Житков. – Бывали там, кроме меня и Г.Л. Граве, его брат Иван, мой кузен В.П. Филатов и Ю.Р. Станке <...> Григорий Граве, как любитель-натуралист, всю жизнь занимался орнитологией, и эти занятия в годы революции привели его сначала в преподаватели, а позже и в профессуру Смоленского университета».

В последних классах Житков заинтересовался естественными науками, которые в институте не преподавались. Этому способствовали любовь к природе, страсть к охоте и стремление наблюдать животных в их естественных условиях. В 1890 году он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета.

Зоологию студентам читал профессор А.П. Богданов, возглавлявший кафедру зоологии с двумя отделениями и Зоологический музей при ней с лабораторией «для препарирования и набивания животных». Эрудированный ученый и талантливый организатор был одним из инициаторов создания Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ) с многочисленными отделениями. Его соучредители привлекали к научной и просветительской деятельности не только профессионалов-ученых, но и любителей, интересующихся живой природой и располагающих финансовыми средствами для поддержания как самого общества, так и зоологического и минералогического музеев.

Еще студентом Житков принимал активное участие в работе упомянутого общества. В 1893 году впервые побывал на Севере, проведя лето

на биологической станции Петербургского университета на Белом море, и поразился тамошней природе. Занимался он на кафедре зоологии позвоночных поначалу у профессора Богданова, затем у его ученика профессора А.А. Тихомирова, который после смерти учителя – в 1896 году – возглавил кафедру и Зоологический музей. Александр Андреевич оценил талант молодого исследователя и предложил по окончании университета остаться при кафедре для подготовки к ученому званию.

*Борис Михайлович Житков,
приват-доцент*

В летние месяцы 1895–1897 годов Борис Михайлович по поручению зоологического отделения ИОЛЕАЭ исследовал фауну млекопитающих родной Симбирской и отчасти соседних Нижегородской и Пензенской губерний. В давно знакомой ему местности соприкасались три природных зоны, обычно разделенные сотнями верст. «Здесь в ближайшем друг от друга расстоянии, хотя и в различных, подходящих каждому виду, станциях, гнездится глухарь и кочует дрофа, крапчатый суслик и большой тушканчик держится в тесном соседстве с лосем, белкой и крысоголовой полевкой», – писал Житков в сводке произведенных наблюдений.

В своем отчете самую большую главу он посвятит лосям. Расскажет, в частности, как 10 июля 1897 года в тальниковых зарослях реки Алатыря двумя охотниками был пойман двухмесячный лосенок, отбившийся от матери, и на телеге, со связанными ремнем ногами, доставлен к нему в имение. Лосенок этот прожил у Житкова до осени, питался молоком и древесными листьями, от овса и хлеба отказывался. К людям относился с неизменным добродушием, даже когда его дразнили, но его отношение к домашним животным было совершенно иное, особенно ненавидел собак. Если видел рядом собаку, то осторожно подкрадывался к ней сзади и сбивал с ног, ударяя разом обеими передними ногами; потом перескакивал через собаку и успевал нанести ей удар еще задними ногами.

«В первое время, когда зверь жил еще в ограде сада, <...> обыкновенно в течение целого дня лежал

в густых кустах, скрываясь от солнца, – отметит Борис Михайлович. – С наступлением вечера выходил и, наевшись, начинал играть <...> Через изгороди вышиною в два аршина он перепрыгивал очень легко и мягко; точно так же искусно подлезал под низко положенную слегу забора, широко раздвинув согнутые ноги, ложась брюхом на землю и выгибая спину. Вообще он проявлял такую ловкость и выполнял такие трудные эволюции, которые нельзя было ожидать при взгляде на его все же довольно неуклюжую фигуру.

В августе лосенок жил уже на полной свободе и уходил ежедневно в соседний с усадьбой лес, иногда на большое расстояние. К вечеру он обыкновенно возвращался домой, ночью уходил снова. Часто, по-видимому, по чутью он выбегал в лесу из чащи навстречу гулявшим по дороге лицам и возвращался вместе с ними в усадьбу. При этом он вел себя как собака, то идя сзади, то убегая вперед и снова возвращаясь назад и всячески заигрывая с людьми».

Вывод молодого ученого из этой истории был такой: «Лосенок, о котором я только что рассказывал, был так смирен и привязан, приручение его оказалось настолько легким, что невольно являлась мысль, что полное одомашнение лося не есть дело невозможное. Страшная сила и выносливость бега лося, его вкусное мясо и ценная шкура сделали бы его полезнейшим домашним животным».

Как писал его предшественник зоолог Модест Николаевич Богданов, проводивший исследования в 1871 году, уже тогда «началось истребление животных наиболее ценных, как лось, олень, бобр, козуля, медведь, выдра, куница». С того времени их население значительно увеличилось, а площади лесов сильно сократились. Однако, по словам Житкова, предсказание Богданова сбылось только относительно выдры. «Пришедшие с северо-востока лоси заселили леса Симбирской, Нижегородской и Пензенской губерний, проникли в Тамбовскую и Саратовскую, до крайнего предела лесов; медведь сделался обычным явлением в лесах по Суре и Алатырю; куний промысел, по словам местных промысловиков, за последние годы усилился; лисы, число которых за последнее десятилетие очень заметно уменьшилось, в прошедшем году нахлынули в весьма большом количестве в степи Нижегородской, Симбирской и Пензенской губерний».

В ходе исследований Житков познакомился с выпускником Петербургского училища правоведения Сергеем Александровичем Бутурлиным; ровесники, земляки, заядлые охотники быстро сдружились. В 1899 году совместно закончили и через несколько лет опубликовали «Материалы для орнитофауны Симбирской губернии», представляющие собой «сводку наблюдений над фауной птиц Симбирской губернии, сделанных обоими авторами за довольно продолжительный период последних пятнадцати лет». Друзья описали более сотни оседлых и перелетных птиц, признав сурские леса как место откорма последних. Отдельную главу посвятили редким видам, включая хохлатую чомгу и красношейную поганку, в другой анализировали причины построения перелетных стай «клином» и значение вожака.

Сергей Александрович Бутурлин (1872–1938)

В последней главе рассказали о дневных хищных птиц – скопе, балобане, сапсане, пустельге, кобчике, осоеде, змеяеде, орле-могильнике, черном коршуне – и преследовании ими добычи. К примеру, сапсан питался как утками, так и воробьями, которых бил чаще всего на лету, пикируя с огромной скоростью и ударяя когтями. По свидетельству вышеупомянутого М.Н. Богданова, один сапсан несколько лет зимой жил в Симбирске, в кресте колокольни и охотился на голубей. Не забыли Житков и Бутурлин ночных хищных птиц, в том числе домового сыча, неясыть, филина, ушастую и болотную сову, которая считалась «самой многочисленной и самой обыкновенной из всех наших сов».

«Многие лица оказали нам свое содействие указаниями по вопросам о распространении отдельных видов птиц, присылкою шкурок и т. п., – писали Житков и Бутурлин. – Особенно благодарны мы А.Т. Евреинову, собравшему для нас интересную коллекцию птиц в окрестностях Симбирска, и графу Г.И. Рибопьеру, который любезно разрешил нам коллектировать в лесах и пойме своего обширного Промзинского имения».

Охотнику-любителю Евреинову в сборе и обработке птичьих шкурок, которые тот собирал по заданию Бутурлина и Житкова, помогал педагог и садовод А.С. Кабанов, увлекавшийся охотой в окрестностях города. Среди добровольных помощников был и родственник Житкова из Теплового Стана Курмышского уезда Д.П. Филатов, окончивший в 1900 году Московский университет. В частности, он сообщил, что «12-го июля 1903 года убиты им на большом и очень глухом моховом болоте, лежащем близ чувашского села Алгаеш в пределах Сурской дачи, верстах в 12 от Суры, 2 гаршнепа, один старый, другой молодой, едва поднявшийся на крылья».

Подробнее о долине Алатыря, где обрел первый охотничий опыт, Борис Михайлович написал «Очерки природы среднего Поволжья. Пойма реки Алатыря», опубликованные журналом «Естествознание и география» в ноябре 1900 года. К тому времени он сдал магистерский экзамен и сделался приват-доцентом, то есть штатным преподавателем. Для увеличения заработка начал сотрудничать в газетах и журналах, никогда не подписывая материалы своей фамилией.

«Между 1896 и 1912 годами я написал множество фельетонов научных и литературных, газетных заметок, журнальных статей и всяких иных построчных произведений (кроме только бульварных романов), – отметит позднее Житков. – Из газет я писал в «Русских ведомостях», «Голосе Москвы», «Русском слове» и «Утре России», также временами в некоторых провинциальных. Названия многих (охотничьих и общего содержания) журналов, в которых я сотрудничал, я давно забыл».

* * *

В 1900 году Житков и Бутурлин приняли предложение МОЛЕАЭ отправиться на обследование Новой Земли. Несмотря на организованную ранее Академией наук экспедицию, архипелаг оставался плохо изученным; не было точных карт, не хватало знаний животного и растительного мира. Между тем Российской империи требовались дополнительные источники пушнины, страна нуждалась в морском сообщении с золотоносными и горнодобывающими районами Западной Сибири. К тому же на архипелаг активно проникали норвежские зверобойи – главные конкуренты архангельских промышленников.

В конце июня начинающие зоологи выехали по железной дороге из Москвы в Архангельск. Тамошний губернатор А.П. Энгельгардт разрешил им бесплатный проезд на Новую Землю на пароходе «Владимир». В ожидании рейса 4-5 июля друзья посетили устье Северной Двины, затем отправились в Онежский уезд, где познакомились с жизнью и занятиями обитателей деревни Савинской. Кроме хлебопашества заработок местному населению давали отхожие промыслы, рубка и сплав леса, а также речное рыболовство и лесная охота. Главным объектом охоты, как всюду в Архангельской губернии, была белка, её добывали винтовкой мелкого калибра свыше 7000 штук в год.

10 июля Житков и Бутурлин вернулись в столицу северного края, а вечером следующего дня «Владимир» отправился в рейс. На борту, кроме командира парохода И.И. Буркова и заведующего самоедскими колониями Новой Земли А.М. Макарова, находились трое командированных для зимовки в проливе Маточкин Шар и два офицера лейб-гвардии Финляндского полка, имевшие поручение губернатора произвести маршрутную съемку берегов. Там же находился священник, который вез материалы для ремонта церкви, выстроенной лет 30-40 назад на острове Колгуев.

Когда добрались до острова, погода позволила путешественникам съехать на берег и продуктивно поработать. «В самом тесном соседстве гнездились здесь поморники, кулики, чайки различных пород, белые куропатки, рюмы (альпийские жаворонки), снежные пуночки и другие формы. В очень короткое время мы добыли большое количество представителей местной орнитофауны, менее удачно шло коллектирование насекомых, которых удалось найти 6 видов».

После знакомства с тундрой молодые исследователи направились к становищу Бугрино, где в чумах проживало более 70 человек. Самоеды пасли 5 тысяч оленей, большая часть которых принад-

лежала состоятельным пустозерским крестьянам. Кроме оленеводства самоеды добывали нерпу, моржа, медведя и промышляли гусей, которых засаливали в большом количестве. Всю добычу они сдавали четырем промышленникам с Печоры, доставляющим ежегодно на трехмачтовых карбасах товары. В обмен на результаты промысла самоеды получали муку, соль, спички, порох, свинец, ружья и другие припасы, причем втридорога. Если в Архангельске фунт порошу стоил 55-60 копеек, то здесь за него приходилось платить 1,5 рубля. При расчетах хозяева-печорцы угощали самоедов водкой, после чего последние уже сами начинали покупать и выменивать водку и другие напитки, находящиеся на карбасах.

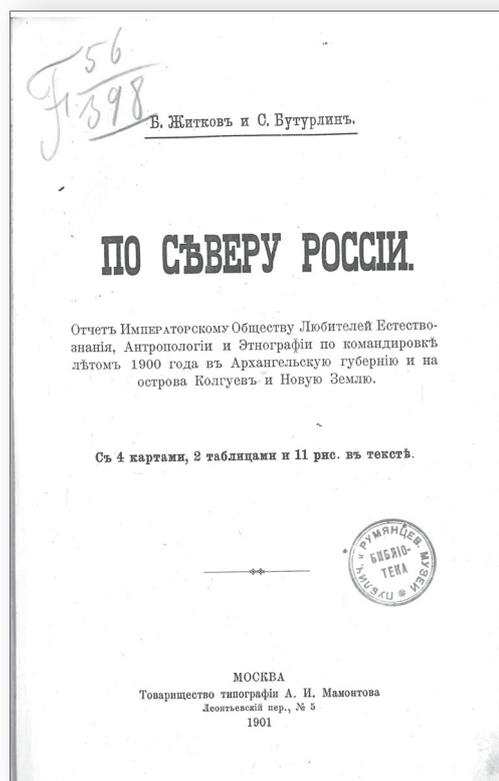
В полдень 15 июля «Владимир» поднял якорь и взял курс на Новую Землю. Житков и Бутурлин обследовали западную часть архипелага, побывали в становище Белушья Губа и на полуострове Гусиная Земля. Они занимались птицами и промысловыми млекопитающими, наблюдениями над растительным покровом. Собирали материал по истории и этнографии самоедов, которыми архангельская администрация заселяла новоземельские острова. Колонисты не держали оленей из-за разбросанности пастбищ, были заняты исключительно промыслом зверя, причем первое место занимал медведь, потом нерпа и олени. Шкуры и сало зверей, добытых за зиму, принимались из становищ пароходом и продавались в Архангельске. Такой порядок спасал самоедов от эксплуатации скупщиками и позволял выручать немалые деньги по сравнению с самоедами Колгуева.

«Высокие цены, за которые продаются добытые новоземельскими колонистами шкуры и сало, и заготовка всего необходимого для их жизни в Архангельске по рыночной цене сделали многих из новоземельских промышленников людьми зажиточными, могущими приобретать такие предметы роскоши, как самовары, посуду, праздничное «немецкое» платье, хорошие ружья и тому подобное. В год нашего посещения Новой Земли колонист становища в Маточкином Шаре поручил заведующему Новой Землей А.М. Макарову купить ему в Архангельске дюжину мельхиоровых ложек, считая неприличным угощать деревянными ложками приезжих к нему гостей-промышленников или путешественников...»

Все колонисты за казенный счет были вооружены берданками драгунского образца, некоторые имели еще и тяжелые, но хорошо выверенные норвежские ремингтоны. Не только мужчины, но и женщины свободно говорили по-русски. В Кармакульском становище при церкви, выстроенной в 1888 году, имелась школа для самоедских детей, жили монах-священник, псаломщик и фельдшер. Последний проживал там уже пять лет, уезжая только на два летних месяца в Архангельск. Будучи хорошим охотником, он в свободное время промышлял на Новой Земле наравне с самоедами; ему был обязан Житков многими сведениями о жизни самоедов и их промыслах.

19 июля тем же пароходом исследователи отправились в обратный путь. «Во время путешествия мы не разделяли между собою своей работы, произ-

водя вместе съемки, промеры озер, – писал Борис Михайлович. – Старались по возможности собрать больше материалов для суждения о природе посещенных нами мест». Вывезенная коллекция птиц насчитывала около 300 образцов, часть которой в виде набитых шкурок представили в Зоологический музей Московского университета. Подготовили книгу «По северу России» с картами местности и рисунками, которая удостоилась серебряной медали Императорского Русского географического общества (ИРГО).

Титульный лист книги
«По северу России»

Летом 1902 года по поручению упомянутого общества Борис Михайлович предпринял новую экспедицию – на сей раз на полуостров Канин. Спутниками его стали ассистент Зоологического музея Московского университета С.В. Покровский и друг юности, орнитолог-любитель Г.Л. Граве. Одним из стоящих перед ними вопросов был водный путь из реки Чижа в Чешскую губу, то есть изучение старинного волока, несколько столетий назад используемого архангельскими поморами в поисках новых пушных промыслов. Канинская экспедиция длилась почти полтора месяца; исследователи передвигались то на лодке, то пешком, даже «пришлось примерно 400 м скапывать берег топорами и заостренными в лопаты веслами». В 1904 году вышел очередной том «Трудов ИРГО» с монографией Житкова, содержащей все имеющиеся на тот момент сведения о географии, геологии, природе и быте населения полуострова.

К этому времени Борис Михайлович занял место хранителя Зоологического музея и занялся подбором многочисленных экспонатов. Но через год другой по примеру профессора А.А. Тихомирова перешел на службу в Министерство народного про-

свещения. С 1907 по 1909 год заведовал учебной частью Александровского женского института, затем – Института московского дворянства, несколько раз посетил Западную Европу. Однако интереса к Русскому Северу не утратил, в 1908 году отправился на полуостров Ямал.

Подготовка этой масштабной экспедиции потребовала много сил и времени. В декабре 1907 года Борис Михайлович писал Бутурлину: «Получил телеграмму, что Совет ассигновал 4.000 и вообще теперь все налажилось <...> Теперь только бы еще добыть инструментов и отпусков моим сотрудникам. Все время чувствую себя в положении союзной армии, осаждающей Севастополь: железное сопротивление!»

В качестве базы для формирования экспедиции выбрали село Обдорск Березовского уезда Тобольской губернии (ныне – город Салехард), что на правом берегу Оби. Здесь числилось немногим более 500 постоянных жителей, занимавшихся в основном охотой и рыболовством; но во время ежегодной зимней ярмарки население возрастало до нескольких тысяч. Русские торговцы привозили муку, хлеб, вино, сукна, железные и медные изделия, табак и украшения, получая взамен меха, рыбу и рыбий клей, птичье перо, мамонтовую кость и моржовые клыки.

Местный миссионер-просветитель игумен Иринарх (Шемановский) писал: «В середине марта настоящего года имеет прибыть в Обдорск Б.М. Житков с натуралистом и топографом для исследования полуострова Ямал <...> В настоящее время для нужд экспедиции уже собраны от самоедов до 400 голов оленей, наняты чумы и служащие, приобретено до 50 нарт <...> Братство св. Гурья взяло на себя по просьбе Б. М. Житкова почин формирования из школьников отрядов для сбора в лето этого года в пользу экспедиции ботанических и энтомологических коллекций <...> Почти все обдоряне относятся к целям экспедиции с полным сочувствием и готовы ей всячески служить».

3 апреля караван грузовых нарт с необходимым инструментарием и провизией начал трудный поход по тундре с обилием озер, рек и ручьев. Путешественникам препятствовали частые затяжные бураны и весенняя распутица, ночами на отдыхающих оленей нападали волки. Члены экспедиции не только собирали коллекции птиц и млекопитающих, гербаризировали флору, вели описание маршрута и геодезическую съемку, но и вели гидрологические работы.

Особое внимание Житкова привлекали быт и занятия северных инородцев, которые на закрепленных за отдельными родами землях пасли оленей, заготавливали рыбу, промышляли зверя и птицу. Экспедиции удалось картографировать и описать древние сакральные места, ее руководитель заметил: «Дружеские отношения, неизменно существовавшие между нами и самоедами в течение всей экспедиции, позволили <...> посетить святилище, молва о котором живет в отдаленных областях европейских и западносибирских тундр и которое по древности своей и своему значению можно сравнить только со святинами Вайгача, истребленными некогда миссионерами. Но этого мало. В ответ

на некоторые подарки, сделанные мною самоедам, они подарили мне несколько отдельных идолов, между ними также птицу и очень древнее – и по их словам, и по состоянию дерева – изображение сидящей человеческой фигуры, подобного которому я не видел никогда ни на одном самоедском жертвенном месте. Самоеды говорили, что эта фигура <...> чрезвычайно полезна промышленникам на медведя...».

Обратный путь экспедиции оказался более тяжелым, началась жара и появились комары, олени пропадали и разбегались, пошли болезни. Особенно трудным было прохождение морского устья реки Морды, где «мелкие льдины перевертывались под тяжестью упряжек, и животные падали в воду. С величайшим трудом приходилось вытаскивать нарты на льдины. Раздвигать лед, чтобы идти прямо водой, тоже не удавалось. Все было мокро, берегли только спички, патроны и запасной порох».

Экспедиция завершилась 6 августа там же, где и началась, – в Обдорске. Борис Михайлович и его спутники проехали на оленях вдоль всего полуострова с юга на север, по льду преодолели пролив Малыгина. Во время путешествия проводили топографическую съемку, составив одну из первых точных карт Ямала, осуществляли метеорологические наблюдения, собрали богатые коллекции местных растений, животных, предметов самоедского быта. Кроме того, Житков привез множество фотоснимков, которыми проиллюстрировал свою книгу «Полуостров Ямал». Перечень подготовленных им публикаций включал не один десяток научных и публицистических статей, брошюр, книг, ставших своеобразной энциклопедией по тундре и арктическим островам.

Помимо научно-исследовательской и преподавательской деятельности Житков работал в комиссиях министерств внутренних дел и путей сообщения, редактировал журнал «Естествознание и география» и длинную серию изданий Московского комитета шелководства, ученым секретарем которого пробыл с 1884 по 1918 год.

В 1911 году при Московском сельскохозяйственном институте организовали курсы охотоведения, куда Борис Михайлович был приглашен читать лекции по биологии охотничье-промысловых животных. С 1916 года в этом вузе, преобразованном в Петровскую сельскохозяйственную академию, он являлся профессором кафедры биологии лесных зверей и птиц, позже заведовал кафедрой в Московском лесном институте. В 1915 году по поручению Московского университета и археологического общества обследовал состояние учебных заведений и научных учреждений Галиции, занятых русскими войсками. Во время войны Житков много писал на экономические темы, в частности, поднимал вопрос «о разработке меди на Новой Земле».

* * *

С приходом к власти Временного правительства во главе с уроженцем Симбирска эсером А.Ф. Керенским, затем – Совета народных комиссаров под началом другого симбирского уроженца большевика В.И. Ульянова (Ленина) Борис Михайлович ни к одной политической партии себя

не причислял и по мере возможности продолжал прежнюю деятельность. В революционное время он находился в Москве, работал консультантом в различных учреждениях, включая Центротекстиль. Там совместно с инженером-механиком Н.Н. Кулиным составил проект шелкового кондициона, то есть заведения, контролирующего качество шелка. Но переписанный набело в одном экземпляре проект был затребован в Высший совет народного хозяйства и при многократной передаче из отдела в отдел пропал. «О потере этой работы я жалел больше, – признается Житков, – чем о четырех моих рукописях (от 3 до 6 печатных листов каждая), потерянных Государственным издательством в период между 1918 и 1922 годами».

В 1917 году усадьба Житковых в Полянах, как и соседняя усадьба Кирмаловых в Хухореве была разорена. Дома разобрали по бревнам и разделили между крестьянами, как и многие помещичьи усадьбы в уезде. Борис Михайлович говорил, что «желал бы когда-нибудь найти время <...> и описать современную мою детству жизнь в этих усадьбах, фруктовых садах и парках – жизнь, теперь забытую и презираемую, но некогда родившую не только одних злодеев, но и Пушкиных, Тургеневых, Аксаковых, Сеченовых, Ковалевских и Бутлеровых».

С 1918 года в университетах были отменены все старые звания и установлены две должности – профессор и преподаватель. Профессорские звания присуждали Главные научные советы соответствующих народных комиссариатов. В 1919 году Борис Михайлович получил звание профессора зоологии и возглавил кафедру зоологии позвоночных Московского университета. Жизнь в столице тогда была тяжелой, учебная и тем более научная работа в университете едва теплилась. В мае Житков вошел в состав экспедиции под началом С.А. Бутурлина, командированного Народным комиссариатом просвещения «в бассейн Суры для научных исследований и собирания естественно-научных коллекций». Расположилась экспедиция в Алатыре Симбирской губернии, основанном еще Иваном Грозным на высоком берегу Суры при впадении другой реки, одноименной с городом. Уездный Алатырь, насчитывающий 15 тысяч жителей, связывали с Первопрестольной почтовый тракт и судоходное сообщение, а также проложенная в 1872 году железная дорога Москва-Казань.

Помимо исследований Житков и Бутурлин в Алатыре помогли созданию высшего учебного заведения. Алатырский институт природоведения был открыт 6 ноября 1919 года Наркомпросом по ходатайству инициативной группы во главе с председателем Алатырского исполкома П.И. Подзахотниковым. К ходатайству прилагался ряд разработанных с участием Житкова и Бутурлина документов, включая проект устава, смету расходов на оборудование института и его деятельность, список наглядных пособий по естествознанию, физике и технологии для школ первой и второй ступени, намеченных к выработке в ближайшее время, а также статья из местной газеты «Путь революции» о начале успешной деятельности «лабораторий и мастерских по изготовлению наглядных учебных пособий

для школ и музеев» при Алатырском союзе кооперативов.

В проекте устава отмечалось, что институт является учреждением производственным, педагогическим и научно-исследовательским. В студенты принимаются после краткого испытания лица обоего пола не моложе 16 лет и окончившие школу 2-й ступени, каждому студенту выдается ежемесячная субсидия в размере прожиточного минимума. Одновременно с производством наглядных пособий в институте планируется преподавать не только астрономию, физику, химию и географию, но также геологию, метеорологию, минералогию, кристаллографию, палеонтологию, почвоведение, ботанику теоретическую и прикладную (агрономию), зоологию и зоотехнику. Студенты получают необходимые сведения из высшей математики и основы методики преподавания природоведения в школах; освоят рисование, черчение и лепку, осваивать таксидермическое искусство (набивка чучел), фотография, столярное и слесарное ремесло, работы по стеклу и картону. Кроме того, будут изучать немецкий, французский и английский языки, один из которых обязательный.

В научном отношении институт ведет исследование местного края по геологии, ботанике и зоологии, для чего при нем учреждается метеорологическая станция и научный кружок, ряд ферм и участков. Выпускник института имеет право «быть заведующим лабораториями и мастерскими по изготовлению наглядных пособий, заведующим музеем родиноведения, преподавателем природоведения в школах 1 и 2-й ступени и занимать все иные однородные должности».

Наркомпрос республики ассигновал «на организационные расходы и отчасти на расходы строительные» 2,5 миллиона рублей. Поначалу институт предполагали разместить в двух корпусах бывшего духовного училища, так называемых красных казармах, но там требовался большой ремонт. Поэтому его временно разместили в четырех комнатах бывшего дома купца Попова по Казанской улице, закупили в Москве приборы и учебные пособия. Приняли 100 слушателей для подготовки специалистов широкого профиля по природоведению и сельскому хозяйству, в мастерских готовили наглядные пособия для школ и экспонаты для музеев. Борис Михайлович заведовал учебной частью института, вместе с ним работали коллеги С.А. Бутурлин и Н.З. Милькович, а также старый знакомый А.В. Кирмалов¹.

11 марта 1920 года институт направил в Алатырский исполком письмо, где указал, что большая часть дома Попова занята под 180-й сводный лазарет, помещения оказались вне всякого надзора, а все затраты на ремонт оказались напрасными. Крыша во многих местах протекает, в здании ужасная сырость, штукатурка отваливается. Между тем для размещения института необходимы обширные помещения, нужен лекционный зал вместимостью до 300 слушателей, лаборатории для практических занятий, помещения для препараторских курсов и музея. В ответ исполком постановил: «До окончательного ремонта Красных казарм оставить

¹ Воспоминания Б. Житкова о семье Кирмаловых опубликованы в журнале «Мономах» №4-2022

Институт Природоведения в доме Попова, изолировав учебное заведение от 180-го сводного госпиталя с предоставлением коридора с имеющимися там уборными».

Предоставленных помещений было мало даже для размещения оборудования института, в котором со следующего учебного года должны функционировать уже два курса. Комиссия из представителей Симбирска и Москвы предложила упростить учебный процесс, уменьшить срок обучения, то есть преобразовать Институт природоведения в обычный техникум. Реорганизацию провели к февралю 1921 года, директором техникума назначили Житкова. В ноябре того же года из-за недостатка средств техникум природоведения был объединен с педагогическими курсами и стал готовить учителей единой трудовой школы. Там имелись естественно-историческое и педагогическое отделения с физической, геологической, зоологической и химической лабораториями.

К этому времени Московский университет «начал понемногу выходить из трехлетней летаргии» и Борис Михайлович вернулся к преподаванию в университете. Будучи одновременно заведующим кафедрой зоологии позвоночных Московского университета и кафедрой биологии и систематики лесных зверей и птиц Петровской (позже – Тимирязевской) сельскохозяйственной академии, основал в мае 1922 году Центральную биологическую охотничье-промысловую станцию в Погонно-Лосином лесничестве под Москвой.

*Лоси у одноименного ручья
в Лосиноостровском лесничестве*

Поначалу станция имела преимущественно учебное значение, как база для практики студентов, но через несколько лет превратилась в научно-исследовательское учреждение. Ее сотрудники под руководством Житкова вели работы по биологии промысловых животных, по акклиматизации отечественных и экзотических пушных зверей, по разработке методов охотустройства и бонитирования угодий, готовили материалы по основам пушного стандарта и пушному звероводству. Руководитель станции стремился научные проблемы соединить с задачами народного хозяйства, и того же требовал от помощников: «Нельзя различать вопросы прикладные как непосредственно полезные и вопросы теоретические – бесполезные для непосредственного приложения к жизни».

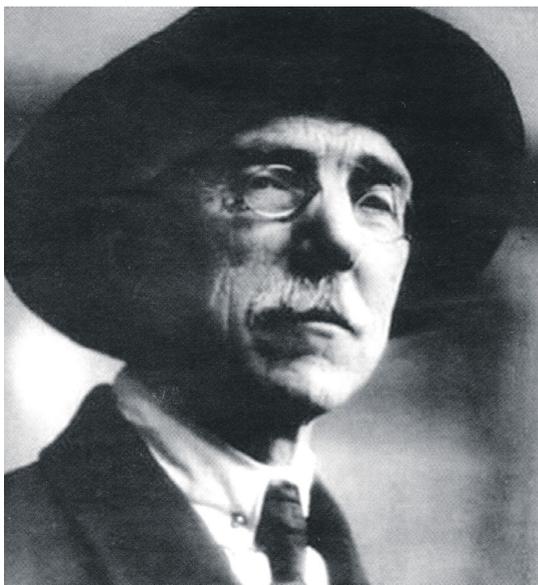
За первые десять лет существования станции, в результате обширной серии полевых и лабораторных исследований, ее сотрудники опубликовали более 160 работ. Примером служил Борис Михайлович, в 1925 году на страницах журнала «Пушное дело» выступивший с обоснованием целесообразности акклиматизации в нашей стране ондатры, а спустя три года в том же журнале предложивший акклиматизировать нутрию. Весьма плодотворной для своего времени оказалась его идея вовлечения в промысел второстепенных пушных видов. Если заготовки крота в 1924-1925 годах составляли всего 2 тысячи видов, то в 1928 году – 2 миллиона и в 1931-м – более 7 миллионов. Организованный промысел хомяка начали в 1925 году, спустя четыре года его добывали более 6 миллионов. Успешный опыт Житкова привел к созданию промыслово-биологических станций в Казани, Ленинграде, Архангельске, Новосибирске, Иркутске и других городах, которые были переданы в подчинение Центральной биостанции на Лосином острове.

Для развития охотничьего промысла в стране ощущалась потребность в охотоведах широкого профиля с навыками организаторов хозяйства. 13 декабря 1922 года в Лесном отделении Петровской академии Борис Михайлович прочитал лекцию «Что такое охотоведение», которая давала «ясное представление об этой молодой отрасли науки и ее значении для народного хозяйства». Благодаря его усилиям в 1924 году при академии возникли курсы охотоведения, зарегистрированные Наркомпросом по отделу высшей школы. Будущие студенты приехали из разных мест страны, писали затем дипломные работы по охотничьему хозяйству, главным образом северных районов. Во главе курсов стояло правление во главе с профессором Житковым, который сумел привлечь к чтению лекций таких крупных специалистов, как С.А. Бутурлин, Н.М. Кулагин, Г.А. Кожевников.

Один из студентов С.В. Лобачев, писавший дипломную работу на берегах реки Вятки, вспоминал: «Свои многочисленные научные труды Борис Михайлович писал красивым, доходчивым русским языком. Предельной выразительности, краткости и научной точности в работе он требовал и от нас. Кто писал плохо, тем говорил: «Надо жалеть и читателя, и бумагу. Нельзя писать так, как в XVI веке персидский шах писал письмо султану Османской империи. Длина этого письма (оно на пергаменте) десять метров, а ширина – семь метров. Оно и по сейчас находится в Национальном музее Турции...».

На рубеже двадцатых-тридцатых годов началась травля многих ученых, входивших во Всесоюзную ассоциацию работников науки и техники для содействия социалистическому строительству. Житкову припомнили, в частности, неодобрительные отзывы о проводившихся в то время университетских реформах, вынудили покинуть должность заведующего кафедрой зоологии Московского университета и уйти на пенсию.

Однако он продолжал посещать университет, помогал советами и поддерживал начинающих исследователей.

Борис Михайлович Житков в 1930 году

В компании бывших коллег Житков довольно часто выбирался с ружьем на берега Оки, верстах в 15 от Каширы, или отправлялся по железной дороге на озеро Селигер. В мае 1938 года заехал к бывшему ученику, тогда сельскому врачу Кузнецовской больницы, расположенной на берегу реки Цны.

«В окружавших больницу лесах была хорошая охота, – отметит С.В. Лобачев. – На нее не нужно было ходить далеко. Ежедневно по вечерам мы стояли на тяге. Борис Михайлович стрелял отлично, настроение у него было хорошее. Ему было 66 лет, но он был бодр, много и хорошо ходил, сохранил ясный ум и возвышенную, чуткую и нежную душу.

Сохранил он и свою привычку: ежедневно с утра занимался и писал. Поздно вечером, возвратившись с тяги, мы вели с ним долгие задушевные беседы <...> Поддаваясь прелести наступившего тихого весеннего вечера, Борис Михайлович вспоминает строки А.К. Толстого:

*Сквозит на зареве темнеющих небес
И мелким предо мной рисуется узором
В весенние листы едва одетый лес...
И глушь, и тишина. Лишь сонные дрозды,
Как нехотя свое доканчивают пенье...*

Когда началась война и на Москву двинулись полчища Гитлера, Житков не эвакуировался. Вместе с бывшим учеником Дмитрием Михайловичем Вяжлинским (1902–1983) дежурил по ночам на крыше родного университета, гасил сбрасываемые фашистами зажигательные бомбы. Но в декабре 1942 года на затемненной улице его сбила автомашина, здоровье заметно ухудшилось. Последние месяцы жизни провел в Институте имени Н.И. Склифосовского, превращенном тогда в госпиталь; там и скончался 2 апреля 1943 года от сердечной недостаточности. В последний путь покойного провожали немногие оставшиеся в столице ученые-биологи. Тело было кремировано, урну с прахом поместили в колумбарии Донского монастыря.

Лосиноостровская биологическая станция, которую около десяти лет возглавлял Борис Михайлович, в 1932 году была преобразована во ВНИИ пушного хозяйства. Позднее институт перебазировался из Москвы в Киров, сменил название – Всесоюзный (сегодня – Всероссийский) НИИ охотничьего хозяйства и звероводства – и в 1973 году ему присвоили имя Бориса Михайловича Житкова.

Ольга ДАРАНОВА, учёный секретарь Дворца книги, председатель Ульяновской региональной организации Союза писателей России.

БЕЗ ХОЗЯИНА

Рассказ

*Всё во мне, и я во всём...
Ф. Тютчев*

Земля просыпалась. Весна в этом году опаздывала, уже стоял апрель, а снег только сошёл, но быстро пробивалась первая трава, унылые, ветреные дни сменялись тёплыми, солнечными. Во дворах, как это бывает в марте-апреле, лежали кучи мусора, выброшенные старые вещи, налицо была вся та изнанка мира, которая неизбежно обнажается после таяния снега. Природа словно извинялась за свой неопрятный вид и наготу, но всепобеждающая смелость весны уже чувствовалась в каждом новом дне, в каждой травинке и зазеленевшей почке.

В такое время город всегда казался ей особенно родным и близким, хотелось не спеша бродить по улицам, дышать особенным воздухом ранней весны, смотреть, слушать, замечать и складывать в копилку памяти приметы быстротечного времени и просто отдыхать, глядя на всё вокруг...

Эта краткая поездка случилась нечаянно. Умер известный в городе человек, краевед, осталась большая библиотека, нужно было её забрать... Она сама напросилась поехать вместе с сослуживцами. Что влекло её? Тайна... Нет-нет, ничего сверхъестественного. Просто для неё тайной были все старые дома, дворы, хранящие дух прошлой жизни, силуэты её обитателей. В таких домах, ей казалось, жила особенная, магическая сила притяжения, рождённая её хозяином, дающая возможность продолжения жизни...

Она ехала на встречу.

Дом был советской постройки, основательный, четырехэтажный. Он находился в исторической части города, на одной из его центральных улиц в аккуратной череде именитых домов бывшей симбирской знати. Двор дома был небольшой, уютный, и, как это часто бывает, во дворах старого города, сохранивший в себе так называемое вещество времени. Ничего особенного там не было. Кусты мальвы по периметру, остатки заграждения, стол и скамейка для старожил, песочница для детей, брошенный мальчишкой велосипед у подъезда, – всё это хранило в себе какую-то добрую, щемящую обособленность, скромную простоту и отделённость от внешнего суетного мира. Хотя стоило лишь приглядеться – и можно было увидеть тропинку в глубине двора, выложенную каменными плитами, выводящую в мир большой улицы современного гудящего города.

И всё же, когда она пришла в этот двор, ей на мгновение показалось, что солнца и тепла здесь больше, мир тише, а трава – зеленее.

В подъезде оказалось тесно, площадки на лестничных пролётах были узкими, на подоконниках притулились горшки с пожелтевшей геранью. На этаже было три квартиры. Две двери прижались друг к другу, как сёстры, третья по-барски отодвинулась в сторону.

Пристань бывшего хозяина была за старой, обветшавшей дверью с простой, некрашеной деревянной ручкой. Вошли в узкий, тусклый коридор, который показался ей ещё уже от комплекции идущих следом крепких молодых мужчин. Коридорчик словно повис у мужчин на плечах, растерянный и обескураженный их быстротой и натиском. Казалось, он вот-вот затрещит, как ставшая не по размеру одежда...

Слева на стене висел выдавший виды портфель, когда-то коричневый, плотно наполненный бумагами, а теперь тёмно-бурый, мятый, как впалые щеки больного старика. Она вспомнила, что раньше видела хозяина с этим портфелем, спешащего в университет или в библиотеку. Тогда вид у них, портфеля и его хозяина, был уверенным и жизнерадостным.

Но всё же это было давно... А в последнее время человек чаще ходил почему-то с нелепым, раздутым полиэтиленовым пакетом, который был совсем некстати учёному, уважаемому в городе человеку, невольно подчёркивая его одиночество и неуклюжесть.

Она вошла в небольшую квадратную комнату с окном, выходящим во двор. На одной из стен висел старый ковёр, ещё с тех времён, когда наличие ковров в доме считалось непременным атрибутом благосостояния семьи. Хозяину до него явно не было никакого дела.

Аскетичная, узкая кровать, старый жёлтый шифоньер. Всё остальное – книги. Они занимали почти всё пространство, разместившись на стеллажах по всему периметру комнаты. Стопки журналов, газет, исписанные блокноты, гипсовые статуэтки, коробочки, карандаши, разные необходимые мелочи, создававшие на книжных полках свою особенную жизнь, – всё это по крупницам напоминало и рассказывало об их владельце.

Вокруг неё что-то непрерывно происходило, входили и выходили незнакомые люди, открывали и закрывали коробки, в которые сбрасывали вещи и книги. Всё деловито двигалось, слышались голоса родственников, среди них выделялся один, властный и уверенный. Новая хозяйка... Посреди комна-

ты стоял мужчина, брал в руки очередную книгу с полки, вертел в руках, что-то бормотал, усмехаясь, поднимая брови, причмокивая губами. «Вот, хоть писателей знать теперь буду!» – донеслось до неё. – А он что, прочитал всё это?..»

Солнце пригревало старые, выцветшие обои, кое-где отставшие от стен, ложилось длинными лучами на деревянный, плотно пригнанный пол. Романисты разных эпох мирно спали на полках рядом с философами, богословами, историками, музыкантами. Вокруг них сновали чужие деловитые руки, ловко раскладывали века и эпохи в современные коробки, упаковывали, перекидывали, уносили. Она едва успевала вовремя посторониться. Этим деловым людям она явно мешала, заведённый ритм работы никак не вязался с её статичностью. Она открывала очередную книгу, торопливо пролистывала, ставила на место, брала другую... Древние греки провожали свои корабли у Понта Эвксинского, молчали египетские гробницы фараонов, мрачные гунны взвихряли землю тяжёлыми конскими копытами, Ланкастеры и Йорки вели долгие междоусобные войны, бряцали оружием крестносцы... Просыпались века, слышался шелест времён: голоса полководцев, гортанные крики воинов, пророчества отцов церкви. Сменялись эпохи, летели головы тиранов на гильотине, вещали оракулы веков, смотрели в будущее своими незрячими глазами древние мудрецы. Всё это уживалось в этой маленькой комнатке вместе со своим хозяином, а теперь жило в ожидании его, в недоумении от его отсутствия.

Её взгляд блуждал по корешкам книг. Мировая философия, эстетика, всеобщая история искусства, религии мира, великие мыслители прошлого. И конечно, наши, великие – Пушкин, Лермонтов, Гончаров, Тютчев, Тургенев, Аксаков, Григорович... Он жил с ними, в их мире. Вот его карандаш бежит по строчкам, делает отметки, восклицает, недоумевает, не соглашается... Закладки, закладки... Одна выпала... Что здесь? Тютчев... *«О, как убийственно мы любим! / Как в буйной слепоте страстей / Мы то всего вернее губим, / Что сердцу нашему милей!»*

Разглядывая книгу за книгой, она шла тропами их хозяина, бродила по аллеям старинных усадеб, разбросанных по всей России, выходила на косогоры и холмы, гуляла по длинной набережной Волги, по высокой симбирской горе – Венцу. Хозяин любил свой город, свой край. Искал и бережно распутывал все ниточки, связывающие Россию с Симбирском. Ходил по его улицам и спускам, знал все чердаки и подвалы, переулки и тупики. Знал, где стояли струги Степана Разина, где сидел скованный цепью Пугачёв, сокрушался о старинном колоколе на башне дома Гончарова, желая спасти его от страшных ударов двадцатитрёхкилограммового молота, листал прошлое старообрядцев и масонов, декабристов и народников.

Метель на Мойке... В безудержном вихре снега горит костерок, путник протягивает к нему руки, греется, пьёт кипяток из кружки... За окнами тусклый свет. Там Пушкин... Последний минуты. Рядом с ним Тургенев, Даль... Даль рассказывает Пушкину, что собирает слова... Собрал их уже тысяч двад-

цать... «Так сделайте словарь!» – восклицает поэт и даёт ему наказ, который Даль выполняет.

Вот он, словарь Даля. Опять пометки... «Колобок», «околица», «колодец»... Катится старославянское «коло» по Симбирску, ставит квашню старая симбирянка, мнёт тесто, а остаток на колобок сгодится. Только не колобок это, а колебятка. Даль помечает – «симбирское». Ну, конечно! Наш. Ах, создать бы наш, местный словарь симбирских слов толкового словаря Владимира Даля! Была такая мысль у нашего краеведа. Задумал – и стал теревить всех. По его почину читатели библиотек, школьники и все любители русского языка полгода изучали толковый словарь Даля, и в итоге нашли в нём аж 338 симбирских слов! Вот и Чебурашка наш, а совсем не плод фантазии Успенского. Была такая старинная волжская игрушка-неваляшка, куколка, которая, как ни кинь её, сама встаёт на ноги. А волжские рыбаки использовали чебурашку в качестве приспособления для удержания посуды на Волге во время ловли. По сути, это был поплавочек... В словаре Даля слово это опять же с пометкой «симбирское»... Изъездил Даль Симбирскую губернию вдоль и поперёк, бывал и в Репьёвке в гостях у Николая Тимофеевича Аксакова, брата писателя.

Так ведь всё Симбирское Поволжье – это родовая вотчина Аксаковых. Вот она, одна из любимых ниточек хозяина, которую он раскручивал и много писал об этом. Сюда из Астрахани пришла и ключница Пелагея, с которой маленький Серёжа, «мальчик с блестящими глазами и нежным сердцем», тесно общался не менее трёх лет, услышал от неё «Царь-девицу», «Змея-Горыныча», «Иванушку-дурарчака», «Жар-птицу». Но более всего запала ему в душу сказка «Аленький цветочек», которую много лет спустя он вспомнит и посвятит своей внучке Оленьке, родившейся в Симбирске...

Помнится, как повторял краевед: «Читайте Аксаковых! Познавайте историю нашего края...». И вспоминал строки из письма сына С.Т. Аксакова – Ивана Аксакова – к отцу, в котором столько нежности и любви к родителю и к родным симбирским местам: «А я, едуци по Симбирской губернии, думал, что хорошо бы Вам приехать сюда, милый отёсинька! Здесь-то, посреди мест, родных Вашей душе, посреди этого богатства природы и благодатного простора, вдали от Москвы, можно успокоиться душой. Когда я ехал, мне так хотелось перенести вас всех с собою в эти чудные края...».

По осени на тихую улицу Покровскую, в дом Столыпиных, к своему любимому брату Александру приехала его сестра Елизавета Алексеевна Арсеньева со своим внуком Мишенькой. Бабушка обожала внука и никогда не отпускала его от себя...

Бывший адъютант Суворова, Александр Столыпин, выйдя в отставку, всю жизнь прожил в Симбирске и был похоронен на местном кладбище. А дом его стоял здесь, на Покровской, сгорел, к сожалению, в симбирском пожаре в 1864 году. «Бабушка никогда не отпускала внука от себя...». Наш Лермонтов, наш! Ещё одна памятная ниточка прошла узорное полотно Симбирской земли. Бывал, бывал поэт в Симбирске! А иначе откуда же тогда такие подробности в его поэме «Сашка»:

*Иван Ильич имел в Симбирске дом
На самой на горе, против собора.
При мне давно никто уж не жил в нем,
И он дряхлел, заброшен без надзора,
Как инвалид с Георгьевским крестом.
Но некогда, с кудрявыми главами,
Вдоль стен колонны высились рядами.
Прозрачною решеткой окружен,
Как клетка, между них висел балкон,
И над дверьми стеклянными в порядке
Виднелися гардин прозрачных складки.*

Вот и случилась ещё одна радость краеведа – установили памятник Михаилу Лермонтову на месте бывшего имения Александра Столыпина, брата его бабушки, где она неоднократно бывала вместе со своим Мишенькой.

Была у хозяина и ещё одна боль и мечта. Усадьба Языковых. Возродить, восстановить, вернуть святое прошлое для нынешнего человека... Ведь место уникальное, поэтическое. Вот материалы Симбирской учёной архивной комиссии, читаем у В.Н. Поливанова об усадьбе: «Деревянный дом красиво господствует над окружающей местностью, и с террасы его открывается обширный вид на соседние поля и перелески <...> В два этажа, он построен отцом поэта... в форме «покоя» с коридорами и двумя для служб и приезда гостей флигелями. <...> Из прихожей посетитель входит в довольно обширный зал, и направо... дверь ведёт в комнату, где останавливался Пушкин. Комната эта средней величины, с одним большим окном в сад, обставлена мебелью красного дерева, чёрною деревянною кроватью и в углу типичным украшением камина в форме усечённой колонны...».

Вот ведь, как перед глазами стоит дом, и скольких людей привлекала бы Языковская земля и своей красотой, и тенью Пушкина! И многие другие знаменитые люди гостили здесь: отец и сын Ивашевы, философ Алексей Хомяков, поэт Денис Давыдов, литератор и переводчик Дмитрий Ознобишин.

Любил, любил наш краевед связывать все нити воедино, разматывать клубок загадок, искать начало и конец и соединять всё в родном городе. И то, что прабабушка Грибоедова – исконная симбирянка, знал давно. Имение её находилось в селе Степное Анненково Симбирского уезда, ныне Цильнинского района. Дальнейшие семейные нити вели в Смоленскую губернию и в Москву, но так ли уж всё ясно и просто здесь... Сомневается краевед, раскручивает ниточки, сопоставляет факты и делает смелое предположение, что и сам поэт Грибоедов родился в Симбирской губернии! Но доказательств нет... Все архивные документы погибли в пожаре. Но мысль заронилась...

И бабушка Владимира Набокова, урождённая фон Корф, тоже родилась в Симбирске. Её отец, барон Фердинанд фон Корф, был женат на дочери симбирского помещика Нине Александровне Шишковой. В Симбирске же служил и её будущий муж Дмитрий Николаевич Набоков, дедушка поэта, министр юстиции Российской империи. Вот почему поэт иногда подписывался псевдонимом Василий Шишков...

...Среди книг ей попался буклет о Карамзинской общественной библиотеке. Да, он любил библиотеку!.. Сам признавался, что все его прогулки по городу заканчиваются библиотекой. Она вспомнила обронённые как-то им слова: «Не надо списывать книги... Даже если их сорок лет не брали. Для каждой книги придёт время, и читатель найдётся». Его любовь к местной истории и библиотеке началась со школьной скамьи, когда юношей он проводил экскурсии в родной гимназии, и однажды в руки ему попала книга «Город Симбирск за 250 лет его существования». Книга запала в душу, да и учительница помогла, отвела за руку домой к известному краеведу города, и с тех пор он заболел историей своего края. А мамочка в своё время привела сына в библиотеку, с которой он связал себя на шестьдесят лет... Его желанием было организовать в старейшей библиотеке города музей или экспозицию, рассказывающую о выдающихся читателях и посетителях. При этом он вспоминал слова Василия Розанова, назвавшего нашу библиотеку «выдающейся точкой культуры на Волге».

Она помнит его работающего с картотекой. Он сидел, обхватив руками каталожный ящик с печатными карточками, нависая над ними всем своим существом и погружаясь полностью в мир только одному ему ведомого пространства. Он скрупулёзно вчитывался в текст бумажной карточки, удивлялся находке, шевелил губами, что-то для себя отмечая. Так, наверное, гоголевский Акакий Акакиевич любовался и умилялся написанной букве, в мыслях создавая ей легенду происхождения, одушевляя и обожествляя её. Любые найденные им новые сведения моментально находили применение, давали толчок дальнейшему поиску или подтверждали уже открытое.

Ещё он радовался, что в библиотеке часто звучит музыка... Ведь она, музыка, зазвучала в ней ещё в середине девятнадцатого века, «в пышной и великолепной зале», в день открытия дома симбирского Дворянского собрания... Здесь пел Собинов, играл Скрябин, выступали видные профессиональные музыканты разных времён... Летела под своды дворца музыка Бетховена, Шопена, Чайковского, Римского-Корсакова, Вагнера.

Много писал наш краевед о своём любимом музыканте-любителе Василии Васильевиче Черникове, состоявшем в комитете Карамзинской общественной библиотеки, музыканте-просветителе, организовавшем при библиотеке на свои средства музыкальный отдел. Это было прекрасное начинание, увенчавшееся успехом! Вот как написал об одном из детских концертов, организованных Черниковым, анонимный рецензент: «Детский концерт <...> заслужил неоднократные рукоплескания публики. Выписанные из Вены г. Черниковым для детей инструменты были здесь совершенно новым явлением; в оркестре слышны были сильный звон колокольчиков, порой кукованье или внезапно произведённое щёлканье и свист соловья...».

Вот и письмо из Аргентины от профессора-музыковеда Диего Боскета однажды случайно попало ему в руки. Письмо, пролежавшее до этого без ответа два года. В нём речь шла о русском компози-

торе, никому не известном и забытом на родине. История уникальная, как уникальны были чудом сохранившиеся рукописи партитур, найденные в старом, заброшенном доме в одной из дальних провинций Аргентины – Мендоса. Их, к счастью, не сожгли, когда выбрасывали ненужный, ветхий хлам... Случайно рядом оказались те, кто ещё помнил этого благородного русского. Рукописи передали профессору Диего Боскету. Он создал ансамбль и стал искать сведения об авторе музыки – Алехо Абуткове, иначе – Алексее Владимировиче Абуткове, уроженце Симбирской губернии, выпускнике Симбирской классической мужской гимназии, окончившем придворную певческую капеллу в Петербурге. Алексей Абутков был учеником Римского-Корсакова, в своё время открыл в Симбирске народную консерваторию. Сын дворянина, действительного статского советника, члена Симбирской учёной архивной комиссии, умерший в одиночестве, всеми забытый, в глубокой провинции на чужбине.

Мимо этого пройти было нельзя... И они, конечно, встретились – профессор-аргентинец и русский учёный, краевед. А ещё через два года по приглашению нашего краеведа в город приехал и весь аргентинский ансамбль с русским именем. И впервые почти за сто лет на родине композитора прозвучали его произведения.

...Под вечер шёл дождь. Улицу Московскую быстро пересёк юркий человек с кинокамерой через плечо, забежал в добротный каменный особняк, включил свой чёрный ящик с движущимися фигурами, и пришёл в город Великий Немой. «Большой сеанс знаменитого фотоаппарата живой фотографии!» – гласила реклама, приглашающая симбирян познакомиться с волшебным миром синема.

Это чёрно-белое очарование случилось в стенах бывшего театра Д.С. Булычёвой, ныне это Ульяновский драматический театр. Тропами Великого Немого в Симбирске пошёл и наш краевед, открывая высокие изразцовые двери в историю первых городских кинотеатров. А ведь они почти все сохранились в городе... Первый электротheater в Симбирске – «Пате» – разместился в 1907 году в доходном доме на Большой Саратовской, сейчас это «Булочная» на улице Гончарова. Глаза восторженных зрителей были прикованы к гладко оштукатуренной и выбеленной стене, на которой двигались человеческие фигуры. Вскоре во втором этаже дома купца Зеленкова (теперь это улица Гончарова, 17), появился кинотеатр «Модерн». Позже открылись «Аполло», «Экспресс», больше известный нам как «Пионер». А уже в 1913-м тем же купцом Зеленковым был построен лучший кинотеатр Симбирска – «Ампир», дошедший до нас под названием «Художественный».

Она вспомнила, с каким упоением краевед рассказывал об актёре и режиссёре немого кино Петре Чардынине ... Они шли тогда по заснеженной улице, бывшей Московской, а ныне улице Ленина, и остановились у дома номер 27, в котором когда-то жил Пётр Красавцев, позже взявший псевдоним Чардынин. Он учился у Немировича-Данченко, работал на знаменитой студии А.А. Ханжонкова, на Одесской киностудии, в его фильмах снялись звёзды русского

немого кино: Вера Холодная, Иван Мозжухин, Витольд Полонский, Владимир Максимов, Осип Рунич. В 1913-м Чардынин экранизировал роман Гончарова «Обрыв»...

А для первой постановки пьесы Чехова «Вишнёвый сад» на сцене МХТ в Москве были доставлены фотографии с негативами усадебного дома «последней из рода Киндяковых» Екатерины Перси-Френч в её имении под Симбирском.

И Сонечка Голлидэй, ученица Станиславского, подруга Марины Цветаевой, также играла на сцене симбирского театра...

Его влекло искусство во всех проявлениях – живопись, музыка, театр, кино – и то, как мир искусства отражался в истории родного края. Он заново открыл симбирянам Дмитрия Григоровича, готовился к его юбилею, писал письма в Эрмитаж и Русский музей, пытался собрать воедино рассеянные по крупицам сведения о Григоровиче-искусствоведе, собирателе картинных галерей, устройтеле музеев и художественных школ. К тому же большая коллекция картин была вывезена в наполеоновские времена его бабушкой-француженкой из Парижа в Россию и передана Эрмитажу, а там великие голландцы... А в Русском музее хранятся изображения нашего Григоровича, живописные и скульптурные. А кто об этом знает?..

Он рассказывал, как на протяжении почти двадцати лет Константин Станиславский поддерживал отношения с нашим земляком, обращался к нему с просьбой о постановке пьесы Григоровича «Замшевые люди» на сцене столичного театра.

...Она взяла с полки том Григоровича, здесь его «Литературные воспоминания». Чуждый зависти и самомнения, писатель доброжелательно отозвался в своих мемуарах о многих современниках. Черта, достойная уважения... В восьмидесяти годы, когда Григорович после долгого перерыва, уже в преклонном возрасте, вернулся к литературе, он поддержал молодого Чехова: «Вы, я уверен, призваны к тому, чтобы написать несколько превосходных, истинно художественных произведений. Вы совершите великий нравственный грех, если не оправдаете таких ожиданий».

Чехов не остался в долгу перед седовласым мэтром: «Я глубоко убеждён, что пока на Руси существуют леса, овраги, летние ночи, пока ещё кричат кулики и плачут чибисы, не забудут ни Вас, ни Тургенева, ни Толстого, как не забудут Гоголя. Вымрут и забудутся люди, которых Вы изображали, но Вы останетесь целы и невредимы. Такова Ваша сила, и таково, значит, и счастье».

Такова Ваша сила, и таково, значит, и счастье...

Она скользила глазами по строчкам: «дорогому...», «с признательностью за помощь...», «живите долго...», «...на добрую память». Писали коллеги, известные учёные, музыканты, писатели, люди духовного звания.

Вот письмо от старейшего звонаря России Владимира Ивановича Машкова, к которому наш краевед обратился за сведениями о земляке, уроженце села Жданово Курмышского уезда Симбирской

губернии, великом патриаршем архидиаконе Константине Васильевиче Розове. Розов был выпускник Симбирской духовной семинарии, обладатель редкого по красоте баса-профундо. Он пел в симбирских церковных хорах. Машкову приходилось общаться с Розовым, самому несколько раз плыть по Волге и подниматься на Симбирскую гору. Двадцать семь лет хранил звонарь у себя дома склянку с волжской водой...

Сохранились письма Валентина Катаева, Ивана Козловского, Александра Калягина, Александра Варламова.

А вот и пластинка 1938 года с записями популярных мелодий джаз-оркестра Александра Варламова... Ну да, конечно! Памятный многим довоенный медленный фокстрот «Уходит вечер»...

*Уходит вечер, вдали закат погас,
И облака толпой плывут на запад.
«Спокойной ночи!» – поёт нам поздний час.
А ночь близка, а ночь на крыльях сна...*

Первопроходец советского джаза, симбирянин из высокообразованной дворянской музыкальной семьи, окончивший Гнесинку, Александр Варламов руководил одним из лучших в стране джаз-оркестров. В симбирском детстве кроме музыки мальчик увлекался радиотехникой, смастерил самодельный приёмник, по которому слушал зарубежный джаз. Его поразил великий Гершвин, после чего музыка стала его жизнью. Он создаёт свой коллектив, становится дирижёром джаз-оркестра Всесоюзного радио, его коллектив выступает на фронте. Судьбой уготованы ему несколько лет лагерей, но музыка помогла выжить.

Дом, в котором жила семья дворян Варламовых, не сохранился. На этом месте, на пересечении улиц Льва Толстого и Матросова, сейчас официальное учреждение с табличкой, информирующей жителей об этом историческом месте. Но дух времени здесь утрачен... Да, прошлое мы часто можем вернуть, лишь только глядя на табличку, которая доносит до нас то, что было «на этом месте»...

Но и таблички, и мемориальные доски, и памятки были чрезвычайно важны для нашего краеведа. Он так и говорил: «Мне ещё надо открыть несколько мемориальных досок и несколько памятников поставить...». Бежал, торопился, убеждал, боролся...

В своё время он устраивал выступления Евтушенко, привозил в город «ёфикатора» Виктора Чумакова, артиста Юлиана Панича, поэтессу из Вены Наталью Стремитину, вдову композитора Симона Шурина, в годы войны жившего в Ульяновске и получившего здесь начальное музыкальное образование; катался на пароходике по Волге с известным детским врачом и общественным деятелем Елизаветой Глинкой, доктором Лизой... Той самой, которая регулярно ходила на Курский вокзал в Москве кормить бездомных, спасала безнадежно больных детей, доставляла медикаменты в огневые точки мира. Той самой, что погибла в авиакатастрофе на борту Ту-154, летевшего в Сирию. Муж Елизаветы Глинки – потомок известного симбирского землевладельца, композитор Михаил Глинка тоже

в этом роду. Именно за эту ниточку потянул наш краевед...

А вот фотография, где он уже в Чердаклинском Коровине, на родине матери писателя Алексея Толстого Александры Леонтьевны Бостром, урождённой Тургеневой. Симбирская ветвь дворян Тургеневых связана с писателем Алексеем Толстым. И здесь краевед принимает участие в оригинальном проекте ульяновских писателей – установке символического знака, «верстового столба», на месте бывшего имения Тургеневых. Ничто не должно быть забыто, не должно исчезнуть из памяти.

Белые пятна в истории... Он находил эти белые пятна и раскрашивал их. Сам говорил: «Жизнь моя как большая коробка цветных карандашей – то один выдвигается, то другой. Одним карандашом раскрашиваю найденное сегодня имя, другим – найденное завтра...».

И не любил всё искусственное, фальшивое... Говорил, «все эти «кляквы», «койоты», многочисленные «япоши» есть везде, а вот чайная под названием «Аленький цветочек» или «Петруша Гринёв», или «Мимишка» могла бы появиться только у нас, это наше симбирское прошлое, наша самобытность и идентичность.

...Нечаянно в руки ей попался семейный альбом с фотографиями в обложке из слежавшегося плюша. На одной из них, ещё чёрно-белой, была запечатлена семья в ясный майский день: мужчина в двубортном добротном пальто, миловидная женщина в шляпке с букетом цветов и мальчик лет десяти, кудрявый, в новенькой курточке с флажком в руке, улыбающийся, счастливый...

Последние годы он жил вдвоём с матерью, которую трепетно любил, она была его опорой и помощницей, его тихой пристанью после дневных бурь, его ангелом-хранителем.

«Обломов, увидев давно умершую мать, и во сне затрепетал от радости, от жаркой любви к ней: у него, у сонного, медленно выплыли из-под ресниц и стали неподвижно две тёплые слезы...»

«Наша земля – сплошь великие имена. Один Гончаров чего стоит!..» – так он говорил. И с удовольствием каждый год в июне облачался в халат Обломова на фестивале, надевал феску на голову и уютные тапочки, садился на символический обломовский диван, который сам же нашёл в кулуарах местного музея. Или бежал на Венец, в рощу, и вот уж он барин девятнадцатого века, в сюртуке и цилиндре, стоит над обрывом и рассказывает про Княгинин родник, про склеп Киндяковых, про беседку Верину... Увлечённый, стремительный, слегка бутафорски нелепый, открытый миру, вызывающий и улыбку, и восхищение одновременно.

Кто-то нечаянно задел дверцу шкафа, та протяжно скрипнула, отдалённо напомнив ей голос хозяина, отчего вся суета вокруг стала ещё более неуместной и вовсе не обязательной. В соседней комнате на скрип отозвалось старинное кресло, в кухне хлопнула форточка. Солнечный луч скользнул в гостиной по обеденному столу, по скату пианино, пробежал по обоям со сложными узорами, задер-

жался на картине. Звякнула чайная ложка в стакане, матово блеснул подстаканник. Роща на картине встрепенулась и засветилась зелёным светом.

Улыбнулся, ожил мраморный Пушкин, сверкнув белками глаз и белой сорочкой.

Распахнул окно в просторном отцовском доме Языков, вдохнул полной грудью свежий, влажный с прудов воздух, побежал по тенистой вязовой аллее навстречу другу-стихотворцу...

Истерзанный душевной мукой и ещё жившей в сердце последней любовью, больной Тютчев в этот миг вышел из коляски, направлявшейся в родные места, и пошёл один пешком долгой дорогой к дому...

Из пыльного дорожного дилижанса на перекрёстке Большой Саратовской и Московской против высокого каменного дома в Симбирске вышел грузный господин в серых брюках с лампасами, в визитке и прунелевых ботинках, с «одноглазкой» на резиновом шнурке и с нескрываемым радостным облегчением упал в распахнутые жаркие объятия родни, близких, дворни, стремившихся разделить с ним и радость первого литературного успеха, и пленительные воспоминания детства с любимым Ванюшей...

Поручик Лермонтов черкнул последний штрих к своей поэме, поселив героя в Симбирске, в доме на горе, против собора...

А ключница Пелагея расчёсывала на ночь гребнем русые волосы маленькому Серёже Аксакову, наливая ему в кружечку тёплого молока и рассказывала сказку... Ту самую, про цветочек аленький.

Она стояла на пересечении ветров этой прошлой жизни, которая пронизывала её своим странным переплетением простого, прочного советского быта и бестелесным бытованием в нём веков минувших, ощущала касания этой канувшей в Лету жизни колыханием ветра, шелестом страниц, скрипами кресла и дверцы шкафа, позвякиванием посуды, шушаньем газет, запахом герани на окнах. Перед глазами мелькали переплёты книг, выпавшие закладки, партитуры музыкальных произведений, томики стихов, фотографии, ученические тетрадки школьника советских времён – весь тот драгоценный «хлам», что согревал человека и копился годами, был его жизнью и достался нам в руинах для сохранения и продолжения его самого.

...Тучная дама, облокотившись о пианино, сокрушалась о возросших ценах на продукты, тяготах жизни и недальновидных политиках, мужчины

ловко паковали коробки, выносили мусор, строгая и непогрешимая в своей правоте новая хозяйка методично раздавала указания. За окном грохотнул трамвай, в комнату влетел порыв ветра, принёс аромат весны, смешался с запахом книг, смахнул пыль с книжных стеллажей, пианино, с бюста Пушкина. Да, куда ни повернись, а он, Пушкин, везде, смотрит, следит за тобой пристально с доброй, мудрой улыбкой.

Среди сиюминутного шума ей послышался шелест прежней жизни, он пробился, как росток весной. Всё обрело смысл, равновесие и оправдание. Ей на мгновение показалось, что и сам хозяин где-то здесь. Вот его задела плечом, он неуклюже посторонился, чуть прислонился к знакомой тёплой стене. Да, вот его пиджак, непрременный галстук, портфель, шапка, которую он надевал в холодную погоду. Сейчас он выйдет из квартиры, спустится по лестнице во двор и пойдёт торопливым шагом по родной знакомой улице вверх, к Венцу, с ворохом бумаг и новых замыслов. Он обернётся в сторону Гончаровского сквера, кивнет знаменитому земляку, взглянет на стрелки главных городских часов и заспешит дальше, сквозь время, скромный, незаменимый, мешковатый, озабоченный насущным и устремленный в будущее.

...Когда все необходимые дела были сделаны, книги собраны и сложены, сказаны добрые слова близким, она вышла во двор. Светило солнце, было по-весеннему тепло. Во дворе играли дети.

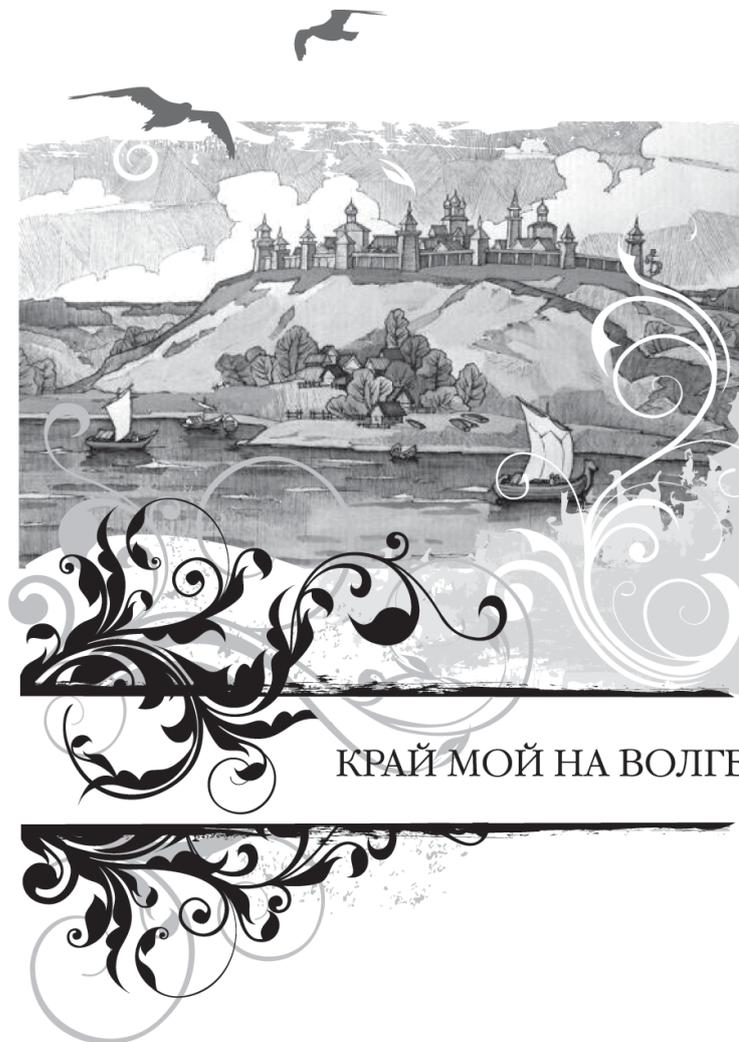
«Мальчик с радостным изумлением, как будто в первый раз, осмотрел и обежал кругом родительский дом с покривившимися набок воротами, с севшей на середине деревянной кровлей, на которой рос нежный зелёный мох, с шатающимся крыльцом, разными пристройками и надстройками и с запущенным садом...»

«Серёжа! Обедать!» – вдруг послышалось из соседнего окна, и весёлый, кудрявый мальчуган лет десяти, в лёгкой курточке, подхватив мяч, быстро побежал в дом на звавший его голос матери. На мгновение ей показалось, что она это уже видела и слышала раньше... Ну, да... Мальчик на фотографии из семейного альбома...

И сомкнулись времена, и откатились годы назад, и полилась музыка со сводов небесных, и всё, казалось, ещё только начинается...

Резкий сигнал автомобиля вернул её в действительность. Сослуживцы уже ждали, нужно было возвращаться.

КРАЙ МОЙ НА ВОЛГЕ

Николай ЛАРИОНОВ, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры Чувашской республики.

ЖИЗНЬ КОРОТКА, А ВОЛГА ВЕЧНА

В начале июля этого года мы с заслуженным работником культуры РФ, членом Союза писателей России Валентиной Тарават по приглашению коллег из Казани посетили село Большое Шемякино Тетюшского района Татарстана. Здесь состоялось мероприятие памяти Николая Сорокина – члена Союза писателей России, публициста, общественного деятеля. Сюда съехались многочисленные гости из Казани, Тетюш, Буинска и соседних сёл. В мероприятиях участвовали жена Николая Михайловича – Лилия Николаевна – и их трое детей.

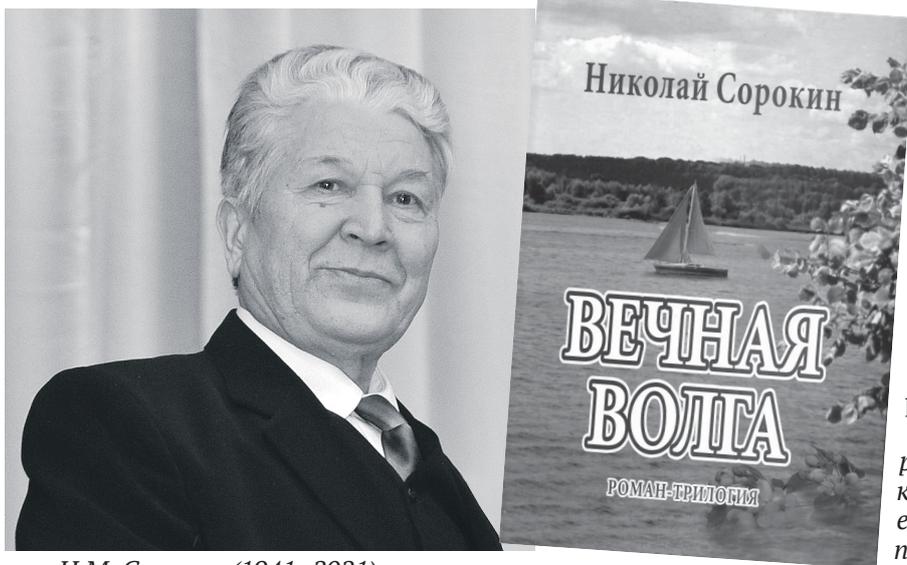
Писатель Николай Сорокин скончался в прошлом году из-за ковида, не дожив до 80-летия три дня, был похоронен в день своего рождения.

Сначала на сельском кладбище состоялось открытие памятной плиты на надгробии Николая Михайловича. На памятник средства собирали всем миром. Здесь провели митинг-реквием.

Затем народ перебрался в сельский Дом культуры, где начался вечер памяти Николая Михайловича Сорокина. Здесь слово предоставили и нам. Валентина Тарават прочитала перед публикой свои стихи, также мы шемякинцам подарили экземпляры журнала «Симбирскъ», книги Анатолия Юмана, наши авторские книги.

Выступает Валентина Тарават

Н.М. Сорокин (1941–2021)

Николай Михайлович Сорокин родился 8 июля 1941 года в селе Большое Шемякино Тетюшского района Татарской АССР в семье сельского кузнеца. В 1958–1959 годах трудился в колхозе «Большевик». В 1959–1961 годах учился в Тетюшском педучилище.

По его окончании стал студентом пединститута, но после армейской службы в 1965 году поступил на историко-филологический факультет Казанского государственного университета. В 1969 году, получив диплом о высшем образовании, начал работать в редакции газеты «Советская Татария» в качестве литературного сотрудника, затем его назначили заведующим отделом промышленности. В 1977–2013 годах он был собственным корреспондентом ИТАР-ТАСС по Республике Татарстан. Ему присвоено звание заслуженного работника культуры Российской Федерации и Республики Татарстан. С 2013 года возглавлял Союз чувашских писателей Татарстана, также состоял членом совета Чувашской национально-культурной автономии Татарстана.

Был основателем, главным редактором газеты «Сувар» и журнала «Заря», выходящих нынче в Казани на чувашском языке. Автор 14 книг, документального фильма «Вера древнего народа», писал он на русском языке. Принимал участие в возрождении и открытии после реставрации православной церкви Параскевы Пятницы в Казани, которая в 1937 году была превращена в пересыльную тюрьму.

Вершиной творчества Николая Сорокина безоговорочно является роман-трилогия «Вечная Волга», увидевший свет к его 75-летию. Эту трилогию писатели из Чебоксар за один год перевели и на чувашский язык.

«Работал над романом пятьдесят лет, а написал его за четыре с половиной года. Как принтер. Задумка была такая – показать жизнь волжан с дореволюционной поры до наших дней.

Исторический период – 100 лет, с 1908 по 2008 год. Образ Волги проходит через весь роман, она – действующее лицо трилогии... Наши предки к Волге, природе всегда относились, как к Богу, кормилице. Люди суеются, враждуют, сокращая себе жизнь,

а надо учиться у Волги, она, не враждуя, спокойно делает свое дело. И современным людям надо учиться у великой реки жить просто, естественно, не нарушая законы природы», – говорил Николай Михайлович.

Идеей и эпиграфом трилогии стали слова автора: жизнь коротка, а Волга вечна! Эти слова высечены и на мраморной книге, на надгробии Николая Сорокина.

Автор взял за основу сюжета романа историю своей семьи.

«Это повествование об истории моего родного села. Мой прадед-крестьянин и дед, трижды георгиевский кавалер, вместе с земляками построили церковь в селе. Во время коллективизации храм был разрушен, а деда сослали на Соловки. Рас-

кулачивали лучших крестьян, которые знали, как работать на земле. Их бросили строить Беломорканал. И они его построили. Чтобы построить такой канал, нужно было лет пять, а они управились за год с небольшим. Это было чудо! Но из 300 тысяч человек, работавших на Беломорканале, более 100 тысяч погибли на этой стройке – многие замерзли, умерли от голода. Об этом первая часть трилогии «Насилие».

Второй том – «Гладиаторы Сталина» – охватывает период Великой Отечественной войны. С начала войны в Марий Эл, в поселках Суслонгер и Сурок, были организованы засекреченные военные лагеря. Но не для репрессированных, а для красноармейцев, новобранцев. В марийских лесах, в глубоком тылу, где не велись бои, погибли целые батальоны новобранцев. Люди умирали от холода, голода, болезней, кто-то кончал жизнь самоубийством, не выдержав тяжелых испытаний. Хоронили их сначала на общем кладбище, а потом тела просто скидывали в овраги и Серебряное озеро. Сейчас говорят о четырех с половиной тысячах жертв этого лагеря. Уже установлены фамилии полутора тысяч погибших. А таких лагерей в СССР было около десятка. Я представлял книгу в Суслонгере. Там сейчас создан музей, посвященный этому лагерю. Все это было под грифом «Совершенно секретно». Долгое время я сам не знал, что и мой отец прошел через этот военный лагерь в Суслонгере. Родители ничего не говорили мне об этом, пока я не отслужил в армии.

А третий том – «Нищая свобода» – начинается с путча 1991 года. В нём рассказывается о современной жизни приволжан, постсоветской эпохе перестройки, мирной революции, робких реформах. Народ хоть и получил свободу, но из-за хищности олигархов вновь оставался нищим. Материал я собирал в архивах, много встречался и беседовал с очевидцами тех событий, которые еще живы, много рассказывал отец. Здесь все документально, ничего не придумано. В книге есть даже архивные фотографии людей, которые стали прототипами героев романа, – рассказывал о создании романа-трилогии сам автор.

Многие читатели увидели в «Вечной Волге» продолжение традиций «Войны и мира» Толстого, «Тихого Дона» Шолохова, а некоторые роман

Участники вечера памяти писателя Н.М. Сорокина

сравнивают с «Архипелагом ГУЛАГ» Солженицына.
 ««Вечная Волга» – это татарстанский «Тихий Дон». Я никогда не читал раньше столь глубоко правдивой книги о нашей стране-великомученице.» (Ф. Сибгатуллин, депутат Госдумы, доктор наук, профессор.)

«Трилогия «Вечная Волга» – своеобразный портрет России: страны-победительницы и её самопожертвенного народа» (И. Шарипов, директор Дома дружбы народов Татарстана.)

А московский писатель, философ Михаил Веллер написал: «Трилогия Николая Сорокина – это народный эпос».

Закончить хочется словами самого Николая Сорокина:

Волга течёт – берега остаются,
 Время бежит – память остаётся,
 Жизнь проходит – мечты остаются,
 Человек уходит – дела остаются.

В июне 2022 года культурная общественность отмечала 210-летие со дня рождения И.А. Гончарова. Торжественные мероприятия проходили не только в нашей стране.

Людмила ДЯГИЛЕВА

НЕУТОМИМЫЙ МИССИОНЕР ГОНЧАРОВА

В Швейцарии вручена премия переводчику романов Гончарова Вере Бишицки

Большой друг нашего города, лауреат Международной литературной премии имени И.А. Гончарова, немецкая переводчица Вера Бишицки награждена еще одной премией в честь дня рождения русского писателя Ивана Александровича Гончарова. Это замечательное событие произошло 12 июня 2022 года в швейцарском городе Цуг.

Имя Веры Бишицки давно известно в России. Специалисты-литературоведы знают ее как переводчицу произведений Гоголя, Тургенева, Чехова... И все-таки на первом месте в этом ряду всегда будет стоять имя Ивана Александровича Гончарова. В прозвучавшем онлайн приветственном слове директора Московского института перевода Евгения Резниченко, которое транслировалось в зале торжества, он безусловно связывает имя Веры Бишицки именно с Гончаровым. И это справедливо, в начале этого года она получила в подарок авторский экземпляр уже шестого переиздания своего перевода первого гон-

чаровского романа «Обломов». Вероятно, многие помнят, что именно за этот перевод Вере Бишицки присудили Международную литературную премию имени Ивана Гончарова. Церемония награждения состоялась в июне 2014 года в Ульяновске, в Винновской роще. Выступая перед ульяновской публикой, Вера Бишицки сказала: «Я глубоко тронута. Мне выпала честь получить премию имени писателя, который для меня является самым близким и любимым, да ещё на его родине. Я воспринимаю Ивана Александровича Гончарова как родную душу, единомышленника. Разделяю его идеалы и хочу представить их немецким читателям, распространить как можно шире».

И теперь – новая награда, но уже на швейцарской земле.

Вера Бишицки
в Швейцарии

Вера Бишицки – автор переводов сборников писем И.А. Гончарова к Елизавете Толстой и к юристу А.Ф. Кони.

В прошлом году Вера Бишицки подарила немецкоговорящему читателю перевод романа И.А. Гончарова «Обыкновенная история». И совсем скоро поклонники русского

писателя смогут прочесть перевод третьего романа – «Обрыв».

В Вере Бишицки восхищает не только ее уникальное трудолюбие, но и то, с каким теплом она относится и к героям Гончарова, и к самому писателю. Работая над переводами, она часто бывала в архивах Пушкинского дома в Санкт-Петербурге. Признавалась, что каждая страничка подлинного письма любимого писателя или фото наполняли ее счастьем. Вера Бишицки называет себя «неутомимым миссионером Гончарова», потому что использует любую возможность «походить по его следам», чтобы не только и понять, и почувствовать Ивана Александровича Гончарова, но и рассказать о нем своим читателям. Ей доставляло удовольствие погружаться в атмосферу позапрошлого века, только так, в изучении различных ситуаций, в чтении га-

Вера Бишицки, Ирина Смирнова на Гончаровском празднике в Винновской роще. Июнь 2014

зет того периода, она лучше и тоньше понимала и характер, и поступки героев, и авторские размышления об их судьбах. В работе над переводами помогала музыка (страницы взаимоотношений между Обломовым и Ольгой были пропитаны звучанием арии «Каста Дива» из оперы «Норма»), важно было изучить даже кулинарные пристрастия героев Гончарова. Как передать немецкому читателю, что такое окрошка, галушки? Все это надо было не только попробовать, но и научиться готовить. Всё это смогла освоить Вера Бишицки. Главное, наверное, в том, что замечательный переводчик, знаток русской литературы смогла почувствовать русскую душу.

От всей души поздравляем Веру Бишицки с заслуженной наградой, с премией, посвященной И.А. Гончарову.

И вслед за Евгением Резниченко повторяем: «Вера, мы вас любим!»

Евгений Резниченко, Институт перевода. Исполнительный директор. Москва, июнь 2022 г.

Приветственное слово по случаю награждения Веры Бишицки премией.

Уважаемые организаторы премии, уважаемое высокое собрание!..

Дорогая Вера!

Не в таком настроении хотел я произносить свою приветственную речь – но ничего не поделаешь... Сейчас на русскую литературу, русскую культуру обрушились обвинения буквально во всех смертных грехах. Как бывало и во все времена, подавляющее большинство таких хулителей понятия не имеют о предмете, который они стремятся оскорбить, унижить, уничтожить. Изничтожить – есть такое русское слово...

Но сегодня я хочу говорить о тех, о той, которая действительно знает, что такое русская классическая литература – и знает ей цену. Я хочу говорить сегодня о Вере Бишицки.

«Из классических литератур русская, пожалуй, самая великая», – говорил Уильям Фолкнер.

Интересно, включал ли он в список русских литературных гениев Ивана Александровича Гончарова?.. Возможно, что и нет. Даже на родине за Гончаровым признавался талант, его произведения были обязательны к изучению в школе, но в ряду Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого ему как-то... не давали места. Так же, как и Николаю Лескову, например. Гончаров и Лесков долго находились словно в статусе абитуриентов, никак не способных получить свой абитуриентский аттестат классической литературной зрелости.

И как это часто бывает в общественном сознании – нет пророка в своём Отечестве!.. – путь на первую ступеньку пьедестала открыло зарубежное признание за Гончаровым статуса «великого», статуса «классика первого ряда». Именно зарубежные переводы «Обыкновенной истории», «Обломова» и «Обрыва» на немецкий, английский, французский, итальянский и многие другие мировые языки, случившиеся в конце XX и уже в XXI веке, возможно, помогли вернуть в полной мере в литературоведческий и читательский оборот и саму личность, и творчество Гончарова.

И именно Вера Бишицки, которую мы чествуем сегодня, выдающийся переводчик, литературовед, исследователь жизни и творчества Гончарова, является, наверное, одним из главных послов русской классики в мировой литературе.

Дорогая Вера! Вы говорили мне: «Гончаров стал моим «главным героем», потому что я чувствую духовную близость с ним, с его личностью, с его идеалами и сомнениями, с его внутренним миром, с обстоятельствами его жизни...» Не удивительно, что Ваши переводы сопровождают обширные комментарии – и это выгодно отличает их от прежних переводов. Вы словно даёте нам путеводитель по жизни и творчеству Гончарова, мы начинаем понимать его жизненные и творческие мотивы, работу его воли, его ума и воображения. Вы также выступили составителем и переводчиком двухтомника писем Гончарова к Анатолию Кони и Елизавете Толстой, это первые их переводы на немецкий язык, также снабжённые интереснейшими комментариями. И я не могу не восхищаться Вашим энтузиазмом, когда дело доходит до поиска издателя, работы с редактором, а потом и до презентации издания. Так, публика, заполнившая книжный магазин в Берлине во время «Обломовского вечера», получила не только литературные чтения, но угостилась и русской настойкой на смородиновом листе, и кренделями – всё Вашего изготовления!..

Русская переводческая школа с немецкого языка – от Соломона Апта до Михаила Рудницкого и Софии Фридлянд – подарила русскому читателю гений Томаса Манна, Эриха Марии Ремарка, Франца Кафки, Фридриха Дюрренматта, Гюнтера Грасса, Петера Вебера – и многих других. А талант и самоотвержен-

ный труд Веры Бишицки дали возможность продолжать жить в немецком языке текстам Гоголя, Тургенева, Чехова и, конечно же, Ивана Александровича Гончарова.

Дорогая Вера, дорогие участники высокого собрания!

«Страдания юного Вертера» и «Герой нашего времени», «Иосиф и его братья» и «Война и мир», «Процесс» и «Преступление и наказание», «Мёртвые души» и «Степной волк», «Дядя Ваня» и «Трёхгрошовая опера» – всё это «обыкновенные истории». И как ни разделяй высокие идеалы и низменные страсти, экологию планеты и рыночную цивилизацию, политику ксенофобии и культуру взаимообогащения – всё это Пути Господни, и все они сходятся, конечно, в сердце каждого человека, отчего это сердце и болит всё чаще, а сегодня – как никогда...

Человечество в очередной раз тянет к обрыву.

Пусть лучшие читатели всего мира потянутся к книжным полкам. Давайте там искать ответы на животрепещущие вопросы, в том числе – и в романе «Обрыв» Ивана Гончарова в переводе Веры Бишицки.

Дорогие организаторы премии, уважаемое высокое собрание!

В заключение я хотел бы поблагодарить всех, кто предоставил мне возможность выступить перед вами, в том числе и замечательную коллегу Веры – Франциску Цверг, которая перевела мою речь на немецкий язык.

И теперь уже в самом конце – дорогая Вера, я Вас люблю.

Мы Вас любим!

Ирина МИХАЙЛОВА, старший научный сотрудник музея «Метеорологическая станция Симбирска» Музея-заповедника «Родина В.И. Ленина».

ВЕЧНЫЙ ПАМЯТНИК ПИСАТЕЛЮ

Планета имени Гончарова

К сегодняшнему дню обнаружено и пронумеровано свыше 300 тысяч малых планет, вращающихся между орбитами Марса и Юпитера. Минимальные расстояния от них до Земли превышают 100 млн. км. На этих расстояниях даже самые крупные из малых планет Вселенной выглядят лишь точками на небесной сфере, в связи с чем они получили название астероидов – «звёздopodobных».

Долгое время малым планетам присваивали имена греческих, римских, египетских и китайских богов, а также мифологических героев. И лишь во второй половине XIX века стало модно нарекать небольшие объекты во Вселенной фамилиями известных людей, а также названиями выдающихся исторических событий и памятных географических мест. Ныне мировое научное сообщество уполномочило присваивать имена и поддерживать номенклатуру названий небесных тел Международной астрономической ассоциации (МАС) – одну из старейших научных организаций на Земле, основанную в 1919 году и объединяющую подавляющее большинство профессиональных астрономов мира и значительную часть соответствующих национальных союзов. В последние десятилетия в связи с активным освоением космического пространства некоторые международные организации стали широко использовать в официальных документах имена малых планет в той форме, которая была утверждена МАС.

МАС создал две специальные рабочие группы, ответственные за наименование вновь обнаруженного небесного тела. Усилиями первой из них сложилась традиция называть самые распространенные формы рельефа на поверхности планет и их спутников (кратеры и горы) именами людей, внесших существенный вклад в развитие земной цивилизации. При этом решено придерживаться следующих трех основных

принципов: присваивать имена людей не ранее, чем через три года после их смерти; не называть объекты в честь религиозных, политических и военных деятелей; не использовать имен богов и пророков ныне существующих религий.

Вторая рабочая группа – Комитет по номенклатуре малых тел – уполномочена присваивать имена малым планетам Солнечной системы и кометам. Она может называть небесные тела именами и ныне живущих людей. Кроме того, ей дано

право присваивать той или иной малой планете фамилии военных, государственных и политических деятелей, но не ранее чем через сто лет после их смерти. Но также запрещается использовать имена священников, богов и пророков ныне существующих конфессий.

Приоритетной возможностью инициировать название малых планет располагают их первооткрыватели – индивидуальные и корпоративные. Если же человек, раньше других обнаруживший тот или иной космический объект, умер или в течение десяти лет этот объект не приобрел постоянного номера, то право его именовать получают астрономические организации, производившие вычисления эфемерид (координат).

Начиная с 1949 года, вместе с сообщением о той или иной малой планете в официальных астрономических изданиях публикуют информацию о реальном человеке, его жизненном пути, заслугах, которые послужили основанием для присуждения его имени небесному телу.

Высокой чести быть увековеченным удостоены свыше 200 писателей – француз Ролан Ролан, американец Эрнест Хемингуэй, немцы Генрих Бёлль и Гюнтер Грасс, русские Иван Бунин, Михаил Шолохов, Борис Пастернак и др. Среди малых планет есть и планета имени русского писателя-классика, уроженца Симбирска – Ивана Александровича Гончарова.

*Малая планета
Goncharov открыта
16 декабря 1976
года в Крымской
астрофизической
обсерватории (КрАО)
астрономом
Л.И. Черных и получила
имя на основании
решения
от 24 января 2000 года
Комитета
по наименованию
малых тел Солнечной
системы МАС.*

Н.С. Черных и Л.И. Черных – основатели программы наблюдений малых планет в Крымской астрофизической обсерватории

Имя планеты занесено в международное научное издание «Эфемериды малых планет», выпускаемое Институтом прикладной астрономии РАН, возглавляющим в России работы по изучению и

каталогизации малых планет Солнечной системы. Официальное свидетельство о присвоении имени астероиду хранится в фондах Музея-заповедника «Родина В.И. Ленина».

Известно, что небесное тело движется в Поясе астероидов между Марсом и Юпитером. Имеет диаметр 18 км и удалено от Солнца на максимальном расстоянии примерно в 466 млн км.

Людмила Ивановна Черных (1935–2017) участвовала в организации крымской программы наблюдений малых планет, руководила работой группы сотрудников Института теоретической астрономии в КрАО, вела в течение трех десятилетий регулярные позиционные наблюдения малых планет и комет на двойном 40-см астрографе.

По числу открытий малых планет Л.И. Черных занимает второе место в мире среди астрономов-женщин. Ею определены многие тысячи точных положений астероидов. На ее счету открытие 268 новых малых планет. За научные достижения и открытие большого числа новых малых планет Людмила Ивановна трижды награждена медалью Астрономического совета АН СССР «За обнаружение новых астрономических объектов» (1975, 1979, 1982).

В соответствии с правилами МАС, имя планеты не может быть изменено ни при каких обстоятельствах, даже если в будущем появится новая процедура наименования небесных тел или возникнут иные взгляды общества на роль или значение той или иной исторической личности. Словом, это – вечный памятник, который может исчезнуть только тогда, когда прекратит свое существование небесное тело с собственным именем или земная цивилизация в целом. Таким образом, используя право первооткрывателя, Л.И. Черных увековечила в космических масштабах в названии малой планеты имя великого русского писателя Ивана Александровича Гончарова.

В программе Гончаровского праздника, который по традиции проходит в нашем городе в июне, всегда есть место поэтам. На открытых площадках звучат стихи, посвященные писателю. Так создается поэтический венок Гончарову.

Галина АНИСИМОВА

ГОНЧАРОВСКИЙ ИЮНЬ

Лето робко расправило плечи,
Справив нежно-зелёный покров.
Назван в честь Иоанна Предтечи
Был младенец Иван Гончаров.

Мастер обыкновенных историй
Про Обломовку, Волгу, обрыв,
Про таинственный лик акваторий
И наивный душевный порыв.

Жизнь свою и что к ней прирастало
Рассказал без прикрас и затей.
Бытописцу совсем не пристало
Окунаться в пучину страстей.

Размываются стекла утопий,
Так же дремлет сонливая знать.
Жизнь как круговороты подобий:
Было, будет...А есть ли? Как знать...

Распадаются судьбы на части.
Буква Ё превращается в Е.
А живая история страсти
Возвращается в небытие.

Нынче солнце над Винновской рощей.
Новый век. Новый год. Новый день.
С нами классик и гений, а проще -
Наш симбирский родной Принц де Лень.

Гончаровские торжества на родине писателя

Татьяна ТРОШИНА, младший научный сотрудник Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова.

ТВОРЕЦ ЖИВЫХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДУШ

«...истинно гармонический и спокойный художник, творец живых человеческих душ – один только Гончаров. Он берёт характеры людей целиком, как живые продукты истории, природы, времени, общества. Никто так не заставляет жить своих героев на страницах книги отдельной, собственной жизнью»

Д.С. Мережковский

2022 год был объявлен Годом народного искусства и нематериального культурного наследия народов России. В этом же году отмечается 210-летие со дня рождения писателя Ивана Александровича Гончарова. Классике золотого века русской культуры на родине посвятили цикл крупных мероприятий.

15 июня череду юбилейных событий предварила церемония возложения цветов к памятнику И.А. Гончарова работы скульптора Л.М. Писаревского, расположенному напротив дома, в котором романист родился и жил.

В этот же день в Торжественном зале Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова состоялось открытие VII Международной научной конференции, объединившей исследователей из разных регионов нашей страны и зарубежья. Научные заседания начались с приветственного слова министра искусства и культурной политики Ульяновской области Евгении Евгеньевны Сидоровой: «Симбирский-Ульяновский край – родина многих известных деятелей культуры, литературы, науки, искусства. Одной из самых значительных фигур является великий русский писатель, уроженец Симбирской губернии Иван Александрович Гончаров. В этом году мы отмечаем 210 лет со дня рождения романиста, а также сопутствующие этому событию юбилейные даты: 165-летие первого публичного чтения романа «Обломов» и 170-летие с начала знаменитого путешествия Гончарова на фрегате «Паллада» в Японию, закончившегося возвращением через Дальний Восток и Сибирь в Петербург». «С 15 по 18 июня, – отметила далее заслуженный работник культуры Российской Федерации, член президиума Союза музеев России, председатель правления Совета музеев Приволжского федерального округа, директор ОГБУК «Ульяновский областной краеведческий музей имени И.А. Гончарова» Юлия Константиновна Володина, – в VII Международной научной конференции, посвященной 210-летию со дня рождения И.А. Гончарова принимают участие более 70 учёных – исследователей жизни и творчества писателя из 20 регионов России, а также Республики Беларусь, Республики Молдова, Венгрии, Германии, Китая и Японии».

В программе заседаний обсуждались материалы к научной биографии писателя, мир его творчества в историко-культурном контексте эпохи, в

*VII Международная научная конференция.
Сотрудники Тульского музейного объединения
В.Ю. Ткач, Е.Л. Райхлина,
директор УОКМ Ю.К. Володина*

русской литературной мысли XX–XXI веков, языковые особенности наследия автора, проблемы художественного перевода. Прозвучали доклады «Языковая игра в романной трилогии И.А. Гончарова» М.В. Захаровой, «Женские образы в эпистолярной И.А. Гончарова: характеристика, функции, контекст» Е.И. Шевчуговой, «Образ Обломова как отражение ментальной сущности русского человека (на материале литературно-критической полемики о романе XIX – начала XX вв.)» Н.Г. Юриной и др.

В рамках конференции работала студенческая секция по направлениям «Романное творчество И.А. Гончарова: телеологическая направленность и ее аксиология», «Книга очерков «Фрегат “Паллада”» и ее значение для творчества И.А. Гончарова, для отечественной культуры и международных отношений», «Компаративные исследования: гончароведение и история русской культуры». Секция была организована Московским городским педагогическим университетом в партнёрстве с музеем И.А. Гончарова. На ней были представлены доклады: «Знак и мотив огня в художественной систематике романа И.А. Гончарова «Обрыв» Е. Беликовой, «Реалии Петербурга в изображении и в оценке И.А. Гончарова (роман «Обыкновенная история»)» А. Ивановой, «Открытие мира: нравы и традиции разных народов (книга очерков И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”»)» А. Михайлиной и др. В целом

студенческое отделение конференции отразило большой интерес молодых филологов к духовному потенциалу произведений великого прозаика.

VII Международная научная конференция продлилась с 15 по 18 июня и завершилась работой круглого стола, приуроченного к 40-летию музея И.А. Гончарова. Почётными гостями мероприятия стали потомки по линии младшей сестры И.А. Гончарова Анны Музалевской из Москвы – многолетняя мама Александра Анатольевна Коляскина с детьми. «Я, как представитель потомков, хочу поблагодарить сотрудников музея за то, что сохраняются традиции, идёт просвещение юных людей. И те проекты, которые вы осуществляете совместно с преподавателями русского и литературы, – это очень важно», – отметила в своей речи Александра Анатольевна.

16 июня в рамках юбилейных мероприятий в Историко-мемориальном центре-музее И.А. Гончарова состоялось открытие большого выставочного проекта «Новая жизнь музея. Десять лет после открытия». Юбилейная выставка позволила представить разные направления и масштаб работы музея на примере значимых поступлений в музейную коллекцию, новых современных форм научной и просветительской деятельности. С 2012 года в Историко-мемориальном центре-музее И.А. Гончарова прошло много крупных музейных событий всероссийского и международного значения. Здесь был создан Совет музеев Приволжского федерального округа, избран первый состав правления, состоялась первая конференция Ассоциации литературных музеев Союза музеев России. За десять лет в партнёрстве с ведущими федеральными и региональными музеями центром-музеем было реализовано 56 выставочных проектов.

17 июня в Историко-мемориальном центре-музее И.А. Гончарова состоялось объявление итогов и награждение победителей конкурса творческих работ «Мой Гончаров – моя Россия», посвященного 210-летию со дня рождения писателя и 170-летию с начала его знаменитого путешествия на фрегате «Паллада». Его инициаторами и организаторами выступили Ульяновский областной краеведческий музей имени И.А. Гончарова, Историко-мемориальный центр-музей И.А. Гончарова и Ульяновское региональное отделение общероссийской общественной организации «Ассоциация учителей лите-

ратуры и русского языка». В конкурсе приняли участие представители Центрального, Приволжского, Южного и Сибирского федеральных округов.

В соответствии с номинациями были представлены эссе, фотографии, живописные и мультимедиа-работы, видеозаписи декламаций и инсценировок отрывков из произведений И.А. Гончарова. Результаты конкурса продемонстрировали неизменный интерес к литературно-историческому наследию писателя, актуальность и современность его произведений, творческий и исследовательский потенциал молодежи.

19 июня в парке «Винновская роща» состоялся 44-й Всероссийский Гончаровский праздник. В одном из самых живописных гончаровских мест работало 30 разнообразных образовательных, выставочных, театральных, музыкальных, поэтических и игровых площадок учреждений культуры г. Ульяновска. Так, модельная Центральная городская специализированная библиотека имени И.А. Гончарова представила интерактивную площадку «Кругосветная одиссея Гончарова», посвященную 170-летию с начала экспедиции военнопарусного судна «Паллада» к берегам Японии. В рамках работы площадки была представлена книжно-иллюстративная выставка «Странствуем с книгой», а также состоялась презентация тревел-скетчука «Фрегат «Паллада»: очерки путешествий», иллюстрации к которому выполнила художник, фотограф Юлия Узрютова. Особым вниманием гостей праздника пользовались историко-краеведческие выставки «Документы о Николае Александровиче Гончарове» и «Александр Иванович Титовский. Штрихи к портрету», организованные Государственным архивом Ульяновской области. Сотрудники Ульяновского областного краеведческого музея в свою очередь подготовили обширную программу: продемонстрировали выставку лучших работ фотоконкурса 2022 года «Экология – Безопасность – Жизнь», представили фрагменты интерактивного спектакля «Большое морское приключение», посвящённого путешествию И.А. Гончарова в Японию, а также провели серию мастер-классов.

В ходе Гончаровского праздника состоялась встреча губернатора Ульяновской области Алексея Русских с творческой молодёжью региона. Также в этот день губернатор наградил победителей конкурса среди молодых работников государственных учреждений культуры Ульяновской области «Обломовское яблоко». Награждены Сергей Кольцов, Ольга Котлобай, Александр Лебедев, Екатерина Воробьева.

Торжественная часть праздника по традиции проходила на летней эстраде парка, где с приветственным словом выступила потомок семьи Гончаровых Александра Анатольевна Коляскина: «Труды Гончарова очень актуальны в наше время, и если проводить параллели, то это очень хорошие уроки для нашего поколения, есть о чем задуматься». Продолжилось мероприятие выступлением Ульяновского государственного академического симфонического оркестра «Губернаторский» с участием солиста Московского государственного академического Большого театра Ильи Селиванова.

Традиционная пешеходная экскурсия по Винновской роще завершила праздник и торжества, посвященные 210-му дню рождения выдающегося романиста, нашего земляка Ивана Александровича Гончарова.

Выставка «Новая жизнь музея». Экскурсию ведёт зав. сектором научно-экспозиционной работы Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова Елена Борисовна Клевогина

ЭХО ГОНЧАРОВСКОГО ПРАЗДНИКА

Возложение цветов к памятнику И.А. Гончарову

Международная научная конференция, посвящённая 210-летию И.А. Гончарова. Выступает Л.А. Сапченко

Выступает Губернатор Ульяновской области А.Ю. Русских. «Считаю, что в юбилейный год было бы символично начать работу над созданием фестиваля имени И.А. Гончарова»

Гончаровский праздник в Винновской роще

Награждение победителей конкурса «Обломовское яблоко». Призёр конкурса Екатерина Воробьева, зав. отделом ДК «Руслан».

Фото Ольги Ронжиной

В ВИННОВСКОЙ РОЩЕ

Картины Алексея Колодина

Ольга ДАРАНОВА

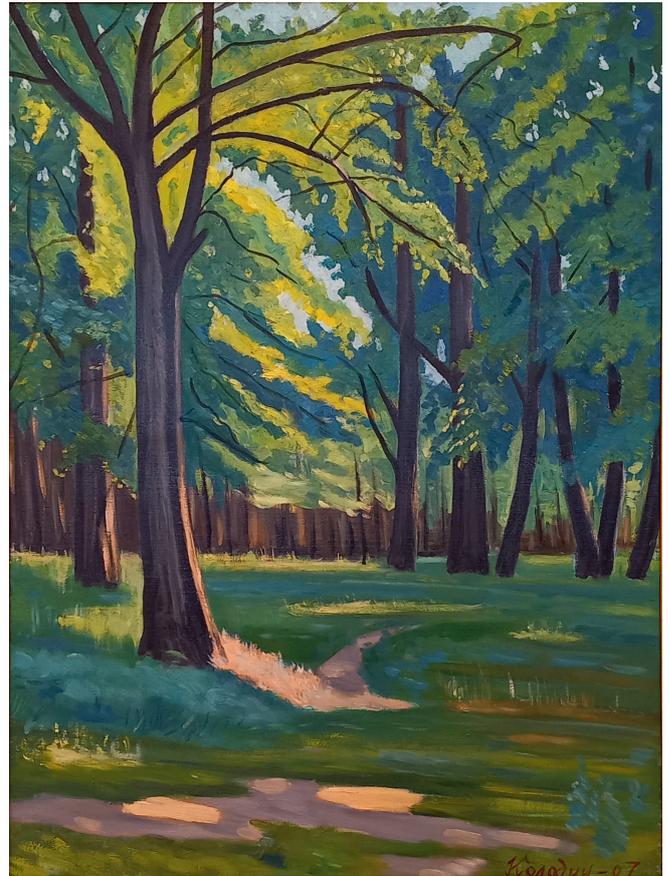
В ВИННОВСКОЙ РОЩЕ

Пройдёмся, друг, по парку не спеша.
Какая осень! Золото забвенья...
Пусть отдохнёт от бремени душа,
Ей сладостно в немом оцепененье.

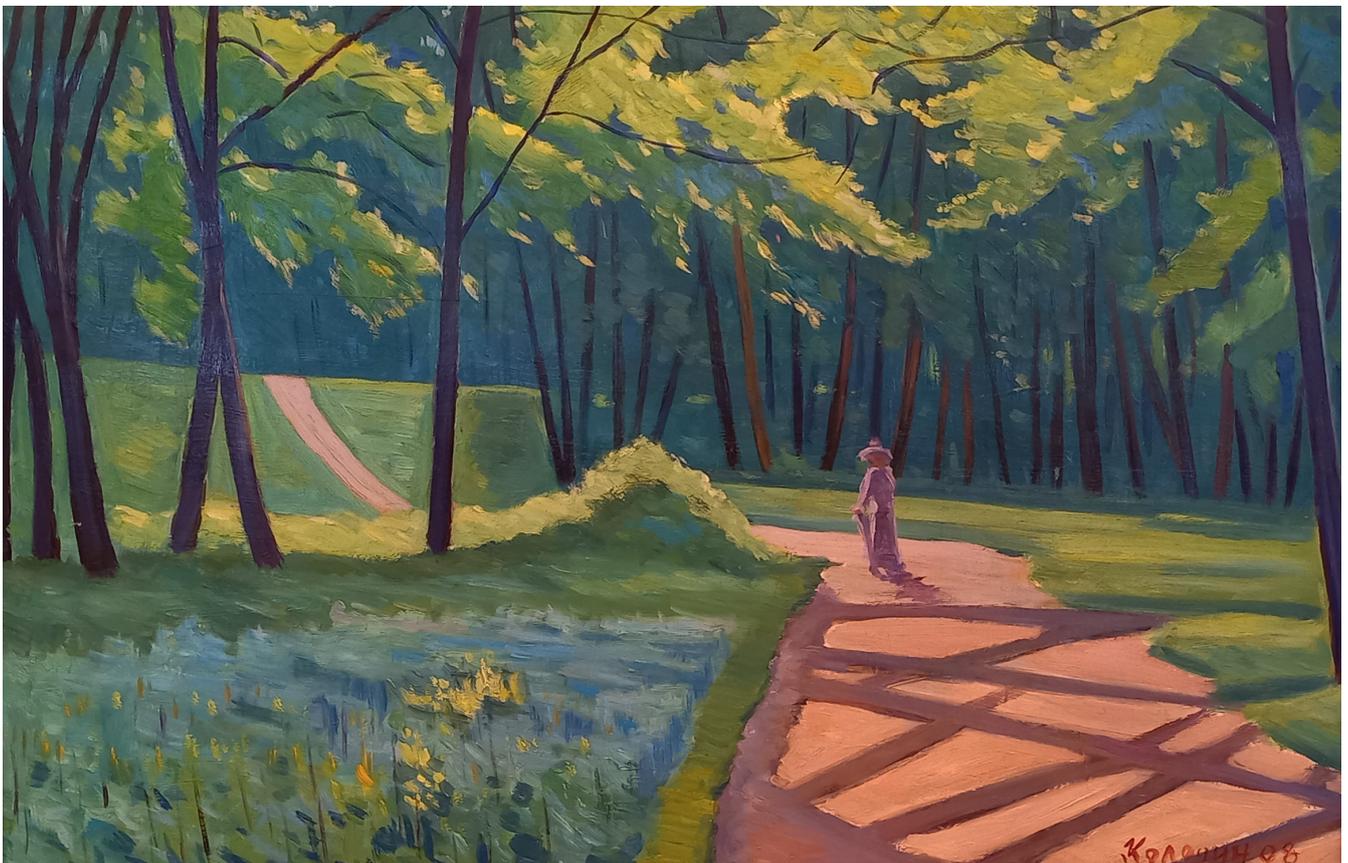
Всё суетно – и речи, и дела,
И ворох дней всё больше утомляет...
А здесь вот так бы просто – шла и шла
По тропке, что к обрыву убегает.

Шуршат дремотно листья под ногой,
Как будто няня сказывает сказку.
Художник-осень влажною канвой
Кладёт на холст оранжевую краску.

А штрих последний – мы с тобой, друг мой.
Картина дня без нас не будет полной.
А в ногу с нами – годы чередой,
Как Волги набегающие волны.

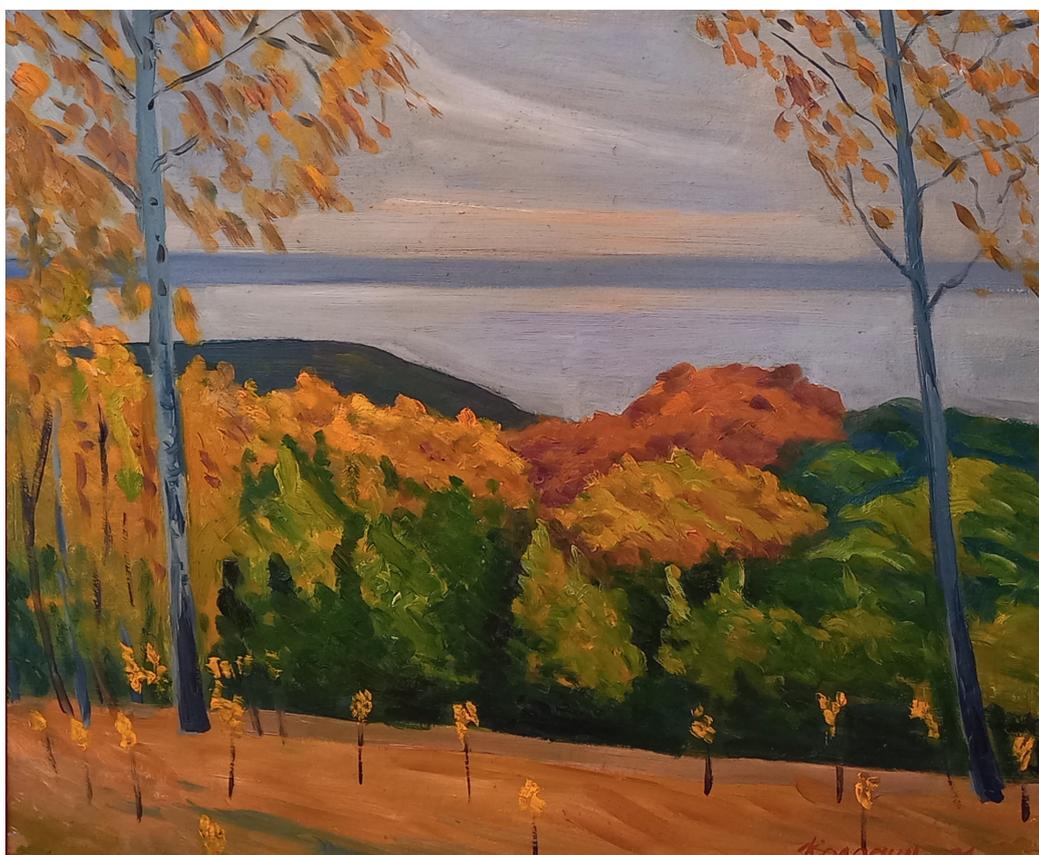
Под сенью дубов. 72x53, холст, масло

В тени аллеи. 71x48, картон, масло

Беседка Гончарова. Обрыв. 74x53, холст, масло, 2002

Волга. Конец сентября. 67x56, холст, масло

Ольга ДАРАНОВА

* * *

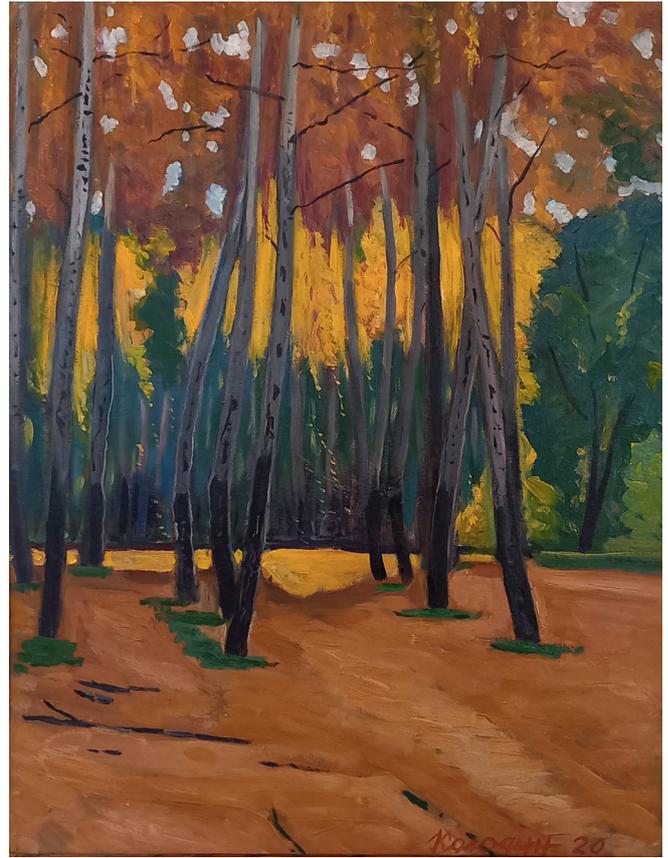
Я вновь в эту рощу и в эту аллею
 Войду, как в обитель, вздохнув глубоко.
 Душой отдохну, ни о чём не жалея,
 Всё лучшее вспомню, и станет легко.

Оставлю здесь боли, хандру и усталость,
 Изношенность дня и коросту обид.
 Излечут меня гончаровские дали
 И Волги просторной торжественный вид.

Уйду по тропинке, и даль меня скроет,
 В душе колокольчик забьётся звеня.
 Земля Гончарова. Родное, родное,
 Далёкое время, ты примешь меня.

Люблю это место и летом, и в осень,
 Когда над оврагом молочный туман,
 И падают листья, и в золоте просинь,
 И вновь оживает нетленный роман.

По скату обрыва, в просвете аллеи
 Мне видится та, чью тоску разделю.
 Слежу, как платок её в липах белеет...
 Как Вера, надеюсь, прощаю, люблю.

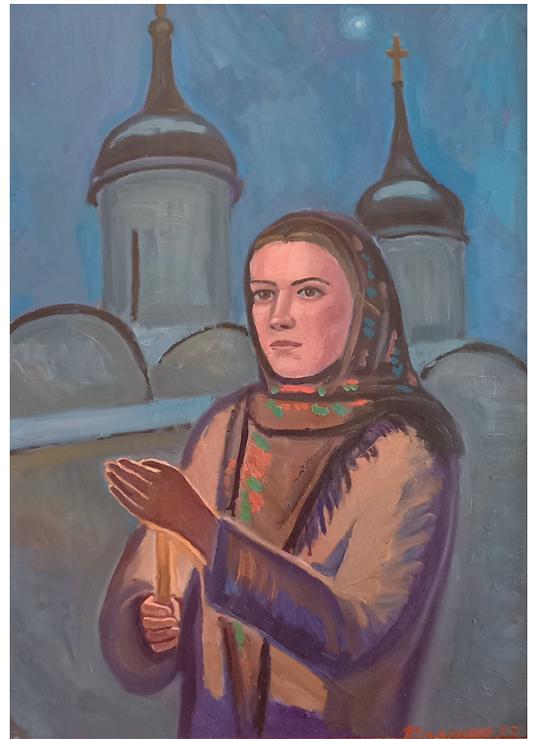
Берёзы. Конец сентября. Холст, масло

Осенний день. Волга. Винновская роща. 73x54, холст, масло

С уловом. 79x68, холст, масло

Ночь перед Рождеством.
76x53, холст, масло

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОГУЛКИ ПО ВИННОВСКОЙ РОЩЕ

На территории Железнодорожного района Ульяновска раскинулось одно из любимых горожанами мест – парк культуры и отдыха «Винновская роща». Здесь часто можно встретить фотографов и художников, которые стремятся запечатлеть волнующую красоту природы и черпают здесь вдохновение для своих картин.

В июне 2022 года в выставочном зале музея «Метеорологическая станция Симбирска» состоялось открытие персональной выставки работ ульяновского художника Алексея Колодина «Сентиментальные прогулки по Винновской роще».

Живописные работы Алексея Владимировича посвящены красоте Винновской рощи – уникального природного, исторического и литературного наследия Симбирска. Идея создания данной экспозиции и ее тематика принадлежат автору картин и возникла в связи с празднованием 210-летия со дня рождения Ивана Александровича Гончарова, из-под пера которого вышли романы «Обрыв», «Обломов», «Обыкновенная история». На страницах этих произведений живут узнаваемые образы родных для писателя мест Симбирска.

Действие в романе «Обрыв» происходит в Малиновке, прообразом которой послужила Винновка – имение дворян Киндяковых. Достопримечательность Винновской рощи – беседка-ротонда установлена в память о писателе и напоминает о беседке, где тайно встречались Марк и Вера – главные герои романа «Обрыв».

Алексей Владимирович Колодин окончил факультет станковой живописи и графики Московского народного университета искусств. В 1986 году вместе с группой молодых ульяновских художников принимал участие в создании творческого объединения «Чёрный конь», основными направлениями которого были андеграунд и сюрреализм. На протяжении многих творческих лет любимая тема художника – пейзажи родного края.

Выставки работ А.В. Колодина проходили в Симбирском доме фотографии, Ленинском мемориале, Музее-заповеднике «Родина В.И. Ленина». Его картины находятся в частных собраниях США, Германии, Италии, Казахстана, КНР и России.

На открытии выставки в музее «Метеорологическая станция Симбирска» автор познакомил зрителей с каждой из своих работ, историей их создания. Алексей Колодин запечатлел рощу в разные времена года. В экспозицию выставки вошли полотна, созданные художником на протяжении 40 лет творческой деятельности. Всего в экспозиции представлено около 40 работ.

Также в музее состоялась творческая встреча с автором в рамках участия в акции «Ночь географии-2022».

**Выставка продлится
до 15 сентября 2022 года.**

Подготовила Ирина Михайлова

Елизавета МАРТЫНОВА

ПОИСК ПОДЛИННОСТИ

О поэте Валерии Кремере (1954–2021)

У каждого из нас есть какая-то сущностная черта, которая определяет всё остальное: характер, поступки, стихи, судьбу. У Валерия Кремера такой сущностной чертой, полно отразившейся во всём им написанном, в стихах и прозе, был поиск подлинности. Не правды, не истины (истинности), а именно подлинности – «настоящего».

Людей Валерий принимал такими как есть, никогда не осуждая никого. Единственное, что его могло оттолкнуть от человека, – ложь, фальшь, отсутствие той самой внутренней подлинности. А сочувствия и понимания в нём было много. Потому, может быть, и к Валерию многие хорошо относились: он умел слушать. И не просто слушать, но и понимать своего собеседника.

Дар сочувствия, понимания другого человека предопределил и его путь: ему в равной степени удавалась и преподавательская, и журналистская работа. Был учителем в сельской школе, методистом в отделе образования, сотрудником «Деловой газеты» в Саратове. Конечно, всё это отразилось и в его стихах, и в прозе: рассказах, эссе, дневниках.

К стихам, своим и чужим, Валерий Кремер относился иначе, гораздо строже, чем к людям. Для него не было разницы между формой и содержанием стихотворения, его суть и форма – одно, и любая излишняя виртуозность для него

тоже становилась фальшью, как всё показное. Стихотворение – суть человека, говорил он мне, в написанном на бумаге автор виден как на ладони, в нём, стихотворении, проявляется всё его человеческое существо. И никакие показные метафоры, сравнения и прочие «завитушки вокруг пустоты» не делают стихотворение стихотворением, не спасают написанное в рифму от этой самой пустоты.

Стихотворение должно быть голосом самого человека, мыслью и чувством, которые обрели звучание. Поэзия, стихи – это Путь, а не убежище. В настоящих стихах «спрятаться» нельзя. И научить писать стихи тоже нельзя. Можно только научиться. Научиться слышать свою внутреннюю музыку и принять музыку других, как свою, если она тебе близка.

Стихи Валерию Кремеру давались легко, и написанию их не мешали никакие обстоятельства. Как будто бы внешняя жизнь шла своим чередом, а его, поэтическая, – своим. Он мог сесть и написать стихотворение сразу, за пять минут, без помазок, без черновиков. Он не думал с ручкой в руке над листом бумаги. Но это происходило так только потому, что в душе у него шла постоянная внутренняя работа, которая и была поиском подлинности, поиском себя.

Валерий Кремер был занят внутренней своей действительностью настолько, что внешняя реальность его интересовала мало. Существование «внутри музыки» напрочь лишало мелочности, желания о чём-то просить, чего-то добиваться специально: книг, публикаций, выступлений, критических отзывов.

Кроме того, его стихи не были связаны с теми внешними обстоятельствами, которые дают новостной повод: каким-нибудь праздником, днем города, например, или полётом в космос. Ведь СМИ, как правило, «извещают» о тех произведениях, которые или привязаны к чему-то (кому-то) тематически, или получили какую-то премию. Кому нужны стихи, связанные с поиском Себя, поиском своего Пути в то время, когда все стараются от себя убежать? Убежать куда угодно, только бы с Собой, своей душой не встретиться.

Пустота души – самое страшное, что может быть. И неизвестно, что страшнее: осознать эту пустоту или так и жить, не зная о ней.

И эта пустота так и останется, если человек не перестанет бояться сам себя и не начнёт поиск своего Пути.

*Если ты ищешь Путь,
Он лишь один – Путь травы,
Взламывающей асфальт,
Чтобы стать собой.*

Путь для Валерия Кремера – это не просто ключевое слово, а главное в его поэзии. Когда поэт не боится жить, он движется, ищет, проходит свой Путь. Ведь Путь – это не только он сам. Путь – это всё что его окружает, что его любит или не любит, принимает или отторгает. Это Путь через время – к любви и постижению себя во времени, в любви, в Боге.

Конечно, стихи Валерия Кремера отражают свое время – не публицистически, не газетно, а

скорее – через сознание человека, который в этом времени жил. Прекрасно сказала об этой особенноти критик Наталия Тяпугина: «*Стихи Валерия Кремера мудры и органичны, как сама жизнь, проникнуты глубоким душевным чувством и болью. Они рожают тот бередящий наплыв чувств, что и есть доказательство подлинности дара. Это дар, который даёт право поэту говорить, о чём ему надобно: о любви, её могучей силе и беззащитности; о времени, бесконечно текущем и так быстро иссякающем; о своём поколении. Валерий Кремер откликнулся на своё время талантом, опытом, жизнью, страданием и выраженной в слове любовью.*»

Многие стихи преодолевают время и становятся притчей, применимой к любому времени, любой эпохе. Характерны в этом смысле стихотворения «Слепые лётчики», «Поколение ноль» и многие другие:

*Не вместить никак в монету
Русских душ неясный гул.
Счастье где-то, где нас нету,
А на нашем берегу
Лишь мечтанья о шинели
Да несчастья уму,
Странный свет в конце туннеля –
Проводник из тьмы во тьму...*

Валерию Кремеру важно было выразить суть. И понять, как человек, его совесть существуют в подчиняющемся его мире. Как он сопротивляется или смиряется со своим временем. И как время само становится мифом, символом, переключаясь с классической поэзией. Потому и отсылки к произведениям классики не случайны, они спрятаны в сердцевине многих его стихов:

*Открой окно. Вдохни сто граммов пыли.
Ведь всё равно мы жили, но не были.
И не узнать нам, сколько до конца:
До тонны пыли иль куска свинца.
Мы жгли мосты и корабли топили.
Куда ж нам плыть? Когда уже приплыли?
Когда известны роль, король, пароль.
И путь кремнист. Но парус свела моль.*

Своими стихами о времени Валерий Кремер отличается от многих современных ему поэтов, которые зачастую выбирают для отражения (выражения) времени или только прямое высказывание, или привычные языковые штампы. К штампам у него было стойкое отвращение после многолетней работы в газете. Понятно, что в этой работе без штампов не обойтись, но угнетала невозможность до конца сказать правду.

*Как вдохновенно, как упруго
Несётся звонких слов поток.
Слова легко плодят друг друга,
Чтоб заглушить души зевок.
Они играют так искусно
Поступка, мысли, чувства роль.
А вздох правдивей слова «грустно».
А стон правдивей слова «боль».*

Безысходность, трагичность времени можно преодолеть только любовью. Это та сфера, в которой человеку и труднее, и легче найти свой Путь, потому что она дышит подлинностью:

*Кто сердцем тронул эту нить
Дождя, полёта и Пути,
Тот знает, что дождю – дарить,
Душе – любить, траве – расти...*

И в прозе Валерий Кремер говорит о том же: «Жизнь – бесконечное количество возможностей. Но мы живём так скудно, убого, довольствуясь лишь крохами радостей, и не умеем наслаждаться тем, что можем видеть, слышать, чувствовать, петь, танцевать, любить, прикасаться пальцами и губами к нежной плоти бытия.

Почему нами управляют страх, условности, придуманные кем-то для своей выгоды правила? Ведь победить можно только любовью.

Любить небо и землю, облака и деревья, всё живое и дышащее. А главное – людей. Ближних и дальних. Жить внутри любви. Пусть несчастные дерутся, мечутся, отнимают друг у друга копейки и крошки. Не нужно хватать их за руки, угрожать, заклинать. Утративших разум и человечность ничем не остановишь. Надо противопоставить им любовь, окружить любовью, взять любовь в плен. Это будет магнитом, который постепенно притянет всех. И перетянет...» (из повести «Спрятанный свет»).

Любовь – попытка себя найти в этом мире, найти отражение самого себя, обрести гармонию с миром, осознать единство, подлинность существования.

*Не плачь: всё оживёт опять.
Залижут раны лес, река.
И осядет твоя щека
Дыханья жизни благодать.
Обнимет вновь строку строка,
Моя ладонь твою найдёт,
Мы тоже лес и облака.
Ты слышишь: нами жизнь поёт...*

Именно стихи о любви уравнивают тяжёлые, мрачные произведения о времени в книгах «Путешествие к Центру Вихря» (2005) и «Свидетельства о жизни» (2007). Любовь и есть то самое «свидетельство о жизни», единственный луч и единственный свет, спасающий от безнадёжности, из тупика, позволяющий выжить во времени, которое всегда жестоко, всегда не наше.

*Что касается жизни,
То всё, как и прежде:
Вор ворует, властители лгут.
Мчатся птицы на юг, листья жгут,
Сердце бьётся в привычной надежде
На счастливый исход.
Не успеешь моргнуть – Новый год.
Что касается счастья,
Ты спишь под моею рукой –
Самый вольный покой.
Вдруг вздохнёшь*

*И глаза распахнёшь,
В них любовь, как вчера, как всегда.
Значит, всё не беда.
Пусть полёты летальны,
И в воздухе дальнем
Затаилось паденье, как тать,
Ты со мной –
Жизни отклик живой.
Ради этого стоит летать.*

Когда я читала – и читаю – стихи Валерия Кремера вслух или про себя, меня всегда поражали и радовали их живые, разнообразные интонации, чёткость формулировок, точность поэтической речи. Ранние стихи более афористичны, но при этом многие из них сложнее образно, метафорически. Поздние – проще и музыкальнее. Они не утратили своей поэтической точности, но стали иными, менее плотными образно, более прозрачными.

В этом смысле интересно привести стихотворения «Сон» (2007) и «Остров» (2021). «Сон» – вроде бы привычно-романтическое название. Сон во сне... Жизнь как сон, любовь как единственная реальность. Но это чётко сюжетное стихотворение: два берега, две реальности. Миф о любви, которая позволяет быть живым.

Стихотворение «Остров» – развёрнутая метафора одиночества и уединения. Но она вмещает сразу несколько музыкальных тем: одиночество, творчество, любовь. Простое прозрачное стихотворение – странник нашёл свой остров, сюжет замкнулся, и поиск тоже идёт к завершению.

Лирический герой Валерия Кремера движется от желания сделать гармоничным окружающий мир – к тому, чтобы достичь мира внутри себя. Это и есть цель верующего человека, думающего о своей душе и интуитивно знающего о бессмертии. («О как поверить я хочу / Объятым вечных крыл! / Я шёл по звёздному лучу / Сто раз. Я лишь забыл...»), это и есть его Путь – поиск смысла:

*Ты ищешь смысл, а смысла нет.
Жизнь движется сама собой.
И там, в кружении планет,
Лишь вечный сон и вечный бой.
Но человек душой своей
Не в силах этого понять.
Он ищет смысл: он кто? Он чей?
И хочет истину обнять.*

Если в первых книгах Валерия Кремера Путь – понятие скорее философское (Путь – то, что впереди), то в последних книгах («Других днях», «Страннике», «Острове») Путь – то, что уже совершилось или совершается как сама жизнь, как течение жизни. В первых книгах – это чисто символическая изменчивость лирического я, его текучесть.

*Никому никуда никогда не дано возвратиться.
Ты глядишь мне в глаза, только кто я – никак не поймёшь.
Ты меня ещё помнишь камнем, а я уже птица.
Ты меня уже видишь свечой, а я ещё дождь...*

Автор книг «Времени Вдоха» и «Острова» один и тот же человек, просто находящийся в разных точках жизненного пути. Во «Времени Вдоха» он этот путь начинает (поэтому и книга называется так), поэтому она полна надежд. Её основная интонация светлая и радостная, и зло – несмотря ни на что – кажется преодолимым.

*Порыв иссяк. Утихла дрожь.
Огонь свечи погас.
Нас снова заманили в ложь.
Уже в который раз.
Что ложь огня, что темноты –
Их равнозначен куш.
И одинаково пусты
Сосуды лживых душ.
Их позолоченная медь
Звенит одно и то ж:
Что правде – время умереть.
Но это, к счастью, ложь.*

Свет надежды всегда оставался в его книгах. Но изменяется тональность, исчезают иллюзии. Исчезают и трансформируются пространство и время, наступают «другие дни», а предчувствие Пути обобщается постоянным странствием («Странник»).

*Умереть и заснуть
В октябре или в марте.
Это пройденный Путь –
Только точка на карте.
Остаётся идти
И идти поневоле,
В этом долгом Пути
Столько счастья и боли.
В этом долгом Пути
Одному научился –
Говорить: «Ты прости,
Я запутался, сбился».
Но осталось одно,
Как награда и праздник –
Дорогое окно,
Что прощает и дразнит.*

«Остров» – конечная точка Пути. Именно в последних стихах поэт говорил о том, что не готов к новому: «В том-то и дело, что я понимаю, / Что не готов ни к апрелю, ни к маю, / Ни вообще ни к чему не готов». Не пессимизм, не трагизм (трагедийного гораздо больше в «книгах перелома» – «Путешествия к Центру Вихря», «Свидетельства о жизни»), а скорее усталость и примирённость – с тем, что человеку в жизни почти ничего нельзя изменить, но можно «обрести себя». Остаётся надежда только на это «почти» – и на то, что Путь этот пройден был не даром.

* * *

Итогом творческого и жизненного Пути Валерия Кремера стала книга избранных стихотворений и прозы «Вода небесная светла», которая вышла свет весной 2022 года, почти через год после ухода из жизни её автора.

Это «книга о жизненном опыте человека, который отправляется в дорогу, чтобы обрести себя – и постепенно понимает, что сделать это можно, только если радостно и трагично, ценой обретений и утрат познать свою душу, которая необъятна, как Вселенная».

Главы в «Избранном» расположены в хронологическом порядке. Одна из сборников, «Время Вдоха» (стихи, написанные с 70-х годов прошлого века до 2000 года), вошла в избранное полностью – автор считал её самой удачной из всех...

Затем – отобранные стихотворения из основных сборников: «Путешествия к Центру Вихря», «Свидетельства о жизни», «Под небом молодым», «Других дней», «Странника», и новые стихи из неопубликованной книги «Остров». Завершает избранное проза из сборника «Спрятанный свет»: миниатюры, рассказы, короткая повесть, эссе.

Для прозы Валерия характерны предельный лаконизм, точность формулировок – такое «короткое дыхание». Валерий говорил, что написать большую вещь у него не получается, хотя желание такое было, и со временем повести распались на отдельные рассказы.

Многие вещи, в том числе и эссе, взяты из старых записных книжек, но записи эти фиксируют не автобиографические факты, а «внутренние» события, размышления о жизни и литературе.

Конечно, это «проза поэта». Миниатюры, маленькие рассказы, все они словно пунктиром написаны. Главный герой в них – сам автор, его мысль – о человеческом предназначении на земле, о человеческом Пути, о любви и свободе:

«Человечество объединяет и уравнивает Тайна. Мы все стоим перед лицом неизвестности и личной, и общей – огромной непостижимой реальностью и вовне, и внутри. Всё остальное – идеология, наука, даже искусство – попытки ограничить Тайну. Сузить её размеры. Как-то объяснить, привести в соответствие с логикой, моралью и так далее. Некоторым людям и даже государствам это вполне удаётся. Они будто идут по узкой тропке в горах, стараясь не оборачиваться и не смотреть вниз, защищаясь от непостижимого и необъятного. От страха упасть в бездну.

Все люди – братья и сёстры по Тайне. За это их стоит любить, жалеть и восхищаться ими. На нашей планете – миллиарды Тайн, миров, пространств, времён...»

Думаю, что эта книга даёт представление о том, что Валерий Кремер создал в литературе и что для него было важным в жизни и в поэзии.

Валерий КРЕМЕР (1954–2021) родился и жил в Саратове. Окончил филологический факультет СГУ. Служил в армии, работал учителем в сельской школе, корреспондентом в различных газетах г. Саратова.

Член Союза писателей России. Публиковался в периодической печати с 1973 года. Стихи печатались в саратовской периодике, коллективных сборниках Приволжского книжного издательства, журналах «Молодая гвардия», «Волга», «Волга – XXI век», «Московский Парнас» (Москва), «Новая Немига литературная» (Беларусь), «Нижний Новгород», в литературно-художественных альманахах «Саратов литературный», «Зеленый остров», «Сюжет», «Моргенштерн» (Союз российских немецких писателей), «Тритон» (г. Москва), «Трехцветная кошка» и «Сквозь тишину» (г. Санкт-Петербург).

Лауреат фестивалей поэзии в г. Волгограде и г. Сызрани. Автор восьми книг стихов: «Путь» (1990), «Время вдоха» (2000), «Путешествие к Центру Вихря» (2005), «Свидетельство о жизни» (2007), «Под небом молодым» (2010), «Другие дни» (2014) «Любошь» (2016), «Странник» (2017) и прозаической книги «Спрятанный свет» (2015).

В 2022 году вышла книга избранных стихов и прозы «Вода небесная светла».

ЦВЕТЕНЬЕ ТАЙНЫ

Стихи из книги «Вода небесная светла»

ПОЭТ

Ты в битву музыки и речи
Ворвался, сам не зная как,
Разжав и голос, и кулак,
Боль, как ребёнка, взяв на плечи.
Земля простит за странность странствий,
Сожмёт в объятиях, когда,
Засеяв нежностью пространство,
В нее войдешь ты навсегда...

* * *

Опять предчувствует душа.
И ждёт. Руки, лица, поступка,
Чьего-то взгляда, крика, стука
Ждёт напряжённо, не дыша.
И не помочь. И не спасти.
Не утаить себя от взрыва.
От строчек нервных, торопливых,
От слов, что не произнести,
От мук беззвучия, бессилья...
Хватать луч света за окном,
Всю ночь искать. Найти лишь днём.
И рухнуть. И почуять крылья...

* * *

Срубили дерево, что пело,
Меня встречая на тропе.
Его обрубленное тело
Едва виднеется в траве.
Остался пень.
И он от страха
Разбитых губ не разожмёт.
Понадобится – станет плахой,
Но никогда не запоёт.

ОЧЕРЕДЬ

Синева над головами.
Белый свет ещё не роздан.
Вы последний? Я – за Вами
В этой очереди к звёздам.

Затуманен мир словами.
Не нашарят твёрдость руки.
Вы последний? Я – за Вами
В этой очереди к скуке.
Накопилось под словами
Столько горечи и соли!
Вы последний? Я – за Вами
В этой очереди к боли.
В этой очереди к Стиксу
Вы последний? Я – за Вами...
Просыпаясь, бьёт крылами
Ангел, что подобен иксу...

* * *

...И стала тишина навесом.
И нас укрыл безлистный лес.
И отдалённый ночи всплеск.
И птичий взгляд звезды над лесом.
И ночи медленной река
Всё приближалась, всё густела.
И мы вошли, в руке рука,
В её мерцающее тело.
Сожми ладонь. Нам по пути
С рекою ночи, полной жажды,
Пусть дважды не дано войти
И выйти не дано однажды.
Ведь ночь – река, а не глоток
Расплавленного солнцем снега.
Сожми ладонь. Ночной поток
Впадает в утреннее небо...

* * *

Пойми меня хоть раз,
Ведь стоит постараться.
Слова одни у нас,
Но трудно докричаться.
Не долетает крик,
И шёпот тает снова.
Несложен мой язык.
Скажи на нём хоть слово!

* * *

Вселенная объята тьмой.
 В ней всё иначе.
 И блудный сын бредёт домой
 И горько плачет.
 С лица стирает соль и гной,
 И коченея,
 Он лишь твердит: «Домой, домой,
 Домой скорее...»
 И видит, что не перейти
 Сквозь ночь итога.
 И шепчет, падая: «Прости»
 Как имя Бога.

* * *

Ты вся навстречу, словно дождь.
 Ты улыбнёшься, проходя,
 И по душе моей скользнёшь
 Хмельною свежестью дождя.
 Да будет радостен твой путь
 По невесомому лучу!
 Мы встретимся когда-нибудь:
 В жару я ветром прилечу.
 Кто сердцем тронул эту нить
 Дождя, полёта и пути,
 Тот знает, что дождю – дарить,
 Душе – любить, траве – расти...

* * *

Не потеряй меня. Ведь это
 Так просто. Проще, чем найти.
 Пусть кажется, что всё допето,
 И трижды пройдены пути,
 Мы не равны своим ответам,
 И в этом есть спасенья нить:
 Немного солнечного света –
 И нас уже не победить.

* * *

Громыхает смутная эпоха
 Лживыми словами на крови.
 Но ещё настанет Время Вдоха –
 Время Возвращения Любви.
 Луч блеснёт – и сердце отзовется.
 Сквозь базарный гвалт и пёстрый хлам
 Подлинность поющая пробьётся,
 Разломив эпоху пополам.

* * *

О чём ты плакала тогда,
 Среди весны, на старой даче?
 О том, что будет все иначе,
 Когда настанет Никогда?
 Ещё не падала с небес
 Усталая, слепая влага.
 И у травы была отвага
 Расти и превращаться в лес.
 Ещё звенели провода,
 И всё вокруг цвело и пело.
 Что знала ты? О чем жалела?
 Я не узнаю никогда.
 Я целовал твои глаза.
 Потом искал ключи и спички
 Мы спали, сидя в электричке,
 Молчанье в город увозя.
 Навстречу мчались поезда,
 Попасть пытаюсь в Навсегда...

* * *

Мы только выучились жить
 И от судьбы не ждать подвоха.
 Пока мы вышли покурить,
 Сменились ветер и эпоха.
 Мы дверь толкнули в темноту
 И думали, нам черт не страшен,
 Входя в страну уже не ту,
 Совсем не ту. Совсем не нашу.
 И долго привыкали к ней
 Душой озябшей и ослепшей,
 Не узнавая и теней
 Вчерашней жизни, нами певшей.
 Всё стерлось, всё сошло на нет
 В игре летящей вихрем пыли.
 И нас окликнул только Свет.
 Свет, о котором мы забыли.
 Лишь он не признаёт Игры,
 Не предаёт, не убывает
 И нежно льётся изнутри
 Во мрак, что лжёт и убывает...

MAME

Помолись за меня, дорогая.
 Жизнь не злая, а просто другая,
 Не моя. Толкотня, круговерть.
 Суета не на жизнь, а на смерть.
 Что поделать, я – певчая птица.
 Не случилось мне ловчим родиться.
 Я рождён, чтобы петь и любить.
 А за окнами – время ловить.
 В жизни ложной и согнуть несложно
 Среди битв, что гремят ради битвы.
 Помолись за меня. И, возможно,
 Удержусь я на лезвии бритвы.

* * *

На бытие глядишь в тоске
 И жаждешь мятежа,
 А жизнь дрожит на волоске,
 На острие ножа.

Мир – только замок на песке,
 Пой вместе с ним, пока
 Трепещет жилка на виске,
 И мчатся облака.

О как поверить я хочу
 Объятьям вечных крыл!
 Я шёл по звёздному лучу
 Сто раз. Я лишь забыл...

* * *

Что тебе подарить в ответ
 На любви лепет?
 У меня ничего нет.
 Только слов трепет.
 Будет день до конца спет,
 Надо лишь посметь.
 Ведь у нас ничего нет,
 Только жизнь и смерть.

ДРУГУ

Сад подрубен, садовник подкуплен,
И земная колеблется ось.
Голос друга чуть тлеет, обуглен:
«Мы не Стали. Нам не удалось».
Не спеши. Не погаснет лампада,
Если веришь в добро, как дитя.
Неспроста эти пальцы, коль надо,
Разгибают подкову шутя.
Хоть измена у нас в обороне,
И стаканами хлещем враньё,
Те, за морем, нас рано хоронят,
Да и местное лжёт вороньё.
Всё ходили путями глухими,
Но пока на плечах голова,
Мы – упрямцы с корнями живыми,
Что вцепились в родные слова.
Всё сильнее земное вращенье,
Ближе края смертельный оскал.
Мы настанем. И будет Прощенье
Всем, кто верил, любил и искал.

* * *

Вода небесная светла.
И ты, шепча: «За что мне это?»
В неё впадаешь, словно лето
И пруд, и поле, и ветла.
Судьба пока не догнала.
Она тебя настигнет всё же
Когда-нибудь. Но позже, позже.
Вода небесная светла.
Всё ранящее растворилось,
О что так долго сердце билось,
Как бабочка о край стекла.
Вода небесная светла.
Мир не затем, чтоб стать увечным,
Но быть светящимся и вечным,
Раз выдохнуть душа смогла:
«Вода небесная светла!»

СОН

Когда сомкнётся холода кольцо
И завьюжит – не выйти на крыльцо,
Уснут земля в снегу, вода в оковах.
Когда сомкнётся холода кольцо,
Я буду вспоминать твоё лицо,
Волос траву и голос родниковый.
Ты мне не дашь застыть, окостенеть,
Ты будешь так в душе моей звенеть,
Что станет жарко и утихнет вьюга.
Пусть мы на разных берегах реки,
Солжёт, кто скажет: «Как они близки!»
Мы не близки – мы проросли друг в друга.
Здесь на далёком мёртвом берегу
Я от безумств усердно берегу
И лёгкие, и печень, и аорту.
Вокруг обманно-мёртвые слова
И рифмы, как пароль: трава – мертва,
Чтоб знали: я – как все, такой же мёртвый.
Но ты толкнёшься вдруг, и я смогу,
Смеясь, остановиться на бегу
И ощутить: растёт в гортани слово.
Я оживу на несколько минут,
И все меня с опаской обойдут,
Издали почуствовав живого.

ПОКОЛЕНИЕ НОЛЬ

Поколение ноль
Приближается к смерти,
Возлюбив свою боль,
Словно деньги в конверте.
Выпив столько вины
Под раздачу Отчизны,
Что уже не нужны
Плачи и укоризны.
Нас сломали два раза,
Мы – дважды нули,
Наши мёртвые фразы
Надгробьем легли.
На губах – пыль и соль.
Ветер носит враньё.
Поколение ноль
Отыграло своё.

* * *

Нежное небо. Полоска заката.
Рыже-лимонная тянется нить.
Странно представить, что жил здесь когда-то.
Странно представить, что буду не жить.
Что перестану любить и касаться
Всей этой нежности. Просто уйду
В тёмное небо. Чтоб где-то остаться,
Будто ребёнку в детском саду.
Мама, отец – где вы, где вы, родные?
Смотришь в окно, ничего не любя.
Думаешь, завтра опять выходные,
И ни к кому не отправят тебя.

* * *

Ночная улица поката,
Как будто падает куда.
Ну да. Я был на ней когда-то.
Да, был. В давнишние года.
Цвела сирень. Фонтаны били,
Разбрызгивая синеву.
Мы были. Помнишь, точно были,
И не во сне, а наяву.
Ты помнишь? Главное, что помнишь,
Всё остальное – ерунда.
А что нам в помощь, что нам в помощь?
Лишь крест, надежда и звезда.

* * *

Жизнь прекрасна, а ночь коротка.
Дай мне руку, любимая.
Видишь, вспыхнула в небе строка
Лучезарная, зримая.
Разлучимся, но так далеко
Это страшное таинство.
Так прозрачно, волшебю, легко
Всё, чего мы касаемся.
Не забудь, только ты не забудь
Ничего из прошедшего.
Только путь. Только пройденный путь.
И блаженство нашедшего.

* * *

Когда-нибудь проскачет это время
Отрядом конармейцев удалых
И скинув в день печальный тела бремя,
Я мифами останусь для живых.
А что в остатке? Лишь совсем немного:
Лепил из слов неясный идеал,
Старушку перевёл через дорогу
И женщину навек поцеловал.

* * *

Всё получилось так, как получилось,
Сложилось в пазл, понятный лишь душе.
И сетовать, увы, смешно уже,
Что главного, быть может, не случилось.
Как знать, как знать... Настойчивые тени
Былого так же властны надо мной.
Но главное летит, как лист осенний,
Освобождая сердце тишиной.

* * *

Обойдёмся без трагедий –
Я умру, как все,
На пути к своей победе,
Взлётной полосе.

Но останется как эхо,
Эпилог-пролог –
Всё в стихах, куда доехал
И куда не смог.

* * *

Всегда один. Всегда с самим собой.
Так было с детства. С дальних тех минут.
Теперь он округлился, остров мой,
Который одиночеством зовут.
Здесь хорошо. Здесь птицы и цветы.
Нет толкотни и сплетен, и вранья.
И знание, что где-то рядом – ты.

Моя навек. Одна. Навек моя.
Когда мне вдруг невмочь, и жизнь – беда,
И я забуду, этот остров где,
То ты ко мне приходишь иногда
По верной, затвердевшей вмиг воде.
И всё, как прежде, мы с тобой вдвоём –
И говорим о жизни, говорим.
Потом друг друга за руки берём
И словно свечи, до утра горим.

* * *

Во льдах зимы, бездонной ночью
Век умирал.
На небе ставя многоточья,
Дышал хорал.
Но сердце знало: вечно песня,
А смерти нет.
И завтра снова всё воскреснет –
И синь, и свет.
Слова и звёзды неслучайны,
Как боль и грех.
А жизнь и смерть – цветенье тайны,
Одной на всех.

* * *

Если уж выпало жить в аварийном вагоне,
Диском сцепления стать или рыцарем брани,
Только и счастья – понять, что ушёл от погони,
Только и радости – песню сложить из касаний.
В тартарары день и ночь мы летим неустанно.
Райские птицы ведут неизменно к сараю.
Нас уже быть не должно,

но мы есть, как ни странно.

Всё тарахтит тепловоз по смертельному краю.
Что-то забрезжит вдаль, и как прежде, споётся,
И улыбнётся тоска, вырываясь из круга.

Что ни взорви, всё равно что-нибудь остаётся.
Господи, дай нам понять,

как мы любим друг друга!

СОЛО

Елизавета МАРТЫНОВА (Данилова) родилась в 1978 году в Саратове. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета. Кандидат филологических наук. С 2008 года по настоящее время – главный редактор журнала «Волга – XXI век». Публиковалась в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Волга – XXI век», «Луч», «Вайнах», «Введенская сторона», «Русское слово» (Чехия), «Подъём», «Русское эхо», «Новая Немига литературная», «Сура», «Гостинный двор», «Отчий дом», «Молоко», в альманахе «Новые писатели России», коллективном сборнике «Новые имена в поэзии» (Москва) и других изданиях. Лауреат премии им. Юрия Кузнецова от журнала «Наш современник» (2008), годовой премии журнала «Сура» (2013, 2019), межрегиональной премии Николая Благова (2017), сайта «Росписатель» (2017). Автор книг «Письма другу» (2001), «На окраине века» (2006), «Свет в окне» (2009), «Собеседник» (2012), «Воздух дороги» (2017). Член Союза писателей России. Живёт в Саратове.

НАМ ТОЛЬКО СЛОВО ОСТАЁТСЯ...

...А никто и не знает, чем закончится это
Ожидание вечности, тайна огня.
Мне осталось всего полчаса до рассвета,
До любви, обнимающей сердцем меня.

Оттого что душа – это тихая жажда,
Неизбежность ухода за грань бытия,
Ей уже ничего в этом мире не важно,
Кроме странного, смертного «я».

* * *

Написать небесную Россию:
Облака, туманы и поля,
Сумерки её, дожди косые,
Свет, которым полнится земля.

Так, чтоб пело сердце благодатью
И страданием, горечью живой –
Дом родной, далёкий написать бы
Тонко над речною синевою.

Ни пером, ни акварельной кистью,
Только словом: осень и окно,
А за ним уже роятся листья,
Небо между звёздами темно.

Написать, как жизнь светло и просто
Смотрит в нас и не отводит взгляд,
Если от рожденья до погоста
Только прочерк – журавли летят.

Не поймаешь их, не остановишь,
Только смотришь, смотришь в небеса,
Словно ждёшь томительную новость,
Слышишь дальних предков голоса.

Видишь лица за дождливой синью,
Перелётных ангелов житьё.
Напишу небесную Россию,
Горних обитателей её.

* * *

Не волна, не ручеек,
Не приречный соловей –
Вечер песнею истёк,
Позабыв о тьме своей.

В ней сияет при луне
Голубой листвою сад,
Словно всадники в огне,
Звёзды быстрые летят.

К небесам взойдёт опять
Между терний и трупоб
Слово – Божья благодать,
Слово – тёплое ещё.

Холод неба слишком строг,
Сизой ризою одет.
...Слову дан короткий срок,
Краткий срок – и долгий свет.

* * *

Не вспомнишь века Золотого
В эпохе трудной и скупой –
Сегодня умирает слово,
Развоплощённое толпой.

Оно уже подобно вещи
И продаётся наразвес,
И ни к чему – твой голос вещей
И жизнь на краешке небес.

От прежнего мироустройства
Остался только в книгах след.
Но не читает книг потомство
И друга в поколенье нет.

И остаются только звёзды,
Земная призрачная твердь,
Ворованный небесный воздух,
Желанье жить, стремленье петь.

Когда-нибудь ты станешь мифом.
Среди вранья и воронья
Прольётся соловьиным мигом
Вся жизнь, а с нею – песнь твоя.

* * *

Чувство родины – чувство печали.
Здесь, где души земные темны,
Ходит вечер слепыми ночами,
Коридором сырой тишины.

Прикоснись ко мне кроткой рукою.
Ты живёшь, как растение во мгле.
Ну а я – только тёмной рекою,
Речью чистой и бедной листвою
Буду в сердце твоём на земле.

Та река протекает над бездной,
Листья кружатся в тихой воде.
Только слово становится песней,
Только зёрна звучат в борозде.

И за гранью зимы неизвестной
Вспыхнет зрение спелой звезды.
Смерть исчезнет – она бесполезна.
Белый снег замечает следы.

* * *

Родины слепые пустыри,
Зеленью молочной свет наполнив,
Проникают ветром на балконы,
Шелестят на краешке зари.

Молочай, татарник, суета
Одуванчиков и желтоглазой пижмы –
В предзакатном свете всё подвижно,
И роса мерцанием занята.

Как люблю я этот странный час,
С розовыми окнами напротив.
Пятница готовится к субботе.
Тополь в небе – чёрная свеча.

В бабушкиных окнах – тишина.
На площадке детской говор слышен.
Мальшня играет между вишен,
Я сию на лавочке одна.

Время здесь как будто бы стоит,
Жизнь и смерть сплавляя воедино.
Воздухом прошитая картина
Дышит – и прозрачностью манит.

Господи, оставь дыханье мне
Прежнее, живое, молодое,
Чтобы стать окраиной седою
В этом заревом её окне,

Чтобы чуют запах земляной –
Дождевой, непознанный, щемящий.
Родина. Свет первый. Настоящий.
Жизнь, которая произошла со мной.

* * *

То ливень, то светлая вьюга
Из золота и серебра.
От них замирает округа,
В суровом старенье мудра.

Близки ей зима или осень,
Но только щемящей весной
Так невыносимо возносит
Она небосвод над собой.

Как будто бы мир накренился,
Как белый большой пароход –
Живым океаном открылся
Простор, что над нами плывёт.

И облако – белою чайкой,
И тонкий дымок от костра
Всё рвутся отсюда печально –
Такая приспела пора.

Пора уходить и влюбляться
В сиянье дорожных огней.
Давно разучилась прощаться,
И как попрощаться мне с ней –

Окраиной крепкой, корнями
Заботливо вросшей в меня?
Обнимет густыми дворами,
Косынкой взмахнёт – небесами,
Отпустит, в любви не вина.

* * *

Свет широко раскрытых глаз,
Разомкнутого окоёма –
И в нём распахнуто огромна
Звезда, что смотрит прямо в нас.

Нет, человек не одинок –
С ним жизнь и смерть,
И запах вёсен,
Травы, дождя,
И, как цветок,
Он впитывает неба просинь.

Не повреди и не сорви
К тебе склонённой белой ветки.
Её привязанности крепки,
Что ей за дело до любви.

Сильнее – корни, немота
Земли, что прирастает нами.
Сильней, чем в чистом сердце пламя,
Её скупая нищета.

* * *

Большие колокольчики лесов
Дрожат и держат на весу поляну.
Они звонят не поздно и не рано,
Но в час, когда не нужно больше слов.

Ведь в них речная гладь отражена
Такой, какую видим утром белым,
В них – блеск листвы, луч солнца загорелый
И человек, восставший ото сна.

И так понятен свет их синевы,
Их перезвон скупой сиреневатый,
Поющий из таинственной травы,
Что мы уже ни в чём не виноваты.

Мы правы тем, что рождены на свет
И счастье вместе с горем мы вдохнули,
И нас других и не было, и нет
Перед лицом прозрачного июля.

ОГОНЬ И СВЕТ

Но есть любовь – умение быть там, где
Ты нужен, как волна большой воде,
Плод – яблоне и пенью – соловью.
Когда я прорастаю жизнь твою.

Когда прикосновение к руке
Равно ветрам и пламени в реке –
Как феникс, воскресает синева,
Перетекая медленно в слова.

Есть я и ты в словесной глубине,
Как в сердце Бога, на одной волне.
Нет прошлого – и будущего нет.
Но есть река и сад, огонь и свет.

* * *

Когда себя раздаришь – слава Богу,
Уже не нужно больше ничего:
Есть только небо, поле и дорога,
До тишины влюблённая в Него.

Прощаешься, и вот за поворотом
Уходят двое в медленную тьму,
А ты лишь улыбнёшься отчего-то
Наполненному сердцу своему.

В нём окна жёлтые родительского дома
И яблоки июльские в саду,
И девочка соседская знакома,
В песочнице играет на виду.

И звёзд песок над городом разбросан
Как будто лёгкой детской рукой.
И тонкий месяц серпиком вопроса
Встаёт над серебристою рекой.

Пускай другие ночи отвечают,
Любовь у них на сердце иль беда,
И шорох неба слушают за чаем,
И чаек крик, и что поёт вода.

Они живут, спешат ещё по кругу,
Их ночь впадает в утро не дыша.
Ты раздала себя, как по снежинке вьюгу.
Иди, пока чиста твоя душа.

* * *

Остановиться на минуту
На остановке угловой –
И отклониться от маршрута,
Увидеть птиц над головой –
Стрижей, что ножницами режут

Лоскут из тонкой бирюзы
И позабыть про шум и скрежет
Трамвая – в шелесте слезы.
Глаза не закрывать от света,
Пусть мысли и слова текут.
Взять чистый лист – от неба это
Неровный, призрачный лоскут.

Прохудилось мартовское небо.
Звёзды тонко смотрятся в прорехи –
Звёзды цвета зелени и снега,
Цвета слёз и золотого смеха.

Маленькую площадь освещают,
Памятник, влюблённых на скамейках,
Заинтересованы вещами
И людьми, и даже травкой мелкой.

И пока темнеют переулки
И грачи кричат над парком «Липки»,
Звёздный луч выходит на прогулки,
Воздухом стремительным облитый.

Как прекрасна улица ночная
В час весны: небес лучится смальта,
И фонарь печалится, сияя
В серебре щербатого асфальта.

Драгоценный свет лежит на лицах,
Но тревога проблеснёт порою:
Громче и ясней, чем плачут птицы,
Пахнет родиной – землёй сырою.

Я зарастаю лесом и травой,
И дождь по чёрным листьям моросит
Брусничной кровью – тёмной и живой,
Черничным колокольчиком чудит.

На леску молний дерево поймав,
Мгновенно чаща преображена.
Серебряные кони диких трав
Летят, запутав в спешке стремена.

Себя ли я сама остановлю?
Я ведаю: стихия вся внутри.
Что я не жду, не помню, не люблю, –
Грозе весенней ты не говори.

Сил было много:
Вырастила лес,
Прекрасных сосен красные стволы.
Синеет хвоя инеем небес,
Не ведая хулы и похвалы.

Подумай о лесе. Он сух и печален.
Он прячет себя в тишине.
В нём совы сверкают немymi очами
И сучья свистят в полусне.

Подумай о сердце. В нём небо и чаша,
Которой насквозь не пройду.
Пульсируют листья всё чаще и чаще,
И каждый из них – точно чёрная чаша,
Качает слепую звезду.

Подумай о доме: по-прежнему волен,
Летает ночами туда,
Где шорох волны, влажный звон колоколен
И небо поёт, как вода.

И сердце, и лес, и окно в чистом поле,
Его золотистая тьма...
Так что же тебе ещё нужно для боли –
Родной и сводящей с ума?

Весь воздух сер и синь, и серебрист,
И запахами города расцвечен.
Но жизнь твоя – пока что чистый лист,
Не порван, не измят, не изувечен.

Ты ощутишь свободу и весну
И тайный дар преображать предметы,
И жар земли, и неба тишину,
Росток травы и древнюю комету

Как близкое – руки не отводи,
Не отводи ни голоса, ни взгляда.
И облако души, прижатое к груди,
Окажется неумолимо рядом.

Высокопарно облака
Клубятся в небе ярким паром.
Им жизнь дана наверняка
Хоть ненадолго, но недаром.

Так рождены для красоты,
Для человеческого зренья
Дороги, реки и цветы,
Холмы, и пашни, и деревья.

Они в душе твоей растут,
Её до неба возвышая,
Не оставляя в ней пустот.
Душа становится большая,

Как облако, как листопад.
Она себя уже не помнит,
Который день и век подряд
Покинув замкнутости комнат.

Войдёт в короткие дожди,
Лесов распахнутые двери.
Не навреди, не разбуди
Её от счастья и потери.

Пускай скитается она
Невольню, неостановимо,
Как пленник собственного сна,
Как тень от облака и дыма.

Холодок черёмуховых веток
Облаком качнётся у виска.
За оградой сада или века –
О тебе цветущая тоска.

Расстоянье между нами шире,
Чем небес ликующая гладь.
Как поверить в то, что рядом жили,
Как себе о счастье не солгать?

Я не лгу, что был когда-то нужен
Утренний, весёлый голос твой.
Белый запах над асфальтом кружит,
Равнодушно ровной мостовой.

Даже если ничего не значу
Для судьбы и памяти твоей, –
Я ещё живу, смеюсь и плачу,
Как ночами плачет соловей.

Соловьиная ночь глубока и горька.
Проступает роса на небесных скрижалях.
И светла темнота в чёрной чаше листка.
И сиянье сирени наш двор окружает.

Я тебя слишком помню, как будто – ты здесь,
Прикоснулся дыханием к мирному лету.
И слова твои – свет, и глаза твои – весть,
Что живу на земле, ожиданьем согрета.

Я тебя никогда не увижу уже.
Ты нужнее воды и надёжного хлеба.
Соловьиная песнь на ночном рубеже
Растворяет окно в необъятное небо.

ШИПОВНИК

Как будто всё оглохло и ослепло.
Мир – пуст.
Один июльский, празднично-нелепый
Алеет куст.

В нём пчёлы ярко-жёлтые роятся,
Сминая шёлк.
Я разучилась плакать и смеяться,
Как ты ушёл.

Но куст цветёт, и маленькие розы
На синеве –
Как звёзды для тебя, сухие слёзы,
Ответ молве.

Губ не разжать – молчит земли заклатье.
Смерть – лёд.
Немеет небо, сбрасывает платье.
Но куст – цветёт.

Любимые, я вас любила.
И жизнь текла, как наяву,
Покуда солнце не остыло
И тень ложилась на траву.

Обманывать себя не надо:
Не жить без боли и вины.
Настало время снегопада
И пустоты, и тишины.

И я гляжу в окно седое,
И вспоминаю, как давно
Касалась я тебя рукою –
Смешное старое кино.

В нем всё сбылось,
Всё то, что было
Желанным, нежным – навсегда.
Любимые, я вас любила.
Теперь вы – небо и вода.

В конечном счёте жизнь права
В том, что растёт она, как травы.
А мы с тобой растим слова,
И в этом перед веком правы.

Какой ещё нам правоты?
Когда душа уйдёт на волю,
Нас вспомнят птицы и цветы,
И степь – непаханое поле.

Живите, пойте, бога ради,
Стихи из клетчатой тетради,
Звените, как весной ручьи,
Мои родные – и ничьи.

Вы сразу всем принадлежите –
Так окна старых общежитий
Глядят на вольную весну
И освещают, и прощают
Любви простые обещанья
За их воздушную вину.

О прошлом горевать что толку?
Не склеить сердце из осколков,
Увядшей ветке не цвести.
Нам только слово остаётся –
Живое маленькое солнце
В начале и в конце пути.

Татьяна АЛИСЕВИЧ, филолог, библиотекарь, автор цикла лекций «Литературный Симбирск». Автор книги воспоминаний «Очень личные истории».

ШИПОВНИК НА ТОМ БЕРЕГУ...

Рассказ

Теплоход был обычный рейсовый, и такие когда-то регулярно ходили по Волге.

Можно было взять билет в кассе речного порта своего города, взойти на мягко покачивающуюся палубу, отыскать свою каюту и... отрешиться от всего земного, погрузиться в бесконечный речной простор, смотреть с жадным любопытством на тянущиеся мимо берега, с непонятным волнением выходить на пристанях маленьких старинных волжских городков, чувствуя в них тайны времени.

Так Нина и Павел и решили сделать в свой первый совместный отпуск. Вернее, решила Нина. Десять дней по родной реке, столько впечатлений обещало это путешествие!

Но было и ещё одно обстоятельство. Нине очень хотелось, наконец, остаться с Павлом наедине, пусть даже в крошечном пространстве каюты, но принадлежащим только им двоим на целых длинных – предлинных десять дней. И никого рядом – множества друзей, недавних одноклассников и однокурсников, близких родственников – замечательных, но очень пристально наблюдающих

их с Павлом недавно начавшую совместную жизнь.

Хотя срединный волжский город равно манил и вверх и вниз по реке, выбор маршрута был единогласен – в низовья, в загадочную Астрахань – старинный Аштархан, увидеть, как мощная река распадается на узкие рукава-протоки. Эту самую дельту, этот далёкий Прикаспий, собирающий вокруг себя жаркие азиатские земли.

Павел вспоминал, как в его детстве дальняя родственница привезла из такой поездки ему гостинец – большой сладкий настоящий астраханский арбуз! А Нину всегда завораживал береговой разлом, русло Волги, устремлённое в неведомые дальние дали, то, что она всегда с трепетом разглядывала в своём детстве из окон родительского дома, долго не понимая, почему разомкнулись волжские берега на горизонте. Эту линию соединения воды и неба она бесконечно повторяла в своих детских рисунках, как будто пытаясь преодолеть призрачную границу, заглянуть за неё.

Теперь это стало возможным, стоило только купить билет на проходящий теплоход. Но билет можно было купить, а можно... и не купить. Сколько людей устремлялись в соседние города по воде... Летом между железной дорогой и рекой старались выбирать реку!

Но и это было уже маленькое приключение!

Пока ещё безбилетные будущие пассажиры ночью спустились по безлюдной крутой лестнице в новенький стеклянно-воздушный городской речной порт (билеты продавались по прибытию теплохода, а нужный прибывал на рассвете). Идти тёмной пустынной ночью было сладостно-жутковато, и Нина беспокоилась за Павла, ведь в случае чего, ему была уготована роль защитника. Только яркий луч прожектора сверху от обелиска на круче прорезывал летнюю ночь. Внизу на реке смутно белели силуэты теплоходов, словно стая больших птиц, нашедших ночлег.

А вот в порту было многолюдно! Как же Нине всегда нравилась эта публика! Что-то древнее кочевое ощущалось в душах людей, решившихся на многодневное плавание вниз по течению к степным и пустынным просторам. Вот и сейчас многочисленная семья калмыков сплавлялась до своего Цаган – Амана – их смуглые широкоскулые лица резко выделялись среди собравшегося народа! У них было много скарба, и особенно Нину восхитил привязанный к какому-то узлу большой медный чайник...

У Нины тоже с собой был взят чайник, правда, небольшой фарфоровый – любимый – для заварки. Она слышала, что в такие долгие поездки надо непременно брать чайник и долго, неспешно пить вечером чай в каюте.

Она знала, что Павел прихватил и бутылку марочного вина – сказал, что непременно должны встретиться в соседнем волжском городе с одноклассником, с которым они были дружны когда-то, но потом жизнь развела, как это нередко бывает. Было бы интересно взглянуть друг на друга!

Им повезло – два билета в каюту второго класса были успешно, хотя не без волнений куплены.

Нетерпеливо ждали, пока, наконец, прибывший теплоход пришвартуется. Пассажиры торопливо

проходили по деревянным сходням – июньская ночь таяла, светлела, превращаясь в раннее гулкое утро – все звуки на воде были резкими, а солнечные лучи – ослепительными.

Не дожидаясь скорого отплытия (стоянка была короткой), и уже почти не слыша скрежещущих сквозь рупор команд капитана, Нина и Павел крепко уснули в своей каюте, ощущая непривычную лёгкость от оставшихся на берегу обязанностей и непрременных условностей их с родителями общего быта...

Уже были пройдены первые шлюзы, и теплоход неспешно, но споро двигался по привычному для себя маршруту. Нина досадовала, что проспала это зрелище, эту сложнейшую инженерную конструкцию, это свидетельство торжества пытливого и созидательной мысли. Её и в Павле восхищало всегда это таинственное умение технического изобретательства. Ей хотелось, чтобы он, стоя рядом на узкой палубе, объяснял, как всё придумывалось и работает. Утешало то, что это не единственные шлюзы на речном пути и не единственная гидроэлектростанция, впечатляющая своей мощью.

Зато был поздний, почти только их вдвоём, завтрак в ресторане, который оказался через стену (переборку!) с их каютой. Сидя в ресторане на корме теплохода, можно было долго следить взглядом за остающимися позади зелёными холмистыми берегами, домиками на песчаных отмелях, людьми, занятыми своей привычной жизнью.

Совсем скоро должен был показаться большой город, в котором Нине бывать раньше не доводилось. За несколько часов стоянки нужно было успеть его посмотреть и вернуться к себе «домой» – в каюту, которая стала быстро обживаться, а расписной фарфоровый чайник на столике стал уже символом домашнего уюта.

Вернувшись на теплоход поздно вечером, к самому отплытию, Нина и Павел открыли бутылку вина, так и не пригодившуюся для встречи с другом в городе, который они проспали. И сладковатотерпкое вино, и тёплая июньская ночь, и покачивание палубы, и глухой рокот теплохода, уходящего в бесплотную темноту пространства – всё было как будто для того, чтобы они ощутили друг друга по-новому, а может быть, напротив, по-прежнему, как в первый и ещё такой недавний год их знакомства.

Теплоход был хоть и деловитый рейсовый, но многие пассажиры просто совершали речное путешествие. Никто уже не подсаживался на остановах, почти никто и не сходил на берег, особенно из кают первого и второго класса. Так что образовалось некое подобие «общества на водах». Нину это забавляло, она уже присмотрелась к людям, заметив их особенности, ярко проявляющиеся в ограниченном теплоходном пространстве, где все были постоянно друг у друга на виду. Самыми примечательными пассажирами стала семья, которая ехала в люксовой каюте от самого начала маршрута – Чебоксар. Это были очень молодые люди с маленьким мальчиком, маленькой собачкой, которую невысокая ростом курносенькая женщина с пухлой светлой косой, перекинутой через плечо, носила на руках. Может, она именно была провозвещницей сегодняшней моды? Маленький же мальчик

был всегда на попечении, очевидно, бабушки в национальной чувашской одежде. А молодая дочь её чаще всего появлялась на публике в длинном красивом переливающимся атласном халате. Каким-то неисповедимым образом она усвоила капризность в обращении со своим мужем, молодым, с простоватым лицом и натруженными руками, человеком. Их выход из каюты всегда привлекал внимание – и бабушкин наряд, и гордая повадка молодой женщины, сознающей своё влияние на мужа, стремящегося предупредить её желания, и, конечно, собачка, дерзнувшая поселиться с хозяевами в каюте люкс. Роскошная коса женщины все время норовила расплестись, и муж благоговейно пытался помочь жене справиться с этим белокурым водопадом.

Конечно, Нину больше всего занимали теплоходные остановки, которых она ждала с нетерпением. Особенно волновали небольшие пристани старинных городков, о которых много было читано в разных романах. Их глубинная провинциальность, казалось, сохраняла черты и приметы той навсегда ушедшей жизни, которая теплилась на страницах замечательных и когда-то важных для всех книг. Какой-то трепет охватывал её, когда она оказывалась в тех местах. А в саратовских знаменитых Липках – городском саду – Нина почти потеряла ощущение времени. Сколько раз она представляла этот уютный парк, когда читала «Первые радости»! Купеческие солидные особняки, чудом сохранившиеся на пологих спусках к Волге, только усиливали этот эффект погружения или, лучше сказать, свободного парения. Давно нет людей, населявших эти дома, а сами дома остались свидетелями многих жизней и событий и что-то упорно хранят в себе... А ещё хотелось понять, как этот старинный волжский город наваял любимому художнику Нины призрачные образы его картин с неземными женщинами, ведь всё детство Борисова-Мусатова прошло именно здесь, на Волге...

У Нины и Павла почти не оставалось времени на общение с пассажирами теплохода. Тем не менее, и их пара не прошла мимо внимания ни команды, ни путешественников. Может быть, всё дело было в контрасте со ставшей уже знаменитой на теплоходе «люксовой» парой? Нина всё чаще одна появлялась на палубе, стараясь не пропустить ничего из щедро явленных волжских пейзажей, постоянно меняющихся. Смотреть, как необъятная степь со своим жарким дыханием всё явственнее подступает к речным берегам, касаясь их пересохшими от зноя губами, было захватывающе и жутковато. Какие события здесь происходили! Степь снисходительно молчала, скрывая всё в своих просторах, и странно было видеть небольшие людские поселения на них и суетливую их жизнь, уже не имеющую отношения к древнему здешнему прошлому. Только в дурманном запахе трав с берега, очертаниях дальних курганов, кружении хищной птицы высоко в бледно-голубом знойном небе чудилось золотоордынское прошлое этих мест... Нина в очередной раз пожалела, что забросила своё увлечение – рисование. Какой памятью стали бы потом её карандашные наброски! Но она очень стеснялась этого детского увлечения, совершенно, как ей казалось, не подходящего замужней женщине.

Павел читал в каюте газеты, которые они во множестве покупали на остановках, иногда выходил сыграть с кем-нибудь партию в шахматы и скоро приобрёл постоянных партнёров. К одиноко сидящей на палубе Нине подсаживались разные люди, заводили всякие разговоры и очень удивлялись, когда вдруг появлялся Павел и они вместе уходили. А однажды две девушки даже попросили Нину познакомить их с её братом. Оказывается, досужее людское мнение – кем они с Павлом придутся друг другу – давно разделилось. Павел на это не обращал внимания, а Нина, посмеявшись, задумалась.

Теплоход шел по назначенному курсу: река то разливалась широко водохранилищами, то все больше сужалась; опускались и поднимались в шлюзах, проходили под мостами, приставали к большим и малым пристаням, загружали и выгружали какие-то грузы – обычная деловитая речная жизнь.

А жизнь в каюте мало отличалась от прежней жизни Нины и Павла, казалось, уже намертво был вложен определённый размеренный алгоритм в их общее существование. Но ведь эта спокойная отстранённость и привлекла когда-то Нину в Павле!

Жаркая Астрахань самого начала июля была уже совсем близко, безветренные ночи не спасали от духоты, даже движение теплохода не вызывало спасительного движения воздуха.

Спать было невозможно, и люди ночью собирались на носу теплохода – кто в мокрой простыне, кто в полотенце.

Какой уж тут горячий чай! Расписной чайник стал просто лишней деталью на небольшом столике каюты.

Кстати, каюта! Её теснота, её предполагавшая близость друг к другу не оправдывали ожиданий. Как-то неловко было всё-всё естественное. Нина торопливо по ранним утрам, переодеваясь за небольшой перегородкой, прятала своё молодое гибкое, какое-то тугое, как тетива, тело в привычный сарафан, открывающий только тонкие руки до плеч. Быстро умывалась, наскоро причёсывалась, благо, что волосы были густы и коротки. Почему-то она чувствовала, что Павлу не будут приятны её открытость и неспешность в этих обычных и необходимых действиях. «Да я, как солдат», – подумалось ей однажды. А, может, она ошибалась? Но после какого-то досадливого и очень давнишнего замечания Павла она всегда была настороже. Тогда она решила, что он смотрит на неё не только своими глазами, было важно, как она выглядит и в глазах его близких. Существовал некий стандарт, которому она теперь, став женой Павла, должна была следовать. Была ли она уже прежней Ниной, которую он отличил когда-то от других? А он сам? Следуя каким-то чужим правилам, не теряют ли они друг друга, а, может быть, следуя своим, уже давно бы потеряли? Вряд ли Павел задавался этими вопросами. Но кто знает...

В Астрахань прибыли душным вечером. Солнце белесым пятном отсвечивало на пепельном, выжженном дневным жаром, небе. Тут же в порту местные ловили рыбу и, ныряя, вытаскивали за клешни из-под камней раков.

Команда теплохода оставила своих пассажиров наедине с незнакомым городом. А город быстро погружался в ночь, зажигались огни улиц и домов, из распахнутых окон доносились привычные для этого времени звуки телевизионных программ. Но они лишь напоминали, что дом далеко, а город вокруг чужд, неизвестны его привычки, неизведаны его маршруты. Только белые мерцающие стены Успенского собора служили слабым ориентиром.

Нина хотела взять Павла под руку, боясь оступиться на каблуках в темноте, но решила, что это лишнее. В городской ресторан попасть не удалось, да и поздно уже было, так что спать легли голодными.

Наутро волшебная восточная Астрахань предстала в жарком сиянии, маленький речной трамвай перевёз Нину и Павла из порта куда-то, где Волга и не Волга – протока с нежнейшим белым шёлковым песком. Прогретая вода, просвечивающее дно, маленькие рыбки, заросли какой-то речной травы – и никого рядом!

Но много ещё было дел... Наскоро искупавшись, отправились досматривать город, пришлось долго ехать в жаркой людской тесноте трамвая на знаменитый рыбный рынок, искать, где перекусить, и чуть-чуть успевать возвратиться к отплытию, назад, домой, в обратный путь...

Обратный путь показался Нине уже знакомым и не сулил таинственных открытий. Только однажды ночью взошла совершенно необыкновенная луна – огромный тяжёлый почти красный шар завис чуть в стороне от теплохода над рекой. Чёрное небо, чёрная река – и низко над горизонтом яркий шар, готовый вот-вот упасть. «Сюрреализм не выдуман», – подумалось Нине, долго простоявшей на палубе в каком-то оцепенении. А однажды днём – зной низовьев уже отступал окончательно – весёлая тучка пыталась догнать теплоход, с озорством брызгалась тёплым дождиком, до которого можно было с кормы достать, протянув руку.

Почти те же самые люди возвращались в верховья Волги. Теплоход всё больше и больше тяжелеет и оседает – был загружен ящиками – везли астраханские помидоры. Не пассажиры, конечно, которые меньше стали выходить из кают, да и прогуливать-ся стало почти нигде.

В ресторане обедало все меньше людей, однако, Нина с Павлом ходили, наблюдая там и другую теплоходную пару. Радужный шелковый халат женщины всё так же сиял и переливался, а мужчина всегда, не глядя в меню, просил принести самое вкусное. Было немножко смешно, впрочем, что было смешного?

Большие города проплывали почти ночью, так что выходить и бродить по ним не приходилось.

Совсем уж немного оставалось до дома – один только порт, который Нина и Павел проспали в самом начале своего водного путешествия. Прибывали туда под ранний вечер, так что вышли прогуляться по набережной. Попался на глаза телефон-автомат, Павел нашарил в кармане нужные монетки.

– Позвоню на всякий случай.

Кто-то тут же отозвался.

– Слушай, мы с женой в вашем городе. В порту. Стоим всего два часа.

Понял, хорошо. Встречу у теплохода. Да, да с женой, не ослышался.

– Сейчас приедет, – это уже Нине.

– Так надо в каюте прибраться, – заволновалась Нина. – Хотя бы чай приготовить.

– Чай – это правильно, он за рулём.

Вернувшись в каюту, Нина почему-то прежде всего посмотрела в небольшое зеркало над умывальником. Не хотелось перед неизвестным другом Павла выглядеть неприбранной. Она подкрасила губы, торопясь, надела вместо привычного сарафана брюки и тёмно-синюю блузку, так шедшую ей и без пользы провисевшую в шкафу каюты, нашла в сумочке флакончик духов. Она не успела даже освободить место на диване, чтобы можно было сесть к столу, как дверь каюты распахнулась.

Вместе с Павлом на пороге стоял среднего роста, крепкий, темноволосый, с внимательным взглядом, ... очень знакомый человек.

Почему за доли секунды они оба решили для себя, что никогда не были знакомы?

– Нина, – волнуясь, протянула руку знакомому – незнакомому человеку Нина.

– Игорь, – спокойно ответил он ей в тон и только, не сдержавшись, чуть крепче, чем нужно, сжал её ладонь.

Сколько прошло времени с тех пор, как они вдруг потеряли друг друга? Много, чтобы не вспоминать, и мало, чтобы забыть.

Это было, когда... зацвёл шиповник...

...Мотоцикл нёсся по узкому шоссе, обгоняя автомобили. Упругий воздух бил в лицо и грудь. Волосы девушки трепал ветер. Она крепко держалась за Игоря, замирая от восторга быстрой езды. Они мчались в неведомую даль, куда выведет эта дорога, минуя привычный город, минуя реку, стремясь к другому её берегу, где, казалось, ждёт что-то необычное... Потом – горячий от гонки, пахнущий бензином мотоцикл в высокой траве и рядом – розовая пена цветущего дикого шиповника. Уже лес начался здесь, уже другой мир обступал со всех сторон тишиной, яркой зеленью, цветами... По мягко осыпающемуся под ногами песку по склону можно было моментально сбежать к реке и идти вдоль берега по воде, по её солнечным бликам, по розовым лепесткам шиповника, которые тёплым ветром сносило сюда сверху от лесных зарослей.

Солнце у воды особенно жалило кожу плеч, рук, лица..

Солнце поджигало прикосновения друг к другу.

Но разве только солнце!

Ночные поездки по пустой почти дороге были окутаны другой тайной-тайной темноты. Тёмные кроны придорожных деревьев сливались в бесконечную полосу, темное бесконечное небо пульсировало мириадами светящихся точек – звёзд, тёмная земля под колёсами мотоцикла выхватывалась ярко горящей в ночи его фарой. Но разве только темнота была тайной!

Километры пути казались бесконечными, в 17 лет жизнь была бесконечной!

Потом... Потом они как-то раз случайно встретились зимой на городской улице. Почему-то нельзя было пройти мимо друг друга. Шёл снег крупными

редкими хлопьями, как будто лепестки белого шиповника. Так показалось Нине.

Они зашли в магазин, который оказался рядом. Это было хорошо, потому что не надо было смотреть друг на друга, а только вроде бы разглядывать витрины. В кондитерском отделе Игорь купил ей конфеты. Те же самые, что подарил на день её рождения тогда. Тогда было лето, и шоколад конфет плавился в обёртках, на которых были изображены пустынные караваны. Но сейчас зима, а знаменитая пустыня разве что – в душе? И попрощались они по-зимнему, холодно, только Игорь чуть дольше положенного простому знакомству задержал её ладонь в своей.

И ничего не знала Нина про Игоря больше. Вроде переехал, вроде испытывает новые знаменитые автозаводские машины. Машины, скорость были его страстью.

Тебя надо катать не на мотоцикле, – говорил он Нине, – а на красивой машине, но пока у меня её нет.

А Нине нравилось на мотоцикле – и скорость, и виражи не дорогах, и крутые повороты, когда мотоцикл чуть ли не ложится набок и тут же выпрямляется. Дух захватывало, а тело пружинисто подчинялось бегу машины.

...И вот сейчас Нина заваривает чай в расписном чайнике, а Игорь изредка взглядывает внимательно на неё, как будто хочет увидеть ту, прежнюю Нину. Ту Нину, которую он ощущал так близко за своей спиной, когда они мчались на мотоцикле, и важно было ему крепко держать руль и не потерять чувство дороги.

Нина тоже коротко взглядывала на Игоря, как будто пытаясь понять многое про него, его жизнь за эти годы. И он, угадывая её желание, рассказывал

и о своей работе, и о городе, где обосновался. Но ничего о том, что Нину могло интересовать больше всего... А впрочем, зачем этим интересоваться? Разве это может что-то изменить?

Теплоход собирался к отплытию. Время стоянки заканчивалось. Нина и Павел вышли проводить Игоря. Его машина стояла неподалёку.

– Жаль, времени было мало, – сказал Игорь, прощаясь. – А то ко мне бы заскочили, посмотрели, как я здесь живу.

«Он ведь не сказал – мы живём? Но это ничего не значит», – подумалось Нине.

– Нина, – Игорь обратился именно к ней. – Хотелось бы вас прокатить на этой машине, она вам очень подходит.

Он открыл дверцу, как бы приглашая её садиться.

– Я не разбираюсь в машинах, – смутилась Нина. – Но машина красивая.

– Быть может, в следующий раз, – добавила она, понимая, что этого следующего раза уже не будет.

Яркая гоночная машина стремительно покидала порт. Нина и Павел поспешили на теплоход.

В каюте на маленьком столике остались чашки с недопитым чаем и расписной чайник с крепкой заваркой.

– Ты будешь ещё чай? – спросила Нина Павла. – Я схожу за кипятком.

На палубе Нина остановилась и стала вглядываться в город, который понемногу исчезал из виду.

Теплоход разворачивался, уходил от близкого ещё городского зелёного предместья. Может быть, так и было, а всего скорее, Нине показалось, что с того удаляющегося берега потянуло нежным и горьковато-сладким запахом цветущего шиповника.

Татьяна КАРПОВА родом с Брянщины. Окончила госуниверситет в г. Ростов-на-Дону, журналист, педагог. В Ульяновске живёт с 1982 года. Член РСНП, а также городского «Клуба поэтов». Является автором пяти сборников стихов, в том числе для детей. Неоднократный участник областных и всероссийских литературных конкурсов. На стихи Татьяны Карповой написано более тридцати песен.

КОСТЁР ЛЮБВИ

МЫ ВСТРЕТИМСЯ

Ночь звёздами нащупывает путь.
Ночь собирает в стаю Гончих Псов...
Ты разыщи меня когда-нибудь,
Узнай из тысяч разных голосов!

Откликнись ветром, шёпотом травы
Иль песней птицы в вешнем лозняке.
Иди, не опуская головы,
По линиям следи, что на руке.

Мы встретимся! Спешу судьбе помочь.
И время приближает час: зови!
Пусть звёздная таинственная ночь
Увидит, милый, наш костёр любви...

ЛЮБИМОМУ

Тебя издали не разглядеть –
К душе твоей поближе подлететь
Стремлюсь: простор небес меня
несёт.
И не боюсь я солнечных высот.

Надежда мне дала свои крыла,
Чтоб я родную душу обрела.
Нет никаких распутий впереди.
Судьба мне говорит: «Скорей лети!»

ДЛЯ МЕНЯ...

Для меня этот вечер укради
У себя, одинокого.
На янтарную осень погляди,
Что за окнами.

Тихо фонари зажгут огни –
День кончается.
Позвони мне, милый, позвони! –
Что печалиться.

Проведём этот вечер так вдвоём,
Чтоб запомнился.
Пусть любовью нашей, как водоём,
Он заполнится.

На волнах любви станет ночь качать
Нас – две лодочки.
И уйдёт твоя и моя печаль
В даль холодную.

Будет с неба за нами луна следить
В рыжих локонах.
Для меня этот вечер укради –
У себя, одинокого.

НЕ ТАИСЬ...

Не таись – о любви мне
Своей расскажи.
Взгляд несмелый не прячь,
Как от яркого солнца.

Я почувствую, как
Твоё сердце дрожит,
Как улыбка срывается
С губ невесомо.

Светлый час откровенья
Подарен судьбой.
Свет весенних берёз
Нас с тобой освещает.

Мы сегодня до звёзд
Проболтаем с тобой,
В тайны сердца
Друг друга легко посвящая.

Мы увидим, как новый
Рождается день.
Свежий ветер сорвёт
Тонкий полог рассвета.

И любовь твоя будет
В глаза мне глядеть.
И рассвет будет пахнуть
Ромашковым летом.
Не таись...

Подведены итоги молодежного литературного конкурса «Друзья по вдохновению». Первым организатором и вдохновителем творческого состязания была Татьяна Эйхман (1956–2020), поэт, врач, журналист. Доброе начинание продолжают педагоги Карсунского района, талантливые учителя-словесники. Издан сборник творческих работ участников конкурса-2022.

Ольга ЯШКОВА, координатор конкурса «Друзья по вдохновению», член Всероссийской гильдии словесников, отличник общего образования РФ.

ТРАДИЦИЯ ЖИВЁТ

Из предисловия, обращенного к участникам конкурса

Вы – авторы поэтических произведений, сказок, сочинений, воспоминаний, творческих работ. А мы – «ваши строгие ценители и судьи», мы – ваши педагоги и помощники в творчестве, мы – организаторы и вдохновители конкурса. Наконец, мы – это друзья Татьяны Александровны Эйхман. Она не один год собирала под своё крыло талантливых мальчиков и девочек сначала Карсунского района, потом Ульяновской области, и уже под её руководством в состязании стали участвовать юные таланты России и даже зарубежья. И в этом году мы также счастливы, что дело не забыто, традиция живёт, Татьяна Александровна нами может гордиться.

Первая номинация конкурса была посвящена Татьяне Александровне Эйхман. Спасибо, друзья! Какие тёплые и проникновенные слова нашли вы в своих сочинениях, стихах, рассказах! Никто из вас не забыл, что Татьяна Александровна не только замечательный доктор, талантливый поэт, но и просто ваш друг. Вы пишете о встречах с ней в школе, библиотеке, больнице. Вы пишете о её глазах и улыбке, её пожеланиях, её оценках вашего творчества. Вы даже помните, о чём разговаривали с ней на приёме в кабинете врача. Вы помните! Это очень важно. Оставайтесь верными этому душевному качеству!

Педагоги, вдохновители и организаторы конкурса. «Они творцы, они ваятели...»

Вторая номинация – «Поэзия». И это не случайно: конкурс наш прежде всего поэтический. Сколько стихотворений было прислано! Они о том, что вас волнует. Здесь посвящения любимым бабушкам и папам, нашей любимой России и малой родине, стихи о временах года... Всего не перечислить.

Наш праздник в Языкове традиционно проходит в июне и носит имя А.С. Пушкина. Потому номинация «Что за прелесть эти сказки!» не случайна. И работ в этой номинации мы получили больше всего. Нужно было написать историю, связанную с одним из героев Пушкина. И вы справились с этой задачей! Кот учёный и Золотая Рыбка, Балда и царь Салтан, Владимир Дубровский и Маша Троекурова, Пётр Гринёв и Маша Миронова, королевич Елисей и царевич Гвидон – вот далеко не все имена, кому вы посвятили свои сказки, рассказы, сочинения. Спасибо! Думается, Пушкину бы понравилось, как его герои, оказавшись в XXI веке, достойно прошли все испытания и одержали победу в борьбе со злом.

2022 год объявлен Годом народной культуры. Ваши работы позволили нам узнать о разных традициях и ремёслах народов России, их обычаях и культуре. Нам интересно было читать о татарских сказках и русском фольклоре, якутских сказках и чувашском празднике, тульском прянике и оренбургском пуховом платке, о берестяных изделиях и искусстве гончаров.

Конкурс завершён. Я поздравляю всех, кто принял в нём участие! Поздравляю победителей и призёров, педагогов-организаторов, вдохновлявших ребят, оргкомитет конкурса и членов жюри. Мои особые поздравления и благодарность Скворцовой Екатерине и Бубновой Анастасии – талантливым редакторам и рецензентам, сопровождавшим нас на протяжении всего соревнования.

Наша благодарность Владимиру Борисовичу Чубарову – Главе администрации МО «Карсунский район» и Управлению культуры администрации МО «Карсунский район» в лице Владимира Александровича Хорева, главным редакторам журналов «Мономах» и «Симбирск», газете «Карсунский вестник». Все вместе они в разной степени оказали поддержку конкурсу, а значит, нашим замечательным детям. Спасибо!

А сейчас все вместе вспомним замечательные строки Александра Сергеевича Пушкина и вновь, вдохновлённые, будем готовы к новым творческим высотам:

*И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо – к бумаге.
Минута – и стихи свободно потекут.*

Татьяна ЭЙХМАН

УЧИТЕЛЯМ- ПОДВИЖНИКАМ

Есть люди в нашей жизни брэнной,
Они скромны, немногословны,
Их узнавая постепенно,
Ты понимаешь: минут годы,

То, что посеяли, даст всходы,
Ученики продолжают дело.
Им важно речь сказать без злобы,
Любя детей, творить умело,

Вести по книжным много томьям
И увозить с собой в походы,
О них я слышала с любовью:
«О ! Вот – Учитель! Он – от Бога!»

Таким прощают резкость слова,
Их требовательность, их суровость,
Потом готовы слушать снова
Науки чудную подробность!

Они творцы, они ваятели
Ребятчих душ. И без кокетства
Порой зовут второю матерью
Учительницу ту, из детства.

Я вспомню парту и чернильницу,
И за окошком песнь пичужки,
Свою любимую учительницу
И класс, где на портрете – Пушкин!

ИТОГИ КОНКУРСА «ДРУЗЬЯ ПО ВДОХНОВЕНИЮ» – 2022

Награждается Ирина Новикова

Номинация «Что за прелесть эти сказки!»

ГРАН-ПРИ

Ирина Новикова, Карсунская средняя школа (учитель – Селезнёва Л.А.)

1-е место

Мумлев Даниил, Большепоселковская основная школа (учитель – Дронина Е.М.)

2-е место

Блаженков Артём, Красногуляевская средняя школа Сенгилеевского района (учитель – Калёнова О.А.)

Бурляева Александра, Карсунская средняя школа (учитель – Андреянова Е.И.)

Добролюбовский Богдан, Вешкаймский лицей при УлГТУ (учитель – Горельшева С.А.)

3-е место

Квинт Диана, студентка медтехникума им. Тихомирова

Постнова Полина, Карсунская средняя школа (учитель – Постнова Е.В.)

Туманов Семён, Большепоселковская основная школа (учитель – Дронина Е.М.)

Першин Степан, Вешкаймский лицей при УлГТУ (учитель – Горельшева С.А.)

Горбунова Анастасия, Вешкаймский лицей при УлГТУ (учитель – Горельшева С.А.)

Номинация «Поэзия»

1-е место

Исхакова Алина, Димитровград, университетский лицей (учитель – Никитина О.А.)

2-е место

Лазарева Анастасия, Карсунская средняя школа (учитель – Егорова О.В.)

Емельянов Владимир, Белозерская средняя школа (учитель – Павликова М.В.)

3-е место

Куприянова Карина, Карсунская средняя школа (учитель – Егорова О.В.)

Аракелян Рузанна, МОУ «Дубковская средняя школа», Ярославская область, Ярославский район, пос. Дубки.

Номинация «Произведение о художественном творчестве, ремёслах, традициях, фольклоре одного из народов России»

Анастасия Искендерова

1-е место

Ткачёва Валерия, Карсунская средняя школа (учитель – Селезнёва Л.А.)

Искендерова Анастасия, Красногуляевская средняя школа Сенгилеевского района (учитель – Насонова Л.Г.)

2-е место

Рублёва Полина, Карсунская средняя школа (учитель – Селезнёва Л.А.)

3-е место

Тазикова Алина, Карсунская средняя школа (учитель – Селезнёва Л.А.)

Номинация «Памяти Т.А. Эйхман»

1-е место

Красильников Никита, студент 2-го курса УлГТУ Туманов Алесь, Вальдиватская средняя школа (учитель – Екимова Г.Н.)

Андреянова Снежана, ОГКОУ «Кадетская школа-интернат имени генерал-полковника В.С. Чечватова»

2-е место

Кушникова Татьяна, Языковская средняя школа (педагог дополнительного образования – Тенисон Н.Е.)

Мухина Ольга, студентка 2 курса УлГТУ Посеряева Наталья, Большепоселковская основная школа (учитель – Дронина Е.М.)

Чжань Тимофей, Вешкаймский лицей при УлГТУ (учитель – Гусева Е.В.)

3-е место

Валова Мария, Большепоселковская основная школа (учитель – Дронина Е.М.)

Плешкова Ангелина, Языковская средняя школа (педагог дополнительного образования – Тенисон Н.Е.)

Сосунова Софья, Вальдиватская средняя школа (учитель – Екимова Г.Н.)

На Пушкинском празднике в селе Языково в июне 2022 года состоялось награждение лауреатов молодежного конкурса «Друзья по вдохновению».

Публикуем несколько творческих работ участников конкурса из различных номинаций.

Номинация
«Стихотворение или эссе,
посвященные Т.А. Эйхман

ВЫ – СИЛА ВЕТРА НА СВОБОДЕ...

Никита КРАСИЛЬНИКОВ,
22 года, студент УлГУ.

ПАМЯТИ Т.А. ЭЙХМАН

Мы уйдём молчаливо в белесую даль
Вьюжной тропкой конечного мира;
Нам на плечи опустит заботливо шаль
Провожатый потоков зефира;
Мы посмотрим назад – белый сумрак лугов,
Впереди – ледяная пустыня,
Только ныне могучая острость плугов
Прогрызает угодя сквозь иней;
Второпях побросав семена разных дел,
Мы едва ли застанем их всходы –
Удивительный, хоть и печальный удел –
Неразрывный приятель Свободы.
Так спасибо, мой друг, что в короткий сезон
Под ручьями горячего неба
Мы творили синхронно, творили вдвоём
На полях стихотворного хлеба.
Жать и сеять придут неизменно за нас,
Но в короткой гряде чернозёма
Заиграет в далёкий и радостный час
Колосок отдалённого звона.

Наталья ПОСЕРЯЕВА,
13 лет, МКОУ «Большепоселковская ОШ».

ТАТЬЯНЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ ЭЙХМАН

О Вас скажу: Вы так прекрасны,
Как солнца лучик в день ненастный!
И освещаете Вы путь
Всем тем, кого накрыла грусть,
Кто полон неги вдохновенья,
Кто создаёт стихотворенья,
Кто пишет повесть или рассказ,
Он тоже думает о Вас...

Вы – звёзд мельканье в небосводе,
Вы – сила ветра на свободе.
И пусть сейчас не с нами Вы,
Но наблюдаете за нами,
О Вас не позабудем мы:
Напишем прозой и стихами.
И через многие года
Мы книги Ваши прочитаем,
Вас не забудем никогда.
Мы помним, любим, верим, знаем.

Мария ВАЛОВА,
15 лет, МКОУ «Большепоселковская ОШ».

МЫ ПОМНИМ...

Татьяна Александровна Эйхман была известным человеком не только в Карсуне. Её знали в Ульяновске и других городах нашей страны. Она писала стихи, рассказы, была членом Союза писателей и Союза журналистов России, многие годы руководила районным литературным объединением «Родники», помогала талантливым детям – была организатором межрегионального литературного молодёжного конкурса «Друзья по вдохновению».

Ребята из нашей школы ежегодно принимают участие в этом конкурсе: пишут эссе и рассказы, басни и стихотворения. И Татьяна Александровна всегда поддерживала начинающих авторов, помогала им, советовала. Она приезжала к нам в школу, рассказывала о себе, о любимой работе, читала свои стихотворения. Она привозила нам в подарок книги и журналы. А ещё внимательно слушала, как ученики читают свои стихотворения. Татьяна Александровна говорила, что надо много читать и уметь понимать прочитанное. Спрашивала, какие книги мы читаем, творчество каких поэтов изучаем на уроках литературы. Вспоминала, как она сама училась в школе, а потом в университете. Нам было очень интересно слушать всё, о чём рассказывала Татьяна Александровна.

Много раз Татьяна Александровна приглашала нас на встречи с поэтами и писателями Ульяновска и области. Мы часто приезжали в Языково на праздники и встречались там с Татьяной Александровной и другими поэтами. Юные авторы читали свои стихотворения на сцене Языковского парка вместе с известными поэтами области!

Очень жаль, что Татьяны Александровны нет рядом с нами. В кабинете литературы стоят её книги с автографами. Каждый год мы проводим конкурс чтецов «Татьянин день», где ученики читают стихотворения Эйхман. Потому всем нам кажется, что она рядом, слушает нас и радуется, и гордится нами.

А мы помним и никогда не забудем о ней.

Елизавета ПОТЕРЯХИНА,
7 лет, МБОУ «Карсунская СШ имени Д.Н. Гусева».

О ТАТЬЯНЕ ЭЙХМАН

По Языковскому парку
Тихо музыка плыла.
Выступала тётя Таня –
Лучше всех она была!

Мы любили тетю Таню,
Мы дружили с ней всегда,
Улыбались ей при встрече
И гуляли иногда.

И стихи она писала
Про котенка и лису,
Про воробушков и лужи
И про ландыши в лесу.

По Языковскому парку
Тихо музыка плыла...
Дорогая тетя Таня!
Ты звезду для нас зажгла!

Номинация «Поэзия»

Анна ЛУЗИНА, МБОУ «СШ №5 им. С.М. Кирова».

МЕЛОДИЯ РОМАНСА

Не забуду я вечер простой,
Эти белые тонкие руки,
Этот голос, что нежно поёт
Про печали и муки разлуки.
Ты сидишь в тишине у окна,
Словно в саван окутана грустью.
Только нежно играет рука,
Эту музыку в тон ламентозо.
Я стою за твоею спиной
И не смею сказать тебе слова.
Я боюсь прикоснуться рукой,
Не спугнуть чтоб тебя, моя муза.
В окна смотрит седая луна,
Пробивая лучами оконце.
А твой взгляд отстранённо глядит
С лёгкой нежностью, словно луч солнца.
Но прошли времена той весны.
Разлетелися нотные строчки.
Ты ушла и оставила мне
Только память мелодий далёких.

Не забуду тебя никогда,
Сколько лет бы не минуло снова.
И пусть вечно играет рука
Эту музыку в прошлом безмолвном...

Алина ИСХАКОВА,
13 лет, МБОУ «Университетский лицей»,
г. Димитровград.

* * *

Рано ты без матери осталась,
Девочка, девчушка Миннегель!
Мачехе обузой оказалась –
Выслали за тридевять земель...
Нянькой став в далёком Татарстане,
Чьей-то дочери качаешь колыбель.
Взгляд твой детский, но уже усталый,
Милая малышка Миннегель!
Так в чужих заботах и хлопотах
Пара лет как пара дней прошло...
Вспомнили о ней и для работы
Вызвали в родимое село.
Тяжкий труд и худенькие плечи...
Голод, нищета, воеет метель!
«И, Алла, когда же станет легче?..»
Потерпи, родная Миннегель!
Замуж выдали, как стукнуло 16.
Хоть помощь по хозяйству – не одна!
Но вот ведь жизнь...

Пришлось вам распрощаться:

Забрали мужа. Финская война.
Хозяйство, дом, маленькие дети,
Папа с мачехой уехали совсем.
Намаз читая утром на рассвете,
Ты мира и добра желаешь всем!
Бежишь быстрее на ферму на работу.
«Баян-эби, за малышами присмотри!»
Ей со слезами благодарна за работу,
А сердце кровью обливается внутри...
Темно. Устала. Ты плетёшься к дому.
Спят дети в ящиках с соломой да тряпьем...
Вздыхнув, идёшь искать траву корове,
Сугробы разгребая за селом...
Потом война Великая и голод...
Детей бы накормить, сама переживу!
Нет дров и дома вечный холод,
Зимуете с телятами в хлеву...
И в веренице трудностей зимой и летом
Сколько прошло таких часов, недель?..
Как ты смогла перенести всё это?
Родная, хрупкая малышка Миннегель...
Еще так много пережить тебе придётся:
Предательство родных и боль потерь...
Твоё добро тебе добром вернётся!
Не плачь, все обойдётся, Миннегель!
Ты доживешь до старости глубокой
И правнукам печь будешь пироги...

Своей абике посвящаю эти строки,
Тебя нет с нами больше, как ни горько...
Мы тебя помним, Миннегель-эби!

* (Эби – татарская бабушка, намаз – татарская молитва)

Посвящается моей прабабушке, которая роди-

лась в 1911 году и умерла в возрасте 90 лет. Давайте помнить о том, в какое сложное время пришлось жить нашим бабушкам! Не будем ныть и жаловаться по мелочам и ценить то, что мы имеем!

Злата КРАВЧЕНКО,

12 лет, МБОУ «Вещевская ООШ» Выборгского района Ленинградской области.

ИЗ ЦИКЛА «КРУГЛЫЙ ГОД»

ОСЕНЬ

Осень золотистая
Листья разукрасила,
Все деревья в городе
Красками раскрасила,
Листья разноцветные
По ветру развеяла
И дыханьем холода
Нам в лицо повеяла...

Номинация «Что за прелесть эти сказки...»

Ирина НОВИКОВА,

13 лет, Карсунская средняя школа имени Д.Н. Гусева.

ВЛАДИМИР ДУБРОВСКИЙ

В XXI ВЕКЕ

Владимир ехал в повозке и, глядя в приоткрытое окно, молча прощался со знакомыми местами. Гнетущая обстановка и печальные, безнадежные мысли то и дело заставляли офицера судорожно всматриваться вдаль. Моросил мелкий, нудный дождь, воздух был полон прохладой и сыростью. Луна сквозь тучи мрачные озаряла робким светом родную дорогу, которая теперь вела в неизвестность. Вопросы о будущем стали всё чаще появляться в сознании молодого человека: «Что я оставлю после себя? Моё запятнанное имя? Во имя чего я его запятнал? Во имя любви, которую я потерял? Во имя мести, которую так и не совершил?.. Что же будет дальше?»

С этими мыслями Дубровский закрыл глаза и погрузился в раздумья...

Его разбудил резкий визжащий звук.

– Ты что, полоумный? Пораздавали права налево и направо, а теперь ездить по дорогам невозможно!.. – раздался впереди чей-то незнакомый голос. – Ой, я Вас, наверное, разбудил! – повторился тот же голос, но уже с другой, более мягкой интонацией. – Простите, пожалуйста, я не хотел, честно. Но если правда водить не умеют!..

К Дубровскому повернулся немолодой человек с большими выразительными глазами, аккуратненьким носом и красивой, широкой улыбкой. Одет он был в простенький костюмчик, на голове кепка, а в левой руке сигарета.

– Ни-че-го страш-но-го... – растерянно ответил Владимир.

Оглядевшись вокруг, он понял, что находится в очень удобном месте, похожем на маленькую карету, и перед ним явно сидит кучер, но всё как-то непривычно выглядит. Поэтому немного погодя молодой офицер решил спросить:

– Сударь, возможно, мой вопрос покажется Вам

весьма странным, но не могли бы вы мне подсказать, где и в каком именно месте я нахожусь?

– Вы находитесь в такси, в центре города едем! Вы бы еще спросили, какой год на дворе! – с усмешкой сказал мужчина.

– Да, Вы знаете, и это я хотел бы узнать, – поразмыслив, добавил Дубровский. – И еще... вот это Ваше словечко – ТАКСИ – это, верно, что-то из французского? А я, признаюсь, впервые слышу!

Таксист внимательно посмотрел на пассажира и воскликнул:

– Вы совсем чудной, мало того, одеты, как будто из XIX века к нам прибыли, вопросы странные задаёте... 2022 год на календаре, а такси – это автомобиль, который подвозит людей в любое указанное место с оплатой по счётчику.

Озадаченный, Владимир потребовал остановиться. Потом резко открыл дверь, поспешно вышел из машины и оказался на проезжей части. Мимо него с рёвом проносились автомобили разных марок и размеров. Он стоял, боясь пошевелиться, его глаза были широко раскрыты.

– Да что в конце концов происходит? – спросил Дубровский у водителя, который вышел следом за ним из машины. – Где же лошади?

– Оплатите проезд! – категорично потребовал таксист. Обезумевший Владимир сунул ему деньги, которые нашёл в кармане, и быстрым шагом пошёл прочь, пытаясь найти хоть какой-то ответ на свой вопрос. Пока водитель рассматривал красивые, необычные купюры, странный пассажир скрылся из вида.

Дубровский долго бродил по незнакомому городу, удивляясь всему, что видел: высокие многоэтажные здания и стремительно мчащиеся мимо машины, люди, разговаривающие сами с собой, и стальные птицы, с рёвом проносящиеся в небе. Он несколько раз пытался заговорить с прохожими, но те шарахались от него как от прокажённого.

Под вечер вконец измученный молодой человек зашёл в кафе, сел за столик и попросил чашку кофе и маковую булочку. Здесь тоже многое его удивило: и какой-то железный шкаф, выдающий деньги по касанию пальцев человека, и кофеварка, и огромный ящик на стене, на передней стороне которого бегали, танцевали, пели маленькие люди, собаки. Владимир чувствовал, что сходит с ума. Он думал, что всё это ему в наказание за его прежнюю жизнь. Дубровский ждал заказ и всё смотрел в окно. Тучи затянули небо, и пошёл дождь, капли мерно стучали по стеклу. Владимир снова погрузился в размышления...

Очнулся он от неожиданного толчка. Повозка остановилась.

– Владимир Андреевич, просыпайтесь, мы на станции!.. Пора менять лошадей... Владимир Андреевич! Владимир Андреевич! – рядом стоял кучер.

Станционный смотритель предложил пройти в комнату и отдохнуть в ожидании лошадей. Дубровский растерянно смотрел вокруг, его бледное осунувшееся лицо выдавало усталость и тревогу. Смотритель вежливо обратился к офицеру:

– Барин, хорошо ли Вы себя чувствуете?

– Да, да, всё хорошо, благодарю. Просто при-
сновился ужасный сон!.. – ответил постоялец.

Номинация «Народная культура»

Анастасия ИСКЕНДЕРОВА, Красногуляевская школа Сенгилеевского района.

ЧУВАШСКИЙ ПРАЗДНИК КЕР ПУЯНЛАХЕ

*Знаете ли вы такой народ,
У которого сто тысяч слов,
У которого сто тысяч песен
И сто тысяч вышивок цветет?*

П. Хузунгай

Чувашский поэт Ю. Семендер писал:
Рощ березовых опушки.
Орлий клекот в вышине.
Проезжал когда-то Пушкин
По чувашской стороне.

Творчество А.С. Пушкина богато не только обилием жанров, лёгкостью стиха..., но и тем, что в нём мы можем найти описания традиций и обычаев разных народов, в том числе и чувашского. О чувашах Пушкин знал немало. Этот край известен ему по рассказам нашего земляка Дмитрия Ознобишина, его, возможно, друга и соратника, который присылал ему любопытнейшие вести, переводы народной чувашской поэзии... Впервые Александр Сергеевич Пушкин услышал о чувашском народе от Николая Карамзина, известного русского писателя и историка. Летом 1816 года семья Карамзина проживала в Царском Селе. Лицеист Александр Пушкин часто бывал у них, а Карамзин хорошо отзывался о чувашах. Многие рассказы Пушкину о чувашах и уроженец Марпосадского района Чувашии Никита Бичурин, ставший другом великого поэта. Знакомство их произошло в день рождения поэта – 6 июня 1827 года – в литературном салоне Николая Карамзина. С искренней симпатией тот относился к А.С. Пушкину и в знак почитания дарил ему свои книги.

Все мы знаем строчки из «Евгения Онегина» о Гаврииле Романовиче Державине, присутствующем на выпускном экзамене в Царскосельском лицее:

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

Эти строки знаем. Но то, что Гавриил Державин происходит из древнего чувашского рода, знают далеко не все.

Сам Пушкин упоминает о чувашах в «Истории Пугачева» и «Капитанской дочке». В «Истории Пугачёва» Пушкин пользовался трудами Бичурина. На полках пушкинской библиотеки хранились его книги, книги Рычкова с подчеркнутыми цитатами о чувашах. Читая, например, «Капитанскую дочку», мы встречаем такие строки: «Вдруг луна вышла из-за облаков и озарила зрелище ужасное. К нам навстречу плыла виселица, утверждённая на плоту, – три тела висели на перекладине... По моему приказанию гребцы зацепили плот багром, и лодка моя толкнулась о плавучую виселицу. Я выпрыгнул и очутился между ужасными столбами. Полная луна озарила обезображенные лица несчастных. Один из них был старый чуваш».

В Отчизне ко всему причастен,
Храня её красу и честь.
Я думаю: какое счастье,
Что у России Пушкин есть.

Это строчки известного чувашского поэта П. Хузангая.

Я по национальности чувашка и хочу рассказать о чувашском празднике Кер пуянлахе – празднике осеннего богатства, в основе которого лежит древний обряд Кер сари. Я не однажды была свидетелем и участником этого праздника. Когда-то давно повелось, что по завершении осенних уборочных работ из нового урожая зерна чувашки пекут хлеб, варят пиво и собирают всех родных и близких.

Каждый год в ноябре мы ездим в родную деревню бабушки Чувашское Черепаново, где до сих пор сохранилась эта традиция. Приехав, мы готовимся к празднику: готовим пироги и разные угощения: национальные кушанья из мяса ширтан, шурпе, пироги с мясом – хуплу. На стол обязательно ставится свежеспеченный хлеб с солью, сыр и бочонок с новым пивом, который после специальной молитвы смешивают со старым, чтобы его хватило на весь год. Гости приходят со своими угощениями и напитком, приготовленным из нового солода. В каждом доме готовятся к этому празднику с радостью. Затем после застолья вся деревня собирается на местном стадионе, там проходит основная часть праздника, а именно – обряд Кер сари. Во время обряда приносится бескровная жертва двенадцати высшим богам. По преданию боги требуют себе в жертву продукты, которые подвергаются варению или брожению. Во время обряда надевают специальную одежду. Костюм женщины состоит из белой рубахи, фартука, головного убора и нагрудника, украшенного узорами сунтах и кеске. Эти узоры символизируют солнце, небосвод, горы и древо жизни. Мужчина – в белой рубашке, богато украшенной узорами, портах, которые заправляются в сапоги. На голове – колпак. В качестве музыкального сопровождения играет гармонь. Женщина и мужчина делают обход всех гостей с дегустацией и угощением пива. После все встают в большой круг и читают молитву. Самая развлекательная и основная часть праздника – конкурс пивоварения. А заканчивается всё чувашскими танцами и различными песнями на национальном языке. Мне очень нравится эта традиция, и я обязательно ещё раз побываю на этом замечательном чувашском празднике!

...Не зря великий поэт А.С. Пушкин уделил этому замечательному народу столько внимания. Его маршрут в Оренбург через Чувашию и Татарию выбран был не случайно. Рассчитывая найти нужные материалы о Пугачеве, поэт решил проехать по тем местам, где побывали отряды Пугачева. Записи поэта, сделанные в Чувашии, очень наглядно говорят о том, что поэт чутко прислушивался к голосу чувашского народа – об их богатых традициях и культуре. В селе Исмели (ныне село Октябрьское) Мариинско-Посадского района Пушкин принял участие в обряде чувашской свадьбы. Наверное, это тоже здорово. И я бы хотела быть свидетелем этого события. Надеюсь, это осуществится.

В ПАМЯТЬ О ТАТЬЯНЕ...

*«А мне казалось, жить так просто,
А мне хотелось долго жить,
Плыть по реке, купаясь в звёздах,
И нитку лунную ловить».* (Т. Эйхман)

Второй литературно-музыкальный фестиваль памяти Татьяны Эйхман (1956–2020) состоялся в Карсуне 16 июля 2022 года. Он назван поэтической строкой Татьяны – «Я счастлива, что родилась в России».

В этот день парк в центре Карсуна принял всех знавших и любящих Татьяну Эйхман – поэта, врача, общественника, руководителя литературного объединения «Родники», члена Общественной палаты области, лауреата областной поэтической премии имени Николая Благова, бескорыстного, доброго, светлого человека.

Пришли и приехали те, кто её помнит и любит. И опять она была с нами – и голосом, и взглядом, и улыбкой своей...

Т. Эйхман

Шумят над сценой берёзы, треплет их ветви солнце, читают и читают люди стихи, рвутся из груди слова признания в любви, благодарности, слова неутраченной боли. В слове о Татьяне звучит у каждого то главное, о чем хочется вспоминать: это её неразрывная связь с Родиной, её помощь людям, её многолетнее наставничество и самоотдача. Вспомнили Татьяну поэты и музыканты из Ульяновска, Димитровграда, Языкова, Вешкаймы, Базарного Сызгана, Майны и других мест нашей области. Пришли коллеги по работе, врачи, медсестры. Слова благодарности высказали учителя и ученики, те, кто продолжил её литературный путь, участники и теперь уже новые руководители конкурса «Друзья по вдохновенью» и литературного объединения «Родники»; мальчики и девочки, которым она сумела передать любовь к литературе, к слову; учителя, продолжившие традицию, не давшие всходам погибнуть.

Трудно смириться с уходом, болит глубокая рана... Но продолжается жизнь, стоит славный Карсун оплотом русской чистоты и силы, не иссякает в людях добро и свет... Потому и не иссякнут «Родники» Татьяны Эйхман. Пока жива память, пока тесен круг этих людей... Пока живо добро в этом мире.

В фестивале приняли участие председатель Ульяновского регионального отделения Союза писателей России Ольга Даранова, члены Союза писателей России Галина Анисимова, Федор Горобцов и его внук Иван Луконин, поэты Димитровграда: Светлана Зазимко, многолетний руководитель литературного клуба «Эхо», Александра Белова, лауреат поэтической премии имени Николая Благова, обладатель почётной награды «За веру и добродетель», поэты Раиса Кашкирова, Лидия Степанова, а также Людмила Абрамушкина (Карсун).

Гости фестиваля: А.Белова, О. Даранова, С. Зазимко

У Татьяны Эйхман была большая дружная семья, согретая ее любовью: трое взрослых детей, внуки. Достойное продолжение на земле. Перед собравшимися выступил сын поэтессы Александр Эйхман.

Участники фестиваля посетили Карсунскую центральную библиотеку имени Н.М. Языкова, ставшую теперь модельной. Остались самые хорошие впечатления от обновлённой библиотеки, из которой не хотелось уходить!

Учитель русского языка и литературы Большепоселковской школы Елена Михайловна Дронина, возглавляющая теперь ЛИТО «Родники», рассказала о молодых, но уже ярких талантливых ребятах, прочитала стихи Никиты Красильникова. Свои стихи прочитали Алесь Туманов и Наталья Посеряева.

Благодарим организаторов фестиваля, замечательные музыкальные коллективы, педагогов, литераторов из районов нашей области и лично Владимира Александровича Хорева, начальника отдела культуры и организации досуга населения Карсунского района, за память сердца и тёплую встречу.

Александр Эйхман, сын поэтессы

Ольга Даранова

*Людмила
Абрамушкина*

ПОД СЕНЬЮ
ДРУЖНЫХ МУЗ

*Маргарита СМЕРНОВА, заведующий Музеем народного творчества
ОГБУК «Центр народной культуры Ульяновской области».*

НЕУГОМОННЫЙ МОЙ ГЕРОЙ

Я хочу познакомить вас с уникальной личностью, ульяновским мастером-токарем, создающим произведения искусства из различных пород деревьев. Это Александр Александрович Ковалёв.

С Александром Александровичем Ковалёвым я познакомилась на творческой лаборатории мастеров по деревообработке, которая проводилась в Музее народного творчества и постоянным руководителем которой является заслуженный работник культуры Ульяновской области, скульптор

Евгений Георгиевич Усерднов. Александра привел в музей один из старейших резчиков по капу, ульяновский мастер Виктор Константинович Комаров. Новый мастер произвел впечатление как на участников, так и на сотрудников музея. Не только его работы, но и сам он, яркий, фееричный, привлекал внимание. Он взахлеб рассказывал истории о возникновении той или иной работы, которые принес с собой на лабораторию. Казалось, что он страшно соскучился по общению с единомышленниками и нуждается в оценке своих произведений. Тут же он сообщил, что пишет стихи и предложил послушать их. (Как позже выяснилось, Александр Ковалёв – автор нескольких сборников стихов.)

Итог этой встречи оказался продуктивным, потому что у нас появился новый интересный мастер по токарной деревообработке, а таких мастеров у нас единицы.

Время шло, мы снова встретились в сентябре 2021 года, потому что Александр Ковалёв принял участие в областной выставке художественных произведений из дерева «Деревянных дел мастера». Кстати, это была его первая выставка. Присматриваясь к нему, я увидела, что Александр очень деликатный, тонко чувствующий настроение других, человек, обладает удивительным чувством меры. В конце встречи Александр Александрович читал стихи. Они снова привлекли внимание глубоким смыслом и были прочитаны к месту.

Позже мы пригласили его в наш музей на съемку виртуального проекта «Презент-ПерсОна». При подготовке сюжета мы общались, и Александр Александрович все больше меня интересовывал необычностью суждений, подходов к своему делу и эмоциональным рассказом о пережитых жизненных ситуациях.

Александр Ковалёв – технарь до мозга костей, удивительно творчески относится к своей работе. Кстати, его первая художественная композиция была изготовлена из дерева в Ульяновске в 1980 году. Ему было все интересно. В отделе главного сварщика Александр Александрович сконструировал приспособление, чтобы можно было сварить бак для отходов на Ту-204, за это получил 2-ю категорию. Технарь с удивительно тонкой душевной организацией, он, работая слесарем на «Авиастаре», написал почти 50 рацпредложений.

Став героем нашего видеопроекта «презент-ПерсОНА», Александр Александрович в видеосюжете рассказал о творчестве и своих токарных произведениях. Выставки, видеосюжет, творческие встречи дали возможность ульяновцам познакомиться с замечательным человеком и мастером Александром Александровичем Ковалёвым. Он вошел в ряды мастеров и стал другом Музея народного творчества.

Когда же в музей пришло приглашение к участию в традиционных научных чтениях, посвященных памяти Ксении Богемской, надо было решить, о ком из мастеров рассказать, мне пришел на ум именно он – Александр Александрович Ковалев.

Я связалась с ним, искренне рассказала о цели моего обращения к нему, и он согласился стать героем моего доклада на конференции.

Говорят, «все мы родом из детства». Александр Александрович вспоминал, что его детство было райское, в душе навсегда запечатлелись «...все косяги, посадки, леса, овраги, речушки и ставки тех мест, где колотилось во мне моё детство». 17 лет он прожил в деревне. «Корова, свиньи, кролики, гуси, куры, утки да печка – его «спецшкола». Луг, лес, болото, речка – его «спецпредметы». Рыба, раки, ягоды, грибы – «спецпитание», так писал об А. Ковалеве в предисловии к первому сборнику стихов «PG-17» член Союза писателей России Александр Тихонов (1937–2013).

Был в судьбе Александра такой необычный жизненный случай, «удар». Вот как он его описывает: «Я пережил тепловой удар в 2010 году. Мы первый раз ехали в Крым через Украину. Машина была без кондиционера. На улице плюс 39, в салоне 45, наверное. У меня ноги свело судорогой... Приехали на море, а я воды коснуться не могу, того и гляди

зубы вылетят, так они стучали друг о друга... Через полтора дня я смог просто по щиколотку войти в воду, и меня не трясло хоть пару минут. К вечеру смог окунуться...»

Море произвело неизгладимое впечатление и отразилось в творчестве Александра Ковалева. Он собирал камни, начал изготавливать вазочки, фруктошницы, морские композиции. Так, навеянные морем появились на свет ассоциативные композиции «Шторм» и «Розовый остров».

Когда вернулись с моря в Ульяновск, Александр неожиданно начал писать стихи: «Пёрло. И по четыре за день, как наваждение, не отбиться и не бросить. Читал их маме по скайпу». Сам он считает, что стихи явились следствием перенесенного теплового удара.

«Поэзию постигал сперва в камне, потом в металле, спустя годы в дереве – добротные неповторимые творения из массива дуба для «тел» людских с душой мастера», – писал об авторе в предисловии к первому сборнику стихов Александра Ковалёва «PG-17» член Союза писателей России Александр Тихонов.

Его мама слушала стихи и радовалась за сына, а он находил в ее лице главного ценителя, человека, с которым он в первую очередь делился своими стихотворными строчками.

В 2012 году 15 июня звонок по телефону от дочери: «Папа... у тебя больше нет мамы...» С уходом матери «ушла в небытие целая эпоха воспоминаний, связывающих воедино нас сегодняшних с тем далеким прошлым, ее жизнью. Как же мне не хватает неподдельного восприятия природы, мудрости, участия. Она первая оценивала мои стихи...», – пишет Александр в сборнике стихов «Голубой цикория цвет». Этот четвертый сборник посвящен маме Козиной Тамаре Автономовне.

В отчете дома

*Все пройдет, пройдет и лето,
Затуманятся дожди.
Как в душе сберечь все это –
Путь без мамы впереди.*

*Не приветит в отчете доме.
И порог вдруг стал чужим...
Не нужны мы, маме кроме –
Стайкой вспугнутой кружим.*

*Что случилось, непонятно –
Мир без мамы стал другим,
Как-то пусто, неприятно –
Неодетым и нагим.*

*Наши души не прикрыты,
Непогода – в души к нам...
На помин столы накрыты,
Не дай Бог, терять вам мам.*

Ушла мама, а за ней стихи... «Может, выплеснул накопленное, – размышляет Александр, – но как стихи пошли на убыль, пошли миниатюры. Стихи не всякий понимает: там же и глубина смысла, и точность описания, и минимум слов, а кто это видит? А вот вазочки стоят у всех на виду, и каждый в

них что-то видит», – считает мастер. Все чаще стали появляться на свет токарные изделия из дерева.

Кажется, что творческий процесс сотворчества Творцу заключается для Александра в удивительном проникновении, будто вживании в материал. Здесь и тонкое понимание дерева, и необыкновенное чутье творца, и богатое воображение и желание автора максимально «вытянуть» и подарить красоту и гармонию. Этот процесс соединения с Творцом можно назвать «делательной молитвой».

Александр рассказывает, что замысел работы возникает не сразу: смотрит он на заготовку месяц, три года – и вдруг видит в окончательном виде. Дальше, как говорит автор, дело техники.

Значимой считает композицию «Синхронное плавание», или «Синхронистки», над ней Александр Ковалев работал 8 лет.

А началось с того, что захотел мастер сделать вешалочку – смотрит, а перед ним лежит корень с ответвлениями. Из них должны были быть крючки. Александр увидел, что самое короткое ответвление корня похоже на перевернутую ладошку. Обработал. Правда, ладошка! На следующий день в изделии чуть прорезал пальцы, а потом и ногти появились. Как же теперь крючки делать при такой одной вылизанной наждачкой изящной ладошке? Ни к чему теперь крючки. «И понеслось – то ногу сарганю, то руку. И все это я вписывал в природу с минимумом работы инструментом. Вроде как стоп-кадр с разных ракурсов и с разным приближением. Там и пара дельфинов, и волна, и морской слон есть. А закончить никак не могу. Накануне поездки в США приснился стадион водных видов спорта. И композиция была водружена на сферу. Вся эта конструкция вращается относительно подставки», – рассказывает о процессе создания произведения Александр. «И вот пришли гости к моей сестрёнке американцы. (США, штат Нью Джерси). Она им показала эту работу. А они ей: «Это что, преисподняя?» Для Александра такое мнение было неожиданным, он был возмущен: «Я был потрясен таким видением!» Когда Александр Александрович рассказывал эту историю нам, то в сердцах у него вырвалось: «Нищие они душой там, просто злыдни эти америкосы. Руки, ноги без судорог, жесты изящны и точны. А они... преисподняя». Композиция «Синхронное плавание» осталась только на фото. Подарена сестре.

Неугомонный Александр – в постоянном поиске себя. Он не только сумел освоить 14 специальностей, изготовить во множестве подставки под цветы, вешалки, столы и столики, ручки и заглушки. «Одних балясинок, – вспоминает он, – с полмиллиона изготовил без копира!» Около четырёхсот работ вышло из-под его рук.

Автор вдохновлен самой природой, она сама подсказывает ему образы. Его работы пронизаны добротой и любовью.

Александр Ковалёв работает с древесиной разных пород. Это и экзотические породы: бубинга, мербау, крушина, махагони. «Порода меня привлекает не популярностью, а тем, что конкретно в данном чурбачке наворочено природой, это шпальт, это морозобоина и вода, попадающая внутрь ствола и окрашивающая ствол, сучки, трещины, погрызы от короедов, комлевая часть стволов». Александр Александрович использует плодовые породы потому, что они из своего сада. Плодовые деревья отличаются необыкновенной текстурой и ярко выраженным ядром. Любимой древесиной считает крушину. Из нее получаются миниатюры: мелкие вазы, костёр, композиции.

Александр рассказывает, что ещё на его творчество оказывает влияние классическая музыка, а любимым произведением является сороковая симфония Моцарта.

Его работы хочется долго рассматривать, чтобы насладиться красотой линий и фактурой дерева, погладить рукой, приятно удивиться замыслу автора. Как будто ты читаешь интересную повесть, у которой непременно будет хорошее завершение.

А еще, если бывают профессиональные собиратели плодов земных, то это он, Александр Ковалев. «Я рекордсмен Средней Волги по сбору лесной земляники. За девять часов непрерывного сбора в 2017 году собрал двадцать литров земляники. Клубники полевой – за 4,5 часа 30 литров», – пишет о себе мой неугомонный герой.

Многих целей добился удивительный человек Александр Ковалёв, много у него задумок, пока еще не воплощённых в дереве.

Хочется пожелать Александру Александровичу, чтобы смог он ещё не раз «в обычных вещах какое-нибудь «Ой!» учинить».

Краткая биография

Ковалёв Александр Александрович родился 30 сентября 1957 года в Краснополье Сумской области на Украине. Он был третьим ребенком в семье инженеров лесного хозяйства. После школы Александр поступил в авиационный институт в Харькове и параллельно выучился на каменщика. С третьего курса радиотехнического факультета Александр ушел в армию. В 1980 году переехал в Ульяновск и окончил политехнический институт по специальности «металлорежущие станки и инструменты». Работал на авиазаводе монтажником стальной оснастки, слесарем по доводке деталей летательных аппаратов. В трудные 90-е годы пять лет преподавал технологию в школе. С 2000 года работает токарем по дереву в частной фирме. Кроме работы, Александр занимается изготовлением бытовых и художественных изделий из дерева.

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ДЕРЕВА.

Работы Александра Ковалёва

В композиции «Шторм», выполненной из ясеня, Александр Ковалёв смог увидеть шторм на море. Он мастерски обработал дерево и используя фактуру ясеня с его волнистыми линиями и, переливами, показал нам бушующие волны на море. Автор сделал два ракурса: с одной стороны – вид разыгравшихся не на шутку волн с берега, а с другой стороны – вид с моря.

В сувеле берёзы, с переплетенными диковинным образом линиями и явно выделяющимся пятном, автор увидел географическую карту и остров, а в подставке под основной композицией «Розовый остров» сделал пространство в виде переплетенных корней под лампочку.

И если «Шторм» воплощен в виде миниатюрного памятника – стелы, который в качестве сувенира может стоять на рабочем столе, чтобы можно было иногда рассматривать эти переливистые линии, погружаться в созерцание и воспоминания, то из композиции «Розовый остров» получился необычный светильник.

*Морской лев с мячом.
Мяч. Диаметр 150 мм, орех.
Лев. Клён американский*

*Композиция «Шторм».
Вид с берега на море.
Ясень, основание –
буинга*

*Розовый остров.
Офисное здание,
светильник.
Сувели берёзы*

Полка из ореха

*Смотровая башня. Двойная спираль.
Низ и верх – яблоня,
спирали – сучок берёзы.
Грунт, лак ПУ.*

А. Ковалёв. Синхронное плавание

Диванчики из груши. Для очков, ключей, зубочисток

*Вазочка.
Берёзовый кап, низ – бубинга*

*Вазон. Миранти
со вставками ясеня.
Диаметр 150x125*

*Шкатулка – барабан.
Ясень. 100x75*

РЯБИНОВЫЙ СВЕТ

Фото Владимира Ламзина

Галина ЗАРУДНЕВА

* * *

Куст рябины под солнцем горит,
Окружённый сухим сентябрём.
Он как будто со мной говорит
О заветном, о важном, своём...

* * *

До осени четыре дня,
А жёлтых листьев много,
А холодок ожёг меня
Осеннею тревогой.
Пылают ярко надо мной
Печальные рябины.
И отмахнулась я рукой
От невесомой, золотой,
Осенней паутины.
В прохладных, дивных этих днях
Так много добрых сказок!
Они в рябиновых кострах,
И в песне ветра, и в дождях,
Да их же видно сразу.
Куда ни глянешь – листопад
Кружится над землею.
И лето не вернуть назад,
И листья грустно так шумят –
Прощаются со мною.

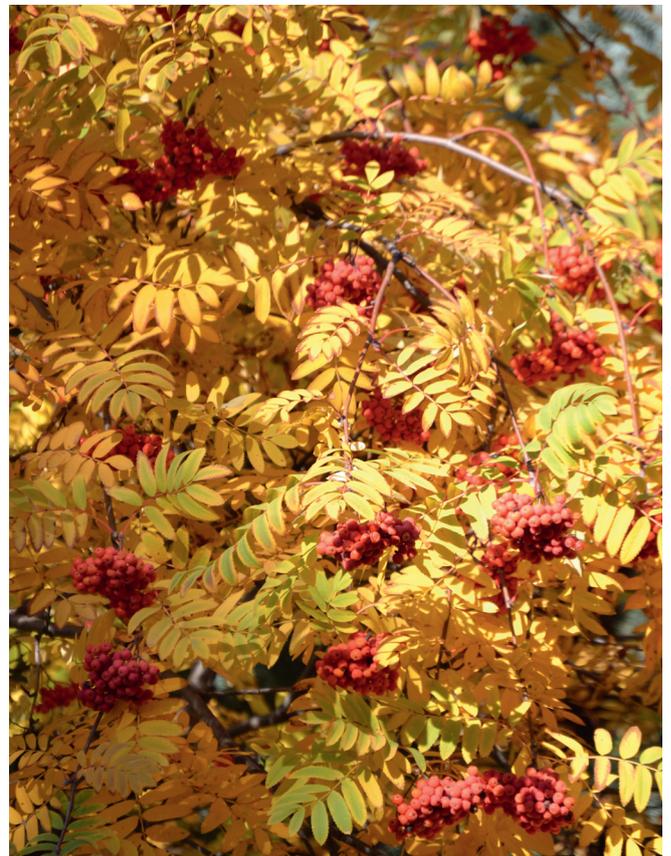

Фото Ольги Ронжиной

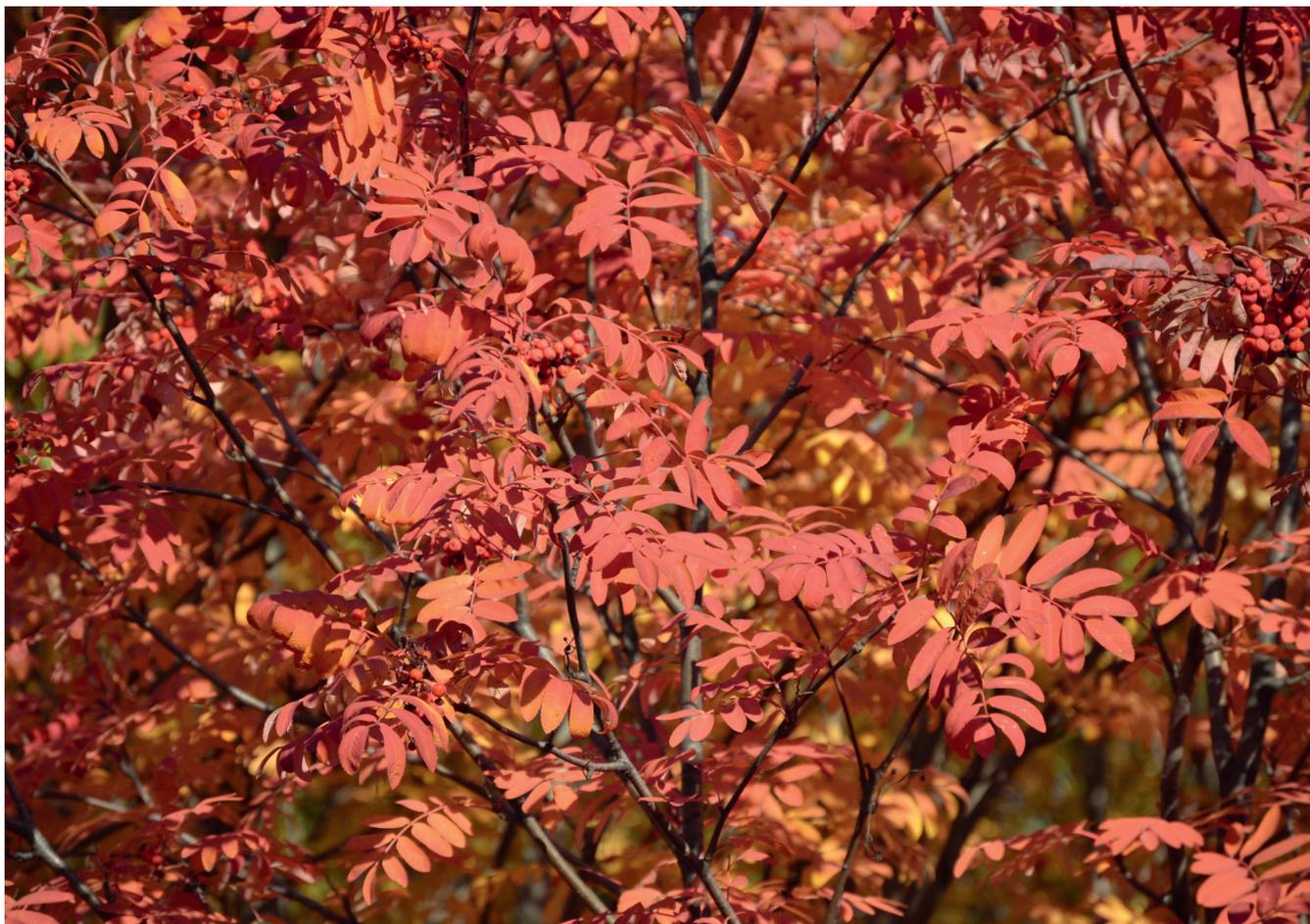

Фото Ольги Ронжиной

Фото Владимира Ламзина

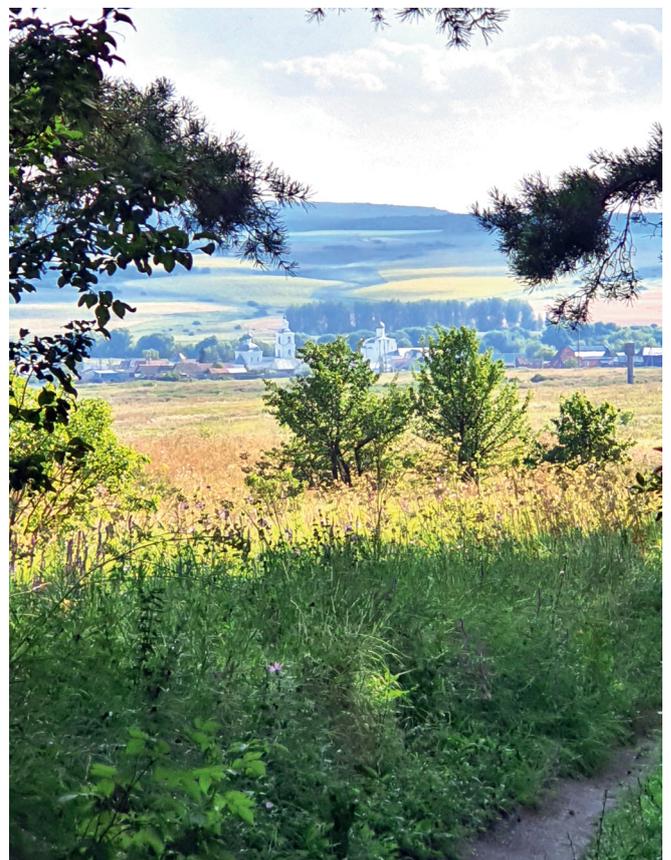

Фото Ильи Таранова

Фото Ольги Тюльпа

Фото Николая Тюльпа

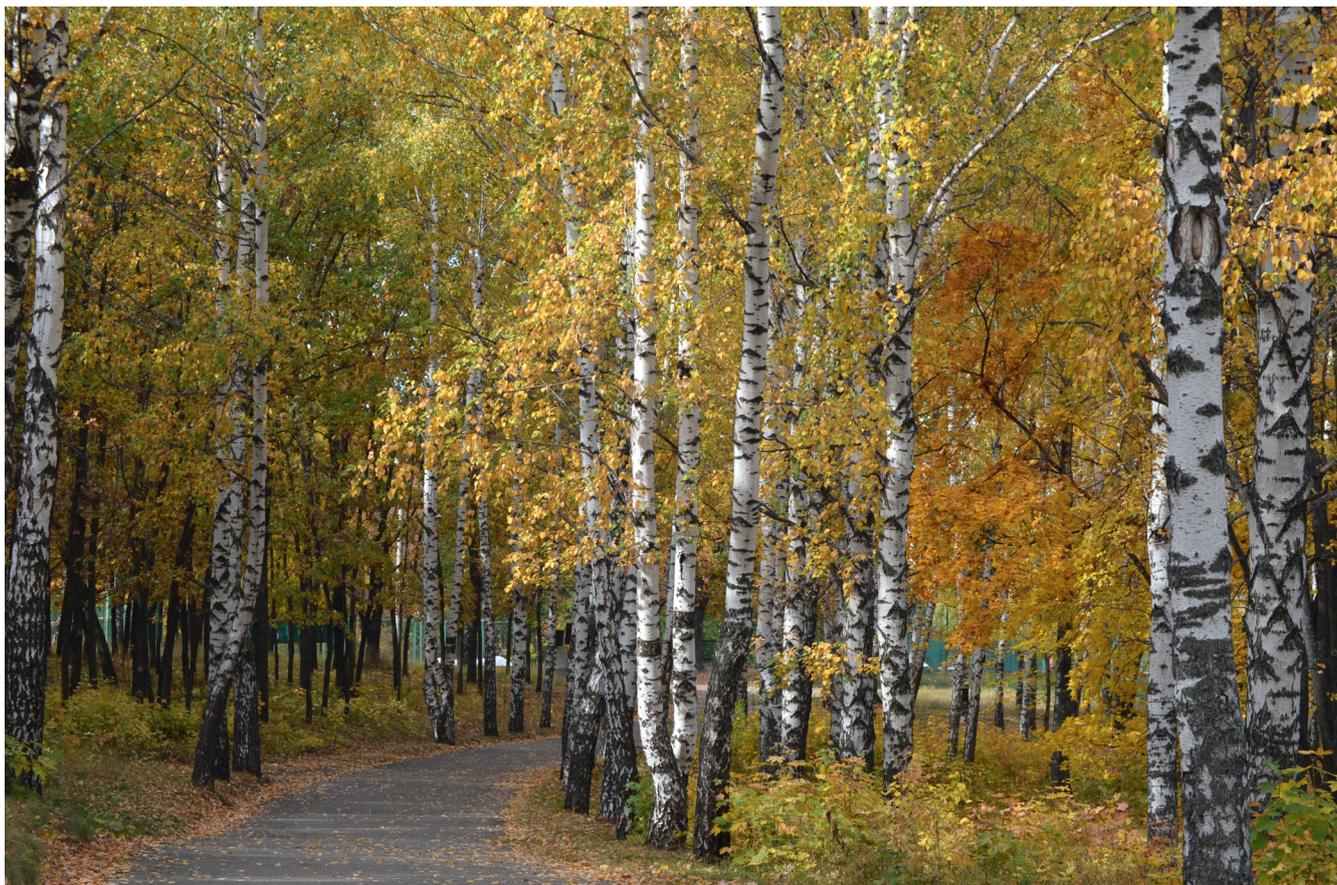

Фото Владимира Ламзина

Нина ВАСИЛЬЕВА, краевед, педагог.

А ВСЁ ЭТО ГРОЗДИ ОСЕННЕЙ РЯБИНЫ..

Рябина в пейзажной лирике ульяновских поэтов

Из книги «Вечен куст рябиновый»

Образ рябины в сознании русского человека приобрел свою поэтическую символику, которая выразилась в любви к отчему краю, к природе, стала символом женской судьбы, где больше печали, чем радости, символом стойкости и мужества, а также украшением в быту, повседневной его жизни. И всё это можно увидеть, приблизившись, прикоснувшись к «словесной ткани» художественного произведения, открыв поэтические страницы пейзажной лирики.

Родную рябину воспели и многие ульяновские поэты. В поэтических текстах ярко горят рябиновые гроздья, кисти, бусы...

Россыпь строк:

«В кармане гроздь рябины раскаленной» (Вл. Пырков).

«Давай меж рам, на вату, пока не лют мороз, рябины тароватой положим нынче гроздь» (Вл. Пырков).

«И рожи золоченый кубок наполнен гроздьями рябин» (Н. Полотнянко).

«Наши годы летят – уж дочурки невестятся и приносят из лесу янтарные гроздья рябин» (А. Лайков).

«И природа развесила красно-бурые яблоки, гроздья рябин» (А. Лайков).

«Морозец тронул багрянцем кисточки рябин» (А. Лайков).

«Вон как горит рябиновая гроздь, мне заменяя радость в этом мире» (Вл. Дворянсков).

«Светят грозди, как будто бы угли, раскаленные угли в печи» (Вл. Дворянсков). «Но уж модницы эти, девчонки бедовые, без ума были все от рябиновых бус» (Н. Рябинин).

«И щебечут, порхая, стайки сладкоголосых, и клюют, не смолкая, ягод алые гроздь» (С. Матлина).

Владимир Дворянсков не устал удивляться красоте каждого наступающего утра, замечая, «что чем-то озабочен на горе продрогший за ночь лес», «как праздник, алеют рябины». Поэт подарил нам возможность увидеть по-новому знакомую всем с ранних лет рябину. Интересное сравнение находит он для алых ягод в стихотворении «Осенний праздник»: «Ветер раздувает у рябины угольки, зажатые в горсти». Это сравнение находит своё продолжение в стихотворении «Рябины»:

Светят грозди, как будто бы угли,
Раскалённые угли в печи.

Только угли давно бы потухли,
Грозди светят и днём, и в ночи.

А вот ещё одно из сравнений: «...осколками красного лета будут грозди над речкой гореть».

При чтении стихотворения **Владимира Дворянска** «Огонь рябины спелой» невольно вспоминаешь, что когда-то окна были с двойными рамами, вторые рамы вставлялись по осени, в ожидании холодов. И в это время не только утепляли окна, но и старались украсить оконные проёмы между рамами. В качестве украшения выбирали и пунцовые ветки рябины, которые радовали глаз и веселили сердце: «Огонь рябины спелой // Меж стеклами в избе... // Все в инее, все в белой // Узорчатой резьбе...».

Об этом же пишет и **Владимир Пырк**ов. Лирический герой его стихотворения говорит, обращаясь к сыну: «Давай меж рам, на вату, пока не лют мороз, рябины тароватой положим нынче гроздь». Он мечтает, приучая к этому и сына, «чтоб не было на свете окошек без чудес». Общение с сыном одаривает его радостью, он стремится передать ему любовь к родному краю, воспитывая в нём щедрость и бескорыстие души. Поэзия Владимира Пыркова исполнена добра и света, нежности и любви, веры в неистребимость красоты.

* * *

Рябина чащи озаряет.
Рябину чаще разоряют
Без вздохов и без жалости,
А от веселой шалости:
Мол, вечен куст
Рябиновый
В красе своей рубиновой.

Для лирического героя **Александра Лайкова** не было лучше и краше ягоды, чем рябина. Она связана с его юностью, любовью, «с несказанной горчинкой на пламени уст». Октябрь радовал поэта своей увядающей красотой, который источал так много душевного тепла.

Летит листва. Морозец тронул
Багрянцем кисточки рябин.
В туманно-розовой короне
На клумбе вянет георгин...

Поэзия **Петра Мельникова** – неиссякаемый кладёз душевной чистоты и благодатного света. Несмотря на все невзгоды, страдания и утраты, поэт заставляет не только увидеть родной край с его историей, но и ощутить неизбывную любовь к родной земле, где жили его родители, деды и прадеды.

Стихотворение «Рябина» я бы назвала исповедальным... Поэт видит, как среди осеннего ненастья С неоглядной решимостью вдруг

Под рябиною ягоды красные
Засветили магический круг.

Что такое магический круг? Это защита от бед и напастей, спасительное пространство от произвола и насилия... Это то, что так необходимо было иметь в жизни автору этих строк, которому довелось многое пережить. Наверное, поэтому с некоторой долей зависти поэт говорит о рябине: «У неё потайная защита, // У меня с ранних лет – никакой!»

Последние строки стихотворения – это обращение к небесному суду, надежда на его справедливость и просьба к рябине, символу русской стойкости, негибамости и верности родной земле:

Жизнь покорно прошла, как рабыня,
Справедлив будь, небесный суд!
Наклонись надо мною, рябина,
Когда в вечность меня понесут.

«Край Отчизны поэтов» – родной Симбирский край – щедр на людей с поэтическим даром. И среди них особое место принадлежит **Светлане Ивановне Матлиной**. Её поэзия привлекает предельной искренностью, неподдельностью чувств, лирической задушевностью.

В родном краю, где родилась Светлана, «Там утренники неторопки, // Рябят рубинами рябин, // А матушка хрустящей тропкой // Идет с ведром голубым».

Творчество настоящего поэта – это исповедальный голос его души, искренней и многоликой. Приятие в себя, в свою душу радостей и скорбей, надежд и разочарований, любви и отчаяния... И ещё – света, исходящего из сердца поэта, несущего утешение и веру, дающего силу и мужество, возвращающего к истокам, к своей духовной родине.

Мир природы, среди которого выросла Светлана, всегда с ней, он в ней. Его целительная сила – источник вдохновения, её радость и её «животворящая святыня». Она своим творчеством заставляет многое понять, увидеть, прочувствовать, справиться с трудностями, преодолеть невзгоды и вновь осознать, что жизнь – прекрасна.

Земля собою представляла сад –
Он польхнул жар-красками цветастыми,
Рябина оперлась на палисад...
О, райский сад ждет яркой кисти Пластова!

Творчество поэтов-земляков помогает увидеть красоту родного края всем, чьё сердце открыто навстречу прекрасному. «Здесь мало увидеть, здесь нужно всмотреться». Именно этому учат стихи тех, кто живёт с нами рядом. Их особое видение окружающего мира открывает перед каждым из нас удивительный и прекрасный мир родной русской природы.

Светлана МАТЛИНА, поэт, член Союза писателей России.

ПОЛЫХАЕТ РЯБИНОВЫЙ КУСТ

РЯБИНА

Ты не стой, рябина, не стой на горе,
Незачем, рябина, гордо так гореть!

Красны твои ягодки, красны, да горьки,
Прямы твои веточки, только не крепки.

Не шуми листвою недовольно ты,
А спустись скорее в дольные сады.

Изломают ветры, вниз снесёт вода,
Будет над тобою тополям рыдать.

Оттого тревожусь, ветку сжав в горсти,
Что уже самой мне с горки не сойти.

* * *

На Руси осенняя тоска –
Желтая, с калиновою кровью.
Точно пуля, ветер у виска
Просвистит в великое безмолвье

То ли с этой, то ли с той войны,
То ль с чужой, то ль с нашей стороны.
Лишь сереют древние полыни
И зареет молодой рябинник.

За цепями разоренных сел
Вечного пространства не убудет...
Как гигантский маховик прошел
По дорогам жизненным и судьбам.

Русь моя, и в двадцать первый век
Ты пылаешь, манишь и тревожишь!
И с надеждой в лучшее для всех
Мы живем на гиблом бездорожье.

* * *

Под тусклыми тучами вьется дорога
И шепчется с ветром под небом рябина.
Печалью ты сердце больное не трогай!
Была я царицей, а стала рабыней!
Меня наряжал он в кораллы, в рубины,
И пел, и молился мне, точно богине.
Как он целовал мои алые гроздья!
...Стою у дороги одна я отныне
Да кутаюсь пуще в золотые лохмотья.
Забыл он, забыл он, забыл он рябину...

* * *

Рябины – взрывами в лесах осенних,
Сусальным золотом – поток берез.
Печаль звучит в кустах под алой сенью
У серой заводи в пустынный плес...

И человеку хочется тут слиться
Со всей природой, замерев в душе,
Жалея и любя под плачи птицы,
Вдруг осознав, что сам на рубеже.

Волнение красок все невыразимей,
Распетое на голоса ветров,
Все царственной уход, неотвратимей –
Печаль, печаль слышна в красе лесов...

* * *

Кнуту Гамсуну

Отзвенела лета нежная флейта.
Осень трубит в свой сверкающий рог.
И пусть трубит! Я не жалею лета,
Люблю костров листвяных дымок.

Осень на гнедом коне,
с распущенными волосами
За стволами струнными вдаль зовет.
Поля пустынного лиловыми полосами
Иду в просторы. Ветер поет.

Рву и несую ей ветки рябины
Золотые, алый в ягодах сок.
И вижу: всходит Красной Княгиней
В красных сапожках на высокий порог!

И лесов застывшую музыку – слушаю...
И я – тоже музыка, вся – пою,
И за это время свое наилучшее
Люблю осеннюю Русь, люблю!

Туманной зарей и свободой дышится –
Так никто еще до нее прозвучать не смог.
Вот она! Вот она! – Слышите? Слышите?
Осень трубит в свой сверкающий рог!

ВОЛШЕБНЫЕ МИРЫ ИНГИ ГААК

Есть люди, встреча с которыми всегда приносит радостные и светлые ощущения. Человек-праздник – говорим мы.

Счастливая судьба подарила мне и драгоценного друга, и любящую сестру, и невероятно талантливого коллегу в одном человеке. Это Инга Гаак. Она создаёт в своих произведениях живописные волшебные миры. И само рождение этих произведений, как правило, происходит чудесным образом... во сне. Хотя потом автору приходится потратить немало душевного и физического труда, чтобы воплотить увиденные сюжеты на бумаге. К тому же Инга – неутомимый исследователь и путешественник, никогда не сидит на месте, мир её впечатлений всегда пополняется новыми красками. Фотографическая память и литературный талант автора делают подробности путешествий осязаемыми, Инга умело рисует словами и щедро делится картинами своего мира.

Стихи и поэмы к Инге тоже приходят из сновидений или становятся следствием произошедших в реальности приключений и памятных встреч. Волшебные, сказочно завитые, окутанные зелёным

флером весны, лета, юности, прозрачного шёлка и любви... По мнению самой Инги, если «нет корневого понимания музыки слов, их тайных полусмыслов, мифотворчества – нет Поэзии...»

Дорогой читатель, на сегодняшний день в литературном багаже писателя Инги Гаак – больше трехсот стихотворений и двухсот сказок. Кроме того, написана крупная проза, романы, которые всё ещё ждут возможности воплотиться в бумажных фолиантах. Это «Золотые ворота», «Рыцарь Женька и кукольная фея», «Дети можжевельника», «Блуждающие по мирам», «Малыш Леон и Человек из моря».

Сегодня мы публикуем одну из сказок Инги – «Птицы алые, золотогрудые». И ждём новых встреч с замечательным димитровградским писателем – Ингой Гаак.

Раиса КАШКИРОВА,

член актива димитровградской писательской организации «Слово»,

член правления ульяновского регионального отделения Союза писателей России

Инга ГААК, (г. Димитровград), член Союза писателей России.

ПТИЦЫ АЛЫЕ, ЗОЛОТОГРУДЫЕ

I.
Птицы алые, золотогрудые
обронили перья-пёрышки...
Обронили, не подумали,
сердце девичье растревожили...

Да как первое упало пёрышко,
на сыру упало травушку,
да росой, что скатным жемчугом,
да по травушке и покатилося;

как другое пало пёрышко
да лучом румяной зореньки,
да на то легло окошечко,
что на солнце смотрит ясное;

а как третье пало пёрышко,
обернулось песней сладкою...

Спит царевна, не проснулась
от росы да от рассыпчатой,
не проснулась и от лучика,
что от солнышка румяного,
а проснулась от песенки,
песни звонко-переливистой...
Не спрося отца да матушку,
не омыв ланит водицею,
побежала на зелёный луг,
по росе, под ясным солнышком
побежала, несмышлёная,
да назад не воротилася...

– Что ж ты нянюшка, такую песню жалостливую завела с утра? Нет бы что повеселее спеть. Видишь, нитки у меня путаются! – хмуря тёмные брови, спросила Царевна. Котейка чёрно-белый, что у ног крутился, сел и на нянюшку посмотрел глазами, что крыжовник, зелёными: зевнул, чихнул, а нянюшка аж затряслась вся.

– И-их! Детонька, ты ж у меня сама неразумная, ни отца при тебе, ни матушки, одни игры да веселье на уме. Котофея этого из терема бы выгнала, ишь, глазища растопырил, так и съест меня будто хочет!..

– Да что ты, нянюшка! – хохочет Царевна, бросила иголки – и ну по светёлке кружиться и нянюшку старую за собой потянула.

Та в гусли вцепилась:

– А ну, брось баловаться! Ишь, нравная какая! Давай, душенька моя, урок делай! Кто обещал царю-батюшке утиральник новый вышить? Скоро, скоро вернётся он, а дочь его единственная деньденьской только хоропроводы водит да с проезжими бахарями да домрачеями разговоры ведёт.

– Так мне ж интересно! Они люди не домашние, при углах, как мы, не сидят, по миру ходят, всякие дива дивные видят, чуда чудные знают. Эх, что ж я не гуслиром родилась, не парнишкою? Тотчас из дому б сбежала.

– Тьфу на тебя! – сердится нянюшка, а Царевна смеётся так, что будто бубенцы звенят.

– А музыка у них, нянюшка, ну такая сладостная... про травы-муравы зелёные, про ягоды-цветы заморские, про птиц неслыханных-невиданных, сердечко замирает, когда их слушаю.

– Скоро батюшка-от вернётся, напоёт он тебе песен, голубонька моя... Вона какая ты нравная, всё по-своему чинишь. Кто недавно в портках мужских в лес сбёг и весь день там рыскал? А ежели б лешак тебя сманил аль клюквенница на болота увела?

– Не сманил же! И не увела ведь! А в портках куда как бегать вольготно.

– Вот и царица Ягея, бабка твоя, такая ж егоза была... Сроду платья женского носить не хотела, всё на ней диковинное, не нашенское. Портки да по верх юбка, а ещё рубаха да на ней еще свита безрукавная, и украшений всяких полным-полно. Никогда за рукодельицем не посидит-от, всё очи-то свои синие на улицу, в оконце стремилась... На лошади верхом день-деньской так и лётала. Совсем дика была.

Вот однажды на двор к ней пришёл бахарь-молодец... Хитара – да навроде домры, только поболее, а струн всего шесть. Начал он на хитаре играть да песни спевать, да всё не по-нашему. Царица-то аж как вспрыгнет, ручками белыми всплеснула, оконце растворила: смотрит не насмотрится, любитесь не налюбуется. Вроде и слова заморские разбирает, и подпевать будто начала. А как пошёл со двора бахарь наш, такая кручинушка на царицу напала, так глазоньки синие ей застило, что в три дни, как берёзонька, истаяла от слёз... А на четвёртый день опустело гнёздышко, сыночек остался, дитячко малое, сиротка бескрылая, отец твой. От того-то батюшка-царь так бахарей да гуслиров всяких не любит, не привечает...

– Нянюшка, ну что ты, право, сегодня всё

причитаешь? Сердце разбередила-растревожила! Я к друидам вечером пойду, подношение приготовить надо. Оставь меня пока, – отвернулась Царевна, а у самой глаза слёз полны.

Нянюшка кряхтит, головой крутит недовольно, вышла из светёлки; Царевна пальчиками по струнам провела, прислушалась, бровь крутую ещё выше вздёрнула. Всё не по нраву ей. Сердце тревожится, покоя не знает. Отложила гусли, вернулась к пьядцам, стежок за стежком плотно ложится, цветост-маковый пурпуром светится, листочки золотисто-зелёные, как живые, то скручиваются на полотно, то разворачиваются, стебельки меж собой переплетаются. Красивый узор, да и он не радует Царевну.

Котейка рядом ластится-мурлычет, да всё досадно Царевне!

Ночью, когда месяц ясный лучи по половицам разлил, мелодия ей послышалась или почудилась. Привстала, облокотясь, прислушалась... далеко-далёко будто бы свирель звучит и нежно так выговаривает:

– Любимушка! Любимушка моя!

Подбежала к окошечку да створки стеколячатые отворила:

– Любимушка! – услышала. Туман за окном стелется, ничего не видно. Голос такой звонкий, жалобный: – Любимушка моя!

Долго в темноту вглядывалась, да так ничего и не увидела Царевна. Спать легла, а грудь всё вздымается высоко да часто, сон никак нейдёт. Выбежать бы на улицу да на луга заливные лететь на зов свирели, но до зари девицам негоже из терема выходить, сколько чуди всякой под луной бродит...

Слёзы по щекам катятся что горох, а отчего сердечко заходится, и непонятно.

Так весь день места себе не находит, вот и придумала к друидам сходить – может, Дор вернулся из дальних лесов, с ним больно весело. На дуб залезут вместе, он на дудочке сыграет, старый Вей ворчать будет, да ну и пусть... Вечером как звёзды на темь небесную высыплют, оба ей на них указывать будут, рассказывать, что какая звезда обозначает, куда движется и как на судьбу человеческую влияет. Очень любопытно! Век бы из лесу не уходила, но нельзя ей с отшельниками жить, выросла уже... Не то в детстве! Батюшка сам её друидам на воспитание привёз, кто бы ещё за сиротой присмотрел?.. Каждая травинка ей в лесу знакома, каждый кусточек. Старый пенёк, что пугал её, маленькую, светясь в темноте, и по сей день стоит, ещё крепче корневищами за землю-матушку цепляется, а вот Вей как лушь седой стал. Раньше такой чёрный был – и волосы и борода, глаза такие яркие, жгучие... сказки всё сказывал да всё время что-то рисовал на берёсте да на дощечках вощёных, гладеньких... То девушку с синими, как лёд, глазами, с волками бегущую, то грибы многоглазые, то светляков в травах ночных – красиво так... Сейчас тоже рисует, только сказки не рассказывает, глядит исподлобья, будто сердится на что. И Дор не такой весёлый, как раньше. Не поговорит лишний раз, всё по дальним лесам ходит,

а если в своём лесу – тоже подальше от Царевны держится.

Не выдержала, к стряпухам побежала. Надо хлеб отнести, ручки белые не боится она испачкать, сама тесто вымешает да в печь поставит.

Прибегает в стряпушную, а там Олёнка сидит, ревмя ревет.

– Ты чего?

– Сон, матушка, сон дурной увидела! Тесто пока в квашне, дай, думаю, прилягу – до зари встала сегодня, матушка велела по травы сходить, чтобы в хлеб положить. Так прилегла только, и сон вижу: туман стелется густой-густой, да по-над лугом и над озером. И я бы иду, да вроде и со стороны гляжу... а там музыка, да такая тихая, жалобная:

– Любимушка, любимушка моя! Иди ко мне, желанная!

– Да как это?! Это же мне... – хотела крикнуть да удержалась... Что ж это за сон и девке бестолковой и Царевне видится одновременно?..

– Что ж ревьешь-то? Чего ж страшного?

– Так то не просто сон, это Финист меня зовёт...

– Какой ещё Финист?

– Тот, Ясный сокол – погибель женская. Аль ты сказки не слыхивала? Тот, что птицей по поднебесью летает, красивых девиц да женщин выглядывает, пёрышки волшебные разбрасывает... Полюбился он девице Марушке, да старшие сёстры попытались удержать её, неразумную, разлучить с кудесником... Марушке послушать бы их, а сердце глупое на красивые слова да глаза, что туман, зыбкие, повелось... Три посоха железных истёрла, три пары сапожек железных истоптала, три колпака железных износила, в мир между мирами спускалась, к самой Бабе-яге да сёстрам её младшеньким... Уж они-то ей и донце серебряное с золотым веретёнцем подарили, да пяльца серебряные со иглою золотую, да серебряное блюдечко с золотым яичиком – весь мир девица увидеть могла, напрямсть жизненных нитей добрым людям, сшить земную твердь с небесной, новый мир создавая, да ей Финист один и нужон-то был...

Нашла-таки Финиста своего, а тот спит-почивает у царицы-Перуницы, что облака взбивает да тучи грозовые на мир добрый посылает. Спит на перинах пуховых и не слышит, как плачет над ним Марушка... Давно сердце грозовым огнем выжжено у молодца, да откуда ж нам знать-то... В сказке сказывают, разбудила Марушка молодца ото сна вековечного, а в жизни всё не так было...

– Да ты, нянюшка, откуда знаешь? – взмолилась Царевна, слушает нянюшку, а грудь так и вздымается, глаза сверкают, что ночь звёздами. – Быть того не может... Любовь, она любое сердце ледяное растопить может, а сожжённое из пепла возродит!

– Много ль ты в любви этой понимаешь, – ворчит нянюшка. Села, давай чулок вязать, за девицами у квашни доглядывать.

Царевна за Олёнкой поспеть старается, бойко тесто вымешивает, а перед глазами образ сказочный стоит. Получеловек-полуптица, кудри тёмные по широким плечам раскиданы, глаза как дымкой застит, вместо рук – оперенье пёстрое, крылья мощные, чресла узкие, ноги длинные, вместо ступней человеческих – лапы соколиные...

Насилу дождалась, покуда хлеб из печи вынут, в холстину чистую завернула, в короб заплечный уложила, сама уж и косы подвязала и портки мужские надела, чтобы по лесу шагать ловчее. Нянюшка только охает да вздыхает, дитя нравное в путь провожая.

Вечер малиновый свет по травам разлил, золотом на берёзовых листьях играет, птахи по кусточкам всё ворохаются, сонно посвистывают, крапивным духом из падей, за день прогревшихся, обдаёт. Хорошо!

Услышала топот конский, насторожилась. А всадник одинокий враз догнал, осадил лошадь дымчатой масти, свесился, руку в перчатке протянул:

– Садись, милая, подвезу!

– Какая я тебе милая?! – крикнула сердито, а сама из-под шапчонки взирает на всадника – лицо у него светлое, очи что два озера над острыми скулами, борода курчавится, нос длинный, пытливый, на щеках ямочки чуть заметные проклюнулись. Из-под шапки алой с золотым шитьём волосы русые на плечи падают. Глаз не отвести, да не положено девице долго на незнакомцев заглядываться.

– Прочь ступай, без тебя доберусь!

Не успела слово молвить, как лай послышался: два клубка громадных прилетели из чащобы – то собаки друидские примчали встречать её.

– Ах так! – присвистнул молодец, глаза недобро прищурил – и как не бывало его, даже трава не примятой осталась.

Пришла вслед за собаками, даже не запыхалась. Вей, Дор и ещё один, незнакомый друид алтарь из камней выкладывают, священный костёр разжигать готовятся, гроза-то недавно была, чистый, святой огонь раздобыли, значит.

– Я не вовремя?

– Ты всегда не вовремя, – бурчит под нос Дор. Бросил дела и пошёл куда-то, плечи обрушив.

Хлеб завернутый у подножья дуба оставила, села, на бревно опёршись, колени руками обхватила.

– Что ж Дор меня теперь совсем не любит? – губки надула, слёзы жгучие удержать пытается.

– Эх, дитятко, кто ж тебя не любить-то может? – Вей головой покачал, а незнакомый друид на неё с любопытством уставился.

– Это, Майко, Царевна, с Дором вместе росла до поры, вот по старой памяти нас навещает.

– Вей, я всадника видела, его собаки спугнули. А ты говорил, что никто по лесу заповедному, кроме меня и вас, пройти не сможет.

– Всадника? Не примерещилось ли?

– Его собаки спугнули. Он меня подвезти хотел, руку в перчатке протянул. А перчатка его... будто перьями вышита... – сказала и язычок-то и прикусила.

– Странно. Быть того не может. Может, привиделось тебе, дитячко?

– Может, и привиделось.

Взгляд к небу подняла, за темнеющим небом смотреть стала, не заметила, как дрёма набежала, подхватила на руки и унесла далеко-далёко...

– Дор? – Царевна провела рукой по лицу, паутину сна снимая. – Не спишь?

– Нет. Хочешь травника? – от котелка шёл густой пряный дух. Царевне больше нравилось, как Вей заваривает травы, но она обрадовалась, что Дор не уходит, как в последнее время, а рядом сидит. Придвинулась ещё ближе, тёмная коса из-под шапки выпросталась, а потом и вовсе на плечо упала и плеча Дора коснулась. Вздрогнул, но не отпрянул. Чашу травника полную осторожно передал. Не обжигает, заранее налил, знал, что проснётся.

– Дор... А ты о Финисте слышал?

– О ком? – голос спокойный, значит, не знает.

– О Финисте – Ясном соколе, что в поднебесье летает и девицам да женщинам покоя не даёт, – отхлёбывает и смотрит вприщур, смеётся.

– Нет, не слышал. А что за всадник-то тебе приблизился?

– Не ведаю. Только он наяву был.

– Наши заклятия никто пересечь не может, да и камни сторожевые дозор несут – мы сразу бы узнали. Не по воздуху же он спустился...

По воздуху? Заметалось сердечко в груди, губку алую Царевна прикусила. А что, если сам Ясный сокол на её красу позарился? Хотя нянюшка говорит, что никакой особой прелести и нет в ней, в Царевне-то. Тонкая да вертлявая, волосы, как бабка Ягея, которую и не знала не видывала, на две косы разделяет, так их под мужскую шапку прятают сподручнее. Пока нянюшка не видит, ещё и подрезает их потихоньку. А в детстве больно хорошо было: как у парнишки кудри, до плеч вились, не мешались. Ужели на такую Финист тоже поглядит?

Очи к небу подняла, звёзды в зрачках сверкают.

– Что поведает новенького?

– Голос у Дора ровный, сидит, плетёт что-то своё из травы-лучицы.

– Как нянюшка?

– Да всё то же, – начала рассказывать, хохочет над своими проделками да над нянюшкиными хлопотами, а всадник чудной из головы нейдёт.

– На дуб полезем? – Дор отложил рукоделье своё и на вершину посмотрел. Корни у дуба поверх земли-матушки змеятся, свиваются, а промеж ними травы диковинные, огневицы. На острие каждой травинки будто и впрямь огонёк дрожит, светится цветок махонький. Днём травы к низу клонятся, а вечером в небо тянутся, разгораются. С веток дубовых мох серебряный длинными прядями падает, больно красиво в венки вплести, будто свои волосы белые – девчушкой любила наряжаться. Мох мягкий, шелковистый, теперь-то жалеет Царевна, не рвёт, а ведь и сила в нём есть целебная, что без толку драть, свои косы надоели.

Дор ящеркой мигом скользнул по стволу и руку с ветки тянет, а Царевна сама не промах, сызмальства лазает не хуже друидов. Ветвь широкая, толстая – плясать впору. Только некогда плясать, вверх и вверх за Дором стремится Царевна. Вот уж и обогнала товарища, прижалась спиной к стволу, смотрит на звёзды, а они словно ближе стали. А вдаль над лесом зарницы играют. Знать, гроза придёт. Туч не видать в темноте, а зарницы блещут. Вспомнился рассказ нянюшкин про царицу-Перуницу, что тучи пуховые взбивает да на добрый мир грозы напускает.

– Дор, а гроза – это к добру разве? Царица-Перуница, ты о ней слышал?

– Гроза очищает, огонь небесный священный приносит, воздух исцеляет. Кто крапиву во время грозы или после неё соберёт да заварит и омоется тем настоем, цельный год болеть не будет. А если выпить настой такой – невидимкой станешь. Только окромя крапивы ещё камень-грозовик положить надо и гриб слюдяной.

– Ох, как все эти ваши друидские волшебства делать-то сложно! То найди, это принеси... Нет бы как в древние времена: сказал слово заветное, рукой повёл из стороны в сторону – чудеса-то сами и сотворились! Ты мне про царицу что скажешь?

– Ничего не скажу! Что ты нынче напридумывала? Про того скажи, про этого расскажи.

– Не сердись на меня, – взяла было руку друида, да и выронила, пальцы как кипятки, а дрожня дрожат.

– Ты что, Дор?

– Я не сержусь. Только... Только не ходила бы ты к нам, Царевна...

– Обидеть меня хочешь? Не говоришь со мной, не смотришь в мою сторону...

– Кабы мог тебе всё рассказать, да не будет как раньше. Перестань ходить сюда, не надо нам с тобой видаться...

– Ах, так! Да я хоть сейчас домой уйду! Ничего не боюсь! – спрыгнула на ветку пониже, и вниз, вниз, как белка. По траве змейкой скользнула, только шапку схватить и успела и прочь от огня, от дуба священного и от Дора.

Бежит Царевна, деревья расступаются, тропа в темноте виднеется, да только выскочила за границы друидские, и сама не заметила, как сторожевые камни миновала. Досада вроде поулеглась, да не идти ведь назад, ещё смеяться будет над нею. Темно на лугу, место будто и незнакомое. Звёзды высыпали, да без месяца толку-то от них... За пазухой что-то закололось, защекотало, никак травинка сухая забила под свитку. Пошарила рукой, вытянула, ахнула: пёрышко узкое, длинное на ладонь легло и, как трава-огневица, слабо светится. Сердце забилось колокольцем: никак от Финиста знак! Куда ж ей теперь? Назад не повернёшь, и домой, в терем, нет охоты возвращаться... Думает, а пёрышко словно теплее стало, и сполохи огненные по нему переливаются, как сияние небесное.

– Где же мне искать тебя, Финист мой, сокол ясный? – сказала и перепугалась опять. Никогда слов любви она вслух не произносила, да и мыслей таких не бывало. Но опять повторила жалобно, напевно:

– Сокол... мой...

– Любимушка! Любимушка моя, желанная! – опять свирель по-над травами поплыла звучанием нежным. – Ищи меня... ищи... Пробуди...

Опять побежала, дороги не разбирая, а травы вокруг ног путами свиваются, не пускают. А свирель то громче, то тише, да всё жалобно так причитает. Сколько времени то бегом, то шагом несло Царевну по местам незнакомым – и самой неведомо. К реке вышла, к излуине, месяц как раз поднялся, – голоса услышала, девичьи, звонкие, смех в камышах. Глянула с крутого бережочка, а там русалки на кусту можжевелевом, что над водой склонился, сидят, качаются.

– Здравствуйте, девоньки! – не испугалась, смутилась только, а тем и вовсе смешно всё.

– Здравствуй, добрый молодец! – хохочут, а сами зелёным светом светятся, глаза тёмные и зубы сверкают. – Ой, да это и не парнишка, тоже девонька! – что уж смешного?! – аж залились обе.

– Что ты, тёплая душа, в ночи рыскаешь? Чего потеряла?

– Да ну вас, зубоскалки! Хохочете только!

– Это зря ты! Расскажи, расскажи нам! Мы поможем!

– Где царица-Перуница живёт, знаете? – водяницы вмиг присмирели, хвостами в воде бултыхают.

– А тебе зачем? – одна, наконец, спросила. – Что ты там забыла?

– Не забыла ничего, только есть у неё... вещь одна... забрать надобно.

– Испепелит тебя царица, иссушит, – тихо одна молвила.

А другая помолчала и тоже говорит:

– Ты нам всю правду расскажи, мы поможем...

– Знаете, кто на свирели играет и тихо так, жалобно выводит: «Любимушка моя, любимушка?!» Финист – Ясный сокол? Где он живёт, как его найти? Сказывают, днём он в поднебесье летает, девушек да женщин пригожих смущает, а ночью опять душа человеческая к нему возвращается, да Перуница огневыми поцелуями его усыпляет, воли лишает... Найти его хочу, разбудить...

– К Перунице попасть? Финиста разбудить?

– снова расхохотались, только бубенчики смеха над водой разнеслись: – Ступай к батюшке, к матушке и из головы выбрось и Финиста своего, и свирель его с Зарницей-Перуницей...

– Ах вы! – Царевна выдрала пучок травы и в русалок бросила. – Обещали помочь, а сами только насмешничаете!

– Мы – водяницы, ужас как боимся и Перуницы, и молний её, погибели нашей! Знать ничего не знаем и тебе не советуем! Домой ступай! Нет никакого Финиста, сказки всё! – и обе разом в воду нырнули, только круги пошли.

– А ты до клюквенницы дойди, – голосок слышался. – Она со многими знает, может, и тебе подсобит.

– Кто здесь?

– Это я, болотница... – глядит Царевна, а у самого берега, где вода стоячая, глазки пузырятся: то пропадут, то опять появятся и личико вроде как проявляется, да не уловишь черты его, ряской мелкой распадаются. – Водяницы эти, дурочки, только сплетничать да хохотать горазды. А я-то молчу да всё примечаю. Ты сейчас от реки в лес пойдешь, два болотца встретишь, первое большое с белоцветом минуешь, не оглядывайся, а то трясинник тебя своими сказками заболтает, у маленького болота остановись и поклонись:

– Тётка клюквенница, это я – твоя племянница, отомкни-отвори запоры водные, замкни-затвори свет небесный! – сама и увидишь, что дальше будет.

Глянула Царевна на пёрышко, а оно мерцает, будто соглашается.

Поклонилась, поблагодарила болотницу, пошла восвояси, да вернулась, сняла нитку бус с шеи и в водицу бросила.

– Спасибо тебе, тёплая душа! – пробулькало в тине.

Бежит Царевна, поспешает, будто гонится кто за нею. Так это охота, что пуще неволи, подгоняет, и сна нет, и усталости. Диво, что тропка в темноте белеет, да пёрышко в руке теплится слабым светом, подбадривает. Так и до первого болота добежала. На зеркальных проплешинах лунный свет играет, по тине зелёные огонёчки пробегают. Высокие лезвия белоцвета, что грозной стражей края болота окаймляют, ломаются, гнутся от собственной тяжести – красиво. Только останавливаться надолго не стоит, вон трясинник губами толстыми зашлёпал, того и гляди, сказки свои сказывать начнёт, оглянуться не успеешь, как к нему в гости на веки вечные попадёшь!

Второе болотце в низине, в зарослях ольховника, слышно, как лягушки песни свои выводят. Спустилась. Задумалась. Губками шевелит, заговор вспоминает.

– Тётушка клюквенница, это я пришла, твоя племянница, отомкни-отвори запоры водные, замкни-затвори свет небесный!

Замерцал, заморщился месяц на воде, расступилась тряпина, дорожка пролегла к угору посреди болота. Бесстрашно ступила Царевна, идёт и глаз с угора не сводит, а спину то теплом, то холодом обдаёт. Дивно всё в подболотье. На угоре пенёк стоит,

а по нему змейками огонь пробегает – то золотой, то бирюзовый, а то пурпурный. Вокруг дерева диковинные, не как на землице-матушке – всё стволы мохнатые, как жуки, лапками-ветками перебирают, как будто в воде, а вода как воздух, и не видать её, и руками не потрогать, дышать тяжелее, да не больно-то и тяжелее. Грибы золотые да лазоревые свиваются-сплетаются меж собой, как звёзды горят. Лягухи с телят размерами по стороны угора сидят, на головах венцы из лилий болотных, молочным светом сияющих; глаза зелёные чуть прикрыты, а искры из них так и льются.

– Здравствуй, тётенька! – по сторонам глядит Царевна, где же хозяйка. А тем временем из лилий пузырьки серебристые вверх потянулись, и будто музыка тихонько заиграла, и кошка замурлыкала:

– Урр-мурр!

То не кошка – лягухи заурчали. А пузырьки в один пузырь слились да на пенёк и обрушились. Моргнуть Царевна не успела, а на пне, как на троне царском, клюквенница сидит.

– Что молчишь, тёплая душа? – голос скрипучий, к человеческой речи не приученный. Но понятно вроде. – С чем пожаловала?

– Тётенька, я Финиста ищу, Ясна сокола! Русалки эти, насмешницы, ничего мне не рассказали, а болотница к тебе послала, за советом мудрым.

– А ну, поведай-ка, кто ты да откуда? Ко мне зачем пришла, подболотья моего не испугалась?!

Голова у клюквенницы не то волос копной венчается, не то мхом косматым, а во мху этом золотые жуки да улитки всех цветов радуги светятся, алые клюквинны на тоненьких стебельках покачиваются... Рук у неё четыре, одной на пенёк облокотилась, голову подпёрла, другой волос прядь перебирает, а ещё двумя плетёт что-то из травы. Туловище длинное, плотное, всё из ряски зелёнущей да цветочков вроде кувшинок, только махоньких, ну и клюквинны сверкают камнями драгоценными.

– Финиста ищу, Ясна сокола! Говорят, он у царицы-Зарницы живёт... а ты всё знаешь, со всеми знаешься... Дорогу подкажешь...

Гриб с голубой шляпкой склонился над клюквенницей, посмотрела она на него, посмотрела на сияющую окоёмку, копной мха покачала, возьми да оторви грибу голову.

– На, держи, тёплая душа.

– Что это, тётенька?

– Думушки горячие твои остудить. Как надумаешь назад с пути повернуть, как устанешь или страшно будет, шапчонку наденешь – и вмиг здесь, у меня окажешься, назад во времени вернёшься, и всё, что было, сном покажется...

– Да как же это! Я три посоха железных изношу, три пары сапог железных сотру, три хлеба железных сгрызу, но к Финисту приду!

– Глупая ты! Никакая любовь на свете не дороже сна и покоя... Глянь, как любо у меня в подболотье: лягухи поют, месяц светит, дивнолесье по тропам, тёплым душам неведомым, манит.

– Благодарствую, тётенька, только сердце моё не покоя просит, музыка меня влечёт, себя забуду, но Финиста спасу. Люблю я его!

– Да ты глупее водяниц-насмешник, любит она его! Услыхала сказку и заладила: люблю, люблю...

– Так я видела его, в очи смотрела, за руку держала, пёрышко мне от него досталось... Всадником он мне привиделся, сторожевые камни друидские пересёк, чтобы меня увидеть, а ведь они сгубить его могли.

– Пёрышко? Ну, тогда мне и сказать нечего, в плену ты у него на веки вечные, не своя воля тебя ведёт – Финиста волшебство. Оно посильней и воли и неволи. Не сам Финист к тебе прилетал, а морок наслал, пока Финист спит ночью, его холодная душа по свету мечется, ни днём, ни ночью спасу женщинам от него нет.

Устала Царевна, на ногах едва держится, слёзы на глазах что бисер блестят, губку закусила, противиться клюквеннице моченьки нет.

А ночка-то диковинная у Царевны выдалась. Только ночлега просить хотела, как вдруг свист, ярь, снопы искр. Всё подболотье жаром обдало. Лес скукожился, лягухи в венках илом упали, угор зашевелился, плавниками воду замутил – то не угор, сом огромный, чудище тысячелетнее, проснулось.

Глядит во все очи Царевна – ступа с самой Бабой-ягой пожаловала.

– Чую, чую душу, не тёплую, горячую... Провела, пронесла в подболотье, к лиходейке!

Сердится Яга, глаза, что лёд синие, молнии мечут, волосы иссиня-белые искрами брызжут.

Клюквенница осиною дрожит, трясётся.

– Мизгирь, взять её!

С плеч Яги уголья пылающие сыплются, а то и не уголья вовсе – пауки чёрные на длинных лапках светящихся, бегут-поспешают, и глазом Царевна не моргнула, а пауки уж, как куклу, спеленали хозяйку болотную. И сей же час друг на дружку взобрались – и не пауки уж, человек стоит, тёмный обликом, только красным светится, клюквенницу спелёнутую на руках держит.

– Отвечай, тина болотная, где сестриц моих младшеньких спрятала-сокрыла? Молчишь, жаба пучеглазая? Ну, я тебя на веки вечные в корягу суковатую превращу да на берег выброшу.

– Бабушка, пожалей клюквенницу! Прости её!

– А ты кто ещё такая?

– Так я и есть та тёплая душа, что тебя не нарочно в болото провела!

– Толковая девка! Быстро смекнула, что к чему! Просишь за бабу болотную, а не знаешь ли, что тебя саму вместо её могу наказать? А ну как в мышью серую превращу тебя, сама котом лесным обернусь да съем тебя, только косточки в рту перекажутся!

– Не хочу мышью быть, да не моя на то воля! А только, если ты меня обидишь, плохо тебе придётся! Давненько, видать, друидского пояска не отведала? Рубахи друидской не нашивала?

– Да кто она такая?! Ишь, пищит, мышья серая, будто не боится меня!

– Царевна я, меня друиды взрастили, знаю тайное про тебя, Яга. Не отпустишь клюквенницу иль меня чем обидишь – не будет тебе покоя от друидского племени! Не спать тебе ночь в году по весне, не спать и на исходе осени, будешь ты столпом пламенным стоять или истуканом каменным! А всякая тварь земная, лесная или поднебесная обидеть тебя сумеет... Силушка твоя в землицу-матушку

уйдёт али в месяц ясный, и злоба твоя против тебя обернётся.

– Мизгирь, назад!

Человек, что клюквенницу держал, рученьки опустил и на пауков рассыпался. А те зашустрили к Яге, на плечах камнями пылающими застыли.

Клюквенница едва свободу обрела, к сому страшному ринулась. Тот рот разинул и проглотил её сей же миг, в ил нырнул, хвостом воду взбаламутил, не видать ни зги стало. Баба-яга ручищу цепкую к Царевне метнула, ухватила за шиворот – и к себе в ступу. А ступа внутри больше, чем снаружи, таких царевен поди не меньше двадцати ещё поместится! И ахнуть Царевна не успела, как Яга помелом о твердь подболотную ударила, и с шумом, ветром в ушах их наверх вынесло.

Оказались на холме, утро уже брезжит, звёздочки ясные гаснут одна за другой. Яга на бережку сидит, пиявок да водоросли из волос выбирает. И вовсе не страшная, и росточку небольшого. Одежда у неё из конопли, ворсистая, зато вышивка загляденье: по вороту да на груди звёзды рассыпаны, месяцы ясные в прятки играют, на рукавах травы свиваются, букашки разные, как живые, с ножками да усиками, бабочки порхают. А по подолу – грибы да ягоды, цветицы да ёлочки всякие. Поясом препоясана, словно тёплая душа (а друиды говаривали, что Яга распоясанная по свету рыщет), поясок тот из орехов диковинных собран, длинными кистями украшен, кисти тоже все в бусинах деревянных до костяных. Волосы и не синие вовсе, да и седины в них нет, светлые как лён, а на вид шёлковые, густые, поверх платок, что очелье повязан. Глаза синие, как лёд, шурит, Царевну разглядывает.

– Ну что, красна девица, пойдёшь к мне в услужение! И не сверкай очами, ты моему делу помешала, должна мне теперь! Ишь, пояском друидским напугала! Уж два-то раза на году я от твоих кудесников скроюсь. В мире между мирами они бессильны. А вот сестриц младшеньких выручать надо. Я сколько эту склизь болотную подкарауливала, чтобы врасплох застать, сестёр из водяного плена вызволить, а тут ты подвернулась, в подболотье провела и сама же мне все нитки спутала.

– Слыхала я, что клюквенница ягодниц – девиц да женщин – завлекает на болота, уводит на веки вечные в свои пределы зелёные, видала издали свиту её, прозрачную, боятся они тени земной и света небесного. Но как ей сестёр твоих заманить удалось? Клюквенница – она ведь только слабых да жадных увлечь может...

– Экая ты, всё-то знаешь-примечаешь... Сестрицы мои меж собой неладно жили, вот подрались раз, я осерчала да превратила их в горошины – одну в золотую, другую в серебряную, на шее в узелочке носила до поры до времени. Да вот летела над болотом, а горошины мои возьми да из оберега и выпади! В ряску и угодили. А хозяйка болотная, как и вся их нечисть водяная, до земных украшений падкая. И просила я, и уговаривала горошины вернуть, и грозила – да знает, мокроногая, что я в воду не войду без подмоги...

Царевна только бровь вздёрнула на речь Яги, ещё слова в воздухе остыть не успели, а она сняла колечко с левой руки да в воду бросила:

– На, тётенька, подарок тебе!

Круги по воде только и пошли. А как последний круг ряской зелёной затянуло, вынырнуло чудище подболотное, пень не пень, коряга не коряга, корень иль ветку на бережок выбросило да тотчас под водой и скрылось. Снова тихо на болоте, только лягухи где-то поскрипывают.

Смотрят Яга с Царевной: на траве две горошины сияют – одна золотая, одна серебряная.

Яга горошины сгребла, в кулаке потрясла да оземь и кинула. В тот же миг кошка рыжая да сова седая пред Царевной оказались. Кошка спину выгнула, зашипела, сова крыльями захлопала, но Яга притопнула, в ладоши ударила – кот в ступу прыгнул, сова на плечо Яге села. А та вокруг себя крутанулась так, что юбки взметнулись, ноги в посох дорожный превратились; кружит, кружит Яга на месте, ягоды-грибы по подолу вышитые в одно сливаются, травы меж собой свиваются-развиваются, роса глаза слепит. Прикрыла Царевна оченьки, и дрёма-дрёмушка подхватила её и унесла за луга, за поля, за дремучие леса.

И снится Царевне, что летит она в ступе, которая внутри больше, чем снаружи; кот сидит на краю, всеми лапами держится, ветру морду подставляет, жмурится, на спине у него сова глазами хлопает; Баба-яга летит, волосы по ветру веются, из глаз синих искры сыплются.

Тут на небе серебряная сеточка замерцала, всё узоры плетёт и плетёт паук невидимый. А ступа к сети летит, и время замедлилось, и воздух мёдом тягучим поплыл, глаза у Яги как уголья горят, жаром обдают, дышать моченьки нет, сон – а будто наяву всё.

Пробила ступа сеть небесную, и плывут они пёрышком, не летят, а кружатся, падают. Мир под ними белыми снегами сияет, синие ёлки лапы к ним тянут, а то не твердь земная – солнечный медведь спит и сон про них видит, лапой отгоняет, докучливых, и ступу назад к сети швыряет. Яга помелом подгоняет, следы свои, что золотыми искрами позади мерцают, замечает. Медведь сердится, лапами машет, ухо пчелой золотой обожжённое во сне трёт, ступа-то над ним и промчалась...

Летят они над лесом, камнями по опушкам отороченном, а от камней марево, как над костром, колышется, и слышатся тихие вздохи да шёпоты древних камней – так то лес друидский! – возродовалась Царевна, и кажется ей, что Дора она различает и Вея, стоят они, к камням уши прикладывая, а деревья к ним ветки тянут, поведать спешат, что Царевна мимо бежала.

– Как же так, бабушка, мы же летим нескончаемо долго, а всё границы нашего леса не пересекли? – оглянулась, вопрошая, а у Яги лицо, паутиной морщин покрытое, истончилось, одна паутина и осталась, а меж паутинками тонкими звёздное небо искрится; во лбу месяц светит, глаза, что лёд синие, холодным пламенем сверкают, от волос сияние по небу разливается, из цвета в цвет переливается.

Обомлела Царевна, оченьки прикрыла на миг, разомкнула ресницы, а ступа с высот вниз стремитесь, и воздух скрежещет, и искры снопами брызжут, вот-вот разобьются о сыру землю!

А земля-матушка недра свои разверзла и уж несётся ступа во тьме крошечной, только волосами Яги освещаемой. Смежила веки, усталость своё берёт, разлепила – а они уж по лесу диковинному летят, и ступа ход замедляет, замедляет, а тут и во все поплыла мимо громадных грибов светящихся, шапочками небосвод подпирающими. Под ними не трава, а будто волос мелкокурчавый, неземными красками играет, и то тут, то там бирюзовые, золотые да алые капельки вспыхивают. Вылетели на опушку, а там под синей луной избушка на курьих ногах стоит, приплясывает, из окошек лесом прорастает, цветами диковинными с крыши свивается. Плавно ступа наземь опустилась, боковины лепестками на четыре ветра разложились. Царевна уж и на ноженьках стоит, глазки протирает – не то сон, не то наяву с нею. Баба-яга же опять прежней сделалась, волосы в косу заплела да под платок спрятала.

– Избушка, избушка, стань ко мне передом, к лесу задом! – та и повернулась к ним, дверь распахнулась, земляничкой запахло да травой свежескошенной. Кошка по крылечку деревянному взбежала, сова заушала да через дымоход в избу влетела.

– А отчего говорят, что у тебя нечеловеческим духом пахнет и избушка по колена в грязи стоит? У тебя ведь красота прекрасная...

– А и никому знать не дозволено, где да как Баба-яга живёт, если б ты, девонька, сама на моё жилище набрела, то бы и увидела, что увидеть готова была. И грязь по колена, и дух, и черепа на тыне, а и нечего простым тёплым душам меж мирами шастать! Ну, девонька, идём! Гостьей будешь!

Глазом моргнуть не успела Царевна, а они уж внутри избушки. А там просторно – лавки вдоль стен стоят, под травами сушёными. На половицах деревянных мох мягкий да тёплый, так уж ступать к нему легко; стол посреди светлицы вышитой скатертью устланный – смотришь на узор, а он, как взаправдашний: цветы сплетаются, травы свиваются, ягоды влажно мерцают, на губах сладко стало.

– Мизгирь! – хлопнула Яга в ладоши, с плеч угольки пылающие посыпались, пауками проворными зашустрили и через миг опять в человека собрались. Мизгирь поклонился Яге и на стол накрывать принялся, хлопчет, руки мелькают незаметно, точно паутину ткнут, а на столе то миска ягод, то пироги на холстине, то грибы жареные появляются.

– Отведай, девонька, моего угощеньца! Садись за стол.

– А отчего ты клюквеннице сказывала, что сестрицы тебя прогневали, – вопрос давно на язычке вертится, не удержалась Царевна, спросила, – а то кошка да сова... или ты их не совсем расколдовала?

– Ишь, какая ты глазастая, всё примечаешь! Баба-яге всякая живность – братец, всякая тварь земная – сестрица, да и помощники они мои любезные. Смотри-ка! – закурлыккала, заушала Яга – сова с притолоки слетела, оземь ударилась – стала пред Царевной другая Ягиня; зашипели обе, замурлыкали – кошка с печи прыгнула и тоже в Ягишну обернулась. Не различить бы, да одна другой росточком поменьше. У Ягини – не конопляное платье расшитое, а перистое, гладенькое да рябенькое, всё не то косточками птичьими, не то веточками украшенное, да под очельем перья длинные, а не косы льняные.

У Ягишны платье шерстяное, полосатенькое, так рука и тянется погладить, а по подолу мышки да клубочки пришиты за хвостики. Баба-яга нахмурилась – её сестрицы нахмурились, она руку подняла – то же за нею повторяют.

– Баба-яга одна всего, да отражений у неё не счастье... Ну ладно, любезные, хватит вам обличья менять, силушек набирайтесь! – хлопнула в ладоши, сёстры и пропали, кошка на печь запрыгнула и ну мурчать да ворчать; совушка к себе под потолок вернулась, давай там лапами перебирать, местечко для сна обустроить.

Нет в дивном лесу ни дня, ни ночи, светит месяц, от трав тепло да свет идёт, хорошо, спокойно... Птички поют, сверчки стрекочут... Царевна усталая на лавку прилегла, заснула, и опять видения одно другим сменяются, пока вовсе за пределы бытия земного не улетела... Спит Царевна...

Открыла глазоньки – ничего понять не может: где она, что вокруг. А как вспомнила, сердечко в груди забилось горячо – в путь-дорогу надо. У печи Яга хлопчет, под нос бормочет, споро на ноге костяной вокруг себя кружится. В избушке травником ароматным пахнет, стряпнёй свежей. Увидела, что Царевна проснулась, полотенце подала для умывания, сама не говорит ничего, улыбается.

Царевна во двор вышла, к умывальнику, что на цепочке медной висит, наклонила носик – вода из него студёная, хрустальная полилась. Умылась – будто заново родилась. Лицо в хрустящую свежесть полотенца окунула, славно как! Походила по двору, побродила, на травы светлые подивилась, на месяц чудный полюбовалась. Там баньку заметила, пошла посмотреть. Дверка низенькая, окошки подслеповатые мхом позаросли, а внутри – ну как у людей всё: полки, венички диковинные, ведра с водицей стоят, ждут, когда баньку растопят.

– Что, красавица, попариться желаешь? – Яга на пороге стала, свет затмила.

Царевна кивнула.

– Славно завет мой, тёплые души, соблюдаете: тело, душеньку и разум завсегда в чистоте держать надо. Ну что ж, Мизгирь! Растопи-ка нам баньку, да пожарче. А ты, девонька, водицы наноси, да веничек крапивный собери... попаримся да поспедаем, а там и поговорим – дело ли пытаешь или от дела лыгаешь...

– А как же Мизгирь? Да и в ведрах воды полно, и веников вдосталь...

– Мизгирь не про твою честь, матушка! Ступай, не ленись! Баньку от Ягишны ещё заслужить надо! И не верь всему, что видишь, – глаз, он и обмануть может!

Глядит Царевна, а ведёрки-то и впрямь уже разошлись, в одном паучок тенёта сплёл, листик сухой свернулся. Взяла ведёрца, коромысло резное, пошла к речушке, что спиной под месяцем блестит, чешуёй зыбится. Зачерпнула водицы, а вытянуть не может, вода тёмным пламенем в ведре играет, тяжестью в песок уходит.

– Всему-то тебя, несмышлёная, учить надо! А ещё за Финистом собралась! Ты водицу-то справа налево зачерпываешь, эдак-то она мёртвая. Зачерпни-ка слева направо! – оглянулась, а позади

пень многоглазый, корнями мох перебирает – вот ещё советчик! – не послушала, своё тянет, да не перемочь силу волшебную. Бросила ведёрце, другим зачерпнула, как пенёк советовал – и впрямь, воды до краёв, ясные звёздочки, отражаясь, озорничают, перемигиваются, а ведро легче пёрышка, само будто в руки просится.

Принесла Царевна воду, ни капельки не расплескала. А Яга темечком о притолоку упёрлась, руки в боки, стоит усмежается. Ни слова не проронила Царевна, сама об ведёрце притопленном думает. Пошла по крапиву, заросли богатые на опушке леса; рвёт, не замечая, что кожу нежную обстрекало, рвёт и веник вяжет, стеблем пучок перевивает, перехватывает – нашла Яга чем угомонить, небось друиды и не с такими травами научили её обращаться. Принесла веники, на полоч сложила.

– А второе ведро где?

Царевна бровью повела, усмехнулась да как крикнет:

– Мизгирь! Принеси ведро!

Пауки с плеч Яги свалились да мигом в человека выстроились. Достал Мизгирь ведро, несёт, глазами незрячими дорогу освещает. Сняла Царевна с себя поясок разузорчатый, своими рученьками расшитый и, не успела Яга губ разомкнуть, обвила вокруг пояса Мизгиря. Заалело в лесу диковинном, голоса слышались, смех придавленный, заскрипело, заухало в чащобе.

Мизгирь поклонился низко, вспыхнул ярым пламенем и пропал вовсе, только поясок во мху лежать остался.

– Что ж ты наделала, бестолковая?! – кричит Яга, сердится, только косы мышачьи искрами не летят, значит, понарошку кричит, для острастки.

– Я не в услуженье у тебя, а гостьей. Ты меня накормить-напоить должна, в баньке попарить, а ты меня работой занимаешь непосильной! Вот тебе – сама воду носи, сама дрова руби!

– Ишь ты, глазастая! Силушки в тебе поболее чую, чем сначала показалось. И травы тебе послушны, и Мизгирь подвластен, и живое-неживое тебе помочь норовит. Эка непростая ты, Царевна! Ну что ж, пойдём париться!

Пару много, водица лёгкая, веники плясучие. Яга знай пару поддаёт да велит охаживать веником пошибче! А и Царевна от неё не отстаёт. Намылись, напарились, мёду напились, в избушку босые возвратились.

Сели снедать, Царевна будто отродясь не ела – и того отведаёт, и от этого откусит, другим запьёт. Ягоды спелые, хлеб пышный, творог на языке тает.

– Теперь сказывай, что за кручина тебя в трясину к клюквеннице повела? Разумная девка аль баба никогда сама к ней не отправится. Хитрая она, тихоней да скромницей притворяется, а вместе с трясинником немало тёплых душ на дно к себе затянули, вона водяниц да русалок развелось – косою коси...

Начала свой сказ Царевна, да сама не заметила, как опять дрема ей очи заплела, веки смежила. Проснулась от ветерка свежего, что щёки алые обвеваёт. Зажмурилась от солнышка красного. Ягишна рядом сидит на пригорочке, мастерит что-то.

– Зачем тебе Финист? Ни один молодец ясный не стоит того, чтоб себя забывать, силу кудесную на пустое дело тратить. Ты, девица, в этакой силушке пребываешь, а женщиной станешь – её ещё прибудет, тайные знаки на траве и песке читать сможешь, ветхие книги, в земле сокрытые, тебе откроются, силу месяца познаешь да со своей сольёшь. Что тебе Финист – Ясный сокол?! Нет у него сердца человеческого, своё сердце потерял и твоё иссушит! Ни Финиста, ни красы своей, ни силушки не бережешь.

– Люблю его, не могу без песен его нежных, без взоров пламенных...

– Так ты его не видала, не слыхала – только моток, им насланный, встречала. Бродит по земле, лишь бы голову кому заморочить, лишь бы тёплая душа женская за ним устремилась, чудодейство его тёмное наполнила. Да видно, крепко ты в его власть попала, не выручить мне тебя, пока сама не позовёшь! На-тко, держи! – оторвала от подола клубочек и в руки Царевне сунула, – покажет он тебе дорогу. Я бы тебя через мир между мирами провела коротким путём, да ослабеешь, много сил любовь твою из тебя черпает. Ступай длинной дорогой. Вот тебе котомка, котомка непростая, из гриба твоего подболотного, жабой мокрого подаренного... Сколько в неё ни положишь – всегда место останется! Всех травушек земных по дороге собери, высуши, да в котомку-от и положи. А в ней хлеб неснедаемый да фляжка берестяная с водицей чудесною. Ишь ты, три посоха железных источить хотела... Сказок наслушалась...

Обняла Царевна Ягишну крепко:

– Не ворчи! Спасибо тебе! Век не забуду доброты и уроков твоих.

Ягишна оземь ударилась и котейкой царевниным обернулась, чёрно-беленьким. Котейка в лес побежал. Клубочек в руке нагрелся так, что Царевна выронила из белой рученьки, а клубочек за котейкой покотил, за ним и Царевна.

II.

Хэй, то! Хэй, о! Лес!
Ио-ло, ио-ло, небо!
Хэй, то! Хэй, о! Лес!
Ио-ло, ио-ло, небо!

Сквозь камень трава,
На травах роса,
В росе отражается небо.
Сквозь тучи звезда,
На землю вода,
В ладонях останется хлебом...

Друиды в польнно-зелёных одеждах, с резными и расписными посохами в руках, растянулись цепью по каменистому лугу с редкими выселками густой жёсткой травы. Они обходят огромные замшелые валуны со звёздами серебряных лишайников и повторяют свою древнюю песнь, то улетаая ввысь стройными голосами, то понижая их до невнятного шёпота. У котлов в низине заботятся нарядные женщины и девушки, босоногие белоголовые ребяташки, приведённые матерями в услужение и на воспитание к друидам, режутся у ручья, оглашают воздух пронзительными птичьими криками.

– Нашла, наша! – приплясывает на камешках девчушка с волосами, что мёд, высоко ручки-веточки вздымает, в кулачке нитка бус блестит.

Бежит мимо озорник, выхватил подарунок водяного и наутёк!

Молодой друид на дозоре, по обычаю предков, стоит; поймал парнишку и отобрал украшение.

Девочка подбежала, кудри растрепались, закатный румянец заиграл на щёчках:

– Отдай!

– Держи! – протянул друид открытую ладонь и замер, поднёс к глазам, не веря им.

– Где ты их наша?

– Ручей принёс, – подбородок девочки дрожит, снова в слёзы: – Отдай!

Бусинок на нитке осталось всего ничего, только друиду и одной хватит узнать, чьи бусики. Он сам вытаскивал из травяного каменного волоса да кушкскими слёзками перемежал на нитке.

Девочка выхватила украшение и была такова, одна бусинка только и осталась Дору. Уже год пролетел, другой, как солнышко по небу катится, сгинула бесследно Царевна ненаглядная. И как только друиды ни разыскивали её, каких заклинаний ни прочли, шаривая глазами матушку-землю и сестрицу-водицу, в поднебесье заглянув и сквозь огонь пройдя, – нигде не было следа.

Вей и наказать Дора не смог, сам он себя за горячность наказал да за гордыню, что помешала вослед за девицей броситься. Ушёл Дор к друидам на пустоши, далеко от любимых дубов, в чужое племя.

Опустело и родимое гнёздышко царевнино – царь-батюшка, из похода возвратясь, горевал, птички сладкогласой в тереме светлом не найдя. Мамок-нянек, что Царевну не устерегли, высечь велел да со двора прочь прогнал; старую нянюшку не тронул, а струны гуселькам порвал да гусельки в огонь кинул. И раньше домрачяем ходу в царство не было – теперь никакой музыки нельзя играть, песни петь да хороводы ладить.

Покручинился этак царь, погоревал да в поход дальний снаряжился, на реки звонкие, в степи ковыльные, в горы поднебесные. Много чудес о тех краях слышал, сам решил разузнать, разведать да родные пределы матушки Ягеи по пути проведать. Посадил на престол молодого друга своего, Олёшу, суженого Царевны. Царь немало Олёше благодарен, не раз плечом к плечу с ворогом бились, не раз супротив чуди всякой выступали, жизнь друг другу спасали. И собой хорош Олёша, и норов мягкий, и роду славного. И Царевна ему любя была, только и глаз на неё поднять не осмелился ни разу.

Царь кручину друга своего за приметил; как-то после боя со змеищами летучими отдышали, от яда кипучего в баньке отмывались, Олёша молока травянистого отведал, язык ему развезло, голову затуманило, осмелел да и поведал о несчастье своём, о любви безответной. Царь враз и порешил дочку единственную за друга надёжного замуж отдать. Олёша-то утром на ясную голову спохватился – как же, наречённую при всём войске светлом невесту, и не спросили.

А вон как вышло – невесты след простыл. Царь и посадил Олёшу вместо себя править, хоть отчасти

слово царское сдержат, сам за мечтой в дальний путь последовал.

Олёша новый терем о семи венцах срубить велел, медвежий алтарь расписной на ручье поставил, зверобожие в его роду-племени. К друидам заказано ходить – другие обычаи на родине Олёши – дресам не поклоняются, огонь священный с неба не собирают, медведю звёздному жертву приносят.

Всё прежнее быльём поросло. Терем царевнин совы заполнили да травы буйные...

III.

Ой, да не горит моя лучинушка...

Ой, да на душе беда-кручинушка...

Ой, да всё резвятся ветры буйные,

Ой, да меня учат неразумную...

Ой, да я пойду по полю-полюшку,

Ой, да посмотрю на волю-волюшку,

Ой, да улететь бы вместе с ветрами,

Ой, да вместе с ветрами залётными...

Ой, да пуще воли та неволюшка,

Ой, да та, что ножки мои спутала,

Ой, травой зелёной да муравушкой,

Ой, да не пускает меня к милому...

Проснись-пробудись, мой сокол ясный,

Открой свет-очи, на меня взгляни!

Я твоя суженая-ряженая,

Ты отец мне, ты и матушка...

Ой, да не нужны мне ветры в полюшке,

Ой, да отдала я волю-волюшку,

Ой, да за кудри твои буйные,

Ой, да за очи твои светлые...

Встрепенулось сердечко в груди, вскинулась девица: задремала, а огонёк заветный вот-вот погаснет. Схватила уголёк, из руки в руку перебрасывает, дует на него, да толку-то. Погас жар-огонь, не пробудится Финист – Ясный сокол. Третья ноченька на исходе, вон уж и заря-зоренька алеет. Наклонилась девица над Финистом бездыханным: лобзает уста сахарные, гладит брови соболиные, нежит кудри шелковые – спит непробудным сном Финист – Ясный сокол.

А вот уж и пушок закурчавился на ланитах зарёй омытых, а вот и пёрышки крохотные зарыжели... Потянулся Финист, застонал, и слышится голос свирели жалобный, укоряющий:

– Любимушка моя, ах, любимушка!

Захрустели молодые косточки, потянулись к солнцу перья пёстрые, то не руки на постелюшке – крылья птичьи раскиданы, то не ноги молодецкие – птичьи лапы да когтистые, острый клёв его в потолок глядит, зоркий глаз на девицу зрит. Встрепенулся сокол, на крыло поднялся и давай девицу крыльями бить, клевать. Насилушку вырвалась из объятий, сорочка в крови да перьях... А птица всё норовит плечи белые исклевать... А за окошками гусельки наигрывают, весело так, залихватно...

...Дёрнулась Царевна, от врага неожиданного рукавом прикрываясь, да и проснулась мигом. Шалаш её бурей ночной разворшило, ветки плечи исцарапали. Ох и сон ей выдался! Села, согреться

пытается, зуб на зуб не попадает. Тронулась в дальний путь – ни сапожек тёплых, ни свитки нет, а уж зима скоро. Неразумная головушка! А ну как хвороба какая привяжется? Что придумать, и не ведаёт. А клубочек-то ведёт тропой междорожною, к тёплым душам не привязанной, и попросить-то у добрых людей одёжки какой невозможно. Развязала котомку, ковригу хлеба достала, ломоть солью посыпала, ест, водицей запивает. Вот бы послужила у Бабы-яги, заработала б себе и на свиту тёплую, и на сапожки... Выучилась немножко премудростям таким; да как знать заранее, что дорога к Финисту такой далёкой окажется...

Хлеб укладывать стала. Котомка-то клюквенницына сияет этак незабудково. Закусила Царевна губку, задумалась. А тут шалаш новым ветром во все завалило. Делать нечего – надела Царевна шапочку на голову, натянула – ууух! – завыло в ушах, засвистало.

– Бульк! – только ряска и расступилась, да вновь сводом узорчатым сомкнулась. Смотрит Царевна вокруг – вроде всё то же у клюквенницы, да немножко иначе. Лес подводный устрашающе колышется, сом огромный глаза выпучил, усищами шевелит. Лягухи синие глазами светят, улитки по дну ползают да будто с Царевны глаз не сводят.

Голова у клюквенницы не то волос копной венчается, не то мхом косматым, а во мху этом жуки копошатся да черви извиваются, сморщенные клюквинны на тоненьких стебельках покачиваются... Рук у неё четыре, одной на пень облокотилась, голову подпёрла, другой волос прядь перебирает, а ещё двумя плетёт что-то из травы. Темно в подболотье, холодно.

– Что, тёплая душа, испугалась дороги? Не согрела тебя любовь пернатая?

– Не испугалась! Видишь, твоему слову поверила, ты обещала назад во времени вернуть меня, вот я и вернулась! Есть у меня забота.

– Чтобы Яга тебя опять с собой забрала? Ох, и премудрая ты, Царевна, только есть и тебя мудрее. Не пуцу на волюшку, силу твою женскую себе возьму!

– Ах ты, чудо болотное! Я тебе поверила! Я тебя от Яги спасла, приглянулась ты мне облищем дивным, нравом кротким! Обманщица!

Сом плавниками шевелит, клюквенница на нём, подбоченившись, сидит, исподлобья смотрит.

Раки пучеглазые к Царевне ползут, клешнями щёлкают.

Да только заиграли гусельки звончатые, Царевна опомнилась – опять шапочку надела.

Идёт Царевна в лесу диковинном, всё светом молочным да голубым сияет. Тепло в лесу, воздух влажный, как после дождика, радужные мостики через овраги перекинуты. А в оврагах туман синий да молочный клубится, дна не видно. Деревья безлистые, стволами гладкими изгибаются. И всё-то тут похужее, никаких примет не найдешь, взору зацепиться не за что. Идёт Царевна, что плывёт, будто и земли не касается. Проголодается – котомку развяжет, хлеба пожует, водицей запьёт и дальше двигается. И кажется ей, что идёт она в молочном

тумане всю жизнь, и нет у неё начала, нет и конца. Комары звенят, лапками по коже перебирают, щёк касаются – противно, да мочи нет отгонять.

Цветы лазоревые россыпью под ногами, наклонилась сорвать, а то не цветы – очи девичьи, слезами горячими полны... Подломились ноженьки усталые, опустилась Царевна на травушку и давай плакать-причитать, себя жалеючи и весь женский род, от любви страдающий...

И чем больше плачет, тем горше ей судьбинushка видится...

Легла на землю, головушка закружилась, и полетела Царевна вниз головой, меж сплетений корней, в тёмное царство Кощеево. Нет в Царевне света белого с его травами-муравами устилающими, с его месяцами ясными, зорьками утренними да вечерними, с малиновыми звонами в лугах, с птичьими трелями...

Нет в Царевне радости земной, падает она в зыбь тёмную, не помня ни себя, ни Финиста... Разверзаются-раскрываются недра земные, одни врата за другими пролетает, как пёрышко, вот-вот к столпам каменным, твердь земную подпирающим, упадёт, навсегда в царстве дивном да безжизненном останется. Только струночка одна височек тронула, зазвучала тонко-жалобно, о лесах запела звонкая, о лугах и травах ласковых...

Дрогнули ресницы Царевнины, запело-забилося сердечко, высохли слёзы горячие, вмиг сама среди трав под солнышком очутилась.

Смотрит, а по травам, как по лезвиям, огоньки бегут и скатным жемчугом в траву падают.

Царевна за жемчугом наклонилась, а тот росой в руке растаял. Пение послышалось за кустовником. Пошла, ноженек под собой не чуя – сколько дней и ноченок одна по диковинным лесам скиталась, и самой неведомо. На поляне девушки в сорочках вышитых хороводом стоят, каждая вокруг себя оборачивается, из ладони в ладонь лад и добро переливает и подруженьке передаёт. Так хорошо кружат – только подумалось Царевне, а уж она сама между девиц красных кружит, песнь напевает, а напев протяжный, душевный, и так славно среди подружек, что берёзками стройными стоят, так сердечку сладостно... Только поперець напева девичьего струнки гусельные брызнули и строй сорвать нороят. Девицы захмурились-заоглядывались, Царевна

обернулась на музыку, а назад вокруг взор переверла – и нет никого, одни берёзоньки да рябинушки на берегу речки Полянки. Изнемогла Царевна, опустила в муравы шелковые, и унесла её дрема далеко-далёко...

Проснулась от ветерка свежего, что щёки алые обвеваает. Зажмурилась от солнышка красного. Ягина рядом сидит на пригорочке, мастерит что-то. Солнце радугами на платьице перистом играет, ветерок пёрышки раздувает...

– Держи, красавица, – подала Яга косточку птичьую тонкую. – Сбереги до поры, до времени...

– Ой, бабушка, я будто уже жила и всё это видела – тебя, пригорок этот... Только ты мне клубочек подарила и в котейку обернулась.

– Кто бы ведал – сколько раз мы на землю-матушку из светлого ирия приходим да по радужному мосту в него возвращаемся. Водицей в подземные недра просачиваемся и чистой душой, пройдя через мороки и на обманы да обольщения не поддавшись, в светозарное царство улетаем. Пташечка несмышлёная, пичужка горемычная, забыла аль наставления мои – сиди дома, пряди да вышивай! Мудрёное это дело – по свету рыскать, не девичьего ума дело...

Отпрянула Царевна – оглядывается, вокруг палаты царские, узоры по притолокам вьются резные да расписные, смола янтарём на столбах застыла, лавки, коврами да шкурами устланные... Нянюшка с вязаньем сидит, спицами позванивает.

Да как это? Что это? Бросилась к окошку, а ставни сами собой закрываются. Котейка к двери метнулся, Царевна за ним, а нянюшка клубок кинула, и ну нитки опутывать-окутывать ножки девичьи.

– Мизгирь! – крикнула, что было моченьки, из каждого угла пауки-скороноги выскочили и давай пряжу сматывать. Освободилась, бежит к дверям, а перед нею длинный ход и дверей череда одна за другой запирается. Бежит Царевна – одна дверь сарафан зажала, упало платье на половицы дубовые; бежит Царевна, что есть силушки; другая дверь платок, шитый жемчугом, с волос сорвала – бежит Царевна; третья косы рвёт – не пускает – Мизгирь! – человек-паук нож бросает ей, прочь-долой косы девичьи... Ничего у Царевны из мира явного не осталось – сама у себя только и осталась... Последняя дверь; вот-вот сомкнется створочка, рванулась вперёд Царевна, зажмурилась – и провалилась в горячее облако...

...Открыла глаза, а рядом Яга парится, венником пару поддаёт, жаром очи полыхают.

– Что, девонька, дивишься? Семь мороков ты прошла, семь раз себя забыть была готова, да воля крепкая твоя, силушка неисчерпаемая... Не зря я тебя, голубушку, заметила. Ну-тка, поддам ещё пару! А ты мне скажи, дело пытаешь или от дела лытаешь?

Царевна едва уста разомкнула:

– Финиста ишу, Ясна сокола!.. – и в беспамятство впаала.

Очнулась от ветерка свежего, что щёки алые обвеваает. Зажмурилась от солнышка красного. Яга

рядом сидит на пригорочке, мастерит что-то. Сорвала с подола платья колос спелый:

– Вот тебе в путь-дорогу – придёт время, пригодится!

Катится клубочек, идёт Царевна не день и не два. Дорога вдаль стелется, под ногой травы расступаются, ручей звонкий песенки поёт, по камушкам скачет. То филин в лесу заушает, то жаворонок в небо взвьётся. Солнышко алым цветом небо омет – утренняя зорька, золотом малиновым запольхает – вечерняя. Поспит Царевна, камушек под голову или моховую кочку, – и дальше в путь. Банька Бабы Яги знать себя даёт – никакая грязь к Царевне не липнет, хоть через болотце пробирается, хоть по дороге пыльной шагает. На окоёме горы показались, синь небесная по горам разливается, облака на макушках развеваются... Ночлег готовить стала, а хвороста и нет нигде, лес давно за спиной остался.

Камни под ногами да сор-трава, таких и не видала, не ведала. А камни всё диковинные попадают: то как слеза чистые, прозрачные, будто тают на солнышке; то серые с прожилками золотыми да вкраплениями; то чёрные как смоль, сами на Царевну будто глядят, затянуть в себя норовят. Нашла у больших камней углубление, навроде как пещерку, приладилась кое-как, без костра-батюшки ночевать решила.

А над дальними лесами к небу струи тёмные вздымаются, в тучи грозные собираются. Страшно Царевне, да что поделать. Не впервой. Зарницы по всему небу заиграли, гром погромыхивает, видно, царские хоромы недалече. Одна перуница рядом о камень смоляной ударила, загорелся камень, и горит, и светится. Протянула Царевна руку – греет, а не обжигает. Подкатила к себе несколько камушков, разложила кольцом, огонь заплясал, запрыгал с одного на другой – и тепло, и радостно. Вспомнилась наука друидская, Дор ведь рассказывал ей о камне-грозовике. Это он и есть. Дор перед глазами встал – красивый, спокойный, смотрит в очи ей глазами серыми, и только Царевна да звёзды в них отражаются.

Задумалась Царевна, закручинилась. Вспомнились ей игры детские да забавушки, вспомнилось, как Дор первые земляничины на стебелёк травы нанизывал и ей подносил: светилась ягодка на солнышке, краше камней самоцветных, а в травинке сок струился – всё-всё как на ладошке было видимо...

Как птенчика в гнездо подсаживали; как с высоченного дерева кубарем скатывались да от пчёл убегали-прятались; как лосёнка, что в ивняке запутался, освобождали... Как про травы целебные да чудодейственные Вей рассказывал, как ритуалы древесной чаши проводили...

А там и отца-батюшку вспомнила. Как в лес он наездами заглядывал да с друидами о делах царских говаривал; как по звёздам путь свой разглядывал, как дымом его окутывали, от хворей чужестранных излечивали... Как сказывал он ей сказки странные, из далёких краёв привезённые, да куколок дарил...

Покатились слёзы скатным жемчугом, так и уснула, девчоночкой босоногой, а не девицей...

«...Кто крапиву во время грозы или после неё соберёт да заварит и омоется тем настоем, целый год болеть не будет. А если выпить настой такой – невидимкой станешь. Только окромя крапивы ещё камень-грозовик положить надо и гриб-слюдяник...»

Смотрит Царевна на гриб, что на голом камне растёт, а тот сверкает изморозью на жарком солнышке. Дёрнула – крепко сидит, ещё разок потянула, остался в руке – и его в котомку. В котомке уж и камень-грозовик обитает, и трав засушено видимо-невидимо, и по первой грозе, и по первой росе собранных. Баба-яга ей накрепко наказала каждой травы по дороге запастись. Котомка тяжёлая, плечи натёрла, да делать нечего. Сама идёт, по своей охоте, а охота пуще неволи.

Дорога в гору всё выше и выше ведёт, по каменным россыпям. Вода с вершин падает, ручьями разливается, рыба чешуёй радужной, что монеты, сверкает. Птицы огнегрудые меж камней гнёзда устраивают, не поют – клекочут, глазами хрустальными поводят, на Царевну взирают. Ящерки изумрудные да бирюзовые меж камней рыщут, шебуршатся в траве невысокой.

А дальше травы всё меньше, меж камней коренья выглядывают, да всё гладенькие и тёплые, даже и боязно их касаться, словно кожа человеческая, будто руки кто через каменные стены просовывает. И камни гладкие, скользкие пошли. Хочешь не хочешь, а за корни подтягиваться приходится, иначе никак. Потом и вовсе, как хрусталь, камень звонкий, сверкающий на солнышке, и взглянуть больно. Один раз только Царевна назад оглянулась, головушка закружилась: гора-то крутёхонька, дол далеко внизу остался.

Туман клубится, белый да курчавый, а то и не туман вовсе – облака да синь небесная, птицы летают огромные, мохнатые, ветер свистит, когда на крыло встают. Летают да на Царевну грозно посматривают, а по перьям всполохи золотые идут, из клюва

жар выходит, глаза смарагдами переливаются.

Стражи это Перуницыны, значит, и терем её каменный поблизости. А в горе хрустальной расщелина показалась, вроде как обугленная да солнцем закатным подсвеченная. Царевна в неё проскользнула, а там ход извилистый, и горячо стало, и стены

дрожат от гула подземного – там, в недрах, гром рождается, перунов цвет, что всё небо в клочья рвёт с грохотом и дождями.

Прошла Царевна, не испугалась, от жара только рукой прикрывалась, а наружу вышла – свежий ветерок щёки овеивает. Долина, чёрными истуканами заставленная, перед нею. Идёт она, диву даёт: истуканы в снаряжении воинском из камня высечены, даже знаки рода различимы, что за мастер постарался?! Только подумала, а один из истуканов едва-едва проронил:

– Сестрица, воды испить!

Отпрянула Царевна, а остальные каменные воины захрипели, застонали:

– Пить! Пить!

Как помочь? Фляжка берестяная, самонаполняющаяся, одна. Бегаёт Царевна то к одному, то к другому, у самой в глазах черно.

Встала как вкопанная, кровушка по жилам заструилась, почувствовала в себе силу небывалую, в перстах иголочками запокальвало, сердце запыхало. Вывернула котомку Царевна, хлеб и травы в платочек завернула, а котомку оземь бросила. Она шапкой гриба и обернись!

Второй раз подарок клюквенницы оземь бросила – разлилась шапка озером прозрачнейшим. Чуть коснётся водица истукана обугленного – тот опять человеческий облик и принимает. Поклонится Царевне в пояс и, в воду ступив, пропадает – домой, стало быть, возвращается. Как последний воин ушёл, озеро в шапочку грибную превратилось, только рученьку Царевна к ней протянула, как и шапочка исчезла.

Что ж, спасибо холодной душеньке, доброе дело клюквенница сотворила...

Платок с травами и хлебом подхватила, дальше пошла, каменные врата перед нею – валун на валуне стоит и валун подпирает, ни замков кованых, ни резьбы расписной, как привыкла. А за теми вратами – следующие, и дальше облачные арки, одна за одной – как в мореке с дверьми...

Идёт Царевна, не страшится. А как прошла седьмые врата – оказалась на пепелище. Не ходят – ползают люди безглазые, измождёнными руками по земле шарят:

– Злато! Где злато?! – хрипят...

– Да какое же вам злато? – крикнуть силится Царевна, а язык к гортани прилип, пот струится по спине от страха и жалости. Опять в перстах закололо, по челу огонь разлился, кудри тёмные вокруг головы завихрились-заискрились...

Вытащила колос из-за пазухи, бросила оземь –
брызнули зёрна золотые во все стороны!

Закричала громовым голосом:

– Твердь земная, вода небесная, сомкнись,
твердь земная, вода небесная, сойдишь!

Земля разошлась, зёрна драгоценные принима-
мая, дождь пролился, пепелище оросив, не успела
Царевна и глазом моргнуть – проросли живым цве-
том и травы, и колосья. И рожь поднялась, и волош-
ки с ромашками в ней. Окунулись алчные души в
прелесть земную, вспомнили родные пределы, как
босиком по отаве бегали, в горелки играли. Как ма-
ков цвет рвали да в косы любимым вплетали, венки
плели да на воду бросали... Потекли слёзы по сухим
щекам... Как заплачет – так живой, тёплой душой
и обернётся. Уйдёт в траву по пояс и домой в своё
времечко возвращается, где уж и ждать-вспоминать
устали...

И Царевна устала-притомилась. А солнце здесь
как окоём коснулось, так и не садится дальше. Всё
малиновым светом застит.

Идёт Царевна из последних сил. А перед камен-
ным столпом, что в девять охватов, мышьего вой-
ска видимо-невидимо. Все деревья подгрызли, всю
землю изрыли, и камень точат, вот-вот столп упа-
дёт! На Царевну идут клином, пищат, по-своему пе-
реговариваются. Опять озарение пришло – вынула
из-за пазухи птичью косточку, оземь бросила, а с
перстов огонь синий льётся, закричала громовым
голосом:

– Птицы алые, золотогрудые, слетайтесь-соби-
райтесь, с тёмным войском посчитайтесь!

Налетело птичье племя – и клювами бьют, и
крыльями хлопают, Жар-птицы пламенем жгут,
птицы-зарницы молниями хлещут... Не успела и
глазом моргнуть, как не осталось мышьего воин-
ства, а там, где перышки птичьи упали, сосны – пе-
руновые деревья – ввысь потянулись да иван-чай по
пригоркам расцвёл. Смотрит Царевна, диву даёт-
ся, красе земной радуется...

Идёт Царевна по лугу, муравы сами к ногам ла-
стятся, птицы алые, золотогрудые на ветвях сосен,
что слезами янтарными от тепла плачут, поют-за-
ливаются, а впереди терем стоит на зыбком обла-
ке, и тропа к нему ведёт ясная, божий мост-радуга...
Страшно ступать, оглянулась Царевна – а на при-
горках Яги стоят, все три в одной, и руками машут,
ступай, мол, не бойся!

Царевна им на платочек с хлебом да травами
целебными указала да пошла по радуге: золотые и
серебряные колокольчики звенят, радуются. Пти-
цы в воздухе танцуют, кружева крыльями рисуют,
завитки белоснежные облаками вдаль улетают. До-
шла до терема, а створки сами отворяются. Идёт
по облакам Царевна, искры от кудрей сыплются,
на пурпурных перстах огонь играет. Смотрит она в
зеркала хрустальные, а на ней не портки парнише-
чьи да свитка уже, а платье парчовое, цветами ог-
ненными расшитое, от венца жароносного огнен-
ные струйки стекают, где в пол уйдут – камешки
драгоценные сверкают.

Палаты поднебесные прохладой дышат, по сте-
нам каменным водопады – хорошо! Потолок звёз-
дами сияет, месяц за облаком мерцает – хорошо-
то как!

В опочивальню прошла, а там, на ложе хру-
стальном спит прекрасный Финист, полуптица-со-
кол, полчеловек. Наклонилась, поцеловала в уста
сахарные – чуть дрогнули веки Финиста, встопор-
щились и опали пёрышки... Снится Финисту, как он
на свирели играет-напевает, на лугу зелёном за де-
вицами бегаёт, в косы длинные маков цвет вплетает...
Видит сны и не пробуждается, мороки насыла-
ет, девушкам спать своей музыкой не даёт, к себе
манит...

– Что ж, Финист мой, я здесь! Семь мороков
одолела! Под воду ходила, сквозь землю провали-
лась, в мир между мирами проникла. Злобу, алч-
ность и болезни остановила, чтобы к тебе добрать-
ся, а ты спишь... Девушка Марушка, Мара волоокая,
на твой зов пришла, усыпила тебя ненаглядного, в
своих объятиях укачала, своим чудесам обучила.

Спи, мой сокол, непробудным сном, я – ца-
рица-Перуница – никому не дам тебя разбудить...
Играй свою музыку прекрасную, пробуждай в серд-
цах женских любовь небывалую, дай почувствовать
силу земную да радость небесную. Пусть смотрят на
звёзды девы да супружницы счастливые, в травах
росных да водах купаются, наукам да искусствам
обучаются...

Обрызгала постель настоем крапивным с кам-
нем-грозовиком, в порошок истолчённым да слю-
дяным грибом приправленным – невидимым ложе
Финиста – Ясна сокола стало... Только ветерок в
оконце веет да солнышко ясное лучами брызжет...

Замкнулись створки за царицей-Перуницей.
Она и доньне по радужным мостам на землю-ма-
тушку сходит, птиц алых, золотогрудых выпускает,
чтобы росли травы густые да леса могучие, что-
бы реки полногрудые кормили род человеческий да
всё живое царство.

Спит невидимый Финист – Ясный сокол, меч-
та девичья, играет его музыка напевы нежные да
жалостливые:

– Любимушка! Любимушка, приди ко мне,
желанная!..

ЮБИЛЕИ

ТВОРЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО КНИГОЛЮБОВ

К 55-летию «Литературной гостиной»

Клуб книголюбов поменял название, но любовь к литературе осталась прежней.

Старейший в Ульяновске клуб книголюбов теперь носит название «Литературная гостиная». Встречи проходят в музее И.А. Гончарова. В мае этого года клуб отметил своё 55-летие. У его истоков стояли легендарные личности: Пётр Бейсов, Светлана Шустова, Валерий Войтенко, Николай Яценко. В 1960-х трудно было приобрести хорошую книгу, и увлеченные читатели объединились, чтобы быть в курсе новинок. Основной костяк клуба составили преподаватели педагогического института.

Прошли годы, книги стали доступны для всех, но великая страсть к чтению не прошла, а лишь окрепла и обрела крылья: многие книголюбые сами попробовали свои силы в литературе.

Первым руководителем клуба был Валерий Федорович Войтенко, доцент кафедры биологии УлГПИ. После него – доцент кафедры зарубежной литературы Светлана Романовна Шустова. Под ее руководством студенты УлГПИ – книголюбые называли себя «боевыми пропагандистами литературы».

Для выступлений в клубе С.Р. Шустова приглашала самых ярких преподавателей вуза: профессора-эрудита Венедикта Фёдоровича Барашкова,

доцента кафедры литературы Элеонору Ильиничну Денисову, заведующую кафедрой литературы Надежду Васильевну Алексееву, а также художников, музыкантов, краеведов. После Светланы Романовны «Литературную гостиную» возглавила Роза Григорьевна Ключева, которая до сих пор принимает активное участие в жизни объединения. В настоящее время клубом руководит мудрая, талантливая, страстно любящая поэзию Раиса Ивановна

Роза Григорьевна Ключева (слева)

Рябова. «Литературная гостиная» многим помогла раскрыть свои таланты, и теперь участники встреч выступают со своими стихами: Марина Левахина, Нина Белозерова, Светлана Нефёдова, Галина Заруднева, Раиса Рябова, Виктор Исаев, Лидия Ануфриева, Татьяна Лотоцкая, Пётр Шушков, Валерий Ветров. Частые гости клуба – члены Союза писателей России Виктор Малахов и Татьяна Мельник. Стихи, звучащая поэзия создают ту неповторимую

атмосферу тепла и доверия, которой славится «Литературная гостиная».

В мае этого года в Белом зале Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова состоялся праздничный вечер – «Литературная гостиная» отметила своё 55-летие. Поздравляем организаторов и участников литературных встреч с этой датой!

Предлагаем читателям познакомиться с поэтической подборкой членов клуба.

Литературная гостиная. Дом Гончарова. 2012

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ВСТРЕЧИ. ДОРОГИЕ СЕРДЦУ ЛЮДИ...

*Раиса Рябова,
руководитель клуба*

Раиса РЯБОВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ

Обсужденья. Споры. Речи.
Это было. Это будет!
Удивительные встречи,
Дорогие сердцу люди.
Клуб – не только обсужденье
Книг, картин и постановок.
Или времяпровожденье
Без каких-то установок.
Это встречи и беседы,
О поэтах чьё-то мненье,
Узнавание соседа
В необычном проявленье.
Там – полёт и вдохновенье
Представителей искусства!
Там – прекрасные мгновенья
И возвышенные чувства.

И не место тут парадмам...
Здесь, общеньем дорожа,
Просто дышит с вами рядом
Очень близкая душа...

В РУКЕ – РУКА

Когда приходит жизни срок,
Любовь и страсть – неотделимы.
Мы запасаем чувства впрок,
Когда мы любим и любимы.

И будем вечно, сквозь века,
Сквозь все преграды и ненастья,
Идти вдвоём. В руке – рука!
И право сохраним на счастье.

Но та последняя любовь –
Не страсть, а трепетная нежность.
Полёт души, восторг!.. И вновь –
Блаженство. Боль. И... безнадежность.

Пётр ШУШКОВ

Как ни ровняй, а всё ж извилист путь,
Как ни мости, а тяжела дорога.
Так дай же мне немного отдохнуть,
Побудь хоть ночь ладонью тёплой Бога.

Чтоб я забыл все горечи мои,
Сопел в подушку, щёки надувая,
Побудь строкой из тех святых молитв,
Что шепчут люди, слов не понимая.

Я стану новым, низко поклонюсь,
Приму твои советы как науку.
И выйду вон... А может быть, вернусь,
Припомнив к ночи ласковую руку.

Здесь всё моё: и небо, и земля.
Плодящий грунт родные держит корни.
На том лугу паслись когда-то кони
И пили воду из того ручья.

А я был мал, а мир вокруг – Велик!
И сосны в полночь задевали звёзды.
По вечерам здесь так сгустился воздух –
Как льдинку его клали под язык.

И слушали, что скажет чёрный дуб,
Взметнувший ветвь, как атаман на круге.
Здесь жизнь текла незримо в каждом звуке,
И каждый близкий дорог был и люб.

И я пророс всей плотью и всерьёз
Сливался тенью с прочими тенями...
Ночные звёзды высились над нами,
И красоту ваяли мы из грёз!

Как бы Русь ни хаяли,
Как бы ни ломали,
Всё равно здесь яблоня
Расцветает в мае.

А ещё – черёмуха,
А ещё – сирень.
А ещё под вётрами –
Голубая тень.

А придёшь с подругою,
Сядешь в той тени:
Солнце, небо, милая –
Золотые дни!

Золотые, ясные,
Всё здесь на виду.
Я люблю тропочку
Ощупью найду.

Будь я спяну заспанный,
Будь навеселе,
Отыщу по запаху,
По теплу в золе

Незабудки синие,
Белый первоцвет.
У меня с Россией
Расхожденья нет.

И кто там старается,
Тайно точит нож,
После будет каяться
За такой делёж.

Русь – душа безбрежная,
Как тут ни ярись,
Новое и прежнее,
Славою срослись.

Валерий ВЕТРОВ

Пожаром алым день за горизонт укрылся,
И тенью длинной ночь вошла в весенний сад.
Белесый лунный свет меж облаков струится,
А в воздухе царит садовый аромат.

Соседский рыжий кот выходит на охоту...
Пока ещё шуршит бумагой где-то мышь.
До завтрашнего дня отложены заботы,
И трели соловья украсят ночи тишь.

Под небом звёздным я стою, замороженный,
Прохладой ветерок ласкает мою грудь.
И радость бытия, и своды ночи звёздной,
Наверно, до утра мне не дадут уснуть.

Шумели улицы Симбирска
Резиной тысячи колёс.
Лениво плыли тучи низко,
На город вылив реки слёз.
Налёт убравши с улиц пыльный,
Смывая с улиц смог и грязь,
Преображённый город дивный
Блистал на солнце, словно князь.
Но всё же хочется мне в поле –
Туда, где ветер, верный друг,
Где мыслям чувственным раздолье,
Где землю вспахивает плуг.

Нина БЕЛОЗЁРОВА

ГОРСТЬ РУБИНОВ

Привези мне горсть рубинов алых!
В них – любви бессмертное тепло,
Жарких снов в их отблесках немало,
И страстей, и сладкозвучных слов...

Горсть счастливых, сорванных мгновений,
Что в мольбах у неба испросил!
И надежд, и слёз, и сожалений...
Из заморских странствий – привези...

В тех краях... Там горы зноем дышат,
Солнце тонет в золотой воде,
Небосвод – узором звёздным вышит
Летней ночью, светлой, как нигде!

Знаю, не осмелятся другие
Заглянуть в тот заповедный сад,
Где рубинов гроздь налитые
Копят драгоценный сладкий яд...

Для меня, тоскующей и грешной,
Свет любви, что отнял ты у ада,
Горсть одну – рубиновой черешни –
Принеси... из огненного сада...

Татьяна ЛОТОЦКАЯ

А слово живое пульсирует, дышит.
И каждый, кто чуток, наверно, услышит
Ту трепетность речи и нежность, конечно.
Она в красоте нашей речи навечно!
Тот дар нам от предков великих достался...
А Пушкин с портрета опять улыбался.

МУЗЫКА РЕЧИ

Я музыку волшебной речи
Хочу запечатлеть словами,
Чтобы общаться стало легче
С пернатыми, да и с друзьями,
Кто чувствует напевность Слова
И в щебетанье птиц – молитву.
В ней благодарность за основу
Всей жизни. И душой приникну
К источнику прекрасных звуков,
Что вдруг рождаются из сердца.
Ведь это чудо – речь родная!
Её мы постигаем с детства.

ТВОИ СЛОВА

А это такая радость,
Что льются Твои Слова!
А это такая благодать,
Что хочется петь с утра!
Услышать в себе Твой голос,
Понять его и пропеть.
И знать, что достойна тоже
На крыльях в ВИСЬ улететь.
И каждый мой день, как Чудо,
Конечно, неповторим.
Но только Тебя бы слушать
И мастером быть Твоим!

Марина ЛЕВАХИНА

ДУХОВНЫЙ СТЕРЖЕНЬ ДОБРОТЫ

Доброта – отнюдь не бесхребетность:
Бриллиант, сияя чистотой,
И собой являя безупречность,
Твёрдой гранью превзойдёт любой
Выращенный в чреве самородок.
Может, потому и ворожит,
Что известен крепостью породы
И своей прозрачностью манит.
Радужными гранями играет
Глубоко внутри рождённый Свет...
Стержень доброту оберегает.
Без Добра на свете Света нет!

В ЕГО РУКАХ

Я лёгкими вдыхаю этот мир
И наполняюсь мироощущеньем,
Где скрещиванье душ, а не рапир,
В котором нет заклётого смещения
Людских сердец в воинствующий страх...
И я легко свободу обретаю
В освоенных потоках и мирах,
Где заново себя я открываю.
Там все пути сливаются в Один.
И у Любви нет никаких препятствий.
У Жизни там – Создатель Господин,
Бесменно проявляющий участие
К Великим судьбам и совсем простым.
В Его руках – Добро и Справедливость.
Отсчитывают чуткие персты
Вселенной пульс, и твой в ней – Божья Милость.

Виктор МАЛАХОВ

УЧУСЬ

Я давно понять пытаюсь,
Но пока что не могу:
Почему я не летаю
И куда это бегу?

Я, конечно же, не птица,
Но неведом мне предел,
Мне бы только изловчиться,
Я бы точно полетел!

Как легко и ненатужно
Чувствуют себя стрижи!
Я бы тоже мог не хуже
В небе делать виражи!

Был я создан для полёта
В баснословные года.
До чего же мне охота
Полетать туда-сюда!

Только как мне это сделать?
Я, признаться, огрузел,
Но по-прежнему надеюсь
Воспарить в голубизне!

Снова я взлетать пытаюсь:
Ну ещё, ещё чуть-чуть!
Я пока что не летаю,
Я пока ещё учусь.

ПРИСУТВИЕ ДУХА

А было и затхло, и глухо...
Но вот в захолустье твоём
Открылось присутствие духа,
И жизнь заиграла огнём!

В холодном и зябнушем пепле,
Обретшем и волю, и цель,
Одрябшие мышцы окрепли,
Глаза засветились в лице.

И сердце, сперва встрепенувшись,
Свой собственный ритм обрело.
Смотреть захотелось и слушать
И морщить в раздумье чело.

А было и затхло, и глухо.
Но стоит ли напоминать?
Всего лишь присутствие духа
Сумело весь мир поменять!

Татьяна МЕЛЬНИК

Ну вот и снова дни короче.
А я так не смогла успеть
Власть насмотреться в Неба очи,
Рассветом душу отогреть,

Из родника взахлёб напиться,
Запомнить утра аромат,
Наслушаться весенней птицы,
Налюбоваться на закат.

А завтра вновь дожди и осень.
Мой самый длинный день прошёл.
Живу. Вся будто под вопросом.
С неналюбившейся душой.

Комкает бессонница мне простынь.
Сорвала с будильника чеку.
Ангел мой, я знаю, всё непросто,
Ты устал всегда быть начеку.

Ангел мой, мы оба ведь устали,
Но как быть, коль держит нас Земля?
У меня на лбу твои уста ли?
Ангел мой, ты разлюбил меня?

Ангел мой, Хранитель мой сердечный,
Не держу, Господь тебя храни...
Только вновь мои укрыли плечи
Два крыла прочней любой брони...

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Анна ХАРЛАНОВА, поэт, прозаик, детский автор. Родилась в 1980 году в селе Доброе Липецкой области. Окончила Литературный институт им. Горького (мастерская прозы В.В. Орлова), член СПП, публиковалась в журналах «Юность», «Подъем», «Формаслов», «День и ночь», «Балтика» и др. Шорт-лист Волошинского конкурса. Премия Алексея Липецкого. Лауреат конкурса «Золотое перо Руси». Гран-при международного конкурса «Русский стиль». Ведет в Липецке литературную студию для детей и подростков. Учредитель литературной премии имени А. И. Левитова, организатор всероссийского литературного фестиваля в Липецке «ЛевитовФЕСТ». В июне 2022 года побывала в Ульяновске.

Ульяновск. Как и зачем я здесь оказалась?

Дорожная пыль улеглась, отшумели плацкарты, самолеты с ошибочно вбитыми данными паспорта принесли-таки домой. Рассказываю.

С поезда меня встретил Алексей Матюнин с телевидения, мы сразу поехали на интервью, где полчаса с прекрасным ведущим Владимиром непринужденно болтали о серьезном... Потом была краткая экскурсия по Ульяновску, Алексей говорил-говорил, а я слышала только Волгу, широкую, как море, как мечта, и хотелось разбежаться и стать птицей! Приходилось напоминать себе, что я человек и меня ждут в Аксаковке.

10 июня, в преддверии Дня России, в Ульяновской областной библиотеке для детей и юношества имени С.Т. Аксакова прошёл уже ставший традиционным праздник, посвящённый итогам межреги-

Анна Харланова в Ульяновске

Дары Волги

онального творческого конкурса «Молодое слово России». Мне выпала честь оценить поэтические работы участников.

Помимо вручения дипломов на торжественном мероприятии, библиотека им. Аксакова организовала мне невероятную встречу с читателями:

так внимательно меня еще не слушали никогда, задавали много живых вопросов, не хотели отпускать. Это приятно, ребята! И я была откровенна и честна с вами, надеюсь, кому-нибудь пригодятся мой опыт и советы старшего литератора. Книги «Добрые рассказы» и «Стихоосётр» остались в дар в библиотеке.

В номинации «Поэзия» в возрастной категории 12-14 лет диплом 1-й степени получил Ясинский Сергей (г. Владимир), его стихотворение про прадеда «Ботинки» настолько трогательное, что я чуть не расплакалась, когда читала его вслух.

Заведующая отделом «Юность» Светлана Владимировна Рукавишникова отвечала за конкурс.

Провела встречу со мной Ольга Васильевна Клопова. Благодарю их сердечно! А еще молодую врио директора библиотеки Екатерину Павловну Куличкову! При таком руководстве развитие библиотеки и доброжелательная среда в ней обеспечены. И хочется приехать снова и позвать с собой других литераторов.

Поездка в Ульяновск оставила светлые эмоции и добрую память.

Анна Харланова на встрече с читателями. Библиотека для детей и юношества имени С.Т. Аксакова. Июнь 2022 г.

ИЕРОГЛИФ

*Посвящается моему деду,
Тарасову Петру Максимовичу*

1

Вечер матово-синий. Мрачно шумят тополя. В детском отделении нервно цокают каблочки по коридорам; голоса, удушенные истерикой, шепчут:

- Серёжа... Совсем синий!
- Хирурга зовите, кого-нибудь... дежурного...
- Пётр Максимыч!..

Вытесанное в скале мудрости лицо, выцветшие глаза, кажется, видят самую суть событий.

– Где? – и уже потом, вымеряя время шагами: – Что случилось?

Молоденькая сестричка семенит рядом, сбивчиво объясняя. Потёкшая тушь опускает перпендикуляры с глаз. Дверь в палату отскакивает, словно проваливаясь в пространство. Растворяются в нём все предметы и люди в белых халатах. Становится невидимым всё, кроме бледной кровати с крохотным комочком исчезающей жизни.

– Задыхается... ларингоспазм...

Синее тельце неподвижно. Сёстры летают, как ангелы. Такие же нереальные и бессильные. Секунды раздробились в часы. А как иначе он успел бы понять, что нужно делать? Седой доктор хватает скальпель – нестерильный, некогда. Некогда даже осознать, что происходит. Кожа раскрывает свой покров, подкожная жировая прослойка, мышцы, тайна создания человека пульсирует рядом. Ещё пульсирует, едва-едва... Синяя трубочка – трахея или сосуд? – не отличишь у двухлетнего ребёнка. Да

или нет? Жизнь или смерть?.. Нет времени думать, малыш не дышит. Скальпель уверенно сделал отверстие между хрящами. Влажно зашипел воздух, нежно порозовели щеки: значит, жизнь.

Только теперь есть время для обезболивания, время, чтобы вставить трубку в трахею, давая мальцу возможность свободно дышать, а далее – лечение, позволяющее снять отек гортани, и спустя время лишь маленький шрам на шее Серёжи будет напоминать о сделанной трахеотомии.

Выцветшие глаза постепенно начинают видеть вокруг. Со лба отводится взмокающая седая прядь. Вдох. Выдох. Замершие невидимые медсёстры снова обретают возможность ходить, говорить, восторженно плакать.

– Пётр Максимыч! Пётр Максимыч!

Но он ещё не обрёл возможность слышать, он молчит, находясь ещё там, со скальпелем в руках, обдумывая, всё ли сделал верно; поражаясь той великой силе, что руководила им.

А ведь сделай он одно неверное движение или окажется трахея сосудом, его осудили бы на многие годы, лишили бы права заниматься медицинской практикой и учили бы всё вплоть до нестерильного скальпеля. Только вот особенностей строения каждого человека нельзя учесть, потому как часто оно не соответствует написанному в учебнике. И трахея вполне могла оказаться сосудом.

Безумие! Настоящее безумие он сделал! И

сколько раз подобное совершает каждый врач, не помня себя, своей жизни, опасности, ей угрожающей, спасает чужие, никакого отношения лично к нему не имеющие жизни. И что это – профессиональный долг или нечто большее руководит их душами, их руками, несущими спасение?

2

Вечер. Тёмная комната. Тихо шкварчит голубой экран. На диване спит человек с резко очерченным профилем. В его ногах дремлет рыжий кот. Им двоим снится отливающая серебром рыба: человеку – бьющаяся на крючке, коту – лежащая на полу и аппетитно пахнущая рекой. Человеку слышится, как сухо шуршит камыш и звонко волнуется вода под ударами чешуйчатого тельца. И совершенно неожиданно звучит звонок телефона.

– Петра Максимыча?.. Кто попал в ухо?.. Ясно. Приходите, я его разбужу, – кому-то говорит бабушка.

Дед – и хирург, и лор-врач. Причём не только в рабочее время: круглосуточно, круглогодично. Всегда.

Петра Максимыча будят, включают свет, из стола достают отливающие серебром инструменты, которые оживают в его руках, как тонкие рыбы, блестящие в свете комнатного солнца. Больной усаживается на стул. Ему в ухо капают, ждут, снова капают борный спирт и, наконец, приступают к процедуре извлечения залезшей куда не следует сороконожки: одна лапка, другая... минута за минутой проходит час. Вот так седой доктор лечит уши, носы, достает кости, застрявшие в горле. Он что-то вроде службы спасения в районном центре. Его знают практически все, потому что абсолютно здоровых людей не бывает.

3

Седой доктор молча курит, сидя в своем кабинете. По стеклу скользят капли. Они ударяются о карниз, вызывая глухие жестяные звуки, а затем срываются вниз на больничные георгины и ноготки. Старое здание стонет, вечерние тополя шумят, хлопая мокрыми ладонями по крыше. Доктор уже задремал в своём кресле, все события дня носятся хороваемом вокруг него, кубиками рассыпаются, то одно, то другое лезут в мысли. Вот бабушка с жалобами на дороговизну лекарств просит: «Да ты, милоч, выпиши мне по справке». «Рад бы, бабушка, да не в моих силах тебе бесплатные лекарства выдать или цены на них снизить!» И исчезает лицо с лучиками морщин, погрозив железным бадиком. А на его место выплывают две молодые женщины, и одна другой говорит увлечённо: «Вот не долечили мать, так и болит у неё спина. А вот если бы денег дала – вылечили бы». «Конечно, бесплатно тебе даже простыню в больнице не поменяют, не то что вылечат!» – вторит другая. «Эх, милые, о каких деньгах говорите? На голом энтузиазме работаем в полном развале, простыню сменить – сестёр не хватает, не хочет никто бесплатно работать! А денег дашь – лучше не вылечат, потому что не деньги – цель работы врача, он и так изо всех сил старается, что от него зависит, делает. А если не помогает, так не его в том вина. Есть болезни, которым

ни объяснения, ни названия нет. И доктор для них особый – надежда да вера. А в Бога или в черта – это каждый решает сам. Для себя...»

Звонок пронзил сон. Седой доктор автоматически взял трубку:

– Да... я... Суицид? Спускаюсь.

Окно смотрит пустым стеклянным глазом в комнату. За ним – чернота. В нём – отражается пожилой человек в белом халате. Он надевает очки, берёт инструменты. В пустом коридоре эхом повторяются его шаги.

...Двадцатилетний парень с неестественно запрокинутой головой, два пореза, перерезана гортань. Сосуды не повреждены. Страшный булькающий звук входящего воздуха, вытаращенные глаза...

– Пётр Максимыч! – тихо обращается к седому доктору молодой хирург. – В город звонили, они сказали, что везти не надо, вы и сами справитесь. Я ассистирую. Вы согласны?

Пётр Максимыч хмурится: как минимум шесть часов, чтобы собрать этого парнишку. Эх, малолетки, так не горло режут, так только калечатся! Он вздыхает. Давно пора бы на пенсию: силы не те, да и здоровье у самого шалит.

– В операционную! – говорит он сестре и начинает готовиться к операции.

4

Парнишка поправился удивительно быстро и также быстро исчез, не оставив своих координат, не являясь на приём к лечащему врачу. Осень уже подходила к концу. Листья с тополей давно облетели, и голые ветви топорщились на ветру, увешанные гирляндами грачиных гнёзд.

Пётр Максимыч вёл приём больных. Рабочий день завершался. И уже явственно слышалось плескание окуней и плотвичек, запах холодной реки и высохших камышей, – как внезапно дверь распахнулась и на пороге, отталкивая сразу двух старушек, вырос он – двадцатилетний герой-камикадзе в стёганой куртке синего цвета и спортивных штанах:

– Здравесе... мне... того... больничный лист, – сказал он, комкая в руках шапку.

Седой доктор в ответ удивился:

– А где же ты, парень, два месяца пропадал? Больничный лист тебе продлить я не могу – не имею права, нужно было ходить на прием.

– Слышь ты, дед, я на тя в суд подам! Ты чё, совсем тугой? Ты чё, трудный, что ли? Давай похорошему договоримся: ты мне больничный лист, а я тебе спокойную старость. Ты проникся?

– Молодой человек, выйди вон, – твёрдо говорит врач, сдерживая гнев. – И больше чтобы я тебя не видел! Понял? А то я не только пришивать-то могу, проникся, говоря по-твоему?.. Выйди.

– Слышь ты, дед. Тебя ваще кто просил меня спасать, а?

Дед сидит и внимательно смотрит на молодого человека, на шее у которого три шрама: два свежих поперёк и один маленький – от сделанной в детстве трахеотомии, – словно китайский иероглиф, вырезанный на коже.

НАГРАДА МОЛОДОМУ УЛЬЯНОВСКОМУ ПИСАТЕЛЮ

Алина Осокина стала лауреатом Всероссийской премии имени А.И. Казинцева.

С 3 по 12 июня 2022 года на базе кафедры журналистики Московского государственного института культуры прошло V Всероссийское совещание молодых литераторов Союза писателей России «в Химках». Крупнейший молодежный литературный форум объединил более 300 поэтов, писателей, критиков и организаторов творческого процесса из 62 регионов страны. Центральным событием форума стала церемония вручения первой Всероссийской литературной премии им. А.И. Казинцева.

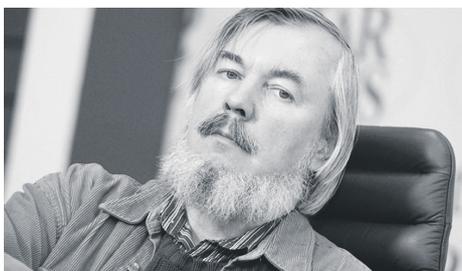
Алину Осокину награждает Н.Ф. Иванов, председатель Союза писателей России

Всего на премию было подано более 600 заявок со всей России. За победу в номинациях «Поэзия», «Проза» и «Критика» боролись 36 претендентов, вошедших в шорт-лист премии. Для начинающих авторов была предусмотрена отдельная номинация – «Открытие».

НАША СПРАВКА

Всероссийская литературная премия им. А.И. Казинцева для писателей, поэтов и критиков учреждена в 2021 году Союзом писателей России, журналом «Наш современник» и фондом «Дорога жизни». Премия посвящена памяти русского поэта и критика Александра Ивановича Казинцева (1953–2020).

Сорок лет Александр Казинцев проработал в журнале «Наш современник», с 1988 года – заместитель главного редактора журнала. Автор ряда книг: «Новые политические мифы» (1990), «Россия над бездной. Дневник современника 1991–1996» (1996), «Воз-

Александр Казинцев

Лауреатом первой Всероссийской премии имени А.И. Казинцева в номинации «Открытие» стала ульяновский прозаик, сотрудник отдела краеведческой литературы и библиографии Дворца книги Алина Осокина.

Алина Осокина является членом Союза писателей России, лауреатом конкурса Союзного государства «Мост Дружбы», всероссийского конкурса «Хрустальный родник», областной литературной премии «Первая роса», а также Алина – член общественного совета журнала «Симбирск».

Сердечно поздравляем Алину Осокину с наградой, желаем новых творческих высот!

Участники совещания в Химках

вращение масс» (2010), «Сила земли» (2020), «Начало» (2021), «Возвращение» (2021) и др.

«Александр Иванович Казинцев много лет отдал работе с начинающими авторами. Он не только сам был талантливым поэтом и критиком, но и с радостью делился своими знаниями с молодежью, был наставником для многих поколений. Цель премии – по-

иск и поощрение современных талантливых авторов, привлечение широкого читательского внимания к их творчеству», – отметил один из попечителей премии, председатель Союза писателей России Николай Иванов.

РЕКА
ВОСПОМИНАНИЙ

Владимир ЯНУШЕВСКИЙ

СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА...

Заметки провинциала
Журнальный вариант

(Продолжение.)
Начало см. «Симбирскъ» №6-2021, №1-2022, №2-2022, №3-2022)

«Прекрасный наш язык способен ко всему...»
Александр СУМАРОКОВ

«Дар поэта ласкать и карябать, Роковая на нём печать...»
Сергей ЕСЕНИН

«Ты написал много букв; ещё одна будет лишней...»
Иосиф БРОДСКИЙ

«18.06.81 г. Здравствуй, маэстро!

Итак, я жил тогда в Славянске... В эти дни кое-что родилось в моей легкой мысленной головке. Пишу тебе опыты ритмической прозы (рифмованной).

ИЮНЬ

Июнь. Начало лета. С утра читаю Фета. О Тютчеве забыл – в том нету моих сил... Сидел я на балконе и вспомнил о Вийоне... Бедняга Франсуа! Вся наша жизнь – игра?.. Но вдруг из-за сараев звонок летит трамвая. Который час утра?.. Так, значит, в путь – пора! А мысли снова, снова к Наталье Гончаровой отчаянно плывут... А Пушкина убьют?!

Стою у чебуречной с тоскою человеческой. Мелькает нежный взгляд. Наверно, это вечность? Снуют в толкучке люди. Подумаю о чуде – тенистый летний сад! Там в зелени аллеи пожар цветов алее. Куда мне, ротозею – подумать

не успею: день не вернуть назад! Я городом зажат. Сгорает день. Закат.

...А где-то травы, липы, ромашки, ливня всхлипы, в цветах гудят шмели – пыльца в усах налипла... Там лодка на мели, ручьев журчащий говор – вдали остался город, – свирели звонких птах – день солнышком пропах; вино поет в кувшинах, стрекозы на кувшинках – на золоте слюда, веселая вода... В лугах мычат коровы – нарядней у Коровина? А может, Ренуар на луг плеснул свой дар? Там спеет земляника, там небо яснолико, над полем сизой ржи проносятся стрижи. А над полями хлеба цветет такое небо! Там облако над хлебом, похожее на Хлебникова... Там с тайной над июнем проходит Иван Бунин. Куда его удунет?.. Там на лесной опушке смеется юный Пушкин...

В тени толпы берез на белизне волос любви моей платок – малявинский¹ мазок! Зачем ты тянешь руку – на горькую разлуку?.. В далекой стороне ты улыбнись и мне.

В цветах скользит рука, как плавная река с прожилками из сини, и в запахе полыни, и в стрелах камыша... Люби меня, душа!

Для нежных белых лилий ищу я чистых линий... С кого мне брать пример – Сафо или Гомер? А может быть, Петрарка поможет быть подарком?

А. Честноков.

В Славянске буду до конца июня. Пиши сюда, если будет настроение. Сохрани этот листок. Потом объясню.

Чао! Анатолий».

У нас сейчас популярностью пользуется шутка про культуру и начитанность девушек, приправленная характерными жестами: при слове «культура» руками изображают большую грудь, а слово «начитанность» сопровождается размах рук, соответствующий широкой попе...

«30.07.81 г., с. Гвардейское.

Привет, Владимир!

Почему-то нет вестей от тебя – ни в Славянске, ни здесь. Я сюда приехал 26 июля. Наконец-то. Возможно, скоро я буду в Ульяновске. Так что, может, и встретимся. Написал за это время стихов тридцать. Как у тебя делишки обстоят?.. Пиши.

Посылаю тебе четыре стиха – из новых.

1. После дождя в июне

Пропоеет по стройным кленам
Летняя гроза.
Желтая с зеленым
Пляшет стрекоза.
Белые ромашки,
Сверху и до кончиков,
Промочив рубашки,
Сохнут с колокольчиками.

А. Честноков

2. В поезде «Рим – Москва»

Памяти П. Пазолини и Л. Висконти

Ощущая все перегрузки
И давление внешних сил,
Вдруг подумал – я тоже русский,
Я ведь родину не забыл.
Мир тебе, вековая осина,
В наших волжских и сурских лесах.
Поцелую с нежностью сына
Седину в твоих волосах.
...В этом поезде словно ужален
Я своей наболевшей Италией.
Ах, сиреневый Ботичелли,
Вы с Петраркой сверялись о времени?
И зачем же вы просмотрели
Нас, курчавых, с звездой на темени.
И в каком ночном варианте
Вы читали «Комедию» Данте?..
Возле Рима в ропоте говор –
Кто убил президента Моро?
Кто раздавлен в дорожной глине? -
Отвечает – Я, Пазолини.
...Затоплял в холода буржуйку,
Покупал по утрам эскимо,
Ненавидел кровно буржуев –
Каждый день снималось кино.
Пазолини, мой Пазолини,
Ты зачем шептал синьорине? –
Хочу, чтобы вздрогнул Рим,
Рукоплескал Нью-Йорк,
По лицам синьорин
Да пробежит восторг
Надежды и тревог.
Пусть светится Москва,
Как алая заря,
Ярчайшая мечта –
Гвоздика Октября.
В разливе кумача,
В колоннах – к ряду ряд –
Идеи Ильича
Несет пролетариат.
...Спать ложимся мы за Миланом,
Прозевав венецийских львов.
А на утро – уже Любляна,
Ну, а к вечеру будет Львов!
...Я воспитан Родиной, Волгой,
Чистотой среброснежных равнин.
И ношу я счастья осколки
Один.
В черном галстучке из нейлона
Вот лечу в алом пламени роз.
Пухнут головы от нейтрона.
На лугах шумит сенокос.
В слюде – крылышки стрекоз.
Но я думаю о Висконти,
Надевая плащ из вискозы, –
Дождь идет, ангел мой...
Ах, проклятые вы, разини,
Что вы сделали, гады, с Лукино?!
...Я в лугах светло-русой России
Никогда тебя не покину!
Отбой!
Боль, в бой!

А. Честноков

¹ Малявин Филипп Андреевич (10 [22] октября 1869 – 23 декабря 1940) – русский живописец, график. Работал на стыке модерна, импрессионизма, экспрессионизма. – Авт.

3. Курортный городок

Вл. Янушевскому

Освежаясь одеколоном,
Преимущественно тройным,
Дышал хвойным курортным озоном,
Был и юным, и молодым.
Скрытымным²!
Мне поляки кричали: «Урода!»
Красота, значит, здесь у них.
Я лежал у плетня огорода
И шептал тебе этот стих.

- лебединая песня.
- орлиный взор;
- орлиный нос;
- пуганая ворона;
- повторяет, как попугай;
- соколиная охота;
- сорока на хвосте принесла;
- сталинские соколы;
- стреляный воробей;
- цыплячья грудь;

А. Честноков

«1 авг. 81 г., с. Гвардейское.

Здравствуй, Владимир!

И пишу я тебе снова. По приезду из Славянска
я тебе написал, но ответа все нет. Может, не полу-
чил?..

4. В начале осени

В самом начале сентября
Над Волгой в мареве тумана
Зеленые глаза заря
Раскроет на небе румянном.
Еще не сыплет у двора
Багровая чеканка листьев,
Но, словно шапка у вора,
Горят рябиновые кисти.
Утрами припорошен луг
Блескучей солью или пудрой?
Наверно, лето завтра утром
Вновь птицы унесут на юг.
В сентябрьском холоде трава,
И под ногою лист капусты
Стрельнет сине-зеленым хрустом³,
Как пушка с крепостного рва.
И лишь алмазно на плетнях
Блистают клочья паутины –
Воспоминание о днях,
Сгорающих в костре равнины.

Вова, тут в моей жизни начинают происхо-
дить всяческие трансформации и перемещения.
Короче, я ухожу из тюрьмы на свободу, т.е. пере-
хожу работать в школу в соседнюю деревушку, это
еще ближе к г. Хмельницкому⁴. Был наемни в рай-
оно, меня туда направили. Школа 8-летка, дают
24 часа рус. яз. и лит-ры, еще вечерняя школа, класс-
ное руководство, заведование кабинетом (школа
хорошая – был, система занятий кабинетная) –
так что руб. 180 будет жалование⁵. Квартиру дают
3-х комнатную, с кухней – дом рядом со школой,
в центре деревни, рядом автобусная остановка.
Так что приезжай – можешь творчески трудиться –
природа отличная. Короче, с 15 авг. я уже должен
быть на работе. Вова, у меня такая к тебе просьба.
«Во дни сомнений, во дни раздумий и тревог... ты
один мне поддержка и опора!..»⁶

А. Честноков

На этом заканчиваю. Я недавно написал стих.
«Ворон» – даже самому нравится. Пришлю в следу-
ющей раз. Работаю над маленькой поэмой «Упаду в
траву». Начало такое – «Книгу писал на бегу – всю
о России. лягу в траву на лугу, руки раскину. Жил
среди равнин и морей целую вечность. Свищет на
скрипке полей малый кузнечик...»

Жду. Пиши. Что у тебя нового? Твой Анатолий».

Птичий двор:

- вороново крыло;
- ворон ворону глаз не выклюет;
- голубиная почта;
- гусь лапчатый;
- канареечный цвет;
- кукушкин лен;
- ласточкино гнездо;

Я должен приехать в Ульяновск до 15 авг. Сей-
час у меня такой период – безденежье, сидим с
Райкой на мели. У тещи как-то неудобно брать. Так
вот – прошу, если есть такая возможность, пришли
телеграфом 30 рублей на дорогу, нет даже на би-
лет. А как приеду в Ульяновск – расквитаюсь с то-
бой. Ты меня знаешь и можешь доверить мне. Не
первый год замужем, не так ли, мэтр! Постарайся,
умоляю тебя! Страшно тянет на Родину. Я вообще-
то написал матери в Теньковку, но от них нет ве-
стей. Как ты там? Увидимся, встретимся, обо всем
потолкуем. Сейчас смотрел по ТВ экранизацию 2-х
рассказов на одну тему – Ю. Трифонова и «Встречу»
В. Распутина с участием Кирилла Лаврова. Постави-
ли в норму – Ленинградское ТВ.

Вова, если не сможешь прислать (одолжить, от-
дать в рост, как бальзаковский Растиньак или как
пушкинский Кощей, который над золотом чахнет),
то телеграфируй. Жду.

² Слово из одноименного стихотворения Андрея Возне-
сенского. Можно предположить, что автор слышал в Ом-
ской области исполнение старинных народных напевов,
сопровождаемых таким рефреном: «Шагадам, магадам,
скрытымным!» – Авт.

³ Эти две строчки «И под ногою лист капусты // Стрельнет
сине-зеленым хрустом...» дорогого стоят. Читатель слы-
шит хруст и видит лист – и всё это слитно, неразрывно.
Для обозначения такого явления в стиховедении суще-
ствует термин *синестезия*.

⁴ Как я и предполагал, работа на радиозаводе у Анатолия
не заладилась: там длинный рабочий день, пропускной

режим, ответственность за выполнение плана, совеща-
ния, планерки и тому подобное. – Авт.

⁵ 180 рублей в месяц – это и в самом деле хорошая зар-
плата. Но ее надо отработать, пахать и пахать не покла-
дая рук, а для человека творческого это смерти подобно.
Боюсь, что такая напряженная поденщина раздавит его.
И, главное, теперь придется разрываться между тре-
мя полюсами: работой, домом и литературным творче-
ством. Какая-то одна, а то и сразу две их этих частей не-
прерывно отвалются. – Авт.

⁶ Тургенев И.С. Русский язык. Стихотворение в прозе. –
Авт.

Посылаю тебе своего «Ворона», о котором обмолвился в пред. письме.

В моей жизни веселой и бедной
Скрипнул ворон литаврою медной.
В похоронном пронзительном марше
Черной вестью иль крыльями машет?
Словно эдгаровский «nevermore»
Черным прахом взлетает над городом.
Черный ворон мой, черный ворон,
Ты зачем прилетел в древний город?
Из каких залетаешь пределов,
И над рощей паришь поределой?
Ты с какого летишь пепелища,
И кого ты так пристально ищешь?
Черный ворон все кружит, все кружит,
И круги его уже, все уже.
Над склоненной моей головой
Почерневшей свистит головней.
С чернотой антрацитной над белой
Редкой рощей волос поседелых.
Черный ворон – проклятая весть!
Я живой буду вечно и днесь!

А. Честноков

Вл.! Пиши! Жду. Отвечай быстрее, а то время – вещь, сам знаешь, какого рода. Твой А. Честноков.

Привет тебе от Раечки.
Привет всем твоим домочадцам!»

В сентябре 1981 года Анатолий написал мне подряд три письма, раньше такого никогда не было. Мне было понятно, что он переживает кризис, но чем я мог ему помочь? Я и сам был на распутье: у меня не было ни работы, ни представления о том, как дальше жить и чем заниматься. А главное, я был далеко от него.

«13 сент. 81 года. Здравствуй, Владимир!

Что это ты молчишь, друг любезный? Или совсем забыл обо мне напроочь, или писать разучился? Обижаюсь, обижаюсь я на тебя, сир! Ну, да и ладно!

Опять я обитаю в польско-украинских дырах. В середине августа был в Ульяновске, но тебя не застал, к сожалению. Матушка твоя тебе об этом, верно, говорила. Как ты там, что нового? Как мысли о ВГИКе, не раздумал? Я собираюсь сделать попытку. На обратном пути заходил на ВДНХ к Николаю Никанорову, говорил с ним о высших сценарных курсах. Кстати, их в свое время после Литинститута закончил Вацлав Михальский⁷. Надо срочно сейчас написать несколько рассказов – мысли хорошие есть. Иначе будет поздно. Кое-что прочитал. Например, повесть П. Краснова «По причине души» в «Д.Н.»⁸ Чувствуется уверенная рука молодого мастера, хотя и не без влияния отечественной классики. Вот видишь, Вовик, из какого-то пустячного, мелочного факта обыденной действительности можно создать крепкую вещь. Сейчас занимаюсь рассказами новыми Ю.М. Нагибина, есть чему поучиться...

Вова, сейчас я вышел «на свободу», т.е. ушел из тюрьмы и работаю в одной из восьмилетних школ деревенских, рядом с г. Хмельницким. У меня 2 выходных, всего 18 часов, ну там кл. руководство, проверка тетрадей, заочная школа и кружковая работа.

Вова, пиши мне по этому адресу: Хмельницкая область, Хмельницкий район, с. Маломоленцы, восьмилетняя школа (мне). Природа оч. красивая, – ривер Юж. Буг – хожу на рыбалку с 8-классниками, успехи в этом деле оч. хорошие, ловили по 8 кг. и более. Но все равно тянет на Волгу почему-то.

Написал тут в посл. время несколько новых стихов. Да, Вовик, пришли, пожалуйста, адрес саратовского журнала «Волга» – нужно черкнуть Пыркову несколько нежных строчек.

Вот одно из новых стихотворений.

География души

Вл. Цыбину

«В 1-й книге поэта отражается география тех мест, где успел побывать поэт, во 2-й – география его души».
Вл. Цыбин

География души.

Отыщи ее, попробуй!
Пыльным воздухом дыши
По проселкам, по чашобам.
Табуны степных ветров
Я ловил за Оренбургом.
Улетали стаи слов –
Время приближалось к пúргам.
И меня унес на Дон
Ветер с азиатской речью.
Я оставил сельский дом,
Где ветла грустит над речкой.
Где спокойно, как душа
В счастье кротком и недолгом,
Теплотой своей дыша
Расплеснулась в осень Волга.
Знал и север, знал и юг,
Украину знал, и Мурманск,
Задыхался от разлук
В тундрах безнадежно хмурых.
Вот сейчас разъедини
У меня, как у кочевника,
Географию страны
С географией душевной!
Но родная сторона,
Наша русская держава
Все ж заметила меня,
Обняла, к себе прижала.
Вековой теплотой,
Задушевным русским словом,
Русской песней удалой
К Родине привязан снова.
Так сплелись в родной глуши
В чистом поле под Рязанью
География души
С географией скитаний.

А. Честноков

Ну, прощай! Пиши, жду!
Привет и поклон нижайший родным твоим от меня, раба презренного!»

⁷ Советский и российский прозаик, сценарист. – Авт.

⁸ Ежемесячный литературно-художественный журнал «Дружба народов». – Авт.

Солдафонский (фельдфебельский) *хронотоп*:
«копать от забора и до обеда».

«В какой-то момент я понял, что традиционная форма сильно затрудняет свободу поэтического высказывания. Дело не только в рифме, но и во всем этом жестком каркасе, неважно, что это – четырехстопный ямб или, прости Господи, анапест.

В *регулярных стихах* слишком много условностей, и ты все время вынужден им следовать. *Верлибр* освобождает тебя от жестких рамок.

Когда ты не связан некими многочисленными правилами, а единственное правило – это свобода высказывания, тогда это высказывание должно быть очень емким и точным, чтобы задеть читателя.

Обычно поэт, который читает свои регулярные стихи на публике, берет размером, ритмом, удачными рифмами. Слушатель ведется на это.

Когда читаешь верлибр, слушателя может задеть только то, о чем ты говоришь. Его не увлекает ритм, как в обычном стихе, его не возбуждает рифма. Верлибр – это гораздо более тонкое искусство, на мой взгляд...»

Андрей Коровин, поэт, литературный критик.

«17 сент. 81 г.

Здравствуй, Вовик!

Пишу, пишу тебе, а ты как в рот воды набрал. Почему так?

Мои дела, маэстро, пошли насмарку. Развожусь я со своей куклой и еду в Симбирск, в свой родной на последней кобыле.

Вова, в скором времени я буду – жди. На твой адрес я вышлю кое-какие книги. Получи, если я не приеду.

Буду устраиваться, наверно, в Симбирске. Приеду, поговорим.

Давай! Дыши глубже!

А. Честноков»

«Чтобы любить, мне надо уйти в себя». Жан-Жак Руссо.

Как назойливая муза...

«22 вересня 81 г. Украина

Здравствуй, Владимир!

Наконец-то получил твое письмо долгожданное – рад, рад несказанно. Я тут тебе на прошлой неделе написал, что развожусь со своей половиной, но это не совсем так. Мы просто поссорились – бывает! Но сейчас вроде бы все в норме – отношения налаживаются, как на ирано-иракской границе. Так что, Вова, я, по всей вероятности, буду здесь, в Ульяновск еще приеду, на каникулы осенние обязательно приеду в Симбирск, с заездом в столичную деревню.

Из Анатолия Кима⁹ читал повесть – хороший кореец... За поэзией современной слежу очень пристально.

Вова, у меня тут кончается бумага, если у тебя есть возможность, то пришли, пожалуйста, мне.

Давай работай, твори, не расстраивайся по пустякам, бери быка за рога! Пиши, жду.

Твой Анатолий Честноков».

Странно, что во всех этих письмах нет ни слова о сыне Константине. Или ничего странного? Семен Кирсанов писал о сыне, мальчике: «Итак, это мой соперник? Итак, это мой Мартынов? Итак, это мой Дантес?..» Сын перетягивает, как одеяло, любовь матери на себя, оставляя мужчину-отца ни с чем...

Анатолий – поэт. Пропадая на рыбалке, он тем самым стережет свое *личное пространство*. Для творчества ему, как воздух, нужно одиночество, необходимо время для чтения. Деревенские мальчишки ему не мешают, они – *посторонние*, а семья забирает эмоции, так необходимые ему для служения поэзии.

«11 окт. 81 г.

Здравствуй, Вова!

Я на Буге, я в Меджибоже... Сегодня я посетил один польский городишко. О нем, кажется, писал Дэфик Самойлов¹⁰. Иду зараз в старинную фортецию – приехал с учениками на экскурсию.

У меня все в норме – я тут стал заядлым рыбаком. Каждый день пропадаю на рыбалке, ловлю по 8-10 килограммов рыбы¹¹.

Почему не пишешь?

Жди, скоро приеду на каникулы. Читаю «Карателей» Алеся Адамовича – впечатляет. Задумал рассказ – название «В сторону южную» – это из Лермонтова, «Тучи».

Ну, все! Бывай *здрав!*

Твой Анатолий Честноков

г. Меджибож.

Писал в ресторане»

Внешне, казалось бы, все благополучно. Но буквально месяц спустя приходит следующее короткое письмо весьма драматического содержания, написанное на бланке для телеграмм, с ульяновским штемпелем поверх почтовой марки (см. ниже).

Я вот что думаю: если бы у них родилась *девочка*, Анатолий сильнее был бы привязан к ней, чем к сыну, больше внимания уделял семье. Мужчине, вопреки расхожему мнению, нужна *дочка*...

У Толяна почти никогда не было денег. Рубцовское стихотворение «Элегия» как раз про него:

«Стукну по карману – не звенит!

Стукну по другому – не слышать!

Если только стану знаменит,

То поеду в Ялту отдыхать...»

⁹ Анатолий Ким – советский и российский прозаик.

¹⁰ Поэт Давид Самойлов (Кауфман). – Авт.

¹¹ Невольно вспоминается «Обыкновенная история»

Гончарова, где Александр Адуев, временно «растеряв свою латынь» (выражение толстовского Пьера Безухова), тоже убивает время на рыбалке. – Авт.

А если деньги у него все-таки появлялись, то он их немедленно тратил – в киоске, в магазине, в ресторане... Так бывает у всех поэтов – это всеобщий закон. Иосиф Бродский, став нобелевским лауреатом, получил чек на 400 тысяч долларов. Почти третья часть была удержана в виде налогов (как раз накануне в США приняли закон, согласно которому Нобелевская премия облагалась налогом). Оставшиеся деньги быстро закончились, большую их долю он просто раздал своим друзьям.

«10 ноября 81 г.

Здравствуй, Владимир!

Пишу тебе на вокзале в Ульяновске. Сегодня я уезжаю на Украину. Времени к тебе заезжать нет. Все это время, т.е. до 10 ноября, был в деревне. Но, по всей вероятности, я скоро буду в Ульяновске. Еду разводиться. Так что мой чемодан с бумажками пусть пока полежит у тебя – найди место, забрось куда-нибудь. К концу ноября должен приехать. А там, что дальше делать – посмотрим. На свете есть и другие города кроме Симбирска. Настроение весьма паршивое в данный момент.

Пока! Анатолий Честноков»

Автаркия – независимость от вещей внешнего мира и других людей (Платон, Аристотель), жизненный идеал *киренáиков* и *стóиков*. Мудрецу-стоику «достаточно самого себя»¹².

Каковы причины матерной брани. Современная *социолнгвистика*, как, впрочем, и *психолнгвистика* тоже, установили, что их – три.

1. Речевое поведение формируется под влиянием языкового окружения: как все говорят, так и я («Мы матом не ругаемся, мы им разговариваем». Николай Фоменко).

2. Матерная брань как способ выплеснуть эмоции, *выпустить пар*.

3. Нецензурная брань как *эпатаж*, как форма мужского доминирования. Женщины, копируя мужские формы поведения, ведут себя так же, интуитивно (и наивно) добиваясь *гéндерного* равенства.

«16 декабря 81 г.

Здравствуй, мой друг Вова!

Во-первых, сообщая тебе, что быстро мне пришлось из Ульяновска слинять, потому что в понедельник, пока я бродил, как оплеванный, скитался по конторам симбирским в поисках работы, встретил знакомого односельчанина – «тенькаша», ну и спросил его о новостях в нашей дыре на карте Симбирской губернии, а он и говорит, что все вроде бы тихо, да вот только Леонид Ерхов сыграл в ящик, а этот Леонид мне свояк по Райке, жене бывшей моей, так что эта неожиданная смерть перепутала все мои карты, и я в растрепанных чувствах подался в сторону Теньковки, но на похороны опоздал, так как приехал поздно вечером и даже тестя и тещу

(бывших) не застал, потому что они после похорон с кладбища уехали или после поминок – одним словом, я их не застал – и точка, и теперь вот сижу как сыч в деревушке, тоска смертельная зеленая одолевает до отчаяния, развлекаюсь душещепательными разговорами о своей нелепой судьбе-злодейке с матерью своей старушкой, пытаюсь написать письмо Раечке с покаяниями во всех реальных и нереальных грехах и проступках, во всем обвиняю себя подлеца, но это слезное письмецо как-то не выходит, не получается, не складывается, может, душевная сумятица и неразбериха все это дело усложняет, а хочется, чтобы душа малость отмякла, а то хожу, как морозом убитый, ничего в голову не идет, в головушку мою дурную, но есть мыслишка на Новый год или до него съездить на Украину и упасть в ноги перед Райкой, чтобы она все простила, все забыла, и мы снова были вместе, а то я просто своей будущей жизни без нее не представляю и жить без нее не могу, да и зачем мне жить – есть, пить, просиживать на работе или на службе определенные часы и получать за это вознаграждение (рубли, копейки), – потом состариться и со спокойной душой закрыть глаза и лечь в могилу – это как-то не клеится в моем сознании, а жениться в другой раз я не буду, потому что я, наверное, люблю это наивное и ветреное дитя природы, т.е. Райку – полуполячку, полурусскую, ради нее готов хоть по уши в грязи работать где угодно, и, может быть, она что-то поймет, ведь она меня тоже любит, не сомневаюсь, но слишком капризна, а потом в своих капризах раскаивается передо мной – сколько раз это уже было, да и эта трагедия, то есть смерть свояка, может, ее тоже малость образумит.

Ну, бывай здоров! Барахло мое пусть лежит, как-нибудь заеду. Пиши мне в Теньковку.

Твой А. Чесноков»

Вот пара фразеологизмов: «Подумать только!» и «Нечего сказать!»

Приезжал ли Анатолий после всего этого в Ульяновск? Не помню. Но «барахло» точно забрал – возможно, что приходил, когда меня дома не было, – пухлый портфель из черного дерматина, туго набитый рукописями и набросками, ему передал кто-то из моих родичей.

А дальше он каким-то непостижимым образом оказался в Молдавии, о чем оповестил меня письмом (между прочим, туда же в 1820 году приехал коллежский секретарь Александр Пушкин). К сожалению, письма от Чеснокова этого периода у меня не сохранились: я ведь тоже надолго уезжал из Ульяновска и не имел возможности присматривать за *своим* «барахлом» – книгами на стеллажах, а также бумагами и письмами, что хранились в ящиках моего стола в родительской квартире на улице Ефремова. Но я хорошо запомнил эту фразу из одного письма: «Вольдемар, представь себе, я стал *писателем!*» Нет, его не приняли в ССП, у него не выходили книги одна за другой, хотя стихи иногда

¹² См.: Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2002. С. 10.

публиковались в периодических изданиях. Всего этого не было, но у него появилась возможность заниматься регулярным литературным трудом, получая за это денежное вознаграждение, впрочем, весьма скромное. В частности, он делал переводы стихов молдавских поэтов с подстрочника.

Лев Толстой сформулировал универсальный закон: «Все счастливые семьи счастливы одинаково...» Отсюда вывод: если стремишься к *счастью* – будь как все, откажись от своей *своеобычности*, преодолей свою *само-бытность*.

Думаю, что лет через пятьдесят слово «счастье» вообще может выпасть из активного словаря. Если толковать это состояние – *быть счастливым* – в исходном, изначальном смысле как *быть с частью наследственной доли, иметь свой кусок пирога*, то тут все просто: нужны деньги – открой свое дело и работай.

Если же рассматривать «счастье» как восторженное ощущение свободы, как чувство *окрыленности*, то и тут все просто: расправь свои крылья и лети...

След в след. Слово в слово. Точь-в-точь.

Я тоже занимался литературным трудом – корпел над рукописью большого объема и формата. Как-то осенью 1981 года встретил редактора многотиражной газеты «Станкостроитель» завода УЗТС Валентина Ивановича Кузьмина (я работал у него в редакции сразу после окончания школы). Узнав, что у меня нет работы, он пригласил меня к себе. Я согласился: как в народе говорят, *взад вернулся*. Меня приняли корреспондентом, а потом перевели редактором заводского радио (у нас была объединенная редакция).

Вопреки наставлению Геннадия Шпаликова («По несчастью или к счастью, истина проста: никогда не возвращайся в прежние места...»), я вернулся на УЗТС в редакцию многотиражки – просто некуда было деться.

Толик Чесноков помнил строки из пародий на известных в те годы поэтов и нередко их цитировал. Вот самая его любимая строчка: «А у Вити Бокова ничего глубокого...» Это *автопародия* – Боков сам над собой так пошутил.

В середине 70-х Виктор Боков участвовал в «Днях литературы Тюменской области». В конце программы большая группа писателей отправилась на прогулку на теплоходе по Оби. Боков долго задумчиво смотрел на бурлящую по сторонам воду, а потом изрек: «Люблю, Обь, твою муть!»

Или еще Толян цитировал: «Ты Евгений, я Евгений... / Я не гений, ты не гений...» Это из взаимных посланий двух поэтов с одинаковыми именами – Долматовского и Евтушенко. Евгению Александровичу сорока на хвосте принесла информацию, что Долматовский на каком-то писательском банкете нелестно о нем отозвался, сказал, что этот *Евтух* – не поэт, а говно». Так возник поэтический диалог («Когда б вы знали, из какого сора растут стихи...»).

А еще мы любили хором декламировать такие строки:

«Едва проснувшись поутру
Все москвичи спешат к *метрú*.
И ранней утренней порой
Я тоже пользуюсь *метрóй*...»

Это из пародии сатирика и пародиста Владлена Бахнова на поэта Николая Глазкова (тот отважился слово «метро» изменять по падежам), напечатанной в «Литературной газете» в 1970 году. Вот полный текст пародии:

Я обнаружил, что метро
Полезнее трамвая.
И сочинять сегодня про
Метро стихи желаю!

Едва проснувшись поутру,
Все москвичи спешат к *метрú*.
И ранней утренней порой
Я тоже пользуюсь *метрóй*.

Пускай на улице жара –
Не жарко мне внутри *метрá*,
А если холод на дворе –
Совсем не холодно в *метрé*!

О нет, не описать пером,
Как с детства я горжусь *метрóм*
И как с далекой той поры
Москвы не мыслю без *метрý*.

Так пусть растет число *метрóв*.
Чем дальше в лес, тем больше дров!

Рассказывал редактор заводской многотиражки «Станкостроитель» Валентин Иванович Кузьмин:

– В одной дивизионной газете *забабáхали* «шапку»: «Встретим меткими выстрелами делегатов XIX партсъезда!»

На следующий день в газете был уже другой редактор.

«Шапкой» у газетчиков называется *девиз* или *лозунг* (можно – *слóган*), помещаемый вверху первой *полосы* (страницы) поверх *логотíпа*.

Пробую писать по системе Эрнеста Хемингуэя. Между прочим, получается. Если не ошибаюсь, суть системы он изложил в автобиографическом эссе «Праздник, который всегда с тобой».

Какова технология создания творческого продукта? Итак, предположим, что Хемингуэй пишет рассказ объемом примерно 15 – 20 страниц. На это уходит несколько дней. Утром автор садится за работу (в Париже он, предположительно, именно *садился* за работу, а писать стоя за конторкой с пишущей машинкой он пристрастился в более поздние годы) и записывает тот фрагмент текста, который сформировался у него «в голове». Но при этом он не писал придуманный кусок до конца, а останавливался чуть раньше, то есть фрагмент оказывался как бы

недописанным. И дальше он встречался с друзьями, они обедали, гуляли по Парижу, пили вино, ухажи-вали за женщинами...

Потом он *спал*. Все это время та часть мозга, которая отвечала за создание текста рассказа, продолжала работать в автоматическом режиме, и недописанный кусок как бы сам собой *рос, удлинялся, прирастал новыми подробностями*, так что, проснувшись на следующее утро, Эрнест, садясь за рукопись, уже *знал* до мельчайшей детали, о чем надо писать. И вновь он оставлял рабочий фрагмент как бы недописанным. И т.д.

Тут нет никакой тайны, тем более мистики. Просто в этом случае писательское сознание грамотно подключает к созданию нового текста еще и *подсознание*. Но такой стиль работы направлен на самоуничтожение автора, стопроцентно обеспечивает его верную раннюю смерть. Это объясняется просто: сон нужен человеку для того, чтобы сознание отдохнуло, а если мозг работает круглосуточно, то он рано или поздно взорвется или, как минимум, спровоцирует развитие алкоголизма (этим страдали О. Генри, тот же Хемингуэй, Фолкнер, Фитцджеральд и т.п), наркомании как у Гофмана, а то и суицидальных наклонностей...

А с жильем Анатолий в молдавских краях устроился так: где-то и как-то познакомился с молодой одинокой женщиной (кажется, ее звали Вера Пасареску) и обосновался в ее доме. *Любовник-нахлебник* – так или примерно так он определил свой статус. Вера не верила в магию художественного слова и работала где-то в сфере материального производства, да еще успевала вести подсобное хозяйство (огород, кое-какая домашняя живность).

В редакциях заводских многотиражек было принято обмениваться своей «продукцией» с коллегами. Мы получали почтовые конверты или даже бандероли с аккуратно сложенными номерами газет с ульяновских предприятий: автозавода, радиолампового завода и завода им. Володарского (там, в газете на *Володарке*, в то время работал Юрий Коган – печатал разгромные статьи на целые полосы). Получали мы многотиражки и с профильных станкостроительных заводов – из Москвы, Новосибирска, Алапаевска, Николаева. Заводская газета в Николаева называлась так же, как и наша, – «Станкостроитель», но по-украински, а именно: «*Верстатобудивник*».

В Молдавии у Толяна была реальная возможность издать сборник стихов. Он мог выпустить книгу еще раньше – в Мурманском издательстве... Но в том-то и дело, что местные издательства публикуют *местных* авторов, то есть тех, кто живет *на месте* достаточно долго. А Толик Чесноков не отличался усидчивостью: служба закончилась – и прощай Кольский полуостров! И молдавский *загул* он долго не выдержал. Так что жизнь продолжалась, а книги все не выходили...

Итак, я тихо-смирно работал в многотиражке на УЗТС, параллельно публиковал заметки, корреспон-

денции и статьи в «Ульяновском комсомольце» и «Ульяновской правде», умудрялся даже под разными псевдонимами делать репортажи для областного радио, так что зарабатывал неплохо.

Весной 1982 года я вознамерился подать документы на сценарное отделение Высших курсов сценаристов и режиссеров при ГОСКИНО СССР. И дело не в том, что Толик Чесноков настоятельно рекомендовал мне сделать такой шаг: я и сам давно присматривался к этому учебному заведению, терпеливо собирал и читал книги по истории и теории кино.

Заявление по образцу я написал, распечатал конкурсные тексты – несколько рассказов. Не хватало только рекомендации из местного отделения Союза писателей. В то время отделение возглавлял поэт Николай Николаевич Благоев, заставить которого в означенной конторе было очень трудно. Ульяновское отделение Союза писателей СССР на рубеже 70-х – 80-х располагалось в начале улицы Минаева, в скромном одноэтажном деревянном домике, в котором некогда обитал сам Дмитрий Дмитриевич Минаев (разумеется, дом был отреставрирован). Секретарша отделения, пожилая женщина (имени-отчества не помню), встречала меня приветливо, и на телефонные звонки вежливо отвечала, но сказать что-либо определенное о местопребывании шефа не могла.

Всезнающий Толян Чесноков когда-то объяснил мне, что Благоев вынужден сидеть дома или в библиотеках и штудировать периодику, в основном читая прозу. Раз или два в месяц он обязан был приходить к секретарю по идеологии Ульяновского обкома КПСС Владимиру Николаевичу Сверкалову: они записались в кабинете, и Благоев рассказывал тому содержание наиболее заметных романов и повестей. Просвещал, так сказать, партийного босса.

В редакции нашей многотиражки числилось четыре сотрудника: редактор, я, юная блондинка, которая бойко и громко стучала на портативной пишмашинке «Consul» (чувствовалось, что когда-то начинала учиться в *музыкалке*, то есть музыкальной школе), а официально была оформлена диктором заводского радио, и еще – выпускница *журфака* Свердловского университета Ирина Майорова. Также мы регулярно готовили радиопередачи, которые транслировались через стандартные репродукторы в отделах инженерного корпуса, а в обеденный перерыв включались рупорные громкоговорители (на сленге – *ведры*), укрепленные на столбах с фонарями по всей территории завода.

Если было свободное время, мы начинали яростно спорить о нашем житье-бытье, и, в конце концов, принимались искать причины пустых прилавков магазинов. Однажды я процитировал Евгения Евтушенко: «На горе и счастье я рос на войне // В стране, где всего не хватает...» На следующее утро редактор пришел не выспавшийся, с воспаленными глазами. Сказал, что всю ночь в голове вертелась строчка «В стране, где всего не хватает...»

– Пытаюсь понять, почему не хватает-то? Земли много, климат подходящий, работать умеем, не бездельники...

Пожилый коммунист, так сказать, *боец идеоло-*

гического фронта, он не мог решиться на простую логическую операцию: признать, что экономическая модель социализма порочна в своей основе...

Уже наступил май, надо было отправлять документы в Москву, и мне оставалось только одно: каждый день наугад приезжать на улицу Минаева.

И вот, наконец, мне повезло. В пятницу 8 мая 1982 года я вошел в помещение отделения Союза писателей и, переходя из комнаты в комнату (в доме была планировка *анфиладного типа*), решительно прошел в кабинет Благова. Он сидел за столом. Рядом, за тем же столом, сидел Женя Мельников, который сразу же радушно поприветствовал меня. Благов удивленно посмотрел на него, потом на меня, и тут Женя нас познакомил.

Пока я шел по анфиладе, они спрятали под стол початую бутылку водки. Закуска – полбуханки ржаного хлеба и фрагмент батона вареной колбасы – оставалась на столе. Николай Николаевич умелым движением отрезал кусок хлеба и сделал большой бутерброд для меня. «А он не жадный!» – невольно отметил я. Колбаса давно уже стала *дефицитом*, и было件ятно, что Благов как *номенклатурный работник* только что получил продуктовый набор к празднику Победы, но не торопился нести продукты домой.

Тут же появился третий стакан, и мы выпили за знакомство и за грядущий День Победы. Я объяснил Благову цель моего визита. Оказалось, что Женя тоже пришел за рекомендацией для поступления на сценарные курсы. Договорились так: каждый из нас сам пишет и печатает текст рекомендации, и, если он окажется приемлемым, Благов его завизирует.

Мозг творческого человека работает круглые сутки, то есть фактически перед нами типичный *трудоголик*. А трудоголизм почти всегда ведет к алкоголизму – только вином и водкой можно как активизировать, так и затормозить работу мозга...

Жил-был такой драматург и киносценарист Эдуард Володарский. Дебютный фильм – «Свой среди чужих, чужой среди своих...» – Никита Михалков снял по его сценарию. И Алексей Герман свою первую самостоятельную картину «Проверки на дорогах» делал по сценарию Володарского (коробку с пленкой сразу положили *на полку*).

Эдуард Володарский причастен к созданию более сорока фильмов. В общем, работал запойно, но и запойно пил. Жена пыталась с этим как-то справиться, лечила его, хотела закодировать, но врач-нарколог ее отговорил:

– Закодировав Эдика от пьянства, мы закодируем его и от таланта. А ему это не надо...

В Москву мы с Женей Мельниковым ехали в поезде вместе. Нам и раньше приходилось сидеть тет-а-тет, но обычно это случалось в кафе или ресторанах, под звон рюмок. Теперь же у нас была возможность посмотреть друг другу в глаза и спокойно, на трезвую голову, поговорить.

В столице мы быстро разыскали главный кор-

пус ВГИКА, зарегистрировались. Наши дорожные сумки мы поставили как раз в том месте, где позднее установили памятник знаменитым выпускникам института: Андрею Тарковскому, Василию Шукшину и Геннадии Шпаликову. Тут мы получили направления в новое общежитие ВГИКА и отправились на метро до станции ВДНХ. Там, прямо напротив мухинского монумента рабочему и колхознице, на улице Бориса Галушкина, дом 7, и располагалась высотка общежития (Толик Чесноков тут бывал неоднократно). Нас ожидал отдельный блок и в нем комнаты на двух и трех человек.

«Хемингуэй на завтрак выпивал две бутылки шампанского, а потом две бутылки вина за обедом и бутылку рома за ужином. И сколько он прожил, сколько написал!» («Собеседник», 27 марта – 2 апреля 2019, с. 13).

Быстро познакомилась с соседями. Один, Виктор Петров, из Челябинска. Он ходил по московским улицам в длинном брезентовом плаще, что как раз соответствовало прохладной и дождливой погоде второй половины мая 1982 года. Его отец – участник войны, вследствие чего, по словам Виктора, сделался *алконавтом*. Другой из Якутска, фамилию не помню, пусть будет Генка-якут. Он не был алконавтом, а был просто *алкоголиком*, причем, как многие представители северных народов, потомственным. Генка утверждал, что им написаны 500 стихотворений, но стоило ему принять хотя бы одну рюмку, как он делался способным прочитать всего несколько начальных строчек из каждого стиха, а дальше не мог – забывал...

Был еще один парень из Киева, непонятно как попавший на сценарные курсы. У них в городе – матери городов русских – имелся кино клуб, где можно было посмотреть фильмы американцев Чаплина, Гриффита, итальянцев Феллини, Пазолини, Витторио де Сика и других. И вот он, активный член кино клуба, решил попробовать стать сценаристом...

Что нового в Москве 1982 года? А вот что: то и дело попадают киоски, где продаются бутылочки с *пепси-колой* отечественного производства. Цена вполне приемлемая. Порожнюю стеклотару принимают здесь же.

Один из наших собратьев-абитуриентов из соседнего блока некогда окончил литинститут, учился в одно время с Николаем Рубцовым, жил в общежитии. Однажды он процитировал четверостишие Рубцова, из неопубликованного:

Когда я буду умирать,
А умирать я буду,
Ты загляни мне под кровать
И сдай порожнюю посуду...

Лунный календарь *трудоголика*, *шопоголика*, *алкоголика*...

В 1982 году на Высших курсах сценаристов и режиссеров шел набор в две сценарные мастер-

ские: художественных фильмов и мультипликации. Последняя нас не интересовала, а мастерскую художественных фильмов набирал Валентин Черных, автор сценария к фильму Владимира Меньшова «Москва слезам не верит». Годом раньше эта картина получила премию американской киноакадемии «Оскар» в номинации «Лучший фильм на иностранном языке».

Мы легко догадались, что наши рукописи, присланные для заочного этапа конкурса, никто не читал. Мандатная комиссия (или как там она называется?) сработала тяп-ляп: согласно Положению, возраст поступающих не должен превышать 35 лет, однако на первом же общем сборе выяснилось, что Генке-якуту недавно исполнилось 45 лет (он, низкорослый *паренек*, выглядел молодо). Но все равно его допустили до участия в конкурсе.

На следующий день мы писали свои конкурсные работы. У меня был увлекательный сюжет, но стилистика текста вышла *рассказовая*, а не *сценарная*.

Утром следующего дня мы смотрели фильмы, два подряд: «Наследница по прямой» Сергея Соловьева и еще какой-то фильм с Михаилом Ульяновым в главной роли, но я его не стал смотреть – утомился...

На третий день, на собеседовании, я честно сказал, что не могу смотреть два фильма подряд, один за другим. Лишь один член комиссии обратил на меня внимание – Александр Александров (автор сценариев к фильмам «Сто дней после детства», «Деревня Утка», «И на камнях растут деревья» и др.), ему понравились мои суждения о кинематографе.

Из всей нашей компании приняли только Генку-якута...

11 ноября 1982 года, в 12.00 по местному времени, по радио и телевидению прозвучало сообщение о смерти Брежнева. Смерть наступила накануне, в 8 часов 30 минут утра по московскому времени. В последнее время *генсек* перенес ряд инфарктов, страдал ишемией и другими сердечнососудистыми заболеваниями.

Посредством радиоприемника «ВЭФ» поймал «Голос Америки»: Рейган и Тетчер в числе первых направили нашим властям соболезнование. На Мадридской встрече европейских государств, США и Канады была траурная церемония. Соболезнуют все, пока только Китай не отреагировал. Западные информационные агентства называют Брежнева «выдающимся политическим деятелем современности».

Вечером траурный выпуск телепрограммы «Время» продолжался 55 минут. Сообщили, что 12, 13, 14 и 15 ноября объявлены днями всенародного траура. 15 ноября, в день похорон, будут отменены занятия в школах, а в момент похорон на 5 минут остановятся все заводы и фабрики (кроме предприятий непрерывного цикла). Трехдневный траур объявлен в Индии. Перечисляются титулы, регалии, звания Леонида Ильича: трижды герой НРБ,

трижды герой СССР, трижды герой ГДР, четырежды герой СССР...

Первый день траура по Брежневу: 12.11.1982. Утром, около 11 часов, хотел купить «Правду» в киоске, но все газеты уже распроданы. За ночь сменили киноафиши: в к/т «Экран» был анонсирован французский детектив (точнее, пародия на детектив) «Укол зонтиком» с Пьером Ришаром в главной роли, но вместо него пойдет фильм «А зори здесь тихие...» – экранизация повести Бориса Васильева.

У одних все лучшее в прошлом, у других – в будущем (так называемый «золотой век»). Те и другие нередко проклинаят настоящее.

А вот в советские времена проклинали прошлое. Прошлое – это «при царе», «до революции». Настоящего тогда просто не существовало, или его отрицали. Куда ни пойдешь, к кому ни обратишься – ответ один: «приходите завтра». И в песнях про то же пелось: «Не надо печалиться, вся жизнь впереди...». Это – из молодежного репертуара. Ну, и дети туда же: «Слышу голос из прекрасного далека...». «Далéко» – это *временная категория*, не *пространственная*...

В тесной комнатенке редакции заводской многоэтажки «Станкостроитель» стройная блондинка за пишущей машинкой «Consul» сидела как раз напротив меня. Она не признавала себя блондинкой и говорила так: *я светло-русая*.

Однажды мы с ней *сцепились языками* на тему малоупотребительных слов. Она как-то сказала мне, что *мельхиор* – это сплав меди с никелем, назван по именам французских изобретателей Майо (Maillot) и Шорье (Chorier). На меня это произвело впечатление. У нее на среднем пальчике правой руки было скромное колечко с небольшим камушком розоватого цвета. Я заинтересовался *раритетом*, и она объяснила, что это *искусственно выращенный камень*, называется *фианит*. «Ух ты! – Быстро сообразил я. – Так это же от аббревиатуры ФИАН». «А что такое ФИАН?» – удивленно спросила светло-русая блондинка. «ФИАН – это Физический институт академии наук СССР» – отчеканил я.

Дома она переворошила несколько толковых словарей и убедилась в моей догадливости.

Летом следующего, 1983 года, я по какой-то надобности оказался проездом в Москве. У меня нашлись свободные пара часов, и я отправился в Большой Тишинский переулок на Высшие курсы сценаристов и режиссеров. Просто хотел узнать, что там и как. Директор курсов Наталья Васильевна была на месте, она сразу огорошила меня печальной новостью: Генка-якут погиб в начале мая. Дело было так: на майские праздники все его соседи разъехались, он остался в блоке один. Выпил водки или чего-то другого, вышел на балкон и упал вниз. Трагическая случайность или самоубийство – не установлено...

После услышанного я потерял всякий интерес к этому учебному заведению.

День моего рождения, 27 ноября 1982 года, был ознаменован следующим: с утра я читал, потом ходил за детским питанием для племянницы в молочную кухню. На работу пришел часов в одиннадцать (да-да, как у Достоевского: «был час одиннадцатый...»), буднично одетый и, между прочим, в отвратительном настроении. Редактора не было, отъехал на какое-то совещание. Блондинка сидела за машинкой в новом сарафане из плотной ткани и новой блузке, в босоножках под цвет этой блузки (наши девушки переобувались, приходя на работу), с подвитыми на концах волосами... Улыбнулась и сказала, что ждут меня, что подготовили вместе с Ириной Майоровой подарок. Появилась Ирина в комбинезончике, который сшила еще летом и все искала случая, чтобы надеть. Вот – нашла.

Они вскипятили чай в алюминиевом чайнике с *теном*, поставили на стол торт, который испекли накануне дома у блондинки (Ирина жила в заводском общежитии). Торт имел вид пятиконечной звезды (тут не было никакой символики, просто другой формы для выпечки не нашлось) и на нем клубничным вареньем был выложен треугольник – «классический треугольник», как прокомментировала Ирина. Они обе были возбуждены чрезвычайно, заявили, что если бы я не пришел на работу, то «запёрлись бы ко мне домой». Да, подарили мне *чайную барышню* собственного изготовления, которая мастью сильно смахивала на блондинку. А блондинка была смущена, зажата, говорила не то, что думала...

Я понуро пил чай, отмалчивался, временами отшучивался, как мог, ждал с нетерпением, когда эта *чайная церемония* закончится...

Уходя обедать домой, я забрал куклу, извинился, что не могу пригласить к себе, так как у нас ребенок (моей маме накануне *подбросили* внучку, мою племянницу).

Был на кладбище и вот увидел: свежие газеты на могиле...

Блондинка числилась абитуриенткой, хотела стать студенткой МГУ, но неожиданно поступила на филфак Тартуского университета. В декабре 1984 года мы с ней поженились. Я съездил в эстонский город Тарту, осмотрелся, мне там понравилось, и я решил перебраться туда на жительство. В Ульяновске меня ничто не держало...

А вот Женя Мельников, напротив, развелся с женой, или, точнее, Люда сама от него ушла – нашла себе предприимчивого и добычливого мужчину. Последнее время их жизнь разладилась: книжки у Жени выходили все реже, тиражи падали, гонорары *сдулись*. Наступала новая эпоха, где все меньше места оставалось для чтения и книг.

Изысканный художественный вкус рано или поздно оборачивается отвращением ко всему изящному...

Пару месяцев назад мне на глаза попала книжка под названием «Молодая эстонская проза» таллинского издательства «Ээсти раамат» («Эстонская книга»), 1976 год. Этот сборник молодых писателей перевернул мое представление о литературе. Там было всё другое, начиная с непривычных имен авторов: Мари Саат, Арво Валтон, Мати Унт. Больше всего мне понравилась проза последнего: его рассказы и короткие повести печатались в журналах «Юность» и «Таллин» (этот журнал имел немалый тираж, и его можно было купить в газетных киосках по всему Советскому Союзу). Я уже знал, что Мати родился и вырос в Тарту, учился в школе № 3.

Основные функции **языка** в современную эпоху:

- *номинативная*;
- *коммуникативная*;
- *инвективная*.

Первая определяет имена предметов и явлений; вторая обеспечивает взаимодействие людей, обмен информацией; третья позволяет дать словесный отпор хамам, наглецам, забиякам.

В Тарту я снял двухкомнатную квартиру у пожилой женщины, Александры Васильевны Алешкиной, которая жила в сельской местности – в деревне Нйна (в переводе с эстонского – *Нос*) на берегу Чудского озера. Как и все местные русские, она была *биллингва* – свободно говорила на двух языках. У нее по деревенскому адресу я и прописался, *дав на лапу* секретарю сельсовета в райцентре *Алацкиви* 25 рублей.

Сначала мы жили на улице *Сы́нпузе Пүйестеэ* (Бульвар Дружбы). Потом снимали квартиру на улице *Пикк* (Длинная). Последнее наше пристанище – две комнаты в общежитии коридорного типа на улице *Анна Ха́ава* (название улиц в честь того или иного известного лица дается в Эстонии в *номина́тиве*, то есть в именительном падеже). Так вот, Анна Хаава – эстонская поэтесса, стихов которой я, впрочем, не читал. Не прочитал я и самую известную эстонскую книгу – роман Оскара Лутса «Лето». И прозу Юхана Смүүла не читал, хотя видел его дом-музей во время экскурсии на острове Са́аремаа. (Кстати, удвоенные гласные в эстонских словах определяют не длину, а *глубину* звука.) Экскурсовод, босоногая девушка, так произносила это имя: *Юхан Шмул*.

Язык без костей до Киева доведет...

В Тарту я недолго искал работу. Разговор с заведующей городским отделом образования (*Haridosakond; haridus* – образование, *osakond* – отдел) не дал результатов: она смотрела на меня, как на привидение. (Впоследствии я никогда больше не встречал *подобных* начальниц: эстонские чиновники, с моей точки зрения, заслуживают самой высокой похвалы.) В тот же день я обошел все русские школы города (их оказалось всего четыре), но там вакансий не было. На следующий день в кабинете начальника отдела кадров Эстонской

сельскохозяйственной академии (как и главный университет республики, академия располагалась не в Таллине, а в Тарту) я получил направление в редакционно-издательский отдел этого вуза. Мне предстояло редактировать предназначенные для печати на *rotaprinte* тексты на русском языке.

Услышал и легко запомнил шутливое приветствие по-эстонски: «Tere-tere, vana kere» (здравствуй-здравствуй, старый попугай).

Руководитель нашего отдела, девушка лет двадцати семи по имени Гийна, в свое время окончила филфак Тартуского университета. Однажды я попробовал обсудить с ней состояние современной эстонской литературы, в числе других назвал имя Мати Унта, но оказалось, что она это имя слышит впервые. И вообще с момента окончания вуза не читает художественную литературу...

«Выставка работ Лейды Клаус “Акварельные портреты собак и кошек”». «Вечерний Таллин», 1985, 24 июня.

В редакционно-издательском отделе случались и *шабáшки*: по тогдашним правилам, все тексты диссертаций соискателей-эстонцев должны были иметь русскоязычную версию. Разумеется, переводить с эстонского на русский я не мог, а просто *вычитывал* готовые переводы и вносил исправления.

Помню, как долго мне пришлось объяснять одной самоуверенной даме, (которая, кстати, очень хорошо знала грамматику русского языка), что в известном обороте «справляться со своими обязанностями» первое слово нельзя преобразовать в отглагольное существительное. А дама настаивала на том, что «*справлѐние* со своими обязанностями» – это вполне корректно.

Весной я получил письмо от директора средней школы № 4 города Тарту с приглашением для беседы. Еще раз пришел в эту старейшую школу, бывшую Пушкинскую гимназию, здание которой было построено на средства русских купцов в самом начале XX века. Директор Тамара Павловна Вáрамяэ предложила мне должность завуча, поскольку прежний заместитель директора по учебно-воспитательной работе собрался на пенсию.

Мое личное дело на новом рабочем месте сложилось из вполне приличных документов, но у меня в очередной раз обнаружили один существенный «минус»: я не состоял в рядах КПСС.

Слово «завуч» по-эстонски звучит как *ýпеалаýхатайя* (õpealajuhataja).

В ноябре 1985 года у нас с блондинкой родился сын, назвали Василием. Новый 1986 год встретили втроем в съемной квартире. Нарядили игрушками и свечами настоящую ель, хоть и маленькую. Телевизора у нас еще не было, но мы не скуцали по «Голубому огоньку».

Как стоят в магазинной очереди русские? Тесно, сплоченно, скандально, – гневно выявляя тех, кто норовит прорваться к прилавку без очереди. Таких громко порицают («Вас здесь не стояло!») и с позором изгоняют, проклиная весь их род до седьмого колена.

Эстонцы в очередях чаще всего молчат, при этом держат дистанцию, один другого не затирет, и если кому-то из очередников придет фантазия пойти поглазеть на витрину, то его место никто не занимает – в очереди возникает *зияние*, такая лакуна – как в челюсти, если выпадет зуб, – появляется пустой промежуток, который, тем не менее, *движется* вместе с очередью.

Если же в одну и ту же очередь встают русские и эстонцы, причем тех и других оказывается приблизительно поровну, то выходит Вавилонское столпотворение, или, попросту говоря, *черт знает что*. Кстати, по-эстонски черт – *кúрат* (kurat).

Если обычно невозмутимого эстонца вывести из себя, это может закончиться тем, что он выдавит сквозь зубы:

– Кур-рат!..¹⁵

При этом звук «р» удваивается, а ударение сдвигается на последний слог.

У людей, родившихся и выросших в смешанных (русско-эстонских) семьях могли быть весьма экзотические имена. Вот как звали знакомых мне педагогов: Мáрика Áдовна (имя отца – Áдо), Таисия Вамбалáевна (имя отца – Вáмбала; в образованном от этого имени отчестве ударение сдвинулось вправо, так как полученное подобным путем слово *обрусѐло*, а в русском языке, как известно, ударение *подвижное*).

Знаменитым методистом, а также специалистом по изучению эстонского языка представителями других этносов, была доктор филологических наук Антидѐя Мѐтса. Греческие и римские женские имена у любого народа приживутся. Вот и у нас в России в татарских семьях девочку могут назвать *Венерой* или *Сабíной*...

А вот имя известного в годы перестройки эстонского политика: Кáлью Комиссáров. Ему бы теплую кожанку, пулеметную ленту крест-накрест по плечам и маузер в деревянной кобуре возле левой ягодицы...

Гидра – кишечнополостное беспозвоночное животное. В принципе гидра *бессмертна*. Если ее разрубить напополам, то каждая половинка вскоре *регенерирует* до целого живого организма. Смертны лишь высшие животные и *люди*...

Нашу школу в свое время окончили все трое сыновей Ю.М. Лотмана. Старший, Миша, стал филологом, кандидатом наук, писал докторскую. Младший, Алексей, – биолог. Средний, Григорий, художник, работал реставратором в Ленинградской области, где занимался восстановлением храмов, дворцов и усадебных комплексов. Однажды он упал с лесов и получил серьезные увечья, долго лечил-

¹⁵ Kurat (эст) – черт, ругательство.

ся, а затем вернулся в Тарту, где в течение ряда лет обучал живописи и лепке из пластилина маленьких детей.

Как ни странно, воспитанием сыновей в семье занимался в основном Юрий Михайлович, он же ходил в школу на родительские собрания. Его супруга Зара Григорьевна Минц, тоже филолог, доктор наук, считала, что ее призвание – наука, преподавательская деятельность.

Время, впрочем, показало, что истинным и всемирно признанным ученым оказался Юрий Михайлович, *Юрми́х* – так его называли студенты и аспиранты.

Знаменитый филолог и культуролог Александр Михайлович Панченко предположил, что любые типологии и классификации в своей основе имеют две структурные модели: *триа́ды* и *четверики́*. Его коллега Ю.М. Лотман естественной основой всех типологий считал *бинáрные оппози́ции*.

В Тарту доводилось жить некоторым известным симбирянам, в частности, Николаю Языкову и Дмитрию Ульянову. Повеса Языков проучился в Тартуском университете (в то время – Дерптском) целых восемь лет, но держать экзамены не отважился и диплома не получил. Возможно, что именно там, участвуя в разгульных студенческих пирушках, он и заразился *сифилисом*, что рано свело его в могилу. Дмитрий Ульянов изучал в местном университете (тогда уже – Юрьевском) медицину. Там на улице Николая Бурденко был открыт посвященный ему музей, который, впрочем, не пользовался популярностью у туристов и тем более у жителей города.

Ю.М. Лотман в домашнем кабинете в квартире на ул. Бурденко в Тарту.

В соседнем с музеем доме долгие годы жил со своей семьей Ю.М. Лотман. Трехэтажный дом был старой постройки, все квартиры с печным отоплением, и Юрий Михайлович до 60 лет сам колот дрова. Да что там дрова! Мало кто знает, что *Юр-*

мих – участник Великой отечественной войны. Он воевал в артиллерии, был связистом. До последних дней жизни его связывала дружба с одним из сослуживцев – простым работягой, никак не связанным с *академической средой*.

Темы курсовых работ, которые Юрмих предлагал своим студентам: «Поцелуй в русской литературе XIX века», «Шампанское в русском застолье: на примере текстов А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого», «Дуэль в произведениях русских писателей XIX века». Собственно, это – не литературоведение, а *культурология*, точнее – *бытописание*. Исследование бытовых реалий – первый шаг «наивного читателя» (Ю.М. Лотман), который ведет в глубь художественного текста.

Поздний Лотман – это уже не историк литературы и не литературовед, а *культурблог*. Этого не заметили даже его ближайшие коллеги и ученики. Прижизненный трехтомник издательства «Александра»¹⁴ – это не столько рассуждение о литературе, сколько *аналитика культуры*.

Любимое присловье директора нашей школы Тамары Павловны Варамяэ: «Дети должны бояться!»

Она, как и я, родилась на Урале, в маленьком поселке, где все взрослое население трудилось на *зоне*: охраняли *зеков*, вели делопроизводство, стирали белье, варили баланду и т.д. Окончив пединститут, Тамара вернулась домой, работала в местной школе. Там и познакомилась с солдатом-срочником внутренних войск Томасом Варамяэ из Эстонской ССР. Они поженились, он привез молодую жену в Тарту.

Комбинаторное мышление. Комбинаторика...

Лишь в начале 90-х, уже будучи гражданином не Эстонской ССР, а Эстонской Республики, Лотман переехал из трехкомнатной квартиры в четырехкомнатную (тоже с печным отоплением) в «профессорском» доме, расположенном в Тяхтверском парке, на ул. Виктора Кингисеппа¹⁵. Это была запоздалая милость: дети разъехались, вскоре умерла супруга и коллега Зара Григорьевна Минц. Юрий Михайлович остался один в огромной квартире. Мне довелось бывать в этом доме, но не у Лотмана, живущего на втором этаже, а у супругов-профессоров, филологов Ларисы Ильиничны Вольперт и Павла Семеновича Рейфмана, на первом этаже: я приходил, чтобы уговорить Ларису Ильиничну отрецензировать выпускную работу одной моей ученицы из выпускного класса. Уговорил...

Здоровье самого Юрия Михайловича сильно пошатнулось, и он получил возможность работать дома (сейчас это называется *удаленный режим* работы). Ему по очереди помогали во всех бытовых и профессиональных делах его ученицы, *штат-*

¹⁴ Лотман Ю.М. Избранные статьи. В трех томах. – Таллинн: «Александра», 1992–1993.

¹⁵ Сейчас улиц Н. Бурденко и В. Кингисеппа не существует, у них новые имена. Причины, конечно же, политические: Бурденко – не эстонец, а эстонец Кингисепп считается предателем национальных интересов, поскольку был профессиональным революционером, одним из организаторов Коммунистической партии Эстонии, работал в Верховном ревтрибунале РСФСР и в ВЧК.

ные секретари Тая Якушева (Кузовкина) и Влада Гехтман. Именно они записали продиктованную «шефом» последнюю прижизненную его книгу «Культура и взрыв». Между прочим, в этой книге Юрмих описал психическую атаку, которую имел возможность наблюдать во время войны. И так, «отряд немецких мотоциклистов, несущихся прямо на наскоро вырытые окопы противника, может быть, бессознательно воспроизводил поведение *берсерков*¹⁶: мотоциклы были обвешены (на каждом сидело четыре человека) автоматчиками, абсолютно голыми, но в кожаных сапогах, широкие голенища которых были забиты автоматными магазинами. Автоматчики были пьяны и неслись на противника, громко крича и непрерывно стреляя в воздух длинными очередями»¹⁷.

М.С. Горбачев: «Что происходит в Эстонии? Как и повсюду, в Эстонии происходит перестройка...»

Ю.М. Лотман: «...единственным реально данным нам интеллектуальным объектом до сих пор предполагался механизм индивидуального сознания человека».

Далее объектом внимания Юрмиха становится текст. При этом он различает два вида текста: Текст T_1 и T_2 . Текст T_1 служит для передачи константной информации (воинский устав, инструкция по технике безопасности и т.п.). Текст T_2 служит для выработки новой информации – прежде всего, это художественный текст. И Лотман делает вывод: «текст типа T_2 обнаруживает черты *интеллектуального устройства* (курсив мой – В.Я.): он обладает памятью, в которой он может концентрировать свои предшествующие значения, и одновременно он проявляет способность, включаясь в коммуникативную цепь, создавать новые нетривиальные сообщения. Если принять определение разумной души, которое дал Гераклит Эфесский: “Психее присущ самовозрастающий логос”, то T_2 может рассматриваться как один из объектов, обладающих этим свойством».¹⁸

Бывая проездом или в командировках в Москве, я обычно заходил в магазин «Дом педагогической книги» на углу Большой Дмитровки и Столешникова переулка (так мне тогда казалось, но Яндекс выдает такой адрес: Камергерский пер., 5/7). Потом я шел по Большой Дмитровке в сторону Страстного Бульвара. И вскоре, перейдя улицу, за каким-то там углом находил уже знакомую пельменную. Это была обычная столовка, впрочем, весьма приличная и примечательная тем, что здесь всегда было пиво. Всегда! Наливали это пиво в стандартные советские стеклянные кружки, но умень-

шенные в два раза, объемом 0,25 литра. Таких кружек я нигде и никогда больше не видел...

Я, завуч Тартуской средней школы № 4, в любой момент из своего кабинета мог позвонить в Таллин, в Министерство образования, и получить консультацию у какого-либо специалиста, включая министра Эльзу Робертовну Гречкину.

Каждый знакомый мне эстонский чиновник системы образования был образцом служения делу, долгу и пример преданности детям. Мне доводилось встречать этих людей и в неформальной обстановке – на фуршетах, банкетах: и там они оставались такими же, прибавив к перечисленным качествам изрядную долю раскованности и обаяния.

Вернувшись в 1994 году в Ульяновск, я, с трудом преодолевая внутреннее напряжение, смотрю на чиновников от образования *отечественного разлива* (федеральных – по телевизору, местных – в непрестанно сменяемых залах заседания со скрипучей мебелью и отсутствием кондиционеров), слушаю их пустые, косноязычные речи. И думаю: что будет, если любого из них завести в школьный класс и оставить наедине с детьми? Да ничего не будет. Просто возникнет немая сцена, как в «Ревизоре» Гоголя, бесконечная *мхатовская пауза*...

Моя первая журнальная публикация состоялась в Эстонии. Дело было так. Поскольку *перестройка* предполагала *гласность*, то вдруг, как *грибы после дождя*, стали появляться новые печатные издания. Например, в июле 1986 года вышел первый номер журнала «Радуга» / «Vikerkaar». Я сразу заметил в газетных киосках новые обложки и стал читать (цена – 45 копеек). Выходные данные сообщали: «Литературно-художественный и общественно-политический ежемесячник ЦК ЛКСМ Эстонии и Союза писателей Эстонской ССР». Это был журнал-билингва, но все равно эстонскому языку предоставили больше прав: эстонских авторов переводили на русский и публиковали в «Радуге», а тексты на русском языке для журнала «Vikerkaar» никто и не думал переводить. Так что русскоязычный номер отнюдь не представлял собой зеркальную версию эстоноязычного, и наоборот.

У меня был готовый текст рассказа. Я его перепечатал и отослал по почте в Таллин. Недели через две позвонил в редакцию. Трубку взял завотделом русской прозы и поэзии Михаил Веллер (я в то время не знал, что есть такой писатель), сказал, что рассказ ему понравился, и обещал опубликовать. И действительно опубликовал в № 7 за 1988 год. Сразу за моим текстом, в *подборку*, шли рассказы Даниила Хармса из цикла «Случаи».

(Продолжение следует)

¹⁶ Берсерк – персонаж скандинавского эпоса, воин, находящийся постоянно или во время боя в состоянии «боевого безумия».

¹⁷ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М.: Гнозис; Издат. группа «Прогресс», 1992. – С 69.

Недавно у Людмилы Серзиной, члена Российского союза профессиональных литераторов, вышла книга «Встречи. Впечатления. Поэты». Автор поделилась своими воспоминаниями о встречах с коллегами и читателями в библиотеках, о литературных вечерах в доме поэтессы Елены Токарчук, о «четвергах» с Лилит Николаевной Козловой. Самое ценное в этой книге – эссе о поэтах, о замечательных ульяновцах.

Завершают сборник рассказы, миниатюры и стихи автора.

Предоставляем нашим читателям возможность познакомиться с очерками об ушедших поэтах (в отрывках) из книги Людмилы Серзиной.

Наталья Новицкая, Лилит Козлова, Алиса Половова

Страницы книги

ДРУЗЬЯ, ЗЕМЛЯКИ, СТИХОТВОРЦЫ.

*Любовь есть Бог,
а Бог – любовь, всё остальное – ложь!*

О творчестве Евгения Гранда (Белянина)

Евгений ГРАНД (Белянин) (1954–2017) – поэт, писатель-философ, художник, кузнец, композитор, автор и исполнитель песен. Член Российского союза профессиональных литераторов. Член ульяновского Центра славянской культуры, городского клуба поэтов, историко-патриотического клуба «Сокол», клуба «Лири» и пр. Автор проекта «Со мною вместе песенная Русь», проходившего в рамках программы краеведческого музея.

Он автор четырёх сборников стихов: «Цветок на снегу» (2003), «Пойдём со мной за горизонт» (2005), «В городе семи ветров» (2007), «К причастию любви» (2008), сборника прозы «Артём».

Выпустил около 50 дисков с песнями и литературно-музыкальными композициями самой разнообразной тематики, несколько дисков посвящено Великой Отечественной войне. Авторские встречи проводил в музеях, школах, библиотеках, детских домах, реабилитационных центрах города и области, а также в странах СНГ.

«Ниточка жизни нашей... Кому доверишь тайны её узелков, что переплетаются между собою в замысловатый узор судьбы? Тайны... души человеческой – любовь и ревность, надежды и сомнения, отчаяние и страх – самое сокровенное, что таится в океане чувств, только лишь в любящем сердце обращается в музыку слов, в Божественную мелодию поэзии. Только любящее сердце, исполненное Бога, откроет перед ближним и дальним родники души своей» – так писал Евгений Григорьевич, представляя читателям творчество ульяновской поэтессы Нины Климко, но всё это хочется повторить в адрес самого музыканта и поэта.

«Любовь есть Бог, а Бог – любовь, всё остальное – ложь!» – слова песни Е.Г. Гранда (Белянина),

по признанию всех, кто его знал, стали визитной карточкой поэта и певца. Правда этих слов – непреходящая и вечная, в ней заключается вся соль и мудрость жизни, а значит, его песням и стихам суждена долгая жизнь. Они будут будить и трогать сердца и души не одного поколения людей...

Нам, его друзьям и знакомым, до сих пор трудно поверить во внезапный уход этого статного и высокого, как былинный богатырь, человека, мудрого, доброго и талантливого... Его уход поверг в глубокий шок всех тех, кто его знал, любил и слышал.

Расхожее мнение, что незаменимых людей нет, хочется опровергнуть: никто не сможет заменить Женю, его ниша будет сиротливо пустовать

и напоминать нам, живущим, как умел он своим негромким, проникновенно тёплым голосом говорить о главном предназначении человека на земле, о смысле и истинных ценностях жизни. Как много он успел и как много ещё мог бы сказать, спеть...

Говоря о Жене, я хотела бы привести стихотворные строчки, которые он посвятил памяти поэта и журналиста Григория Матвеевича Медведевского и которые, я полагаю, в полной мере можно отнести и к самому Евгению Гранду:

Как слагалась строка из осколков мечты!

Как болела душа об Отчизне!..

Приходите, друзья, приносите цветы...

Нет, не смерти – бессмертью... и жизни!

А о себе, предчувствуя свой ранний уход, поэт написал пронзительно-щемящие строчки:

Я не ухожу, я остаюсь.

Пётр-привратник, отложи ключи,

Не хочу, чтоб в доме вашем

Поселилась грусть

В полумраке плачущей свечи...

Только над вечерней тишиной

Посвечу вам отблеском костра,

Прозвеню серебряной гитарною струной,

Буду петь до самого утра...

...Боль страны, горести и беды её народа Евгений Гранд ощущал как свою личную боль. Кто хоть раз слышал песню «Растерзанная Россия», не сможет забыть строк поэта, посвящённых Родине, не почувствовать всю горечь его переживаний:

Мне приснилась молодая

Женщина в расцвете лет,

Только в шрамах и седая,

Да в очах померкший свет.

Вперемежку с кровью, с пылью

По щеке текла слеза

Об отмщении просили

Изможденные глаза.

Взгляд растерзанной мессии

Описать я не берусь!

Я узнал её. Россия!

Матушка... Царица... Русь!

Какие горькие слова вырываются из раненой души поэта в минуты отчаяния:

Мать – Земля, ты сильна и убога,

У тебя нынче новая статья.

Я стою у святого порога

И не в силах слезы удержать.

Глянь на Русь – здесь юродивых много,

Только праведных в ней не сыскать.

Как рыцарь, как современный Дон Кихот, он сражается со злом посредством песен и стихов, срывая маски и показывая истинное лицо тех, кто мешает нам жить по законам чести, совести, добра – по Божьим заповедям:

В огне не бывает брода,

Цена тяжела, как ртуть,

Но вырвавшись на свободу,

Шагну на Млечный путь.

...К барьеру встаю я вновь

Во имя святого мира,

За веру и за любовь.

Как человек равнодушный, он не может миться с несправедливостью и вскрывает язвы современного общества:

...В слепой несправедливости великой,

Как прежде, вот он, этот человек,

Лукавый, лживый, алчный и двуликий,

Предательством живёт из века в век.

Не чтя святынь отеческого дома,

Ни Родины не помня, ни корней,

За серебро цены, давно знакомой,

Продаст он сердце матери своей.

Не пощадив ни свата и ни брата,

Под маской благородного лица

Меняет на монеты и дукаты

Клочок земли покойного отца...

...Видя несовершенство нашего мира, Евгений Гранд верил в Высшую справедливость и укреплял эту веру в нас, его слушателях.

Вновь на кресте распинается совесть.

Дьявол с подручными празднует бал.

И предсказаний сбывается повесть.

И неизбежен возмездья финал.

Глупые прихвостни вечных пороков –

Алчности, мести, лукавства и зла!

Если б вы знали, какие оброки

Жизнь с вас запросит за ваши дела!

...У Евгения Григорьевича записано несколько дисков с песнями о Великой Отечественной войне и об испытаниях, через которые прошёл наш народ. Многие из них посвящены ветеранам. Со словами благодарности музыкант обращается к тем, кто отвоювал право для людей жить под чистым и ясным небом.

Одним лишь словом не развеять беды,

И не снимаем мы своей вины.

Родное поколение победы,

Святое поколение Войны.

Поклон тебе всем миром многоликим

За те года, где в пепле и золе

На бой, на смерть, на подвиг тот великий

Вы шли во имя жизни на Земле.

Во имя нас, порою равнодушных

И к боли, и к годам, и к седине.

Во имя нас, веселых и нескучных,

Забывших о Великой той войне.

Поэт и музыкант безоговорочно верил, что многовековая мудрость нашего народа восторжествует, что на нашей земле победит разум и справедливость.

Не предадим мы славы дедов,

Земли отцов не предадим!

Мы отстоим свою Победу

И за cenой не постоим!

* * *

Отставить, братья, сантименты!

Стране побед неведом страх.

Взовьются праздничные ленты

На всех её семи ветрах.

Евгений Гранд истово верит в Святую Русь, в победу над тёмными силами и славит единство её народов:

Матушка Русь! Ты от Бога великая
Братством народов и духом людей.
Многоязычная и многоликая
Непобедима в дороге своей!!!

Пел поэт о вечных человеческих ценностях: о доброте, милосердии, любви, о смысле жизни, о родных и близких людях. Он искренне верил, что его жизнь, как и всякого другого человека, не напрасна.

Мне выдан жизни срок по чьей-то Высшей воле,
Моё в моей судьбе – лишь совесть, ум и честь.
«Сорняк» я – василёк или пшеница в поле...
Спасибо, жизнь, тебе, что я на свете есть!

ЛЮБВИ СИМФОНИЯ

Лидия ЕФРЕМОВА
(1951–2011)

Однажды она появилась на литературном «Четверге» Лилит Николаевны Козловой и с первых же минут покорила наши сердца. Поразила запахнутость её души. Едва познакомившись с нами, Лидия выплёскивала её до доньшка. Позже я поняла, что она, ощутив родную стихию, была так

рада этому, что не считала нужным таиться. И стихи её тоже были свидетельством доброй и открытой души.

Что утаила – потеряла,
Что отдала – приобрела,
И я на ключ не запираю
Души своей колокола.
И не напрасно сердце рвётся
На откровенный разговор,
Пусть в чьих-то струнах отзовётся
Его минор, его мажор.

В нашей среде Лидию Викторовну Ефремову приняли сразу, поняв, что это талантливый и открытый человек.

И я не прячу певчих птиц
За плотно запертую дверцу,
Чтоб в гладь линованных страниц
Вместить огонь души и сердца.

Так чего же так жаждала её душа? Куда она стремилась?

А душе не надо много:
Был бы свет её храним,
Не терялась бы дорога
В лабиринтах лет и зим.
А душе немного надо:
Шум берёзы под окном,
Гроздь рябин под снегопадом,
Солнце в небе голубом.

Лидия Викторовна смело открывала лицо на встречу всем житейским ветрам и, казалось, готова была к любым трудностям.

Трудись, душа. Твои труды не тщетны,
Оковы прочь, лети голубкой ввысь.
Учись гореть светло и беззаветно,
А встречных бурь и гроз не сторонись.

Конечно, в жизни немало трудностей. Поэтеса, не сдаваясь, шла своим путём. А ведь сила духа дана не каждому.

И порой, не ведая дороги,
Средь ухабов, множества камней
Разбиваю в кровь шальные ноги,
Не обдумав, как ступить верней.

Не раз, обжигаясь на своём пути, Лидия Викторовна продолжала идти по жизненной дороге, не ожесточаясь, не осторожничая. Встретив свою позднюю, хоть и неразделённую любовь, женщина не может отречься от неожиданно нахлынувших чувств, хотя щемит сердце и страдает душа.

Больно сердцу – пусть болит,
Ведь на то и сердце.
Пусть цветёт огнём зари,
Чтоб кому-то греться.
Пусть в душе и рай и ад...
Пусть – она живая.
Ей блаженство – в листопад
Рвать букеты мая.

Человек всегда стремится к счастью, но в этом мире ничего просто так не даётся. Лидия Викторовна Ефремова, говоря о счастье, верно подмечает, что счастье бывает разным.

Тёплым, ручным, словно кошка домашним,
Вечным бродягой, шальным, бесшабашным.
Болью души и бальзамом на сердце.

В счастье моём мне и зябнуть, и греться.
Жизнь свою она принимает со всеми её тревогами и печалью, украшая поэтическим даром.

Принимаю без ропота
Всё, как есть принимаю.
Для духовного опыта
Соль земную глотаю.
Спотыкаюсь и падаю,
Поднимаюсь и снова...
Боль считаю отрадой
И граню его слово.

Лидия Ефремова сама выстраивает свою жизнь и, отсекая всё лишнее, строит храм своей любви.

Я сама архитектор, ваятель
И свой храм воссоздам из обломков.
Не толкуй моих снов, толкователь,
Не нуждаюсь в пророческих толках.

А без этого поэт не мыслит своей жизни, ибо любовь для неё самое святое.

А кроме любви, ничего и нет.
Всё – прах, всё безжизненно, чёрство...
Истинен только немеркнувший свет
Любви, остальное – притворство.

....
Мне приоткрылась в тайну дверца
Вхожу в неё, приняв крещение,
Я через собственное сердце,
Как через пламя очищенья.

Поразительно тонко и точно умеет Лидия Викторовна находить слова для выражения своих чувств:

Свела черёмуха с ума –
Какая белая!
Не слушать вешние грома,
Нет, не сумела я...
Её снежинки-лепестки
Держу в ладони я,
И всё звучит оркестр тоски –
Любви симфония...

Как ёмко она выражает своё понимание любви
и её предназначение для человека!

Приходим мы и в свой уходим час,
Трещит Земля от этой круговерти.
Любовь же – слово, вписанное в нас,
Его не смыть ни времени, ни смерти.

И потому трогают строки, где поэт высказывает
сокровенное желание ощущать близость любимого
человека и после ухода из жизни.

Прорасту я рябиной, берёзой...
Будет буйным цветение в срок.
Пусть волнуют весенние грозы
Каждый ливнем омытый листок.
Ты приди. Соловиной весною,
Трепещи на ветру, буду ждать.

Пошепчись с молодой листвою,
Тонкий ствол обними и погладь.

Любви и нежности Лидии Ефремовой хватает
на всех, рождение дочки вызывает тихую радость:

Носик морщила курносый...
Моё сердце сладко билось.
И шептала я сквозь слёзы:

«Дочка, доченька родилась».

Она признаётся, что «выше радости, чем материнство»,
нет чувства в жизни женщины, и её сердце тревожится
от первого долгого расставания с сыном.

И удушливый, горький комок
Больно в горле сковал дыханье.

Повторяю, как заклинанье:

Мирной службы тебе, сынок.

Пусть не будет взведённым курок

Для стрельбы по живым мишеням,

Лишь условными будут сраженья.

Мирной службы тебе, сынок.

Родник любви и нежности к близким никогда
не иссякает в душе женщины и поэта, его хватает
на внуку.

И смотрю я в нежные черты,

И целую крохотные ручки,

И в душе все лучшие цветы

Распускают лепестки для внучки.

Поэт создаёт в своих стихах светлый и прекрасный
мир, её мотивы мелодичны. Весьма удаётся
Лидии Ефремовой пейзажная лирика. Природа у
неё – одушевленное существо и живёт в стихах как
самостоятельный лирический герой:

Гонит листья по двору

Ветер-озорник.

Вдруг разнёсся по ветру

Журавлиный крик.

Поражают очень точные сравнения: «я тебя так
люблю, как земля-снегопад». Осень в стихах Ефре-
мовой передаёт состояние её души.

Снова холодно. В городе осень.

Одиноко. Тоскливо. И дождь...

Может, не наяву это вовсе?

Может, снится рябин мокрых дрожь?

Может, взгляд мой туманят не слёзы,

А всего-то дождинки-вода?..

К природе обращается она и в минуты боли,
даже у полынь-травы просит сочувствия.

Сверну с дороги и – тропинкой в поле.

От неизбежных поисков устав,

Я опущу в полынь души мозоли.

Цвети, полынь, цвети, моя трава,

Приду я вновь к тебе. Куда мне деться?

И в твои пепельные кружева

Я уроню израненное сердце.

Но когда ликует и поёт душа поэта, то и при-
рода радуется вместе с ней.

Вспыхнули рябины. Осень жжёт костры.

Закружилось сердце с журавлиной песней.

До чего отрадны этих дней дары –

Для меня под небом нет поры чудесней.

Снял с волшебной скрипки мой сентябрь чехол.

Ах, какие звуки были в ней сокрыты!

Пригласила осень за роскошный стол,

Поднесла колдунья вин своих досыта.

Осень – особо любимое время года. Лидия об-
ращается к ней как к близкой подруге.

Осень, я люблю твои костры,

Пряный запах облетевших листьев.

Приглашай на все свои пиры

Пить вино неотвратимых истин.

* * *

Осень, милая осень,

Я с тобой погрущу.

И в бездонную просишь

Свою боль отпущу.

Мы с тобою подруги

До поры холодов.

Не студи же мне руки,

Не гаси моих снов.

Она осознаёт себя частью природы, живёт в
гармонии с ней.

Дурманят запахами травы.

Я упаду на их ковёр.

Июля жаркие забавы

Влекут в свой солнечный шатёр.

Войду в таинственное царство,

Коснусь крапивы невзначай...

Меня зачислят в своё братство

Хмель, колокольчик, иван-чай...

Поёт кузнечик вдохновенно,

Спешит к цветку трудяга-шмель.

Так лето тешит нас бессменно,

Крутя цветную карусель.

Лето у Лидии Ефремовой наделено челове-
ческими чувствами, о которых читатель узнает благо-
даря олицетворениям: способности страдать, гру-
стить, радоваться.

На свиданье с рыжим летом

Луговой плыву травую,

Дарит мне июль букеты

Загорелую рукою.

Жарко ластится к ладоням,
Щёк моих сгущая краски:
Ну давай с тобой утонем
В море грёз июльской сказки.

Любит поэт «обняться с ветром, неистовым и нежным», и сердце её «бьётся раненою птицей».

В лес Лидия Викторовна приходит за вдохновением:

Кто-то в лес приходит за грибами,
За цветами, травами, малиной...
Ну а я, представьте, – за стихами,
С полным сердцем чувств, а не с корзиной.

* * *

Люблю напиться сини,
Небесной, родниковой.
Люблю мою Россию
Со взглядом васильковым.
Люблю гармошки пенье
С игривым переливом,
Хмельное откровенье
Есенинских мотивов.

Правила, выстраданные ею за долгую и трудную жизнь, Лидия Ефремова передаёт в строчках, которые звучат наказом всем нам, живущим на земле:

Нет! Невозможно сердце обмануть,
Что видишь сердцем, не узреть глазами.
Храни любви божественную суть,
Молись её высокими словами.
Сумей души в пути не утомить:
Надежда посох даст, а вера – латы.
Ну а мечта поможет воспарить,
Ведь только с ней мы истинно крылаты.

ЗВЕНИТ НАПЕВ ЗЕМЛИ И НЕБА...

Наталья НОВИЦКАЯ (1938–2012)

Милая, тихая интеллигентная женщина. Она работала экскурсоводом в Ульяновском бюро путешествий и экскурсий двадцать пять лет, была руководителем маршрута на теплоходе «Иван Крылов» и методистом на теплоходе «Георгий Димитров». Наталья Сергеевна писала очень тёплые статьи об истории старых улиц и домов, о людях нашего города, а также печатала стихи в журналах «Карамзинский сад» и «Мономах», в газетах «Аглая», «Симбирский курьер», «Ульяновская правда» и других изданиях города.

Наталья Сергеевна писала картины маслом, у неё были персональные выставки в нашем городе. Она, обладая чистым и красивым голосом, принимала активное участие в работе оперной студии при ДК «Губернаторский», которой руководила Р.И. Поспелова, и часто выступала с коллективом на площадках города и области. А ещё писала стихи, выпустила четыре поэтических сборника: «Одинокая синица», «Радуга души», «Грани любви» и «Звуки жизни», от которых, как и от её картин, исходят добро, тепло и свет... Она была членом Российского союза профессиональных литераторов.

За свои 74 года Наталья Новицкая прожила несколько жизней: экскурсовода, поэта, писателя, ху-

дожника, певицы... Была любящей женой, матерью сына Александра и дочери Татьяны, бабушкой семерых внуков.

В стихах о Родине воспевала любовь к ней.

Родина моя! Поля и горы,
Гордые леса и ширь степей,
Птичьи голоса, небесные просторы
И облака как стаи лебедей.
Родина моя! Рассвет над Волгой,
Долгие прогулки по Венцу...

Её вера в Россию была неизбывной и неподдельной.

Держись, Отчизна дорогая!
Народ мой стойко вынесет борьбу.
Звезда твоя над миром воссияет,
Благословляя радостно судьбу.

Наталья с детства любила и понимала природу, обращалась к ней за помощью, как к близким.

Друзьями мне были деревья и травы,
Я им доверяла себя.
А книги мне были как старшие братья,
По лестнице жизни ведя.

Замечала Наталья Новицкая и радующую её душу ромашку.

Солнечные капли покрывают луг.
Белые ромашки улыбнулись вдруг.
Нежные, простые, чистые глаза,
Так тепло на сердце, на душе слеза.
Слёзы умиления, радости восторг.
Белые ромашки... Кто придумать мог?

Она жила, радостно воспринимая звуки окружающей природы.

Люблю грозу, раскаты грома.
Деревья в радости замрут,
А капли дождевые звонко
Весёлым вальсом запоют.
Звенит напев земли и неба,
Танцует ветер по воде.
А тополиные оркестры
Гремят о жизни и судьбе.

Для образного описания осени она использует метафоры и эпитеты. Особенно ей удаются олицетворения.

Лижет мокрым своим языком
Дождь асфальтовые бумажки
И бежит за ним босиком
Лист берёзовый в жёлтой рубашке.
А за ним золочёной короной,
Распластавшись на тёмной воде,
Важно движется лист кленовый,
Вспоминая о летней поре.

И за каждый прожитый день жизни поэт благодарит всех святых и ангела-хранителя.

А пока я живу этим днём золотым,
Наслаждаюсь природой, благодарна святым.
Благодарна я Ангелу рядом с собой,
Что ведёт меня тропкой к вершине крутой.

Наталье Сергеевне были очень дороги воспоминания об отце, его трудной жизни: «Я помню его большие, тёплые руки, которые нежно гладили меня по голове, когда в детстве я падала или болела. Я сидела у него на коленях, а он меня успокаивал. Прижимаясь к его груди, я успокаивалась. Он был самый справедливый, самый сильный. Отец

мог посадить меня к себе на плечи и нести. Меня переполняла гордость за себя и за него. В белой парусиновой фуражке, таких же брюках и сетчатой, тоже белой тенниске, он казался мне огромным ангелом. И мы парили в воздухе! Мой папа дарил мне огромную радость и уверенность в том, что со мной ничего не случится».

Воспоминания о 1940–1950-х годах в рассказе «Я жила в Зелёном переулке» очень лиричны и полны исторической достоверности. Наталья Новицкая пишет о людях, живших в то время и ставших впоследствии известными в нашем городе.

С детства привыкла она делиться своей любовью с окружающими. И верила, что полнота жизни будет у человека только тогда, когда он любит.

Пока люблю, я буду жить,
Вдыхать цветочный аромат,
Под небом медленно кружить,
Багряный проводив закат.
Пока люблю, я буду петь
О ясных звёздах в небесах.
На яркий свет луны смотреть,
Блеснувший у тебя в глазах.

В рассказе «Отголоски юности» она написала: «Человек рождается для любви. Он живёт ради любви. Любовь – и грусть, и радость. Она возвышает и роняет, обжигает и леденит. Победы, подвиги, смерти – всё было из-за любви. Полюбив, человек становится талантлив, Он пишет стихи, сочиняет песни, рисует».

О любви – венце человеческой жизни – Наталья мечтала всегда. Прожив большую, счастливую жизнь в браке, она обращается к любимому:

Розовые пёрышки утренней зари.
Дорогой, любимый, счастье подари.
Ласковой улыбкой душу мне согрей,
И больное сердце, сердце пожалей.
Назови красивой, милой и родной,
Будь со мной смелее, сердце приоткрой.

Философски мудро звучат строки Натальи Новицкой о сути любви:

Природа жертве учит век от века:
Вот талые снега на нет сошли,
Чтоб стать глотком для тонкого побега.
Деревья тяжелеют: отцвели –
Излить в плоды все соки от земли.

Поэт знает, что на жизненном пути человека ожидают препятствия, которые ему предстоит преодолевать:

Дорога жизни камениста,
Споткнёшься или упадёшь,
Но хорошо, что встанешь быстро
И вновь идёшь, идёшь, идёшь,
То радость встретишь, то обиду,
То руку друга, то обман
И пишешь, пишешь до кончины
Ты собственный большой роман.

Несколько лет Наталья Сергеевна боролась с тяжёлой болезнью. За эти годы она научилась ценить жизнь и быть благодарной за каждый прожитый день.

Но чудо, чудо совершилось!
И вот уже в который раз
Спасает Ангел от могилы,
Дарует свет, дарует силы,
Дарует встреч счастливый час.

* * *

Ни о чём не жалею, не плачу,
Что мой груз тяжелее стал.
Знаю, искры души не истрочу:
Опыт жизни я детям отдам.
Пусть берут они доброе слово,
Мысли ёмкие и дела,
И услышу от них я снова:
«Жизнь твоя не напрасной была».
Для поэта стихи – это:
Крик души и биение сердца,
Ароматов тонкая нить,
Возвышение на ступеньку,
Чтобы чувствовать,
видеть
и жить.

По мнению Натальи Сергеевны, «Лишь тот становится поэтом, / В ком сердце пламенем горит...»
Размышляя о сути бытия, Наталья Сергеевна написала слова своей «Молитвы»:

Господи, прости грехи земные,
Иногда не ведая творим...
Вычеркни из жизни дни пустые –
Те, когда с Тобой не говорим!
Господи, Ты сверху видишь,
Кто зашёл в глухие тупики.
Знаю, что его Ты не обидишь,
Злую участь дальше отведи.

УЛЬЯНОВСК – ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД ЮНЕСКО

Подробности всех новостей
на сайте программы
«Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО»
<http://ulyanovskcreativecity.ru>

72 СКАЗКИ СИМБИРСКОГО СКАЗОЧНИКА АВРАМИЯ НОВОПОЛЬЦЕВА ТЕПЕРЬ ДОСТУПНЫ И НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Село Яшное Помряскино Старомайского района Ульяновской области славится своим земляком, сказочником из простого народа Авраамием Новопольцевым. Новопольцев был безземельным крестьянином, работал пастухом, любил побалагурить и рассказывать сказки, за что его ласково прозвали дедом Аврамом.

На сегодняшний день Авраам Новопольцев считается самым известным сказочником XIX века, его относят к типу сказочников-балагуров: он наполнял свои сказки шутками и даже серьезным ситуациям придавал комический харак-

тер, умело пользовался зарифмованными присказками и рифмовал даже описательные сцены. Мастерство сказочника проявилось и в богатом словарном запасе, и в динамичном просторечном повествовании.

Благодаря трудолюбию и активности переводческого центра программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» все 72 сказки деда Аврама были переведены на английский язык, а значит в скором времени эти удивительные сказки будут известны не только в России, но и в других странах.

17 ИЮНЯ ПО ГОРОДУ ПРОЕХАЛ «ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТРАМВАЙ»

17 июня по Ульяновску в седьмой раз проехал традиционный ночной «Литературный трамвай». Тур был организован дирекцией программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» и «Ульяновскэлектротранс» при технической поддержке «Ночной мэрии» и GraniClub.

Пассажиры специального рейса смогли услышать стихотворения и песни современных ульяновских авторов в исполнении известных людей города и самих авторов.

В этом году свои тексты для тура предоставили как мэтры, так и молодые поэты. Прозвучали произведения Бориса Улендеева, Александра Дашко, Валерия Ерёмина, Юрия Куриловича, Артёма Даллакяна, Раисы Кашкировой, Галины Медиковой, Полины Николаевой, Яны Soulstamina, Анастасии Макаровой, Анастасии Мироновой, Марии Богдан, Влады Митрофановой, Любове Васюковой и Анны Васюковой.

ДЕНЬ И.А. ГОНЧАРОВА

18 июня в уютном кафе Tramcoffee состоялось мероприятие, посвященное празднованию 210-летия со дня рождения нашего великого земляка, писателя Ивана Александровича Гончарова.

В рамках встречи состоялась читка фрагмента «Сон Обломова» из романа «Обломов», где главный герой романа вспоминает о своем беззаботном детстве в родных краях. После прочтения отрывка из романа состоялся мастер-класс «Лоскутная лошадка» от Натальи Лядовой, на котором гости мероприятия смогли проявить свои творческие способности.

«КНИЖНЫЙ КЛУБ» ПРОГРАММЫ «УЛЬЯНОВСК – ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД ЮНЕСКО»

24 июня на открытой веранде музея «Симбирские типографии» состоялась встреча литературного клуба программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО». Клуб начал функционировать совсем недавно, но эти тематические встречи уже вызвали интерес. На прошедшей встрече участники читали тексты Чехова, Гессе, Куприна, Чарльза Диккенса, Анны Ахматовой и Роберта Рождественского.

Чтобы не пропустить следующую встречу книжного клуба, следите за анонсами в нашей группе «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» в соцсети «ВКонтакте».

ПУШКИН НА ВСЕ ВРЕМЕНА

В рамках VII городского фестиваля «Пушкин в городе У.», посвященного 223-й годовщине со дня рождения великого поэта Александра Сергеевича Пушкина, 6 июня 2022 года на площадке Coffee Lab любители поэзии в формате открытого микрофона читали стихи: «Во глубине сибирских руд», «Пророк», «Если жизнь тебя обманет», «Черная шаль», также звучали отрывки из поэмы «Руслан и Людмила», отрывки из романа в стихах «Евгений Онегин». Также прозвучал отрывок из «Сказки о царе Салтане...», со дня первого издания которой исполнилось 190 лет. Студенты Ульяновского государственного университета читали стихи Пушкина не только на русском, но и на французском, немецком и английском языках.

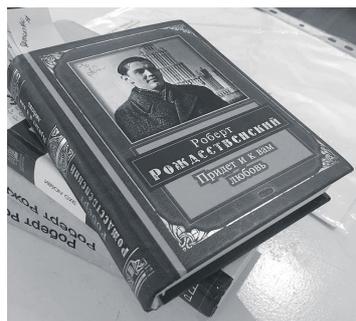
В завершение вечера посетителям Coffee Lab был предложен просмотр кинофильма «Дубровский» по одноименному произведению Александра Сергеевича Пушкина.

ДЕНЬ ПАМЯТИ РОБЕРТА РОЖДЕСТВЕНСКОГО

20 июня в креативном пространстве «Квартал» дирекция программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» провела мероприятие, посвященное 90-летию юбилею поэта Роберта Рождественского.

Любители творчества поэта поделились интересными фактами из его биографии, прочитали его стихотворения и даже спели песни. В творческом

наследии поэта-песенника Роберта Рождественского множество композиций, которые в свое время стали хитами и до сих пор звучат на концертах и в кинофильмах.

Все гости мероприятия отметили, какая чувствуется сила, уникальность и поразительная атмосфера в стихах Рождественского.

ИЮНЬСКАЯ ВСТРЕЧА В РАМКАХ ПРОЕКТА «УДИВИТЕЛЬНЫЙ МИР»

28 июня в рамках благотворительного просветительского проекта «Удивительный мир» воспитанники Детского дома «Соловьиная роща» посетили мастерскую архитектуры и дизайна ЭроFamilyGroup. Ребята познакомились с создателем и владелицей мастерской Мариной Эро.

Марина рассказала ребятам о своем жизненном пути и творческом развитии. Юные слушатели узнали не только о креативных идеях в дизайне одежды и интерьера, но и о том, как сформировать свой стиль, как самостоятельно создать и продвигать свой бизнес, а также о том, как принимать решения в непростых ситуациях.

Второй частью мероприятия стала онлайн-встреча ребят со свободным художником Анатолием Ашаковым. Анатолий рассказал о своем становлении, а также о таком направлении в изобрази-

тельном искусстве, как авангард. Воодушевленные встречей, ребята посетили 29 июня арт-мастерскую Анатолия и лично пообщались с ним на туристической базе «Русский берег», вживую увидели работы художника-авангардиста.

СВЕЖИЙ ВЫПУСК РУБРИКИ «КНИЖНАЯ ПОЛКА ГОРОДОВ ЮНЕСКО»: ЦВЕТОЧНОЕ НАСТРОЕНИЕ НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ. АНДРЕ МОРУА

«Книжная полка городов ЮНЕСКО» – проект дирекции программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО», направленный на знакомство с авторами из городов ЮНЕСКО разных уголков земли и с многогранными произведениями, которые взволновали не одно поколение читателей.

Начитанный человек – собеседник интересный, но какие книги он выбирал на книжной полке, чтобы развить в себе эти качества? Вопрос, конечно, риторический, но мы поможем узнать об избранных книгах, о каждой по очереди.

В свежем выпуске пресс-секретарь программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» Полина Николаева, рассказала о писателе Андре Моруа и его новелле «Фиалки по средам».

Подготовила Полина Николаева

Михаил СУДАРЕВ (1922–1995)

2 августа. 100 лет со дня рождения журналиста, краеведа Михаила Сергеевича Сударева (02.08.1922, с. Старая Бесовка, ныне Новомалыклинского р-на Ульяновской обл. – 23.11.1995, г. Барыш Ульяновской обл.). В 1950-х гг. жил в Мелекесе (ныне г. Димитровград); трудился заведующим клубом в посёлке Старый Салаван (ныне р.п. Новочеремшанск). Автор краеведческого издания «Страницы истории: 175 лет Мулловской суконной фабрики» (1963). Член союза журналистов СССР (1964). Жил в селе Жадовка и в Барыше, работал в газете «Ленинский путь». Окончил историко-филологический факультет Мордовского университета им. Н.П. Огарёва (1972). Работал над книгой «Языковские были» (осталась неизданной).

Корнелия СТАРОДУБ (1932–2021)

2 августа. 90 лет назад родилась музейный работник, литератор Корнелия Вячеславовна Стародуб (02.08.1932, г. Москва – 07.04.2021, там же). Внучка мелекесского пивовара В.Я. Богутинского. Окончила филологический факультет МГУ (1956). Более 20 лет занималась проведением экскурсий по Москве, в основном по литературной тематике. Была редактором издательства «Московский рабочий», заведовала «Домом Аксаковых» и «Музеем-квартирой А.В. Луначарского». Автор книг «Я люблю этот город вязевый...» (1990), «Литературная Москва» (1997), «Власть места» (2014), «Семейный альбом поры Серебряного века» (2017) и др. В 1967 году приезжала в Мелекес (Димитровград), «чтобы всё увидеть своими глазами».

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ ПОРЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА (отрывок из книги)

Итак, бушующая революцией Россия. 1918-й год. Неожиданная командировка юной машинистки в штаб Восточного фронта Красной армии, которая рождала у неё надежду увидеть родные места и повидать родных. К моменту маминого приезда в Симбирск в семье Богутинских-Чацких в Мелекесе произошли следующие события. В Поволжье находились пленные австро-венгры, в основном чехи, захваченные в Первую мировую войну. Были они и в Мелекесе. Второй муж Корнелии Нарциссовны – отчим моей матери – Антон Мартынович Чацкий, так же, как и мой дед Вацлав Богутинский, был чехом и австро-венгерским подданным, за что и отсидел, как я уже писала ранее, в тюрьме несколько недель или месяцев в 1914 году, после чего принял русское подданство, равно как и все дети в семье, за исключением двух сыновей – Эдуарда и Владислава.

Чехи приходили к Антону Мартыновичу как к хозяину пивоваренного завода и пили прекрасное, славившееся в этих местах, сваренное по лучшим чешским рецептам пиво. Он был первоклассным специалистом-пивоваром, выпускником Пражской пивоваренной академии. Естественно, что между пленными чехами и Чацким возникли и какие-то приятельские отношения. Чехословацкий корпус с разрешения большевистских властей эвакуировался из мест, где уже шла Гражданская война, на восток. Вдруг корпус восстал. Чехи требовали того, чтобы их свободно пропустили с необходимым оружием на восток, чтобы затем через Владивосток уехать из России. Возникла драматическая ситуация. В «Московских новостях» (№28, 12 июля 1992) в статье доктора исторических наук Генриха Иоффе опубликована выдержка из приказа наркома по

военным делам Л. Троцкого: «Военный комиссариат издал распоряжение о немедленном и безусловном разоружении чехословаков и о расстреле тех из них, которые с оружием в руках будут противиться мероприятиям Советской власти... С Урала и Центральной России и из Сибири двинуто достаточное количество войска для того, чтобы сокрушить мятежников».

Белочехи пробыли в Мелекесе с 18 июля по 6 октября 1918 года – почти три месяца. Они установили власть Комуча – контрреволюционного правительства. 6 октября в Мелекес вошли части Правой группы войск Пятой армии Восточного фронта Красной армии.

Естественно, что семья Богутинских-Чацких, с многочисленными чадами и домочадцами, не могла бы оставаться в Мелекесе после ухода чехословацкого корпуса. Они это прекрасно понимали и бежали с чехословацким корпусом, стремительно собравшись: ситуация была такова, что решение надо было принять мгновенно. Они не ошиблись в своих худших предположениях: после их отъезда дом был разграблен, хрустальные люстры и зеркала изрешечены пулями, домашняя собака – фокстерьер Мазепка – застрелена. Судьба дома и завода, огромного сада с розарием, «гигантскими шагами», теннисной площадкой и прочими затеями была печальна. Также уничтожены были конюшня и другие постройки.

На этом месте впоследствии были поставлены обычные одноэтажные дома-пятистенки с делянками, засаженными картошкой. Я видела этот унылый пейзаж в 1967 году, когда специально посетила эти места с целью сопоставить их реальный современный вид с рассказами, слышанными мной от мамы ещё в детстве.

С этим временем в биографии мамы связан один таинственный факт. У нас в альбоме хранится её фотография с надписью на обороте, которую она никогда не комментировала: «От ЛБ. Мелекес. 25.05.1918 старого стиля» и тут же стихотворение неизвестного автора, говорящее о потере и несчастье. ЛБ – это её монограмма. Кому ею была подарена эта фотография и почему она опять оказалась у мамы? О какой потере идёт речь в стихах? И, главное, – дата. Ведь 25 мая именно старого стиля в 1918 году – её день рождения, когда ей исполнилось 20 лет. Почему в скобках стёрто какое-то слово? Что значит это стихотворение, начинающееся словами:

*Мне места не было за праздничным столом,
Но посылая мне невзгоды и лишения...*

Не означает ли всё это, что она тайно отлучилась из Симбирска, из штаба Восточного фронта, где в этот период работала как военнообязанная, и посетила Мелекес? Мы только можем теряться в догадках, но правильный ответ вряд ли найдём.

Михаил ПОПОВ (р. 1947)

2 августа. 75-летний юбилей отмечает писатель Михаил Константинович Попов (р. 02.08.1947, д. Пертема Онежского р-на Архангельской обл.). Окончил Ленинградский университет (1972). Автор книг прозы «Финиш за чертой горизонта» (1984), «Ребята с Зайдаровской улицы» (1987), «Последний патрон» (1991), «Золотой ларец» (1992), «Мужские сны на берегу океана» (1997), «Трепет твоих губ» (2000), «Посох уходящего странника» (2009) и др. Лауреат Всероссийской литературной премии, посвящённой 200-летию юбилею И.А. Гончарова, за роман «Свиток» (2007). Приезжал в Ульяновск на праздник И.А. Гончарова в июне 2007 и 2012 гг. Член Союза писателей России. Живёт в Архангельске.

СВИТОК (отрывок из романа)

Вынужденная стоянка крейсера «Комет» длится вторую неделю. Штаб русских разрешения на продолжение похода не даёт. Причина – циклон и как следствие, – тяжёлая ледовая обстановка. Русские не лукавят. Метеосводки, получаемые с самолётов-разведчиков люфтваффе, подтверждают эти сведения.

Русские лоцманы большей частью сидят по каютам, дожидаясь очередного выхода на связь, но иногда по очереди выходят с биноклями на бак. Их появление вызывает прилив желчи у корветтен-капитана Гишенбета. Он мрачно поглядывает из окна рубки:

– Ведут себя как хозяева.

– А они и есть хозяева, – снисходительно улыбаясь, говорит командир корабля Роберт Эйссен. – Это их воды. Во всяком случае – пока. А у нас с ними пакт.

Эйссен отпивает из тонкого хрустального стакана бордо и рассматривает его на свет. Подвалы Марны и Луары теперь в распоряжении вермахта. Отныне немецкие солдаты ежедневно выпивают по стаканчику доброго французского вина. А уж офицеры Кригсмарине да идущие на специальное задание получают в своё распоряжение самые дорогие и выдержанные марки. Таков закон войны, хоть это и не нравится отдельным гальским петушкам. Роберт Эйссен отдаёт предпочтение бордо. Тонкий породистый нос его трепещет, оценивая винный букет. Процесс исследования, похоже, помогают вести и холёная профессорская борода, обрамляющая лицо. Во всяком случае усы в этом священнодействии наверняка участвуют. Они, как радиолокаторы, улавливают все запахи и оттенки. А уж когда Эйссен делает очередную глоток, преображается всё его лицо. Синие глаза лучатся. В седеющей

бородке плавают блаженная улыбка. Он увлечённо и даже самозабвенно перекачивает вино во рту, лаская бархатистой терпкостью все свои рецепторы и альвеолы, но при этом нити разговора не теряет:

– А потом, чего вы волнуетесь, Иозеф? Русские выполняют наш совместный договор, обеспечивают безопасность нашей проводки. И мы с вами пройдем-таки по этому Нордише зеевег... Как это по-русски?

– Северни морско пут, – на ломанном русском бурчит корветтен-капитан.

– О! – Роберт Эйсен поднимает указательный палец. – Вы и здесь делаете успехи, Иозеф! Bravo! Bravo! – И без перехода спрашивает: – А в данном случае что вам больше помогает: ваша феноменальная зрительная память или слух?

Корветтен-капитан, кажется, ничуть не польщён похвалой старшего:

– И то и другое...

– Хотел бы я обладать хотя бы одним...

– Это не так уж сложно. Надо сосредоточиться и тренироваться. Разумеется, регулярно и помногу. Впрочем, семь-восемь уроков – и наверняка появятся ощутимые результаты.

– Ловлю вас на слове: поступаю к вам в ученики.

– С одним условием, герр капитан.

– Каким, мой друг?

– Разрешите вылететь на авиаразведку.

– Помилуйте, корветтен-капитан, – морщится Эйсен. – Вы опять за своё! Да взгляните же за борт. Нас тащат льды. Мы дрейфуем, стоя на якорях. Видимость временами почти на нуле. А вы...

Корветтен-капитан хрустит суставами пальцев, этот треск не могут заглушить даже посвисты ветра и скрип льда. Эйсен с опасливой жалостью смотрит на подчинённого. Мозговая работа корветтен-капитана, его нечеловеческая память, которой он фиксирует секретные карты, съедает, видимо, все его жизненные ресурсы. Оттого он столь художав и тщедушен, оттого столь бескровно и бледно его лицо. Отпустить его на разведку? Нет! Этот фотографический аппарат на двуноге требуется Эйсену до конца похода, и рисковать им он не намерен.

– Вы слышали историю барона фон Штайна? – не столько спрашивает, сколько напоминает Эйсен. – Один из лучших асов разведэскадрильи полковника Ровеля. Пилотировал «Хейнкель-111». А «Хейнкель-111» не чета нашему бортовому «Арадо». Тем более тот, на котором летал фон Штайн. Одни дополнительные баки чего стоят... И что же?

Эйсен делает большой глоток, на сей раз забыв покатавать вино во рту:

– Был барон фон Штайн и нет больше барона... Пропал. Здесь, в Арктике. – Опорожненный стакан Эйсен ставит в углубление штурманского столика. – Вас устраивает такой финал?

Илья ТУКТАШ (1907–1957)

3 августа. 115 лет назад родился чувашский поэт, прозаик, переводчик Илья Семёнович Тукташ, настоящая фамилия – Семёнов (03.08.1907, д. Большие Токташи Курмышского у. Симбирской губ., ныне Аликовского р-на Чувашии – 20.01.1957, г. Чебоксары). Член Союза писателей СССР (1934). Не раз бывал проездом в Ульяновской области. Работал в Чувашском книжном издательстве, Чувашском НИИ языка, литературы и истории. Автор книг «Стихи» (1930), «Павел Лаптев, Герой Советского Союза» (1944), «Чёрная кошка» (1944), «Иван Поляков» (1945), «Солнце» (1947), «Мой петушок» (1957) и др. Перевёл на чувашский язык «Слово о полку Игореве». Его стихотворение «Песня о Родине» стала гимном Чувашской Республики (1992).

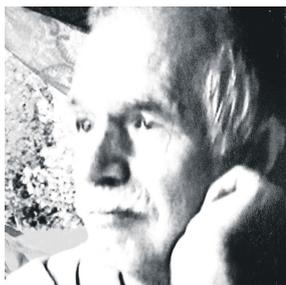
ПЕСНЯ О РОДИНЕ (гимн Чувашской Республики)

Когда весны высокий свод
Лучи живые щедро льёт, -
На добрый лад судьбу верша,
О крае родном поёт душа.

Поклон тебе, о Родина,
Красавица на все времена.
Поклон тебе, о Родина,
Да славится родная страна!

Отцам на смену выйдя в путь,
Ты, юность, им опорой будь.
На добрый лад судьбу верша,
О жизни большой поёт душа.

Народ народу – друг и брат,
Отныне и чуваш крылат.
На добрый лад судьбу верша,
О силе людской поёт душа.

Валерий КРЫЛОВ (1947–2011)

3 августа. 75 лет со дня рождения поэта, журналиста Валерия Васильевича Крылова (03.08.1947, станция Карабулак Базарно-Карабулакского р-на Саратовской обл. – 28.03.2011, г. Ульяновск). По образованию – радиоинженер. Работал на Ульяновском авиационно-промышленном комплексе; был корреспондентом многотиражной газеты «Старт», где печатал эротические стихи. Публиковался в газетах «Симбирский курьер», «Открытая газета», «Ульяновская неделя», «Ульяновская правда». Был депутатом Ульяновского городского совета. В 2000-х гг. трудился индивидуальным предпринимателем в сфере информационных услуг. Автор поэтического сборника «Мир за моим окном» (2013).

АСЯ

Звуки уличные гасит
Дождь, мурлыкая в стекло...
Я тайком смотрю на Асю,
Мне уютно и тепло.

Нерасказанную сказку
Непрочитанных страниц,
Нерастраченную ласку
Вижу в обруче ресниц.

Мягкость дочери крестьянской
Сквозь века отозвалась,
Тень покорности армянской
С грустью севера слилась.

Сквозь твоё златоволосье
Входит солнце в берега,
Руки – спелые колосья,
Две опоры очага.

Чернь родимых пятен стынет
Вдруг скатившейся слезой...
Счастлив тот, кого обнимет
Ася нежною лозой.

Неделимой и нетленной
С дореликтовых времён,
Параллельною вселенной
Я с тобою разделён.

Не спеши, на одночасье
Задержи свой бег, Хронос,
Положи кусочек счастья
На границу двух полов.

Яркой капелькою брызни,
Озари пути окрест...
Но, увы, в свободной жизни
Нет для нас свободных мест.

Стою уверенно на том,
Пусть эта истина не нова:
Есть в каждом семени земном
Моё неизданное слово.

Придёт тем семенам черёд,
Ростки проклюнутся покорно,
А жизнь сама переберёт
Плоды на плевела и зёрна.

Меня кольнула спозаранку
Мысль, до обидного простая:
Россия – рыбка золотая,
Засушенная на таранку.

За все земные георгины и мимозы,
И даже эликсира жизни склянку
Не променяю «Мономах» из целлюлозы
На золотую царскую ушанку.

Дмитрий ГОРЧАКОВ (1857–1902)

165 лет назад родился журналист, историк, литератор Дмитрий Александрович Горчаков (1857, г. Тамбов – 28.09.1902, г. Симбирск). Коллежский советник. За политические убеждения был отстранён от учительской деятельности. Служил в Саратовском земстве, много печатался в саратовских газетах. В 1897 году переехал в Симбирск. Был секретарём Симбирского губернского статистического комитета. Редактор неофициальной части газеты «Симбирские губернские ведомости», выходящей отдельным изданием. Публиковал в газете популярные народные рассказы. Редактировал памятные книги и адресные календари Симбирской губернии (1901, 1902). Похоронен на кладбище Покровского монастыря.

Алексей АВГАНОВ (р. 1947)

5 августа. 75-летний юбилей отмечает путешественник, писатель Алексей Амиршоевич Авганов (р. 05.08.1947, погранзастава Саригор Хатлонской обл. Таджикской ССР). Член Союза писателей России. Окончил политехнический институт в Душанбе, работал инженером-строителем. Жил в Хорого, Ташкенте, Свердловске, Москве, Казахстане, Рязани. В 2010-м прошёл пешком около 3500 км от Рязани до Душанбе; в апреле был проездом в Ульяновске; издал книгу «Как я прошёл этим летом...» (2012), в которой описал впечатления о городе. Автор поэтического сборника «Исповедь мигранта» (2012), книг прозы «Как я пытался стать русским, или Таджики навсегда» (2015), «Дважды эмигрант Советского Союза» (2017) и др.

КАК Я ПРОШЁЛ ЭТИМ ЛЕТОМ... (отрывок из книги)

Мне позвонили из посольства в Москве и дали номер телефона председателя ульяновской таджикской диаспоры. Его имя – Хайрулло. Я вошёл в Ульяновск со стороны Мордовии. На въезде в город, как и положено, – круг, столб с гербом и надпись, название города огромными буквами. Я позвонил, меня попросили подождать на въезде в город, около вещевого рынка, рядом был пост ГАИ. Я снял рюкзак и стоял, ожидая встречающих. Подошёл милиционер-гаишник, вежливо попросил показать документы и, проверив, отошёл. Вскоре появился молодой, чисто и красиво одетый парень – встречающий, потом подъехал джип, и меня сопроводили к центральному рынку. На рынке я вошёл за моим сопровождающим в кафе.

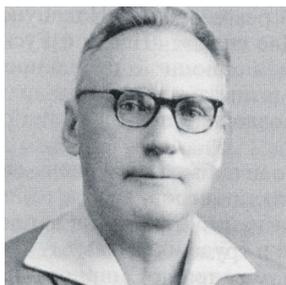
Внутри было чисто и красиво. Навстречу мне поднялись двое: один высокий, сухощавый, в костюме и галстук, представился – Хайрулло. Второй, высокий полный парень узбекского типа, назвался Ибрагимом. Сели, попили чаю, поболтали. За нашим столом сидел ещё один – седой, красивый мужчина очень ухоженного вида, с хорошим перстнем на руке. В беседе выяснилось, что наши, ульяновские таджики дружат с местными азербайджанцами и это их лидер, личный друг Хайрулло. Меня приняли очень радушно, сразу видно было, что земляки действительно рады мне и интересуются моим походом от души. Ибрагим, как я выяснил, узбек, родившийся и всю жизнь проживший в Душанбе. Кафе возглавляет он, это как бы штаб таджиков Ульяновска! Мы сидели очень долго, меня покормили, и мы о многом поговорили. Постоянно подходили и уходили ребята-таджики. Мне было очень хорошо среди земляков, родного говора и родных лиц! Ибрагим пригласил меня переночевать у него, и я согласился. Вообще-то самой главной ежедневной причиной для беспокойства в пути для меня был вопрос ночлега. Есть во время ходьбы не очень хочется, а если проходишь за день несколько десятков километров, то и вечером на еду особо не тянет. В обед, если крепко поешь, идти невозможно, тяжело, отрыжка мучает. Я под воздействием обстоятельств и накапливающегося с каждым новым шагом опыта вывел такую закономерность: завтрак должен быть очень лёгким, в обед надо съесть мало и калорийное, вечером сразу по приходе есть не хочется, но отдохнёшь и надо поесть что-то существоющее. Иначе оголодаешь и сил не останется на дорогу...

Дом Ибрагима небольшой, расположен он на

улице, полностью застроенной частными домами. Привёз нас туда парень-таджик на собственном джипе. Во дворе нас встретила настоящая таджикская собака. Дом был устроен, как принято у нас в Таджикистане. Сели за дастархан. Сидели на полу, как принято у нас на Востоке (я не говорю дома, чтобы не запутать моих читателей не таджиков, ведь и Россия, как мы выяснили, тоже мой дом). Вместо стульев – подушки под спину. Ибрагим вынес младшего из детей, те, которые побольше, вышли сами. Обсуждать красоту женщин (жён) на Востоке не принято, поэтому я опушу эту тему. Поговорили от души, перед едой и во время встречи. Один из ребят, присутствовавших на ужине, выходил молиться. Мусульманин, правоверный мусульманин, обязан молиться пять раз в день.

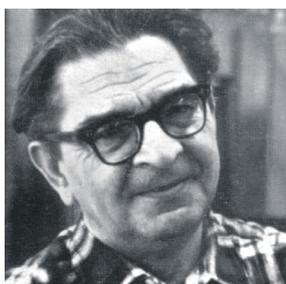
Из беседы я узнал, что мама Ибрагима, да благословит Всевышний его дом, недавно совершила хадж в Мекку, да продлит Всевышний её дни. Ибрагим подарил мне чётки, привезённые мамой из Мекки. Утром мы сели в машину Ибрагима, «Жигули» пятнадцатой модели, точь-в-точь, какая была у меня целых 5 лет, только цвет другой, и поехали осматривать город. Заехали за Хайрулло. Ребята показали мне зал, который они арендовали несколько лет назад, и в этом зале тренировались наши ребята. Из-за кризиса пришлось отказаться от аренды, но они обещали, как станет полегче со средствами, продолжить это благое дело.

Меня удивило обилие и красочность мечетей на улицах города Ульяновска. В Рязани, как я знаю, ни одной мечети нет! Показали мне центр города, набережную, памятник погибшим на войне. Памятник расположен на берегу Волги и выполнен в виде шпиля, устремлённого ввысь. Очень высокого шпиля. И, конечно же, мы поехали в музей Ленина. Вернее, это комплекс зданий и сооружений. В него входит и домик, где родился и вырос Владимир Ульянов-Ленин. Комплекс стоит на берегу Волги, с берега открывается панорама на мост через реку, если верить ребятам, длиной восемнадцать километров. Как назло, домик-музей Ленина в этот день был закрыт. Но Хайрулло зашёл и договорился, нас пустили. Очень приятные в общении женщины провели нас по дому, показали личные вещи Ленина. Его спальню, книги, утварь. Дом маленький, даже мне, не избалованному жилплощадью, трудно представить: как же умещалась семья Ульяновых на такой маленькой площади?!

Валентин СМІРНОВ-УЛЬЯНОВСКИЙ (1897–1982)

10 августа. 125 лет назад родился поэт, писатель, драматург Валентин Александрович Смирнов-Ульяновский (10.08.1897, г. Сенгилей Симбирской губ., ныне Ульяновской обл. – 18.10.1982, г. Саратов). С 1904 года жил в Симбирске. Окончил Симбирское ремесленное училище им. В.В. Орлова-Давыдова (1915), редакторские курсы при ЦК ВКП(б) (Москва, 1932). Работал в Оренбурге, Казанской губ., Алатыре, Чебоксарах, Саратове. В 1922–1924 гг. выпустил отдельными изданиями поэму «Атаман», пьесы «Накануне», «В борьбе» и «Две силы». Член Союза писателей СССР (1935). Автор книг «Песни о старом и новом» (1938), «Пьесы» (1953), «Перед рассветом» (1959), «Зарево» (1963), «Зарево над Волгой» (1972) и др.

Лев ФОМИН (1927–2000)

11 августа. 95 лет со дня рождения детского писателя Льва Леонидовича Фомина (11.08.1927, г. Инза Карсунского у. Ульяновской губ., ныне Ульяновской обл. – 07.03.2000, г. Венёв Тульской обл.). С 1957 года жил в Ульяновске, работал в газетах, на телевидении, в областной детской библиотеке. Организовал на телевидении детскую передачу «Тик-так». Член Союза писателей РСФСР (1971). Автор книг «Наши флаги» (1959), «Красный галстук» (1963), «Белая рыбка» (1967), «Повесть о Ёлке и сером волке» (1970), «Земля Петровых» (1973), «Буря над тихим лесом» (1974), «Как Оля лису рисовала» (1977), «Город Инза» (1979), «Высоко над Волгой» (1983), «Мы – мужчины» (1987), «Инопланетяне» (1993) и др.

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА О ТЕМЕ (отрывок)

Тема – это Тема. Для сказки это главное. Темой надо заболеть. Только тогда она и становится Темой. И бродит за тобой как тень. Даже в пасмурный день.

...Я вышел на лесную поляну и увидел машину. Машина шла по дороге через поляну. Она была непривычная, незнакомая и потому интересная. Многотонный самосвал. Но далековато, и рассмотреть как следует я не смог. Заметил только низко поставленный мотор, высокую, застеклённую, как витрина, кабину и огромный кузов. Как холм вверх ногами, в железе весь. В облике машины было что-то нездешнее, решительное и чуть надменное. Вдруг возник прозрачный силуэт с глазами младенца. Мне показалось, что это... Тема. Тема удивлённо смотрела вокруг, мигала. Увидела меня. Переступила с ноги на ногу. Ноги были длинные, босые. Они были чуть намечены.

– Приветик, – кивнула Тема. Голосок был слаб и хрупок.

– Не приставай! – сказал я.

– Сам цепляешься, – сказала Тема и вытерла рукой носик. Я повернулся и пошёл быстро, не оглядываясь.

Следующая встреча грянула в центре города. Машина прошла близко, я рассмотрел на кабине крепкую связку букв – «БАМ». Ухнуло – БАМ! И эхо покатило, как по таёжной просеке. «БАМ! Работала там... Работает тут, у нас...»

– Работает. – Я оглянулся. Тема стояла рядом. Она была ещё растрёпана, несуразна, как подросток, но она уже была, и мелькнул страх – вот не отстанет...

– Аха, – кивнула Тема. – Не отстану. Сигаретки нет?

– Подожди, подожди...

Машина... Сильная, красивая... Работала там, теперь работает тут...

– Аха, – сказала Тема. – Работает. А ты...

– А при чём тут я? Я о машине!

– И я. – Тема усмехнулась. – Машина работает, а ты делаешь важный вид. А ты ждёшь, когда кто-то построит красивый город. И ты будешь красиво жить и писать рассказы. Да? – Тема прищурилась. Глаза были зелёные, злые.

– Почему ты так смотришь? Я тебя что, обманул?

– Нет ещё. Но я тебя знаю. Я тебя знаю! – И она вцепилась длинными руками в моё пальто. Прохожие начали оглядываться. Я вырвался и нырнул в универсам, за баррикады из ковров и слепых телевизоров. Я боялся Темы. Мне надо было дописать сказку о храбром Ёжике.

Когда вышел, Тема сидела на урне, положив ногу на ногу. Она вызывающе посматривала на окружающих и курила. Сквозь толпу пробирался молоденький милиционер и говорил деланным миллиционерским басом:

– Разойдитесь, граждане, разойдитесь. Ну, что вы, Тему не видели?

Ну, начнётся сейчас... «Откуда, да чья такая красивая?» А Тема ко мне:

– А вот он, мой миленький!

Я поднял воротник и нырнул под колонну. Около «Симбирки» остановился и осторожно оглянулся. Тема стояла рядом.

– Ну, так как, поговорим про красивое будущее? – спросила она, и я понял – не отстанет. А что делать? Куда такую? Несуразная, сплошные углы да неясности... Представляю, что будет, если явлюсь с ней в редакцию. «Ну, – скажут, – нашёл!» Нет, нет. Это исключено. Но, может быть, оформится, поумнеет? А как же Ёжик?

А Ёжик фыркнул и, не оглядываясь, полез в кусты.

Я бродил по просекам, что подступают к городу с севера, и слушал птиц. Птицы небольшими группами сидели на осинках и берёзках. Осинки и берёзки только что проснулись и были в прозрачных ночных рубашонках, нежно зелёных. Они мило смущались и меня смущали. А птицы самозабвенно, отчаянно, как девчонки в сельском клубе, репетировали весенние трели.

На поляне стоял большой фанерный щит. На щите была нарисована карта, а на карте, в Сибири, были нарисованы мосты. И один мост у нас в Ульяновске. Новый, тот, что будет лёгкой стрелой через Волгу. Перед картой стояла большая каменная плита. На ней было выбито: «БАМ. Восточный участок. Мостоотряд №51».

И опять ухнуло – БАМ! И эхо покатило, как над сибирской рекой. БАМ!..

Николай НАСАКИН (1867–1917?)

13 августа. 155 лет назад родился драматург и публицист Николай Вадимович Насакин (13.08.1867, с. Комаровка Сызранского у. Симбирской губ., ныне Новоспасского р-на Ульяновской обл. – не ранее 1917, ?). По матери – внук писателя М.А. Дмитриева. Был предводителем дворянства Сызранского уезда. Жил в С.-Петербурге и Москве. Один из первых киножурналистов России. Автор книг «Очерки московской революции» (1906), «Правда о Гапоне и 9-м января» (1906), «Психология русского рабочего вопроса» (1911), «Свобода на земле: друзья и враги русского земледельца» (1912). В 1917 году издал в Петрограде очерк «Красный крест на войне». Дальнейшая судьба неизвестна.

Алексей НАРЫШКИН (1742–1800)

15 августа. 280 лет со дня рождения государственного деятеля, писателя Алексея Васильевича Нарышкина (15.08.1742, ? – 10.09.1800, г. Москва). В качестве генеральс-адъютанта Г.Г. Орлова в 1767 году совершил плавание на галерах по Волге в свите Екатерины II; с 5 по 8 июня находился в Симбирске. Во время путешествия участвовал в коллективном переводе на русский язык сочинения Ж.-Ф. Мармонтеля «Велисарий» и статей французской энциклопедии. Будучи в Париже, познакомился с Дени Дидро. Писал песни, стихи, эпиграммы и сатиры. Автор элегии «Как только лишь глаза тебя мои узрели...» (1759), оды на смерть Елизаветы Петровны (1761), книги «Мысли беспристрастного гражданина» (1793) и др.

Татьяна БОГДАНОВИЧ (1872–1942)

15 августа. 150 лет назад родилась писательница и переводчица Татьяна Александровна Богданович (15.08.1872, г. С.-Петербург – 31.12.1942, г. Свердловск, ныне Екатеринбург). В конце июня 1891 года путешествовала на пароходе из Нижнего Новгорода в Самару с остановкой в Симбирске вместе с писателем В.Г. Короленко. Позже вспоминала об этом: «Я хорошо помню эту поездку, так как мы с тётёй провожали Владимира Галактионовича до Самары. Владимир Галактионович был тогда в прекрасном настроении, любовался Волгой и рассказывал о Пугачёве». Автор повестей и романов для юношества, книги «Любовь людей шестидесятых годов» (1929). Была председателем Секции детских писателей Ленинграда.

КАРТИНКА (отрывок из рассказа)

– Петя, разве у вас уже проходят катехизис?

Петя поднимает своё курносенькое, румяное лицо от чашки (эта чашка вместо стакана, да ещё с обязательною прибавкою молока в чай – возмутительное насилие взрослых над ним, одиннадцатилетним второклассником) и отвечает опрометчиво:

– Нет.

– Какой же ты текст твердил? После обеда. Бегал по коридору и повторял.

Отец грузно усаживается на своё место в конце стола, где всё уже для него приготовлено, как он любит: стакан крепкого чаю в серебряном подстаканнике, два бутерброда на тарелочке, молочник с желтоватой пенкою, как крышечка на его краях. Петя быстро оглядывает все эти предметы. Увы! всё на месте – и спички, и пепельница, и гильотинка для сигары... Никакого предлога вскочить, подслужиться, чтобы увильнуть от нотации. Дело в том, что отец терпеть не может, когда ходят по коридору во время его послеобеденного сна; а нынче...

Петя теперь это отчётливо припоминает; ещё и дверь в спальню была неплотно притворена. Достанется! Ну, и пусть себе! Велика важность...

– Текст? Какой текст? – переспрашивает он наивно; но узкие, тёмные глазёнки его задорно блеснули. Он ещё не научился своевременно тушить их. Впрочем, теперь у них так принято в гимназии: врать начальству, даже не стараясь, чтоб поверили. Пете частенько влетает за это и в классе, и дома.

– Какой, какой? Про то я тебя и спрашиваю, кажется, русским языком! – уже раздражаясь, прикрикнул на него отец. Он сильно не в духе, родитель: поминутно трогает золотые очки, галстук, чмокает языком, как бы прочищая зубы. Наверное, опять изжога. За обедом были пикули. Сейчас вот станет выговаривать маме за то, что их опять взяли в лавочке, хотя сто раз говорено, что такие вещи надо непременно покупать в хорошем гастрономическом магазине, иначе это сущий яд для порядочного желудка. Мама будет доказывать, что пикули от Смурова, как всегда. Просто мы их не в меру покушали. Да всё ещё гневается на Володю, с которым за обедом вышел довольно-таки острый конфликт. «Товарищ» Володька (Петин старший брат, шестиклассник), несомненно, опять был прав, но разве же большие когда-нибудь сознаются, что сдрейфили? Только другие умеют поучать: кто умнее, тот уступит – и всё такое.

Петя предавался без помехи своим размышлениям, благо разговор между отцом, матерью и бабушкой действительно перекинулся на пикули и изжогу. Тучу пронесло бы и совсем мимо, не наглупи он сам: накрошил себе в чай сушек и, потопляя ложечкою всё выплывавшую флотилию, – опрокинул чашку, чем и привлёк на себя опять внимание. Мама вскрикнула, что скатерть чистая (известно уж: она всегда чистая, когда что-нибудь прольёшь); отец оборвал за неловкость и вернулся к допросу насчёт злополучного текста.

– Нечего, нечего дурачка-то корчить! Быть может, это у вас в гимназии одна из свобод. Но дома, прошу, – увольте! И то уж день-деньской только и слышишь: Петя! Петька! Да Петя же! – Он передразнил разными голосами, как домашние кричат на неугомонного шалунишку и зазудил дальше:

– Или хотя бы эта манера уличного мальчишки вечно напевать, насвистывать, вслух с самим собой разговаривать. Ну, что там за текст в коридоре битый час бормотал? Держу пари, даже не понимаешь хорошенько...

– Что же тут не понимать? Редкость какая! Слава Богу, не два мне года, – огрызнулся мальчик, весь вспыхивая. Ничем его нельзя так донять, как предположением, что он чего-нибудь не понимает.

И, презрительно морща нос, Петя одним духом выпаливает:

– *Вопрос:* Что есть конституция 17 октября?

Ответ: Сие есть уповаемых извещение, вещей обличение невидимых, т. е. уверенность в невидимом, как в видимом, и в ожидаемом, – как в настоящем...

«Что, взяли?» – говорит торжествующая Петина физиономия, хоть он и силится сохранить подобающее в таких случаях пренебрежительное равнодушие. Эффект произвёл: все смеются, особенно Зина и Манечка – младшие девочки. Они, впрочем, только-то и поняли, что Петя сказал что-то «ужасно смешное» и ну себе: хи-хи-хи! ха-ха-ха!

Петя скорчил ужасную гримасу в сторону сестрёнок и передразнил их детски визгливый, бессмысленный смех...

Виктор ФЕДОТОВ (р. 1927)

16 августа. 95 лет со дня рождения прозаика Виктора Ивановича Федотова (р. 16.08.1927, с. Загоскино Сенгилеевского у. Ульяновской губ., ныне Майнского р-на Ульяновской обл.). Окончил семилетнюю школу (1941). Работал токарем на заводе (1941–1944). Служил на Тихоокеанском флоте командиром отделения радиостов военного корабля «МО-256» для поиска и уничтожения субмарин (1944–1951). В 1951–1966 гг. трудился монтажником, регулировщиком, техником на заводе в Москве. Заочно окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1967). Член Союза писателей СССР. Автор книг прозы «Последняя торпеда» (1965), «Своя песня» (1974), «Матрос с «Червоной Украины» (1976), «Закон моря» (1980).

ПРОТОКА (отрывок из рассказа)

В последние дни старик слегка прихворнул, но не переставал каждый вечер, к приходу катера, отправляться на пристань. Грузный, плотный в кости, он поднимался с дивана, положив на столик очки и книгу о военных морях, которую читал уже не раз за последние месяцы, натягивал поверх тельняшки отслуживший все сроки китель, оправлял пышную, с густой проседью бороду.

– Опять на пристань? – как бы невзначай спрашивала Марья Семёновна, хотя знала, что идти ему больше некуда и незачем. – Да ведь сам прибежит Василий, коли приедет этим пароходом. Чай, к дому дорогу знает: народился, вырос тут. – Поднимала озабоченный, печальный взгляд на мужа, спицы замирали в руках у неё. – Лежал бы уж...

– На пирс пройдуся, – хмурясь, отвечал старик. Он не выносил, когда жена пирс называла пристанью, а катер – пароходом, который не придёт, а приедет. – Может, и явится сегодня Василий. Встречу.

– Ну, не сердись, сходи потихоньку, – спохватывалась Марья Семёновна, жалея, что опять обронила негодные ему слова названия. Поправлялась: – Сходи на свой пирс, может, и вправду придёт с этим катером.

Старики Анисимовы ждали в гости сына Василия, капитана третьего ранга, командира эскадренного миноносца «Ретивый»: недавно получили от него весточку, что скоро, возможно, ненадолго заглянет. Теперь ожидание сына стало для них главной заботой...

Старик шёл вдоль протоки, увязая по щиколотки в песке, к сиротливо прижавшейся к пологому берегу пристани – сшитому из широких досок и шатких поручней настилу. Здесь швартовался на несколько минут небольшой катерок, заглядывавший сюда, в село Привольное, один раз в сутки. Старик и сам сознавал, ну, какой это на самом деле пирс? Однако пристанью называть его отказывался даже про себя. «Пускай, – считал, – остаётся всё так, как было прежде, во времена флотской военной службы». Обычно, встречая и провожая катер, он ревниво следил, как подавались и отдавались швартовые, бывал хмур, если выходило что не так, и светлел лицом при добром исполнении манёвра...

Протока была неширока – метров до ста. До полкабельтова, считал старик. Ветер с верховьев реки гнал по ней желтовато мутную воду в лиман и ещё дальше, к морю, и течение от этого, и без того быстрое, вроде бы ещё больше убыстрялось. Закатное осеннее солнце нежаркой латунию обрызгивало рябоватую поверхность, она принимала под его лучами почти лимонный оттенок, а зелёный кустарник на противоположном берегу становился как бы ещё гуще и темнее.

Лет пятнадцать назад, когда ниже по течению углубили перекал, мешавший судоходству, и пустили по ней самоходные баржи, он вечерами выходил на шлюпке зажигать бакены, обозначавшие фарватер. Но вот уж года четыре, как перестали ходить тут

и эти баржи, – протока вовсе обмелела, будто кто-то жадно отпивал из неё воду, и теперь пропускала через себя к лиману лишь катера местных линий да колхозные рыболовецкие сейнеры.

Старик знал эту протоку с самой зыбки. Тут, на Гнилой косе, родился он и вырос. Он даже застал те времена, когда их село называлось Гнилуши, а не Привольное, как теперь. А шло такое название от того, что всё здесь прогнивало насквозь: до самой революции на косе шли соляные разработки. Те времена он не помнил, но осталось в памяти, как ещё до призыва на военную флотскую службу, в тридцать шестом году, плавал он юнгой, а затем матросом на трёхмачтовом паруснике с экзотическим названием «Любимец моря». Трудные то были времена, но в то же время весёлые, потому как молодость

кипела задором, силой, неумолимой тягой к морским просторам, к дальним плаваниям.

И ещё одним выделялись Гнилуши среди других сёл и деревень, разбросанных по берегам могучей реки: здесь жили и трудились потомственные моряки, отсюда призывали служить только на флот. И было бы величайшей обидой для всех сельчан, если бы кого-то направили в сухопутные части. Так повелось издавна.

Старик приходил и садился возле пристани, поглядывая вверх по течению, откуда должен скоро показаться катер. Придёт ли на нём Василий? Вот уж неделя минула, как получили они от Василия письмо, и каждый вечер приходил сюда старик ждать. Катер появлялся вовремя, но сына всё не было. Старик не обижался на него, понимал: служба...

Лилия ЮСУПОВА (р. 1957)

16 августа. 65-летний юбилей отмечает поэтесса, переводчица Лилия Джигангеровна Юсупова, в замужестве – Щучинова (р. 16.08.1957, г. Сталинск, ныне г. Новокузнецк Кемеровской обл.). Дочь ульяновской поэтессы Л.Б. Сабитовой (Идельбике). В 1962–1969 гг. жила с семьёй в г. Барыше; в 1969-м переехала в Ульяновск, училась в школе №7. Окончила Казанский медицинский институт (1980). Живёт в г. Горно-Алтайске, работает врачом-эпидемиологом. Член Союза писателей России (1998). Автор поэтических сборников «Мой голос» (1996), «Книга перемен» (2000), «Узнай судьбу» (2008), «Венок любви» (2008), «Время любви» (2010), «Любить нельзя забыть» (2013), «Моя политика – поэзия» (2018) и др.

ВОДА

Шумит и бурлит только мелкий ручей,
Который вбирает всю муть из канавы.
Глубокие реки не знают страстей –
Глубокие реки текут величаво.

В поэзии та же царит правда,
И я проверяла её не однажды:
Чем глубже, и тише, и чище вода,
Тем ею быстрее утоляется жажда.

НО ЕСЛИ ЗАМЕТИШЬ

Дороги не знают управы:
Нам стелет под ноги земля
То жёсткие острые травы,
То мягкий ковёр ковыля.

Шепча звукоряд алфавита,
Я шла по земному пути,
Цепляя людские обиды,
Как белое платье – репы.

Но звуки меня выручали! –
Когда под напевы стихов
Я чистила сердце ночами
От острых заноз и шипов.

И, жизнь принимая как милость –
За счастье влюбляться и петь,
Я даже уже научилась
Уколы с улыбкой терпеть.

Но если заметишь мой колкий,
Печалью подёрнутый взгляд –
Прости! – это снова иголки,
Попавшие в сердце, болят...

МОЛИТВА

Долю иную – простую и лучшую –
Я для себя не молю.
Боже, прости только душу заблудшую,
Горькую душу мою.

Дай мне терпения, дай мне смирения
В свете грядущего дня
Выдержать всё – и разлад, и лишения;
Боже, помилуй меня.

Здесь, на Земле, мне одно утешение –
Лица родных и друзей.
Боже, пошли им любви и спасения
Волей высокой своей.

За унижения, за оскорбления
Я не судила других.
Боже, прости и врагам прегрешения
И не наказывай их.

Что наша жизнь? – пролетит как мгновение
С медной монеткой в горсти.
Боже, яви нам своё снисхождение
В горьком коротком пути...

Олег САВКО (р. 1957)

19 августа. 65 лет исполняется прозаику Олегу Владимировичу Савко (р. 19.08.1957, с. Сосновка Карсунского р-на Ульяновской обл.). Окончил Ульяновский сельхозинститут (1979). С 1979 года посещал литературное объединение «Родники» в Карсуне. Работал в совхозах «Белозерский» и «Уренский», первым секретарём Карсунского райкома ВЛКСМ, юрисконсультom и председателем профкома совхоза «Белозерский», главой Белозерской сельской администрации и Урено-Карлинского сельского поселения Карсунского района. Публиковался в республиканских, региональных и местных изданиях. Автор сборника прозы «Затеси» (2017), рассказов «Иван», «Поминки», «Межа», «Пустяк», «Звезда» и др.

ИВАН (рассказ)

Не ожидал Иван, что родная райцентровская улица встретит его в столь ранний утренний час надрывным бабьим воем. Чем ближе подходил офицер к родному дому, тем громче резал слух горький плач и, казалось, всё сильнее хрустел снег под ногами, тупо ударяя в ступни предательским ватным наливом. Не выдержал Иван, не разбирая дороги рванул к заветному палисаднику.

Окончательно отлегло от сердца, когда увидел, хотя и к удивлению, большущий амбарный замок на снях родного дома. Плач доносился из соседнего двора.

– Иван, да тебя, парень, не узнать, антихриста окаянного! – окликнул офицера стоявший на крыльце дед, которого он сразу и не заметил. – Своих, небось, ищешь? Мать-то к сеструхе за Урал съехала. Ну к твоей, как её бишь звать... А отца твоего того... Слыхал поди...

– Слыхал, слыхал... – Иван перемахнул через упавший плетень и, поздоровавшись с дедом, спросил: – С соседом-то что?

– С соседом-то ничего. Голод у нас тут. На днях ледокол в город баржу припёр, вот калека и подался на разгрузку. Надеялся, что перепадёт чего. Дети ведь дома с голодухи пухнут. А Нюрка вот не дождалась родимого – преставилась ночью...

Иван прошёл в дом. Горло сразу сжали спазмы от тяжёлого воздуха, да так не отпустили и потом, когда он стал различать происходящее в полутёмном пространстве. Женщины перестали плакать и, сдвинув две широкие лавки, постелили дёрюгу и осторожно перенесли с пола тело умершей. Дети хватались за волочившийся подол и беззвучно шептали одними губами, синюшными и надтреснутыми, один и тот же солёный от слёз слог «ма-ма-ма-а-а...»

Бабка Глаша копошилась у печки, стоя в дырявых валенках на замёрзших у подтопка лужицах. Она устало бросила взгляд в тёмный угол, где стоял фронтовик, и, видимо, не признав, подошла к покойнице, пытаясь скрестить её руки на груди.

Одна рука, уже застывшая от холода, совсем не гнулась, и старушка обессиленно опустила её на пол. Кто-то предложил погреть руку покойницы у печки. Получилось после нескольких попыток. И только после этого, рассевшись на соседней лавке, женщины наконец-то заметили оцепеневшего в дверях Ивана. Фронтовик плакал.

Женщины не одолевали расспросами. Только глядели и глядели в его обветренное лицо. Кого они в этот момент видели в нём: мужа, сына, брата?..

Иван развязал вещмешок, шагнул к свету – на подоконник посыпались тушёнка, буханка хлеба, соль, кусок сала – и, поклонившись покойнице, вышел на улицу.

– Ты бы, сынок, к Орлову ходил. Он сейчас милицией заведует, – старик всё ещё не ушёл и, удобно расположившись на завалинке, набивал самокрутку. – Авось и поможет что, пока следствие идёт...

– Затем и приехал, – буркнул Иван и подался к калитке.

Орлов встретил его неприветливо. Белки глаз, от бессонных ночей подёрнутые красной поволокой, смотрели на фронтовика почти не мигая, ничего нельзя было прочесть в этом взгляде – ни сочувствия, ни укора. Порой во время его рассказа льдинки зрачков таяли, свет глаз становился чуть теплей. А может, это только казалось...

– Вот что, Алексеев. Я с твоим отцом не один десяток лет вместе работал. И лучше тебя знаю: виноват он или нет! И кто виноват, – начальник милиции надолго замолчал. Потом, как бы спохватившись, быстро проговорил: – А тебя послали в тыл за танками, будь добр, и валяй за ними. Тут ты не был, я тебя не видел. И смотри мне ещё куда повыше не зайди орденами брякать! Вмиг за отцом пойдёшь!

– Орденами, говоришь... – Иван отодвинул табурет и нерешительно попятился к выходу.

Орлов в окно увидел, как он минут пять потоптался у конной привязи и поплёлся, наклонив голову, в сторону железнодорожной станции...

Василий АКСЁНОВ (1932–2009)

20 августа. 90 лет со дня рождения писателя Василия Павловича Аксёнова (20.08.1932, г. Казань – 06.07.2009, г. Москва). В 1979 году вышел из Союза писателей СССР; эмигрировал в Европу, затем в США. Автор романов и повестей «Коллеги» (1962), «Ожог» (1975), «Остров Крым» (1979), «Свияжск» (1981), «Московская сага» (1992), «Кесарево сечение» (2000), «Москва Ква-Ква» (2006) и др. С 1992 по 2001 гг. несколько раз бывал проездом в Ульяновской области, отправляясь на творческие встречи в Самару, где участвовал в литературных конференциях и фестивалях искусств. Летом 1996 года, путешествуя на пароходе «Иван Кулибин» по Волге из Астрахани в Москву, посетил Ульяновск.

СВИЯЖСК (отрывок из повести)

Дался мне этот Свияжск! Признаться, я почти ничего не помню о нём: ни расположения домов, ни рисунка решёток, ни числа людей, ни их лиц, за исключением, пожалуй, лишь начальника Прахаренко с его здоровенным шнобелем да плакатной физкультурной физиономии нашей поднадзорной Лидии. Пожалуй, можно ещё вспомнить высокую траву вперемешку с пучками камыша меж песчаных отмелей волжской стороны острова и загорелые ноги физручки, поднятые выше травы. В конце концов мы выследили её и нашего начальника, спрятались за дюнкой и стали свидетелями удивительного акта, просто-напросто озарившего всё это наше пионерское лето. Вот это всё запомнилось замечательно, начиная с её деловито-насмешливого «ну-ка, дайте, я сама», все звуки, хрипы нашего однорукого начальника, тоненькое повизгиванье физручки и наконец совместный восторженный вопль.

Когда баркас наш отваливал от острова, все кресты заброшенного града ярко пылали под закатным солнцем. Мы везли какой-то там кирпич, ерундовое количество, не стоило и ездить из-за такой ерунды, но на гнилых досках пристани нас провожали директор Дома слепых и несколько техничек, то есть монашек, и несколько слепых подростков с чистыми лицами и пионерскими галстуками на шеях, совет отряда, один из них играл на аккордеоне мелодию «На позицию девушка провожала бойца», и ради такой новой дружбы, конечно, можно было проплыть гораздо большее расстояние.

В темноте на другом берегу, пока шли от берега к лагерю через лес, мы с Валевиным слышали, как физручка строго выговаривала начальнику: «Наша физическая близость ни о чём не говорит. У меня совсем другой круг знакомых. Это университет и спортобщество. Вы к нему принадлежать не можете. Надеюсь, это понятно? Прошу не компроментировать меня». Только сейчас, в сумерках, она, расставшись с солнцем, надела белую юбку и майку с эмблемой «Буревестника», и сейчас вся белая, с выгоревшей гривой и поблёскивающими зубами и белками глаз у подножия высокого тёмного леса казалась каким-то волшебным негативом. «Обожди, Лида», – хрипло сказал наш перепившийся, перекурившийся и усталый начальник. «Не обожду! – оборвала она его. – Если хотите сохранить, ха-ха, отношения, держитесь в рамках!»

Какие удивительные отношения – женщина преобладала над мужчиной! Светящаяся в ранних сумерках фигура... Сколько раз в течение жизни мы с Яшей вспоминали эту физручку, навсегда

пропавшую из нашей жизни, растворившуюся в осенних дождях послевоенного года. Всё, что связано с ней, запечатлелось ярко: высокие сухие травы и блики воды, высокий тёмный бор, высокий берег Волги, кусты ежевики, покосившиеся домики Свияжска... и далее – горящие на закатном солнце кресты... и далее – пение старух в дряхлом храме, и далее... Свияжск... При этом звуке всякий раз что-то чему-то противоборствует в душе и что-то с чем-то таинственно соединяется.

Впрочем, признайся, сколько раз за всю жизнь ты вспоминал этот городишко, вернее, свалку в устье илистой реки – пять раз, не более того, всё поглощено было суетой вокруг странного круглого кожаного предмета, внутри которого воздух.

Он и в самом деле всякий раз поднимается из тёмных глубин, словно град Китеж. Лет десять назад команда ездила в турне по Волге. Это было развлечением для моих жеребцов. Они легко обыгрывали местные клубы, кадрили местных спортсменов и даже, кажется, слегка выпивали тайком от меня. Нам предстояла трудная поездка по Европе, и я тогда решил всех обхитрить, вместо нудного тренировочного сбора устроил ребятам развлекательную поездку по Волге. В Казани хозяева повели нас как-то купаться на какой-то волжский островок. Волга сейчас стала немыслимо широкой по сравнению с рекой моего детства. Благодаря плотинам она разлилась вширь на многие километры, образовав в устье Свияги многочисленные рукава, бухты и островки. Мы лежали на палубе катера и пили пиво, когда за одним из поворотов, или, как раньше говорили, за излучиной, возникло сказочное видение. В июльском мареве дрожал тёмно-синий силуэт, тесно сбившиеся и вместе устремлённые ввысь купола и колокольни. «Впечатляет? – спросил местный начальник. – Это заброшенный город Свияжск. Построен ещё во времена Ивана Грозного. К сожалению, до вечера обернуться не успеем, да, впрочем, и жалеть нечего – сейчас там просто утиль. Вот приезжайте лет через пять, будет чем похвастаться, есть решение открыть там молодёжный турцентр с международным прицелом, вот тогда и повеселимся». Катер сделал широкий разворот, и силуэт Свияжска вскоре растворился в небе.

Не знаю, осуществились ли международные мечты казанской бюрократии, удалось ли им там отгрохать свою пошлятину с вожделенными саунами в народном стиле или совсем уже осыпались дряхлые стены...

Павел УНТЕРБЕРГЕР (1842–1921)

21 августа. 180 лет назад родился военный и государственный деятель, публицист Павел Фёдорович Унтербергер (21.08.1842, г. Симбирск – 12.02.1921, коммуна Ремплин, Мекленбург, Германия). Сын дворянина, в 1836–1849 гг. работавшего ветеринарным врачом Удельного ведомства в Симбирской губ. Раннее детство провёл в Симбирске. Приамурский генерал-губернатор и войсковой наказной атаман Амурского и Уссурийского казачьих войск (1905–1910). Содействовал деятельности путешественника и писателя В.К. Арсеньева. С 1910 года член Государственного совета в Петербурге. Автор изданных отдельными книгами очерков «Приморская область. 1856–1898 гг.» (1900), «Приамурский край. 1906–1910 гг.» (1912).

Эрих ХОНЕККЕР (1912–1994)

25 августа. 110 лет со дня рождения партийного и государственного деятеля, мемуариста Эриха Хонеккера (25.08.1912, г. Нойнкирхен, земля Саар, Германия – 29.05.1994, г. Сантьяго-де-Чили, Чили). Возглавлял Социалистическую единую партию Германии (1958–1989). Был в Ульяновске 8 октября 1975 года во главе делегации ГДР: возложил цветы к памятникам К. Марксу и В.И. Ленину, к обелиску Славы; посетил Дом-музей В.И. Ленина, среднюю школу №1, бывшую Симбирскую мужскую гимназию; встретился с ульяновцами в Ленинском мемориале. Герой Советского Союза (1982). Автор издания «Роль рабочего класса и его партии в социалистическом обществе» (1973), книги воспоминаний «Из моей жизни» (1982).

ПОСЛЕДНИЕ ЗАПИСИ (отрывок из дневника)

7 августа 1992 года. Мир совершенно стал другим. Сопротивление империалистической политике будет расти. Это будет продолжаться. Наш процесс поспособствует этому.

Я написал письмо Маргот. Не знаю, правда, когда его отправлю. Я написал его, скорее, для себя, чем для неё. Возможно, мне удастся с ней поговорить по телефону, когда ситуация прояснится. <...>

9 августа. Мыслями я с вами. Мне хочется пожелать тебе, дорогая Маргот, хорошего отдыха в кругу семьи. Могу представить, как тебя обнимает Роби, радуясь тому, что бабушка снова рядом. После завтрака я изучил почти 800 страниц обвинительного акта. Из документов гестапо, судебных актов Народного суда и книжки Липпманна они спяпали мне весьма интересную биографию.

Затем составил список свидетелей – начиная Кирхшлегером и заканчивая Колем. В первую очередь я думаю, конечно, о Горбачёве, Вайцзеккере и Коле. Посмотрим, что скажут адвокаты по этому поводу.

Процесс должен продлиться два года. Пока я жив, я буду защищать себя. Это моя обязанность, прежде всего, перед гражданами ГДР. <...>

Сейчас каждому стало понятно, что КПСС под руководством Горбачёва сдала империалистам и Советский Союз, и все страны Варшавского договора. Сейчас всё начинается снова, возможно, третья мировая война уже идёт.

11 августа. По радио передали, что Горбачёв прибудет в Берлин, чтобы получить титул почётного гражданина города. Какая же это двойная мораль! Бывшего генерального секретаря КПСС прижимают к груди те же люди, которые сажают в тюрьму другого генсека. Я надеюсь, что жители столицы ГДР отблагодарят его соответствующим образом за предательство. За уничтожение предприятий, ликвидацию рабочих мест, массовую безработицу...

Турки стреляют в курдов, израильтяне в палестинцев. Что происходит в мире? И всё это потому, что мы капитулировали.

Вчера читал материал об отношениях ГДР с СЭВ. Там утверждается, в форме предположения, что у меня, возможно, была идея некой конфедерации с

ФРГ. Конечно же, были и такие мысли. Об этом мы никогда не забывали. Мы не были такими ограниченными, как всегда предполагал враг. Об этом я также говорил и в Бонне.

Меня тошнило от «общеевропейского дома», о котором трещал Горбачёв. И потом его советник, этот Яковлев, который, по крайней мере, был открытвен и сказал, кто по его мнению во всём виноват: «Маркс. В 1917 году с приходом марксиста Ленина во всём мире началась катастрофа».

Есть ли совесть у этого Горбачёва? Я всё ещё хорошо помню этого мелкого буржуа от перестройки, когда он мне объяснял свою стратегию и ту роль, которую должна сыграть его жена Раиса. Помню и о том, как он боязливо жаждал одобрения и любви со стороны других генеральных секретарей. Престиж был ему всегда важен. Однажды, когда он сомневался в себе, я попытался его успокоить. Правда, аплодисменты с Запада были ему дорожке.

Придя к власти, он сначала капитулировал как генсек, а потом погубил и всю КПСС. Сейчас он живёт на деньги своих кредиторов, доллар стал тяжелее рубля. Все сторонники холодной войны от Рейгана до Буша встают на его защиту. Горбачёв, очевидно, и сам не заметил, как превратился в подлеца. Конфедерация с ФРГ, во всяком случае, была бы лучшим вариантом, чем эта «делка» а-ля Коль.

Пару слов о 40-х годах ГДР. Все эти 40 лет была не только СЕПГ – были ХДС, ЛДПГ, НДПГ, ДКПГ; были Гёттинг и Герлах, Хоманн и Гольденбаум.

Надо сказать спасибо КПГ и СЕПГ, что в 1945 году они были рядом. Только Пик мог поговорить со Сталиным, возразить ему. И он это делал, я знаю. Немецкие коммунисты не были замешаны в советских злодеяниях и фашистских преступлениях. Это были Гитлер, Геринг, Геббельс, Гесс – вся эта коричневая чума. Они втянули мир в войну. Они напали на СССР подобно варварам. Немцы имеют все основания доверять СЕПГ. Она была единственной партией, которая вывела их из послевоенной разрухи. <...>

Что стало бы с Европой, не появившись ГДР с её влиянием? Такие вопросы следует задать себе и ответить на них, прежде чем очернять ГДР...

Виктор ЧУМАКОВ (1932–2012)

25 августа. 90 лет назад родился писатель, публицист, филолог Виктор Трофимович Чумаков (25.08.1932, с. Черепаново, ныне Новосергиевского р-на Оренбургской обл. – 17.11.2012, г. Москва). Окончил с золотой медалью среднюю школу №1 в Ульяновске (1951), Московский энергетический институт (1957). Был председателем Союза ёфикаторов России; составил несколько словарей с буквой Ё. Автор книг «От Юрия Долгорукого... 850 лет... до Бориса Ельцина» (1993), «Гимн. Лицемерие. Повести» (2001), «Ё в имени твоём» (2004), «Вместо «ё» печатать «е» – ошибка!» (2005), «Словарь употребления буквы Ё» (2005), «Юбилей-80 в 2012 году. Повести, рассказы, публицистика» (2011). Член Союза писателей России (2001).

УРОКИ РУССКОГО ЯЗЫКА (отрывок из статьи)

Эту гимназию, тогда она называлась Первой мужской средней школой имени В.И. Ленина, я окончил в 1951 году.

Русский язык преподавали в ней до последней четверти 10-го класса. Моим учителем русского языка и литературы (как же мне повезло!) был выпускник Казанского университета Михаил Павлович Черненко. Будь память моя покрепче, о нём можно было бы написать большую повесть и обязательно включить туда описание его уроков русского языка и литературы. Уверен, это было бы очень поучительно и интересно. Но что уж тут локоть пытаться укусить! Ограничусь немногим.

– Ребята, – обращался он к нам, – объясняю, почему следует говорить «одноврЕменно», а не «одновремЕнно», как это слово иногда неверно звучит даже из московского радио. Посмотрите, ведь корень в этом сложном слове «врЕмя», и нет сомнений в том, как произносить слова *своеврЕменно*, *безврЕменно* и *заблаговрЕменно*. Вот по этой модели нам всем, и вам в особенности, ибо вы выходите в люди из первой гимназии Ульяновска, следует говорить только *одноврЕменно*. А другое ударение оставьте тем, про кого потом, шушукаясь, будут судачить: «Вон Пётр Никитич гимназию-то окончил, а говорит с ошибками».

Он приводил много примеров именно такого рода, разворачивая перед нами ассоциации слов, после чего бесспорным оказывалось, например, заключение, что единственно правильным является ударение *творОг!* А как же иначе! Вот, смотрите: *творожОк*, *творОжник*, *творОжистый*, *творОжу*, *творОжающийся*... Видите, во всех этих словах ударение падает на вторую часть слова, а поэтому: *творОг* и только *творОг* истинно, верно!

И повторим, что это для всех, кто стремится к тому, чтобы речь его была безупречной.

А вот ещё одна цепочка слов: *бронирОванный автомобиль*, но *бронИровнный номер в гостинице*, *запломбирОванный зуб*, *плиссирОванная юбка*, *гофрИрОванный картон*, *дрессирОванная львица* и, наконец, *экзальтирОванная дама*. И это всё от Михаила Павловича.

Именно так ударения в этих словах стояли в словарях тех времён и сейчас так стоят, например, в авторитетнейшем «Карманном словаре правильных ударений» бывшего теледиктора и педагога по технике речи Олега Ивановича Дружбинского,

который не допускает такой вольности-либерализма, какая входит сейчас в моду: «можно и так «ударять», и иначе», например: *бАловать* и *баловАть*; *обеспЕчение* и *обеспечЕние*; *фенОмен* и *феномЕн*.

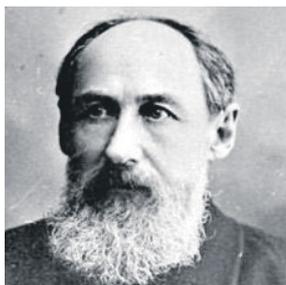
Кстати о «фенОмене»: некий остепенённый умник внёс в Институт русского языка предложение, чтобы *феномЕном* теперь стали называть из ряда вон выходящую личность, а *фенОменом* – необычайное явление. Ну, что можно сказать? Только, было, мы все привыкли к одному ударению: *фенОмен*, так нет, снова переучивайся и переучивай всех: детей, жену, сестру, внуков и правнуков, и всё без объяснения причин, а по воле некоего олуха царя небесного.

И здесь мне хочется сказать о явлении, которое охватывает многие десятилетия и прочно укоренилось в СССР (и в России!) и в США, а возможно, и в других странах. Назовём это явление всеобъемлющей (для русского в России или английского в Америке) унификацией произношения и интонации (акцента) всех жителей этих огромных стран, на территории которых практически исчезли говоры. А ведь по ним когда-то можно было понять, из какой части СССР человек приехал в Москву... Случилось это вследствие всеохватывающей деятельности радио, телевидения и, конечно же, кино, театров, филфаков университетов, театральных и киноузов...

К этому феномену можно относиться по-разному. Однако сегодня, утратив значительную часть сокровищ самобытной, цветистой, выразительной русской речи, кому, чему и зачем мы жертвуем уже русским литературным языком? Ради чего мы отдаём то драгоценное, что у нас ещё есть – правильное, звучное, логически точное произношение, плавный ритм, благозвучную интонацию, гибкие и стройные синтаксические конструкции, осмысленную и верную сочетаемость слов, целые пласты лексики, помогающие глубоко и тонко осмысливать и называть явления? Почему мы позволяем делать наш язык бедным, тусклым, плоским, аморфным, бессвязным?

Так давайте же будем беречь и хранить Русский Язык, памятуя, что Он не только один из шести официальных языков Организации Объединённых Наций, но и, что самое главное, Он является фундаментом и крепой нашей многонациональной Державы.

Владимир ХЛЕБНИКОВ (1857–1934)

26 августа. 165 лет со дня рождения учёного-натуралиста, орнитолога, публициста Владимира Алексеевича Хлебникова (26.08.1857, г. Астрахань – 20.03.1934, г. Москва). Отец поэта Велимира Хлебникова. В июле 1895 года переехал с семьёй в с. Помаево Буинского у. Симбирской губ. (ныне Сурского р-на Ульяновской обл.), куда был назначен управляющим. В январе 1898-го был переведён в Казанское имение Алатырского удельного округа. В 1912 году вернулся в Астрахань. Автор сочинений «Описание детских игр в Астраханской губернии» (1887), «Государственный заповедник в дельте Волги» (1923), «Роль птиц в борьбе с вредителями» (1924), «Лесное хозяйство Астраханской губернии» (1925) и др.

Владимир МЕЛЬНИК (р. 1952)

26 августа. 70-летний юбилей отмечает писатель, литературовед Владимир Иванович Мельник (р. 26.08.1952, г. Владивосток). Окончил Дальневосточный университет (1974). Доктор филологических наук (1990), профессор (1991); один из ведущих специалистов в мире по творчеству И.А. Гончарова. Жил в Ульяновске; преподавал в Ульяновском филиале МГУ (1992–1993), в УлГТУ (1993–2000). Член Союза писателей России (1994). Был заместителем главного редактора журнала «Вестник УлГТУ» (1997–2000). Автор более 20 книг, свыше 880 научных и научно-популярных статей. Лауреат Всероссийской литературной премии, посвящённой 200-летию И.А. Гончарова (2009). Живёт в Москве.

ГОНЧАРОВ (отрывок из книги)

...Родители Гончарова создали в семье атмосферу религиозного благочестия, которую Иван Александрович впитал в детстве. Несомненно, что в своей семье писатель получил серьёзную религиозную закваску. Рядом с домом Гончаровых находилось несколько храмов. Храм Вознесения – не более чем в ста метрах от дома Гончаровых (ныне его не существует), на Большой Саратовской улице, и, конечно, по воскресным дням и православным праздникам мальчик Гончаров ходил либо туда, либо в храм Живоначальной Троицы вместе с матерью на службы. Не случайно о всемогущих, которые нужно было ему посещать вместе с матерью, упоминает он в очерке «На родине». Как мы увидим далее, впоследствии это помогло ему стать на путь личного благочестия, сохранить в либеральной среде, чуждавшейся религиозности и считавшей её манией, глубокую веру в Бога, быть вполне воцерковленным человеком. Решающая роль в этом, конечно, принадлежала его матери.

А ещё была нянюшка, гончаровская Арина Родионовна. Племянник писателя Александр Николаевич Гончаров в письме к М.М. Стасюлевичу от 26 октября 1891 года привёл любопытные сведения о няне писателя Аннушке. Известно, что один из племянников Гончарова, Владимир Кирмалов, отличался склонностью к нигилизму и обещал выбросить её иконы в окно. Однако «хитрая старушка вставала очень рано, молилась угодникам и на целые сутки запирала их в свой тяжёлый, железом окованный сундук. Кирмалов уверял меня, что его нянюшка ему очень напоминает придворных монахинь времён Византии».

Несомненно, няня писателя была глубоко верующим человеком. Няня оказала на маленького Ваню Гончарова огромное влияние, о чём, к сожалению, совершенно умалчивает академическая наука. А ведь именно в детстве художники, как правило, органично усваивают «золотой запас» народного творчества. В автобиографиях писатель никак не акцентирует своё знакомство с русскими сказками,

былинами, пословицами и поговорками, но всё-таки отмечает в одной из них, что находил «в лакейской дома у себя сказки о Еруслане Лазаревиче, Бове Королевиче и другие, читал и их». Между прочим, сказка о Еруслане Лазаревиче эхом отзовется в романе «Обломов»: «Он любит вообразить себя иногда каким-нибудь непобедимым полководцем, перед которым не только Наполеон, но и Еруслан Лазаревич ничего не значит...»

Однако очевидно, что не лакейская была для Гончарова главным источником познания русского фольклора. Судя по всему, большую роль сыграла здесь его няня. О ней романист упомянул в воспоминаниях «На родине», а также в письмах к родным. Звали её Аннушкой. К счастью, сохранилась её фотография 1862 года. На всю жизнь Гончаров сохранил к няне сердечную любовь. Это глубокое благодарное чувство к Анне Михайловне отмечают мемуаристы. Так, племянник писателя Михаил Викторович Кирмалов пишет: «Иван Александрович нежно любил свою няню Аннушку. Я хорошо помню эту старушку, нянчившую и меня и жившую в то время на покое у бабушки моей Александры Александровны в Хухореве. В её слабом, иссохшем теле жила кристально чистая душа ребёнка, полная до краёв любовью к детям и ко всем домашним...»

Перед нами вполне классический со времён Арины Родионовны образ своеобразной «литературной няни»: чем-то оказалась она слишком дорога писателю, помнившему её до конца своей жизни. И это «что-то», думается, верно обозначено в воспоминаниях г. Н. Потанина «Волшебные сказки». В отличие от Пушкина автор «Обломова» не посвящал своей няне отдельных литературных произведений, но заслуживает внимания образ няни, например, в «Сне Обломова». Здесь явно чувствуются личные впечатления автора. Няня даёт маленькому Илюше сказочное, мифологическое объяснение мира, которым довольствуется сама. При этом она ризирует в ребёнке воображение и поэтическое мировосприятие.

– Отчего это, няня, тут темно, а там светло, а ужо будет и там светло? – спрашивал ребёнок.

– Оттого, батюшка, что солнце идёт навстречу месяцу и не видит его, так и хмурится; а ужо как за-видит издали, так и просветлеет.

Можно не сомневаться, что эти перлы народного воображения и поэзии Гончаров узнал от своей няни Аннушки. В романе он как бы вспоминает, как «в бесконечный зимний вечер робко жмётся к няне, а она нащёптывает ему о какой-то

неведомой стороне, где нет ни ночей, ни холода». В «Сне Обломова» указан фольклорный репертуар, видимо, близкий репертуару реальной няни Гончарова: «Она повествует ему... об удали Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алёши Поповича, о Полкане-богатыре, о Колечище проходиме». Здесь же сказка о жар-птице, Емеле-дураке, Медведе на деревянной ноге. Въяве видим мы и манеры Анны Михайловны рассказывать чудные народные сказки...

Мария ТУРГЕНЕВА (1857–1938)

28 августа. 165 лет назад родилась детская писательница, мемуаристка Мария Леонтьевна Тургенева (28.08.1857, г. Ставрополь-на-Волге Самарской губ., ныне г. Тольятти Самарской обл. – 1938, г. Ленинград, ныне С.-Петербург). Дочь симбирского помещика Л.Б. Тургенева; сестра писательницы А.Л. Бостром. После смерти отца управляла имением в с. Тургенево Ставропольского у. (позже Чердаклинского р-на Ульяновской обл.). Встречалась здесь с А.Н. Толстым, который не раз бывал в Тургенево. Автор детских книг «Верочка и её друзья» (1915), «Три доли» (1915), «Мишка-медвежонок» (1924) и др. Написала «Воспоминания об А.Н. Толстом» (были опубликованы в 1982 году в книге «Алексей Толстой и Самара»).

Александр КУЗНЕЦОВ (1907–1988)

29 августа. 115 лет со дня рождения поэта и прозаика Александра Родионовича Кузнецова (29.08.1907, с. Чириково Сенгилеевского у. Симбирской губ., ныне Кузоватовского р-на Ульяновской обл. – 17.05.1988, г. Ульяновск). Отец поэтессы С.А. Гужевой, муж мемуаристки Л.Н. Кузнецовой-Свиягиной. Печатался с 1920-х годов, участвовал в работе созданной в Ульяновске литературной группы «Стрежень» (1924–1928). Автор поэтического сборника «Свияга» (1927), книг прозы «Макей и его хлопцы» (1954), «Партизанские ночи» (1980), «Тереспольские ворота» (1984). Работал в Ульяновске редактором издательства, печатался в поэтических сборниках «Товарищ время» (1986), «С любовью трепетной...» (2005) и др.

УЛЬЯНОВСК МОЙ

Зовут дороги тех, кто молод,
влекут иные города...
А я с тобой, мой милый город,
сроднился сердцем навсегда.
С утра в цеха твои идущий -
тебе дать силу я сумел,
ты вырос, стал сильней и лучше,
ты на глазах помолодел!
Цвети! Пусть будут вёсны долги!
И в славе Ленина живой
сияй своим Венцом над Волгой,
Ульяновск мой!

В ЯЗЫКОВСКОМ ПАРКЕ

Словно небо упало в рощу,
растеклось по кустам кругом.
И зелёную шаль полощет
молодая берёзка в нём.

Синь озёрная, запах мяты...
И волненье растёт в груди:
здесь с Языковым Пушкин когда-то,
как мальчишка, в обнимку ходил.

Говорили, верно, поэты,
о тебе, родная страна,
что собой заняла полсвета,
а у них – всё сердце сполна.

ГОЛОСА ХАТЫНИ

И в зной, и в ветер – в морозную стынь,
из века в век – без слов
будет стонать и плакать Хатынь
медным звоном колоколов.
Не выплакать им той скорбной тоски:
утрата сильна и остра -
здесь сердце, разбитое на куски,
падало в пламень костра.
Этим костром вся Хатынь была,
и люди, что жили тут,
горели факелом, и дотла
сгорали звёздами на лету.
И в зной, и в ветер – в морозную стынь,
из века в век – без слов
будет стонать и плакать Хатынь
медным звоном колоколов.

Варвара ЮШМАНОВА (р. 1987)

30 августа. 35 лет исполняется поэтессе, журналисту Варваре Алексеевне Юшмановой (р. 30.08.1987, г. Братск Иркутской обл.). Окончила Ульяновский государственный университет, Литературный институт имени А.М. Горького. Работала журналистом в Ульяновске и Красноярске, в газете «Ангарская правда». Публиковалась в газете «Вестник» (Ульяновск); поэтических сборниках «Братск – Пушкину», «Жизнь творчества», «Эпоха снегопада» (Братск); литературных журналах «Волга – XXI век» (Саратов), «День и ночь» (Красноярск), «Юность» (Москва), «Нева» (С.-Петербург) и др. Лауреат премии имени Риммы Казаковой «Начало» (2014). Автор книги стихотворений «Жизнь около» (2017). Живёт в Москве.

Говорливый полдень тонет в пенах,
Выхлопных и тех, что льют из труб.
Город в пробках, словно вспухших венах,
Мил ещё, но холоден, как труп.

Он бездонен, плоть его червива,
Брошена в объятья мутных вод.
Тучи, словно едкие чернила,
Капают на плечи, на живот.

Череп пуст: ни мысли, ни вопроса.
Тяжесть вечеров звучит как медь.
Дни и люди, злющие, как осы,
Могут только жалить и шуметь.

Не думаю, что космос рухнет,
Пока мы здесь сосём коньяк,
На тесной подмосковной кухне,
Горящей ночью, как маяк.

И раньше было выпивали –
Крепка громада бытия.
О ком мы нынче вспоминали –
Тот вспомнит нас ли? Нет, едва ли.
Мы не враги. Мы не друзья.

Июль не баловал и выцвел,
Лежит полночным полотном.
Гроза в пути, и зреет выстрел
Над нашим крохотным окном.

Но всё пьянее, всё счастливей –
Мы знаем: здесь, на этаже
Мир устоит.
И смоем ливень
И пыль, и тяжесть на душе.

Печенье раскрошится. Вспомнится о тебе –
Человеке-луче... Макаешь его в какао.
Говорить о любви теперь мне имеет право
Только Элвис. И верится, хоть убей.

Мы не виделись лето. И накануне дня
Моего рождения жизнь поменяет ритмы.
И возникнут уже другие мужские рифмы,
Те, которые нас не будут обременять.

Уходи же, воспоминание, раскрошись.
Столько времени перепортили сожаленья.
Я не буду себе выдумывать настроенья.
Просто утро. Просто печенье. И просто жизнь.

Солнце светило нехотя, вполнекала,
Город совсем не гладило, не любило,
Тучки у горизонта припарковало,
Томно ленилось, плющилося до овала,
Даже туманов хлипких не пригубило,
Тонким лучом подсматривало причастно,
Думало: «Нет, пожалуй, не нужно жара.
Повременю, а в сумерки станет ясно,
Будет ли завтра снова больна Варвара».

Наталья ЖИРКЕВИЧ (1932–2020)

31 августа. 90 лет назад родилась литератор Наталья Григорьевна Жиркевич, литературный псевдоним Жиркевич-Подлесских (31.08.1932, г. Ленинград – 15.11.2020, г. Фрязино Московской обл.). Праправнучка симбирского губернатора И.С. Жиркевича. Работала в музыкальной школе №14 в Москве. Автор и составитель книг «По Пскову-то сам Пушкин мне земляк...» (2000), «Александр Жиркевич. Потрясенные тени. Симбирский дневник» (2007), «А.В. Жиркевич. Встречи с Толстым. Дневники. Письма» (2009), «Настоящий друг русских классиков...» (2017), «Письма И.Е. Репина А.В. Жиркевичу» (2019). Не раз приезжала в Ульяновский областной художественный музей (1987, 1997, 2007, 2017).

Николай ЮШКОВ (1847–1911)

175 лет со дня рождения писателя, музыкально-театрального критика Николая Фирсовича Юшкова (1847, г. Казань – 13.06.1911, там же). Окончил Казанский университет. В середине 1870-х гг. совершил путешествие на пароходе по Волге и Дону, в т. ч. побывал в Симбирске и Сызрани. Свои впечатления от поездки описал в книгах «На пути. Очерки и наброски. От Казани до Царицына» (1877, Казань), «Путевые очерки и картины» (1878, Пенза). В 1888 году издал отдельной книгой повесть «Бог с тобой». Вёл переписку с Ф.М. Достоевским, был его комиссионером по делам книжной торговли в Казани. Один из организаторов Казанского общества любителей изящных искусств. Автор книг о русской литературе и театре.

НА ПУТИ (отрывок из очерка)

Сызран стоит не на самой Волге, и только в весеннее время пароход подходит почти к самому городу. Говорят, что давно-давно Волга шла у самого берега, но затем изменила своё течение, оставив на месте своего старого ложа – лишь проток Сызранскую воложку. Когда вы подъезжаете к городу сверху, то он покажется вам необыкновенно большим и красивым городом, со множеством церквей. И точно, Сызран довольно большой, широко раскинувшийся город. Город делится на две части огромным оврагом, по которому текла река Крымза, но почти на самой середине города, через овраг этот, построена громадная плотина, запрудившая течение Крымзы, чтобы направить его на мельницу, построенную у одного из берегов оврага. Через это образовалась огромная пропасть, идущая до Волги, по которой разливается на всём протяжении осенью глубоко вода Крымзы, пробивающаяся с мельницы. Летом эта гать Крымзы пересыхает, застаиваясь лишь на некоторых местах, а так как сюда же сваливается навоз и разный мусор, то летом весь этот овраг образует целый ряд болот стоячей воды, разливающий по городу не весьма благоуханный аромат, что, конечно, не может иметь хорошего влияния на здоровье жителей.

В городе имеется, конечно, земская больница, помещающаяся в двух зданиях, с некоторым удобством в гигиеническом отношении. В них могло бы поместиться человек до пятидесяти, но обыкновенно больных бывает от 70 до 120 человек; из них одна треть сифилитиков. Содержание больницы довольно удовлетворительно, но одежда больных очень плоха. С этим ещё можно бы примириться, но с теснотой положительно нельзя. Воздух в больничных помещениях через это, конечно, очень скверный. Больницами заведуют два врача – один из Казанского университета, только что окончивший курс. При больнице имеется своя аптека, из которой лекарства отпускаются бедным даром. Вольной продажи нет. В городе же имеются две аптеки, обе они де факто принадлежат одному лицу, а потому при отсутствии конкуренции ведут дело очень не хорошо, сильно эксплуатируя публику.

Город с проведением дороги начал сильнее и сильнее обстраиваться, так что в год строится домов до шестидесяти. Но такое увеличение построек не вызвало понижения цен на квартиры, напротив, цены эти всё растут. Номера для проезжающих, например, отдаются в сутки от 50 коп. до 3 руб. Номера эти крайне плохи. За постой берут за полные сутки, хотя бы вы простояли не более 2-3 часов.

За проезжающими утверждён строгий надзор. Вы ещё не успели остановиться, как в номера является жандарм узнать о вашем звании.

Когда вы подъезжаете к Сызране с Волги, то тотчас же убеждаетесь, что город, должно быть, усиленно строится – между воложкой и городом, на большом протяжении, навален лес и даже настроен целый ряд изб – для распродажи, как объяснил мне мой извозчик. Попав в Сызран после довольно сильного дождя, я имел удовольствие ознакомиться с тем, что называется сызранская грязь. Лошади едва вытаскивают из неё ноги, а пешеходы так едва решаются переходить через улицы, а не то что идти по ним. Но едва ли не ещё опаснее проходить по сызранским тротуарам – деревянным, прогнившим доскам. Мне говорили, что на этих тротуарах не раз прохожие ломали себе ноги и принуждены бывали лечиться в больницах. Не мешало бы городу подумать об этом. Уж лучше пусть не будет в городе вообще тротуаров, чем такие капканообразные сооружения, какими они являются в настоящее время. В Сызране два средних учебных заведения: реальное училище и женская прогимназия. В Сызране мне особенно много говорили о последнем учебном заведении – и говорили очень много плохого.

Общественная жизнь идёт, как во всех уездных городках, впрочем, давно существует клуб, где, конечно, кипит карточная игра, иногда разгулявшиеся сызранцы отхватывают здесь и трепака. В городе имеется довольно порядочная публичная библиотека, которой, конечно, нельзя не пожелать всего хорошего. Будем надеяться, что такие учреждения будут постоянно развиваться и улучшаться – нельзя не пожелать только одного, чтобы при городских публичных библиотеках организовывались отделы – письменных произведений, чтобы сообщались в них рукописи, записки, сборники местных песен, пословиц, поговорок и хотя небольшой музей местных произведений и разных местных производств, для наглядного ознакомления с местностью. Затем могли бы здесь приютиться образцы одежды, земледельческих орудий и проч.

В 40 верстах от Сызрана имеется суконная фабрика, на которой вырабатываются сукна верблюжьих, солдатские, шали, одеяла и проч. Верблюжья шерсть, говорят, доставляется сюда из Уральска. Сбыт себе они находят на Нижегородской и Харьковской ярмарках, идёт и в войска, по казённым подрядам...

Алексей ТОЛСТОЙ (1817–1875)

5 сентября. 205 лет назад родился поэт, драматург, прозаик, переводчик Алексей Константинович Толстой (05.09.1817, г. С.-Петербург – 10.10.1875, с. Красный Рог ныне Почепского р-на Брянской обл.). Тройродный брат Л.Н. Толстого. Летом 1841 года отправился в Оренбург к своему дяде В.А. Перовскому, местному генерал-губернатору; приезжал в Оренбург и позже, не раз бывал проездом в Симбирской губернии. Автор повести «Упырь» (1841), романа «Князь Серебряный» (1863), исторической трилогии «Смерть Иоанна Грозного» (1866), «Царь Фёдор Иоаннович» (1868) и «Царь Борис» (1870), стихотворной сатиры «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» (1868) и др.

Край ты мой, родимый край,
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле!

Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья,
Ветер, степь да тучи!

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдалённой свирели,
Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моём сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь –
Я вижу печальные очи,
Я слышу весёлую речь;

И грустно я так засыпаю,
И в грёзах неведомых сплю...
Люблю ли тебя – я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!

Уж ласточки, кружась, над крышей щебетали,
Красуясь, идёт нарядная весна:
Порою входит так в дом скорби и печали
В цветах красавица, надменна и пышна.

Как праздничный мне лик весны
теперь несносен!
Как грустен без тебя дерев зелёных вид!
И мыслю я: когда ж на них повеет осень
И, сыпля жёлтый лист, нас вновь соединит!

Мне в душу, полную ничтожной суеты,
Как бурный вихорь,
страсть ворвалась нежданно,
С налёта смяла в ней нарядные цветы
И разметала сад, тщеславием убранный.

Условий мелкий сор крутящимся столбом
Из мысли унесла живительная сила
И током тёплых слез, как благостным дождём,
Опустошённую мне душу оросила.

И над обломками безмолвен я стою,
И, трепетом ещё неведомым объятый,
Воскреснувшего дня пью свежую струю
И грома дальнего внимаю перекаты...

Александр БУРМИСТРОВ (1932–2015)

7 сентября. 90 лет со дня рождения писателя, журналиста Александра Ивановича Бурмистрова (07.09.1932, с. Шаховское Павловского р-на Средневолжского края, ныне Ульяновской обл. – 02.07.2015, г. Дрезна Орехово-Зуевского р-на Московской обл.). Учился в Павловской средней школе. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1967). Более 20 лет работал учителем в школе. Член Союза писателей СССР. Автор книг прозы «Начало» (1989), «Сезам, откройся» (2012); пьес «Сын человеческий», «Странник»; повестей «Игра с огнём» (2007), «Двое на дороге», «Плюшевый медвежонок». В 2000-е гг. жил в г. Дрезна; часто приезжал в село Шаховское, подарил свои книги местной библиотеке.

НАЧАЛО (отрывок из повести)

Солнце не успело пройти и половину своего обычного дневного пути над Каменском, когда погода переменялась. Тяжёлая лиловая туча накрыла Липовую гору, дымящиеся трубы металлургического завода и разбросанный по берегам Юрюзани притихший город. Огненным росчерком вспыхнула молния; оглушающий удар грома, сотрясая онемевшее пространство, раскатился над крышами домов. Вода в Юрюзани потемнела; тополя на улицах дрогнули, качнули обнажёнными ветками, отзываясь на резкий порыв ветра. Защёлка по асфальту приближающийся дождь и вдруг хлынул сплошными потоками, соединяя небо и землю.

Дождь застал меня на улице. Подняв воротник плаща, надвинув на лоб козырёк кожаной кепки, я осторожно, с опаской, словно не надеясь на прочность плаща и кепки, вступаю в приблизившуюся ко мне, всё заслонившую собой шелестящую водяную завесу. Принимаю на себя часть падающей на улицу воды, ощущая головой и плечами её упругую холодную тяжесть, словно поддерживаю дождь головой и плечами. Дождевые струи, которые не успевают соединиться с моим плащом или кепкой, когда я делаю шаг вперёд, разбиваются сзади о твёрдую неподвижность тротуара.

Город, застигнутый врасплох непогодой, замер, как улитка в раковине, и дождь безраздельно хозяйничает на его опустевших, беспомощно раскрытых улицах. Серыми косыми линиями штрихует он дома, деревья, кусты акации, одиноких прохожих.

В подъезде Дома культуры меня встречает Витёк Остальцев, мой одноклассник и друг. Витёк без шапки, мокрые волосы прилипли ко лбу жидкими косицами. Он невысок, с круглым мальчишеским лицом, светлыми, всегда как бы расширенными от удивления глазами и пухлым, с опущенными уголками, печальным ртом. В его лице есть что-то напоминающее святого мудрого младенца, которого несёт людям, ступая по облакам, знаменитая мадонна Рафаэля.

Витёк стоит возле афиши с начертанным на ней огромным красным словом «Бокс», коротким и неожиданным, точно удар. Сгорбившийся, шуплый, с намокшими волосами, с обтрёпанной ученической

сумкой через плечо, он выглядит ужасно нелепо рядом с афишей, рядом с устрашающе красным словом, которое как будто предостерегает каждого проходящего мимо о возможной близкой опасности.

Я избегаю по ступеням подъезда, подхожу к Витьку:

– Ребята обещали прийти, – говорит Витёк. – Сразу же после школы... И Лариса, и Барабанов, и Сонечка Глухова. Будем болеть за тебя.

– Тронут вниманием, – говорю я, стряхивая дождевики с плаща и кепки. – Но лучше, если бы вы сидели дома в такую погоду.

В широко раскрытых вопрошающих глазах Витька затаённая тревога.

– Ты с кем драться будешь?

– Не драться, а работать, – улыбаюсь я. – Дерутся только хулиганы на улице... неорганизованно и стихийно.

– Ну, хорошо... пусть «работать», – говорит Витёк. – С кем будешь работать?

– С каким-то Хлыбовым... из профтехучилища.

– Как он?

– Что «как»?

– Сильный?

Я хлопаю Витьку по плечу, говорю с наигранной бодростью:

– Ничего, всё будет в порядке. Я ведь тоже не слабак.

Круглое мальчишеское лицо Витька бледнеет, губы вздрагивают.

– Желаю успеха, – говорит он.

– Спасибо, – говорю. – Пойдёшь со мной в зал?

– Нет. Что мне там делать? Лучше здесь ребят подожду.

Время идёт нестерпимо медленно, натужными рывками. Будто движется по бесконечно однообразному полю тяжёлая телега, запряжённая уставшей лошадью.

Я сижу на низенькой неудобной скамейке и бинтую свои отяжелевшие, непослушные руки. Привычно, тщательно (каждое движение отработано до автоматизма) обматываю суставы плотной эластичной тканью и напрасно пытаюсь сосредоточиться, забыть об окружающем...

Андрей БАРАНОВ (р. 1962)

7 сентября. 60-летний юбилей отмечает писатель Андрей Александрович Баранов (р. 07.09.1962, г. Винница Украинской ССР). Брат поэтессы Е.А. Яговкиной. В 1967–2002 гг. жил в Ульяновске; окончил УлГПИ им. И.Н. Ульянова. Посещал литературное объединение «Надежда»; один из создателей студенческого литобъединения «Зеркало». В 1982 году принял участие в подготовке самиздатовского сборника «Третий сын». Работал учителем русского языка и литературы в школе, преподавателем вуза, сотрудником института повышения квалификации. Автор поэтических сборников «Странник» (1998, в книге «Дуэт для скрипки и альта»), «Крылья деревьев» (2009), «Невыразимое» (2013), «Весёлые стихи» (2015), двух книг прозы «Полёт бабочки» (2021) и «Средневожские хроники» (2022). Живёт в Москве.

РЫБА–ДУША

Перелёты гусиных стай,
запах яблок да свист метели –
я люблю этот дикий край,
мне дарованный с колыбели.
За подарок плачу с лихвой
самой полной стократной мерой:
непутёвой своей судьбой,
схоронённой под сердцем верой.
Я в политику не стремлюсь –
не люблю, когда врут друг другу.
Белокрылая птица-грусть
надо мною парит повсюду.
Я однажды уйду – и всё!
Не ищите в листках поминных!
Позолоченным карасём
поплыву в небесах былинных.
И однажды опять, как встарь,
мою тёплую рыбу-душу,
кинув невод, старик-рыбарь
из глубин извлечёт на сушу.

Эта птица была стрекоза.
И её неземные глаза
бесконечность в себе отражали.
Отражали надмирные дали,
где за лесом темнела гроза.
Луг был необозримо велик.
В нитевидных путях повилик
запутали осколки значенья.
Только синего неба свеченье
да кузнечиков радостный крик
наполняли вселенную смыслом.
Позабылись законы и числа.
Потерявший тропу муравей
заблудился в густой мураве.
Молоко в недрах крынки прокисло,
превратившись в какое-то сусло.
Было тихо, спокойно и грустно.
Нет, скорее надёжно и ясно,
будто жизнь прожита не напрасно...
Вот такое забытое чувство.

ЦВЕТЁТ ЦИКОРИЙ...

Цветёт цикорий, донник и полынь,
восходит солнце, просыхают росы.
Лежу в траве, читаю неба синь,
плюю на все великие вопросы.
Пусть пролетают мимо на коне
те, кто меня догадливей и злее.
От жизни ничего не надо мне,
я ничего, как странник, не имею.
Я просто счастлив тем, что я живой,
и вот лежу, весь мир в себя вплетая,
как этот вот цикорий голубой,
как эта вот ромашка золотая.

Марина КУРЫЛЁВА (р. 1972)

7 сентября. 50 лет исполняется филологу, культурологу, автору стихов и прозы для детей Марине Викторовне Курьлёвой (р. 07.09.1972, г. Ульяновск). Окончила УГПИ имени И.Н. Ульянова (1994). Кандидат филологических наук (2002). Работала учителем русского языка и литературы в школе. Доцент кафедры философии и культурологии УлГПУ имени И.Н. Ульянова. Совместно с А.В. Медведевым выпустила сборники стихов и рисунков для детей «Азбука кошачьих чувств» (2006), «Мышиный класс» (2009), «Кото-Васия» (2017); историко-приключенческую повесть «Матвейкин змей» (2019); повесть-сказку «Тайна королевской розы» (2020). Член Союза писателей России (2021). Живёт в Ульяновске.

ЗИМНИЕ ЯГОДЫ

Что за гомон за окошком,
Там, где искрится снежок,
Где в сугроб не лезет кошка,
А на подступах – каток?

На рябине краснобусой
Свиристелей хоровод.
Очень, знамо, птицам вкусен
Спелых ягодок ледок.

Пляшут, прыгают по веткам,
Облегчают гроздьев вес.
Им рябинки – что конфетки,
Посластятся тут – и в лес!

В ладонь мышонка посадил,
А он шмыгнул в рукав.
Пока его я там ловил,
Он спрятался стремглав.
Совсем его уже достал
Почти подмышкой я,
Но он, проказник, убежал.
Защекотал меня
Хвостом за ухом в тот же миг,
Скользнул за воротник,
Там притаился и затих
Мышонок-озорник.
Но это был – ага! – обман!

Одним лихим прыжком
Забрался он ко мне в карман
И захрустел потом.
Он точно знал, куда спешил.
Ах! Серенький хитрец!
Там про запас давно хранил
Я мятный леденец!

Кот наш нынче недоволен,
Молчалив, угрюм, надут.
Не волнуйтесь, он не болен,
Просто мяса не дают.

На душе скребутся кошки,
Он обижен, сам не свой:
Вместо мяса в его плошке
Китекат лежит сухой.

У нас во дворе злая будка живёт,
Рычит на прохожих и лает,
А если случайно кто рядом пройдёт,
Собаку на них выпускает.

Очень учёная белая мышка
На ночь читала хорошую книжку,
Носиком трогала буквы и строки,
В чтении мышки – известные доки!
Жалко лишь то, что в хорошей той книжке
Дырки в страницах оставила мышка.

Епископ АНТОНИЙ (1847–1918)

8 сентября. 175 лет со дня рождения деятеля русской православной церкви, духовного писателя, епископа Антония, в миру – Михаила Симеоновича Флоренсова (08.09.1847, с. Труслейка ныне Инзенского р-на Ульяновской обл. – 20.02.1918, г. Москва). Окончил Симбирскую духовную семинарию (1870). Преподавал в Симбирской духовной семинарии и Мариинской гимназии; служил в кафедральном соборе Николая Чудотворца. Епископ Острожский (1890–1894), Вологодский и Тотемский (1894–1895). Автор сочинений «Палинодия» Захарии Копыстенского» (1873), «Поучение на Богородичный праздник» (1906) и др. С 1904 года под его духовным руководством находился философ П.А. Флоренский.

Сергей НИЛУС (1862–1929)

9 сентября. 160 лет назад родился прозаик, публицист Сергей Александрович Нилус (09.09.1862, г. Москва – 14.01.1929, с. Крутец ныне Александровского р-на Владимирской обл.). Окончил Московский университет (1886). Служил кандидатом на судебную должность при прокуроре Симбирского окружного суда (1886–1887). В 1903 году издал книгу «Великое в малом»; в 1905-м во втором издании впервые опубликовал «Протоколы сионских мудрецов», авторство которых приписывали симбирянину М.В. Головинскому. Автор книг «Святыня под спудом. Тайны православного монашеского духа» (1911), «На берегу Божьей реки» (1911), «Близ есть, при дверех. О том, чему не желают верить и что так близко» (1917).

БЛИЗ ЕСТЬ, ПРИ ДВЕРЕХ... (отрывок из книги)

Молиться надо!..

Что-то грозное, стихийное, как тяжёлые свинцовые тучи, навалилось непомерною тяжестью над некогда светлым горизонтом Православной России. Не раз омрачался он: слишком тысячелетняя жизнь нашей родины не могла пройти без бурь и волнений в области её духа, но корабль Православия, водимый Духом Святым среди ярившихся косматых волн, смело и уверенно нёс Россию к цели её, назначенной, в Предвечном Совете. Стихали бури: и по-прежнему, в безбрежном просторе вечности, в неудержимом своём беге к определённой цели, наш православный корабль рассекал смирявшиеся и вновь покорные волны.

Бог избрал возвеличенную Им Россию принять и до скончания веков блюсти Православие – истинную веру, принесённую на землю для спасения нашего Господом Иисусом Христом. Мановением Божественной Десницы окрепла Православная Русь на диво и страх врагам бывшим, настоящим и... будущим, но только при одном неременном условии – соблюдения в чистоте и святости своей веры.

С непонятной жаждой новизны стремились мы вступить в новый XX век.

Следившим за современной печатью того времени памятна, вероятно, та полемика, которая возникла по вопросу о том, какой год считать за начало XX века – 1900-й или 1901-й? Большинство полемистов так торопилось закончить счёта с XIX-м веком, что признало за 1900-м право именовать себя первым годом нового века, не дожидаясь наступления того, который и по самому названию своему был действительно первым (1901).

Точно некая незримая сила толкала нас разорвать необузданным порывом цепи, связующие наше настоящее со всеми заветами прошлого, насильнически вынуждая забыть, что только в великих заветах прошлого и было заложено зерно той жизни и значения, которыми мы пользуемся в этом видимом мире. Наши первые шаги на пути нового столетия ознаменовались ярко и резко выраженными стремлениями сбросить с себя ярмо устоев нашей духовной жизни, и в безумии своём мы первый удар нанесли под самое сердце своё – в наше Православие. Эпопея воинствующей толстовщины, проповеди самозванных лжеучителей, направленные к разрушению семейных начал, к осквернению таинства брака; наконец, в недавние дни откровенная и открытая проповедь «свободного соращения из Православия» и им подобные, как туча

отравленных змеиным ядом стрел, пущенная неслетною ратью из вражеского стана, укрепленного почти поголовным равнодушием к вере наших отцов, закрыла от нас, кажется, навсегда свет самого Солнца правды...

Так писал я в 1901 году в книге моей «Великое в малом», с ужасом внимая отдалённым громам надвигавшейся на Россию и на мир грозы роковых бедствий. И не один я слышал эти приближавшиеся громаы: слышали их все, веровавшие Богу своему в простоте детского сердца и не внимавшие обольстительным учениям премудрости века сего, учениям бесовским; слышали все, от среды которых не был отъят «Держай» – благодать Духа Святого, подаваемая одним только смиренным и послушным овцам Христова стада; слышала их вся Церковь верных, чуждых церковного обновления в прикровенно-антихристовом духе. Все слышали, но не все говорили открыто, потому что не все умели говорить, как бы хотели.

Большинство братьев наших умело только молча страдать и молча плакать в незримой миру тишине своей уединённой к Богу молитвы

И вскоре, в дни плача нашего и нашей великой скорби, даровал нам Господь нового великого заступника и ходатая, преподобного отца нашего Серафима Саровского. И в великие Саровские, Серафимовы дни, когда казалось, что само небо спустилось на землю, и лики ангельские с ликами певцов земли «среди лета пели Пасху», воспевая хвалу Богу, дивному во святых своих: в те дни для верного и чуткого сердца православного русского человека благоволил Господь воочию явить тайну величия и мощи России, заключённую в единении Божию Помазанника – Царя с его народом, в общении веры, любви и молитвы к Богу и новоявленному преподобному, великому ходатая перед Богом за православную землю Русскую.

Бог говорил в Сарове с народом Своим, новозаветным Израилем, с Россией, последней на земле хранительницей Православной Христовой веры и Самодержавия, как земного отображения Вседержительства во вселенной Самого Троицостасного Бога.

И через самого преподобного говорил России Господь слово Своё о том же, о том, как нужно ей хранить и оберегать во всякой чистоте и святыне великую ту тайну, которою крепка была Россия от смутных своих дней даже до сего дня...

Иван СИВОПЛЯС (р. 1972)

9 сентября. 50-летний юбилей отмечает историк, литератор, краевед Иван Эдуардович Сивопляс (р. 09.09.1972, г. Москва). Окончил историко-архивный институт (1998). С 1987 года живёт в Ульяновске. Работал в Государственном архиве Ульяновской области. С 2004 года – научный сотрудник Музея-заповедника «Родина В.И. Ленина»; одновременно с 2013-го – методист Центральной библиотечной системы Ульяновска. Автор краеведческих изданий «Истории с картинками» (2008), «Прогулка с Августом Шодэ» (2014), «Улицы наших героев» (2015), «Симбирское время Ленина» (2019) и др. Лауреат выставки-конкурса «Симбирская книга» (2013). Обладатель Гран-при областной премии «Шапка Мономаха» (2020).

ИСТОРИИ С КАРТИНКАМИ (отрывок из книги)

Таволжанка, Белый Ключ, Оборино, Ховрино – эти селения расположились вдоль берега речки Барыш... Селения старинные, мирные крестьянские труды. Едва ли что напоминало тогда, в XIX веке, и напомнит теперь о настоящей битве, разыгравшейся между жителями соседских селений по настоящему жарким июльским днём 1750 года...

Сразу вспоминается старинная поговорка про драку панов, от которой трещат волосы на головах у ихних хлопцев. Соседними селениями владели тогда разные владельцы: Таволжанкой владели полковник Тимофей Аяцков и братья-отставники – каптенармус Прокофий да капрал Григорий Тимофеевы дети Оборины, в Белом Ключе обитали вольные пашенные солдаты, а в Ховрине барствовал отставной генерал Иван Павлович Оболдуев.

Это был ещё тот вояка! Сорок лет отбарабанил он на службе России в лучшем гвардейском полку Преображенском. Под водительством самого государя Петра Великого 27 июня 1709 года был Оболдуев шведов под Полтавой, был контужен неприятельской бомбой. В июне следующего года он был сброшен с крепостной стены во время осады города Риги, но остался жив, на грозу всё тем же шведам.

25 апреля 1742 года, в день торжественной коронации дочери Петра, императрицы Елизаветы Петровны, уважаемый полковник Оболдуев командовал караулами преображенцев в Кремлёвском Дворце, за что удостоился Высочайшей похвалы и золотой медали.

Но отгремели битвы и праздничные салюты. Отставной генерал решил заняться хозяйством. Он приехал в Ховрино, зажил барином, сменил парадный мундир на китайчатый халат. Но поскольку за прошедшую жизнь он овладел единственным искусством – войной, то для начала Оболдуев решил отвоевать у соседей санные покосы вдоль реки Барыш. Отрядив летом 1748 года крепостных своих мужиков, он приказал им выкосить соседское сено и сvezти его в Ховрино.

Поражённые генеральской наглостью, пашенные солдаты и братья-отставники подали на соседа в суд. Но Оболдуев и в ус не дул. На другой год он велел засеять спорные луга пшеницей и осенью собрал неплохой урожай. В 1750 году повторилась та же история. Но теперь соединённые соседи договорились действовать против наглеца его же методами, сжать хлеб и поделить его между собой. Жатву назначили на 9 июля. Явиться в луга порешили с дубьём и дрекольём, чтобы дать в случае чего взбучку оболдуевским.

Генерал вовремя проведаль про планы соседей. В назначенный день с раннего утра у крыльца барского дома было приказано собраться всем ховринским мужикам, кроме стариков. Две сотни «воинов» сжимали в руках дубины, колья и березины. Оболдуев в мундире вышел на крыльцо и обратился к «войску» с энергичною речью: зерно отстоять, пощады врагу не давать, а за ним не заржавеет, гульнёте, робяты, коли вернёте с победой.

«Армию» возглавили самые верные люди, повидавшие с барином настоящие битвы – сельские старосты Сазон Васильев и Яков Чернышёв. Крестьянскую «пехоту» подкрепила «конница», состоящая из дворовых людей – «Иван Кашенов со товарищи». У дворовых были ружья и гранаты, чугунные, круглые, начинённые порохом, зажигаемые фитилями.

Толпа белоключевских «солдат» и таволжанских мужиков была раза в полтора больше, но экипирована куда хуже – только дубьё, серпы и косы. Ею командовали лично отставные вояки братья Оборины. Более пяти сотен человек сошлись среди спорной пшеницы. После обмена ругательствами с обеих сторон полетели палки, камни, потом загремели выстрелы, а там – и загрохали, разрываясь, гранаты!..

Первый же взрыв наповал сразил братьев Обориных, оробевшая толпа, оставшись без предводителей, побежала, а пули и осколки продолжали выбивать бегущих. В пять минут дело окончилось. На пшеничном поле стонали раненые и молча лежали убитые – четырнадцать человек... До вечера гуляли победители от барских щедрот, а на другой день вышли жать плоды победы – отвоёванную пшеницу.

Генералу Оболдуеву пришлось забыть о покое – теперь он сражался уже в судах, энергично сваливая всю вину за бой на несчастных братьев Обориных. Дескать, это они раздобылись у какого-то майора Шишкина гранатами, стали бросать их в его молодцев, мирно гулявших вдоль речного побережья, но волею Провидения сами же от тех гранат и сгнули. Мёртвые, как известно, за себя постоять не могут.

Но за них стоит Господь. Двух лет не прошло, как бойкий генерал Оболдуев отправился к Немцу на суд. А суд человеческий по делу о битве у реки Барыш растянулся на целых четырнадцать лет и закончился, как это часто на Руси случалось, пшиком.

Александр ТРАПИЦЫН (1862–1938)

10 сентября. 160 лет назад родился духовный писатель, архиепископ Александр, в миру – Александр Иванович Трапицын (10.09.1862, с. Волма ныне Кирово-Чепецкого р-на Кировской обл. – 14.01.1938, г. Куйбышев, ныне Самара). В 1920 году был назначен епископом Симбирским и Сызранским. В 1923-м приговорён к 6 месяцам принудительных работ. После освобождения вернулся в Симбирск; жил в Ульяновске до 1928 года. Отбывал ссылку на Урале; в 1936-м вернулся в Ульяновск. Автор сочинений и книг «Из впечатлений паломника во Святую землю» (1898), «Под пером светского писателя рационалиста» (1903), «Догмат и этика» (1903), «Назидательное значение Серафима Саровского для нашего времени» (1905) и др.

ИЗ ВПЕЧАТЛЕНИЙ ПАЛОМНИКА ВО СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ (отрывок из сочинения)

Воздвигнутый сто лет тому назад на развалинах небольшого турецкого укрепления Хаджибея, город Одесса по благоустройству и богатству своему занимает одно из первенствующих мест среди городов Империи. С какой бы стороны вы ни въезжали в город – со стороны ли моря или по железной дороге, – Одесса производит на вас приятное впечатление. Широкие, по большей части ровные улицы, обильно обсаженные деревьями по обеим сторонам, иногда даже в два ряда с каждой стороны, прекрасные, всегда содержимые в чистоте и опрятности, гранитные мостовые, величественные и роскошные здания и щегольские магазины, постоянное движение экипажей и пешеходов – всё это в совокупности представляет довольно изящную картину. Особенно красивы улицы Екатерининская, Ришельевская и Пушкинская; на Ришельевской улице находится грандиознейшее и самое лучшее по архитектуре здание города – городской театр.

Как город новый, Одесса не имеет памятников отдалённой древности. Все достопримечательности Одессы состоят в сооружениях новейшего времени. Из них особенного внимания заслуживает, во-первых, грандиознейшая гигантская лестница, ведущая к морю с Николаевского бульвара. Взглянуть на эту широчайшую лестницу и по ней спуститься вниз или подняться вверх считает своей обязанностью всякий путешественник. Об этой лестнице упоминается в любом учебнике географии. Лестница вся гранитная и состоит из двухсот ступенек с десятью широкими площадками. Внизу лестницы находится небольшая церковь Святого Николая, известная под названием Приморской. Вверху же лестницы, на горе, помещён памятник Дюку де Ришелье, отлитый из бронзы и представляющий Ришелье в римской тоге с непокрытой головой; правая рука его протянута к морю, в левой он держит свиток. Памятник воздвигнут в 1828 году; на нём имеются следующие надписи: «Герцогу Еммануилу, управлявшему с 1803 по 1814 год Новороссийским краем и положившему основание и благосостояние Одессы. Благодарные к незабвенным его трудам жители всех сословий сего города и губерний Екатеринославской, Херсонской и Таврической воздвигли памятник сей в 1826 году. При новороссийском генерал-губернаторе графе Воронцове».

Другая главная достопримечательность Одессы и кормилец её – это одесский порт; ему Одесса обязана быстрым обогащением и своим нынешним положением. Одесский порт имеет три гавани:

Карантинную – для судов, прибывающих из-за границы; Практическую – для каботажных судов – и Новую. Все набережные порта облицованы гранитом, что придаёт им красивый и внушительный вид. Карантинная гавань тонкостью профиля и способностью выдерживать силу часто дующего здесь восточного ветра вызывает удивление всех прибывающих в Одессу моряков-иностранцев. Карантинный мол, имеющий закруглённый вид и служащий для защиты входа в гавань, оканчивается электрическим маяком с меняющимися огнями. От конца мола по направлению к Практической гавани тянется брекватер (волнолом), назначение которого – защищать гавани от прибоя волн с моря.

Быть в Одессе и не побывать в окрестностях её – на фонтанах и лиманах – значит не получить полного представления об Одессе. Одесские фонтаны суть не что иное, как городские предместья, расположенные вдоль морского берега и занятые множеством дач с роскошной при них растительностью. Под названием фонтанов в Одессе известны четыре предместья города: Ланжерон, Малый, Средний и Большой фонтаны. С фонтанов открывается обширный вид на море. Лиманы одесские – это солёные озера, некогда бывшие, как полагают, морскими заливами, теперь разъединённые с морем. Лиманы известны целебностью своих вод и в летнее время привлекают в Одессу с разных концов России массы больных для пользования лиманными купаниями. Вблизи Одессы три лимана: Куяльницкий, Хаджибейский и Клейн-Либентальский. Из всех этих предместий Одессы я имел возможность побывать в Ланжероне, на Малом фонтане и на Хаджибейском лимане.

Ланжерон расположен очень недалеко от города и занимает живописнейшее местоположение на берегу моря, но из-за неумелости владельца этой местности утилизировать природные дары имеет запущенный вид. Со стороны города к Ланжерону примыкает роскошный Александровский парк, получивший своё название в память Императора Александра II, который утвердил план парка и собственноручно посадил здесь дубок в 1875 году. Дубок этот заботливо охраняется городским общественным управлением и в настоящее время достиг уже изрядной высоты и величины. На холме подле дубка поставлен памятник-колонна Императору Александру II, оканчивающийся сверху бронзовой шапкой Мономаха...

Аполлон КОРИНФСКИЙ (1867–1937)

10 сентября. 155 лет назад родился поэт, этнограф, переводчик Аполлон Аполлонович Коринфский (10.09.1867, г. Симбирск – 12.01.1937, г. Калинин, ныне Тверь). Сам в анкете писал, что родился в 1868 году. Детство провёл в Ртищевско-Каменском околотке (ныне с. Полбино Майнского р-на Ульяновской обл.). Учился в Симбирской классической гимназии (1879–1885). Автор поэтических сборников «Песни сердца» (1894), «Чёрные розы» (1896), «На ранней зорьке» (1896), «Тени жизни» (1897), «Гимн красоте» (1899), «В лучах мечты» (1906), «Песни Баумбаха» (1906), «Песни голи» (1909), «Под крестною ношей» (1909), «Поздние огни» (1912) и др. С 1929-го жил в Твери. Его именем названа улица в Ульяновске.

Венок цветущих иммортелей,
В своей печальной красоте,
Висит под сенью старых елей
На покачнувшемся кресте.
Но безымянная могила
Молчит про то, кто в ней зарыт,
О ком молва не сохранила
Ни лжи, ни правды в камне плит.
Но может быть, и здесь витала
Недавно фея светлых грёз
И холм надгробный орошала
Святою влагой чистых слёз:
Обросший мохом крест убогий –
Соперник памяти людской,
Могильных сводов сторож строгий,
Увенчан любящей рукой...
Всесильна вечностью своею
Слепая смерть, но всё же власть
И сила есть у нас над нею:
Та власть – любовь, та сила – страсть!
Под балдахином хмурых елей
О них гласит моей мечте
Венок печальных иммортелей
В своей цветущей красоте...

ЖИГУЛИ

...Жигули, Жигули!..
И – опять предо мной
К облакам вознесли
Горы лес вековой.

Взоры верхом скользят –
От скалы до скалы,
Где лишь тучки парят
Да ширяют орлы.

Люб им Волги простор –
Белопенная гладь,
Зеленеющих гор
Красота-благодать.

Здесь пред ними встаёт
За курганом курган,
Где (гуторит народ)
«Думу думал Степан»,

Где бессудным судьёй
Разин правил свой суд,
Где о воле родной
Бури песни поют...

Поздно! Цветы облетают,
Осень стучится в окно...
Поздно! Огни догорают,
Завечерело давно...

Поздно... Но что ж это, что же, –
С каждой минутой светлей,
С каждым мгновеньем дороже
Память промчавшихся дней!..

В сердце нежданно запала
Искра живого тепла:
Всё пережить бы сначала
И – догореть бы дотла!..

Александр ТИХОНОВ (1937–2013)

10 сентября. 85 лет со дня рождения детского писателя Александра Ивановича Тихонова (10.09.1937, с. Котово Ждановского р-на Сталинградской обл., ныне г. Котово Волгоградской обл. – 14.12.2013, г. Ульяновск). Более 30 лет трудился на Ульяновском моторном заводе; прошёл путь от инженера-конструктора до заместителя главного конструктора завода; запатентовал 43 изобретения. Автор сборников рассказов, повестей и сказок «Цветок улыбки» (1980), «Живёт на земле сказка» (1984), «Лихолетье» (1993), «Сказки Суходола» (2002), «Любовь юной испанки» (2003), «Дети Дарьиной рожи» (2006), «Любовь и флот» (2006), «У седины есть блеск особый» (2007). Член Союза писателей России.

Константин КУКУЕВ (1922–1981)

11 сентября. 100 лет назад родился поэт Константин Яковлевич Кукуев (11.09.1922, с. Степановка Карсунского у. Симбирской губ., ныне Сурского р-на Ульяновской обл. – 07.05.1981, г. Ульяновск; похоронен в с. Белый Ключ Железнодорожного р-на). Участник Великой Отечественной войны (1941–1945); служил адъютантом начальника штаба 130-го Латышского стрелкового корпуса 2-го Прибалтийского фронта. Демобилизовался в звании гвардии капитана. После войны жил в Ульяновске. Публиковал стихи в местных изданиях, в т. ч. в альманахе «Литературный Ульяновск». Дружил с поэтом Н.Н. Благовым. Автор поэтического сборника «Родничок» (1959). Награждён орденом Красной Звезды (1944).

Александр РАССАДИН (р. 1957)

14 сентября. 65 лет исполняется историку литературы, культурологу, литературоведу Александру Павловичу Рассадину (р. 14.09.1957, г. Ульяновск). Окончил УГПИ им. И.Н. Ульянова (1979); много лет преподавал здесь на кафедре литературы. Кандидат филологических наук, доцент. Автор и составитель изданий «Последний из пушкинской плеяды» (2002), «По царству и поэт» (2003), «Поэтическое приношение Николаю Михайловичу Карамзину от благодарных симбирян: «Тебе, наш чистый, добрый гений...» (2016), «Бейсов П.С. Статьи. Дневники. Методика» (2018) и др. Лауреат областной премии имени И.Н. Ульянова (2003). Награждён памятной медалью «200 лет со дня рождения И.А. Гончарова» (2003).

НАДЕЖДА МАНДЕЛЬШТАМ В УЛЬЯНОВСКЕ (отрывок из очерка)

Почти пять лет – с 1949 по 1953 год – Надежда Яковлевна прожила и проработала в Ульяновске.

Наибольшее количество материалов, связанных преимущественно с её педагогической деятельностью, хранится в фонде Р-73 Ульяновского государственного педагогического института имени И.Н. Ульянова Государственного архива Ульяновской области. Это протоколы заседаний учёного совета института, отчёты о работе факультета и кафедр, планы и отчёты по научной работе, о научных командировках и т. д. В официальных бумагах иногда попадаются документы, написанные самой Н.Я., например программа по истории английского языка.

Второй информационный источник – ведомственный архив Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова, где хранятся личные дела преподавателей, к сожалению, не всех.

Разумеется, самым ценным документом архива является личное дело Н.Я. Мандельштам на 19 листах. Из него мы узнаём, что в конце 1948 года – в конце ноября или в самом начале декабря – Н.Я. отправилась из Ташкента на имя директора Ульяновского педагогического института А.А. Бурова заявление следующего содержания: «Я хотела бы переехать в Ульяновск, чтобы преподавать английский язык на кафедре вашего института. Сейчас состою старшим преподавателем САГУ (английский язык). Надеюсь, что в случае вашего согласия смогу освободиться после первого семестра, т. к. ташкентский климат для меня – северянки – губителен. В случае вашего согласия предоставить работу на инфаке, я немедленно подам заявление об увольнении и постараюсь выехать в середине января в Ульяновск. Условия переезда: предоставление полной нагрузки на инфаке по языку и по спец. дисциплинам (особенно желательны теоретические дисциплины – история языка, теория грамматики и др.); предоставление комнаты, по возможности рядом с институтом, а также подъёмные, т. к. из зарплаты переезда не осуществить. Стаж педагогической работы – 10 лет; в

САГУ – 5 лет. Кандидатские экзамены (английская филология) сданы. Н. Мандельштам».

Вердикт директора: «Телеграфировать. Примем работу. Согласны ваши условия. 7/ХІІ – 48 г.». Уволившись из САГУ и приехав в Ульяновск, Н.Я. с 4 февраля 1949 года приказом №22 от 12 февраля 1949 года была принята в Ульяновский институт на должность старшего преподавателя английского языка факультета иностранных языков – на полную ставку и с месячным окладом в 1500 рублей.

Здание пединститута располагалось на одной из самых старых улиц Ульяновска – Стрелецкой, переименованной в 1940 году в связи с 70-летием вождя мирового пролетариата в улицу Ульянова. Построено оно было в конце 1890-х годов по проекту обрусевшего француза – архитектора Августа Шодэ и его младшего сводного брата Эрнста Спаннера как пансион-приют для детей потомственного дворянства. Позднее здание переоборудовали во вторую симбирскую гимназию, а начиная с 1932 года в нём расположился пединститут. Из его окон с восточной стороны открывался вид на Волгу и площадь Республики (ныне бульвар Новый Венец), с юго-западной – сразу на несколько примечательных зданий и сооружений – знаменитую Симбирскую мужскую гимназию, бывший дом губернатора, памятник Н.М. Карамзину.

Для того чтобы добраться из института до корпусов студенческого общежития, в котором поселили и Н.Я., требовалось едва ли больше 10 минут. Необходимо было пройти до самого конца улицы Ульянова – кстати, неизбежно мимо дома, где родился Ленин – до Пролетарской (бывшей Завьяловской) площади, на которой (в доме 21) и располагались оба корпуса общежития.

В личном деле находятся два стандартных «Личных листка по учёту кадров», заполненные Н. Я., первый в феврале 1949 года (при устройстве на работу) и второй 31 августа 1950 года (причина заполнения неизвестна). Редакции в общем повторяют друг друга, но всё же отличаются в деталях.

Так, в поздней редакции непривычно выглядит графа «год и место рождения», где неправильно начертано «1888 год, ноябрь» с последующим исправлением на 1889; в разделе «Основное занятие родителей до Октябрьской революции» указано, что мать была врачом, а отец занимался «математикой

(научная работа)», в ранней редакции – просто «служащие». Основная профессия – учитель с 12-летним стажем, в ранней редакции – педагог со стажем в 8 лет и 5 месяцев. В обеих редакциях отмечены также законченный экстерном Ташкентский университет...

Михаил ЗАВЬЯЛОВ (1897–1938)

15 сентября. 125 лет со дня рождения журналиста, писателя, драматурга Михаила Сергеевича Завьялова (15.09.1897, г. Карсун Симбирской губ., ныне р.п. Карсун Ульяновской обл. – 1938, умер в пересыльной тюрьме). Окончил Порецкую учительскую семинарию (1916). В 1918 году вернулся в Карсун; работал в школе, сотрудничал в местных газетах. Служил в Красной армии, работал в Гомеле, Бежецке, Смоленске. Автор книги рассказов «Ударники» (1932), романа «Фрол Курганов» (1935), пьес «Седьмое чувство», «Весёлая гора». Член Союза писателей СССР (1934). Возглавлял писательскую организацию Западной области РСФСР (1934–1937). Место захоронения неизвестно; реабилитирован в 1955 году.

Сырбай МАУЛЕНОВ (1922–1993)

17 сентября. 100 лет назад родился казахский поэт Сырбай Мауленов (17.09.1922, пос. Тургай ныне Джангельдинского р-на Костанайской обл. Казахстана – 13.02.1993, г. Алма-Ата, Казахстан). Учился в Кызылординском пединституте (1938–1940). С 1971 года редактор газеты «Казах адебиети». Автор поэтических книг «Сборник стихов» (1948), «Голос степей» (1949), «Огни горы Магнитной» (1952), «Товарищ» (1954), «Избранное» (1958), «Тургайские ворота» (1960), «Листья горят» (1964), «Полдень» (1966) и др. Участник Дней литературы и искусства Казахской ССР в Ульяновске 19–20 апреля 1982 года; выступил на творческой встрече с читателями в областном Дворце книги. Народный писатель Казахской ССР (1990).

БАЛЛАДА О МАТРОСЕ

Он плыл, взлетая вверх – и вниз
скользя по круче.
И волны чёрные рвались,
как в бурю тучи.
А небо было высоко –
не прикоснуться.
Земля лежала далеко,
не дотянуться.
Сопровождая крейсера
из тёмной стали,
в холодном небе «мессера»
над ним летали.
На суше враг стоял, паля
ему навстречу, –
далёко небо, да земля
ещё далече...
Его корабль пошёл ко дну
в свинцовом шквале,
где пули каждую волну
полосовали.
Простреливался каждый вал
в азарте боя –
матрос упрямо уповал
на мощь прибора.
И шумная волна легла
на берег косо.
И вправду вынесла,
спасла того матроса.

Перевёл О. Дмитриев

МГА

Февраль. И от огня мокрым-мокро.
Война гремит на Мгинском направлении.
Согласно сводкам Совинформбюро,
Идут бои здесь местного значения.

Некрупным шрифтом набрана строка,
Но в том году под снежную пургою
Она касалась нашего полка,
Моих друзей-солдат над речкой Мгою.

Гремели взрывы. Пули, как шмели,
Жужжали, проносясь над головами.
Шёл трудный бой за каждый клочок земли,
Родной земли, истерзанной врагами.

Шёл бой за ближний лес, за дальний луг,
А там, за ним, – за всю страну родную.
За неба синь. За солнца жёлтый круг.
За рожь в полях. За тишину речную.

От имени отцов и матерей,
Солдатам завещавших землю эту,
Гремели пушки наших батарей,
И шли солдаты в бой за всю планету.

Шли в бой не только за края свои –
Шли, чтобы мир вернуть планете снова...
Мы знали: подо Мгой идут бои
Не местного значенья – мирового.

Перевёл В. Суслов

Анатолий УЛЬЯНОВ (1937–1996)

17 сентября. 85 лет со дня рождения поэта Анатолия Николаевича Ульянова (17.09.1937, с. Нахтуйск Олёкминского р-на Якутской АССР – 02.10.1996, г. Сызрань Самарской обл.). Детство провёл в с. Паньшино Радищевского р-на Ульяновской обл. Учился в Сызранском лётном училище. Трудился в вагонном депо станции Сызрань-1 помощником машиниста, затем токарем. С 1959 года работал в Сызрани сотрудником, заведующим отделом, редактором газеты «За устойчивый урожай». Окончил заочно Литературный институт им. А.М. Горького (1964). Автор поэтических сборников «Стрижи» (1964), «Перед рассветом» (1975), «Рождь зацвела» (1981), «Осенние колокола» (1989), «Последняя тетрадь» (1998).

Не знаю, это с радости иль с горя
(Так много было в прожитом всего)
Внезапно ночью мне приснилось море.
Одно лишь море, больше ничего.

Я тихо плыл – спокойный, полусонный –
И удивлялся этому слегка,
И не искал за тёмным горизонтом
Ни суши, ни челна, ни маяка.

Меня валы баюкали крутые,
Дробились звёзды в вихрях бытия,
И мне казалось – я в своей стихии,
Я вечно был, и вечно буду я.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Стою, смотрю на этот газ,
Горящий бледно и торжественно,
И вижу я солдат, что нас,
Нас заслонили от нашествия.

Их лица скорбны и чисты,
Их взгляды ласковы и солнечны.
Солдаты встали на посты
У края нашей с вами совести.

Они всегда здесь начеку,
Хранят нас верными и честными.
Но почему же, почему
Их называют неизвестными?

Ариадна ЭФРОН (1912–1975)

18 сентября. 110 лет назад родилась переводчица, мемуарист, поэтесса Ариадна Сергеевна Эфрон (18.09.1912, г. Москва – 26.07.1975, г. Таруса Калужской обл.). Дочь поэтессы М.И. Цветаевой. С детства писала стихи; 20 стихотворений были опубликованы матерью в своём сборнике «Психея» (1921). Жила во Франции; в 1937 году вернулась в СССР. В 1949-м была арестована; по дороге в Куйбышевскую пересыльную тюрьму 15 июля проезжала через станции Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово Ульяновской области. Член Союза писателей СССР (1962). Автор изданий «О Марине Цветаевой. Воспоминания дочери» (1989), «Моей зимы снега» (2005), «История жизни, история души» (2008) и др.

На избях – шапки набекрень
И пахнет снегом талым.
Вчера пуржило целый день,
Сегодня перестало.

Одну и ту же множит трель,
Силёнки пробуя, капель.

А снег лежит на берегу
От детских лыж в полоску,
Как будто снятой на бегу
Тельняшкою матросской.

На солнце вспыхнула сосна
И замерла, сияя.
Вот и до нас дошла весна
В последних числах мая.

И вот, в саду старинном
Как в самом раннем детстве,
С лукошком за малиной
Пошла я по соседству.

Сияли в отдаленьи
Платки и платья женщин,
Таз медный для варенья,
И солнце – чуть поменьше.

Всё было неизменно
Иль началось сначала,
И времени, как сцены,
Я чувство потеряла.

ВЕСНА

Не певунья и не красавица –
По медвежьи трудится, старается,
Напрягается тучами,
Кручами,
Всеми реками сонно-могучими,
Каждым корнем и каждой жилою,
Всей своей материнской силою,
Сердцевиною таёжного дерева,
Всей упругостью мускула зверева,
Чтоб из треснувшей оболочки
Ледовитого, мёртвого сна,
Появилась дрожащим комочком,
Необсохшим цыплёнком – весна.

Енисей сливается с Тунгуской,
Старший брат встречается с сестрою.
Та течёт полоской синей, узкой,
Тот – широкой полосой седою.

По груди широкой, богатырской
Стороны чужой, земли сибирской
Пролегают лентой орденскою.

Две реки идут одной рекою,
Две реки идут одной судьбою,
Так, как нам не велено с тобою.
И железные проходят зимы,
И чудесные проходят вёсны
Над моею жизнью нелюбимой,
Над чужой землёй орденосной.
Над чужбиной.

Нури АРСЛАНОВ (1912–1991)

19 сентября. 110 лет со дня рождения татарского поэта, переводчика Нури Газизовича Арсланова (19.09.1912, г. Петропавловск, ныне Республики Казахстан – 12.04.1991, г. Казань). Окончил Казанский техникум искусств (1931). Участник советско-финской и Великой Отечественной войн. В 1941 году был направлен в военное училище Ульяновска, по окончании которого воевал командиром роты на Северо-Западном фронте. Заведовал отделом поэзии в журнале «Казан утлары» («Огни Казани»). Автор поэм «Любовь» (1942), «Русская девушка» (1943), «Дочь бури» (1954), «Зеркало» (1955); сборников стихов «Белые зори» (1967), «Грусть» (1971), «Волга моя – родная сторона» (1982), «Цветы мои» (1987) и др.

КЛУБНИКА

Подивиться можно лику –
Посмотрите на клубнику,
Крупная и красная,
Сладкая, прекрасная.

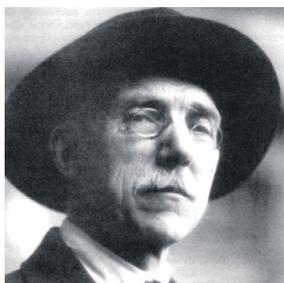
Вся в веснушках-хохотушках,
Любит только тех детей,
Кто заботится о ней!

Перевёл Р. Ахметов

О предках память до сих пор жива.
Здесь чайки над моей парят Иделью,
Здесь мой народ, республика моя!
Весною каждой гуси прилетают,
Ласкает их Идель своей волной.
Подобно этим перелётным стаям,
Разбросаны по свету мы судьбой.
Час возвращенья для одних настанет,
Другим – в надежду верить, как в маяк.
А мне привольно в милом Татарстане –
Мой край родной, республика моя!
Слова старинной песни, как молитва,
Звучат в душе: «Ты, странствуя вдали,
Жизнь постигай, не рви лишь кровных нитей.
Не забывай родной своей земли...»
И где бы ни скитались по чужбине,
Живёт в нас, возвышая и храня,
Твой светлый лик, вовеки негасимый,
Мой край родной, республика моя!

МОЙ КРАЙ РОДНОЙ

Простор степей моей был колыбелью,
Тулпар казахский мчал меня в седле,
Но ветры о Казани дальней пели,
Овеянной легендами земле.
Здесь родина была и есть издревле,

Борис ЖИТКОВ (1872–1943)

20 сентября. 150 лет назад родился зоолог, путешественник, литератор Борис Михайлович Житков (20.09.1872, с. Михайловка ныне Ардатовского р-на Республики Мордовия – 02.04.1943, г. Москва). Окончил Московский университет (1896). Написал «Материалы по фауне млекопитающих Симбирской губернии» (1898), «Материалы орнитофауны Симбирской губернии» (1906). В 1919–1921 гг. начальник Сурской экспедиции Наркомпроса; вместе с С.А. Бутурлиным организовал экспедицию в Симбирское Присурье. Автор книг «О промысле и охране птиц в дельте Волги» (1914), «Охрана животных и разведение пушных зверей» (1919), «Научные основы пушных стандартов» (1925), «Перелёты птиц» (1936) и др.

Павел СМІРНОВ (1882–1947)

21 сентября. 140 лет со дня рождения историка Павла Петровича Смирнова (21.09.1882, г. Симбирск – 02.04.1947, г. Москва). Окончил Киевский университет (1907), где преподавал в 1912–1923 гг.; профессор (1919). Работал в Среднеазиатском университете в Ташкенте, в историко-архивном институте в Москве, в Московском городском пединституте. Доктор исторических наук (1942). Лауреат Государственной премии СССР (1943). Автор изданий «Орловский уезд в конце XVI века: по писцовой книге 1594–95 гг.» (1910), «Города Московского государства в первой половине XVII в.» (1919), «Волжский торговый путь в древние русы» (1927), «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.» (1948) и др.

ПОСАДСКИЕ ЛЮДИ И ИХ КЛАССОВАЯ БОРЬБА (отрывок из книги)

Царь Михаил Фёдорович скончался 12 июля 1645 года. Он умер в трудную минуту: его внешняя политика, которую вели от его имени патриарх Филарет и потом боярин князь И.Б. Черкасский, дважды оказалась неудачной; внутреннее положение было напряжённым и становилось опасным; государственные средства были истощены, а вопрос о престолонаследии был тягостно запутан.

Ни избирательная, ни утверждённая грамоты царя Михаила ничего не говорят о порядке замещения престола; ничего не говорят об этом даже подкrestные грамоты, выработанные на Земском соборе в феврале 1613 года, хотя по ним присяга на верность приносилась молодому царю, царице и их детям, «которых им, государям, бог даст». В 1613 году был избран на трон Михаил Романов-Юрьев, но не династия Романовых, как это обычно думают и говорят. Поэтому смерть царя Михаила Фёдоровича открывала вопрос о престолонаследии, а на этот вопрос смотрели по-разному. Обычай со времени смерти Грозного в 1584 году был не за наследование, а за избрание. Свидетельством обсуждения среди московского общества этого вопроса ещё при жизни царя Михаила являются упорные толки о незаконном происхождении царевича Алексея, которому поэтому «не довелось» сидеть на троне, а также наличие в Кремле кандидата на трон – датского королевича Вальдемара, который был вызван в Москву царём Михаилом в качестве жениха царевны Ирины и жил здесь с 24 января 1644 года.

Слухи о том, что царица Евдокия Лукьяновна (Стрешнева) рождала только девочек, что мальчика Алексея подложили вместо одной из них, распространялись из авторитетных кругов высшего духовенства. Ещё в 1635 году, через два года после смерти Филарета, архимандрит Хутынского монастыря Феодорит высказывал такое мнение: «бог де то ведает, что прямой ли царевич, на удачу де не подмётной ли?» В 1663 году поступил донос, будто на торгу говорили про царицу: «Глупые де мужики, которые быков припущают к коровам об молоду, и те де коровы рожают быки; а как де бы припущали об исходе, ино б рожали все телицы. Государь де царь женился об исходе, и государыня де царица рождает царевны; а как бы де государь царь женился об молоду, и государыня де бы царица рожала все царевичи. И государь де царь хотел царицу постричь в черницы.

А что де государь царевич Алексей Михайлович, и тот де царевич подменный».

О кандидатуре на русский трон королевича Вальдемара дал основание думать, по-видимому, сам царь Михаил, обещавший ему в приданое «на вечные времена» Суздаль и Ярославль, а затем Новгород и Псков. Современная событиям «Повесть и писание известно о еже случится быти в нашей Рустей земли в нынешних настоящих летех... есть убо и слезам достойно», написанная около 1645 года и имевшая своей задачей оправдать приписываемое боярину Б.И. Морозову возведение на престол царевича Алексея, с подозрительной настойчивостью доказывает законность наследственных прав последнего, и воздаёт хвалу богу за то, «яко не облада нами неверный (т. е. королевич Вальдемар), и не вниде нечестие во благочестие; облада нами и владеет ныне по своему царскому достоянию и по прирождённому своему отечеству сей природный государь наш, царь и великий князь

Алексей Михайлович, всяя Русии самодержец, во отца своего место» и т. д. – «бог его государя избрал, – продолжает свою апологию автор, – и от всего христианского народа и возлюблен бысть и возведён на царский престол... всем нам православным христианом люб и приятен, понеже царская отрасль, истинный царёв сын... Той же нечестивый королевич гинул паки ко отцам своим».

При этом публицист морозовской партии приходит к заключению, что внезапная кончина царя Михаила, последовавшая в ночь на 13 июля 1645 года, и смерть царицы Евдокии, происшедшая через пять недель после неё, явившиеся якобы результатом неудачных переговоров о браке царевны Ирины, совершились хотя и «нелепо», но очень своевременно. Только благодаря смерти царя Михаила Российская держава избежала власти иноверного королевича. «Аще бы государь царь и великий князь Михаил Фёдорович всяя Русии ко господу не отшёл, паче же бы ныне, после государя, не восхотел бы той нечестивый (т. е. королевич Вальдемар) благая мыслити, аще бы и зять был нынешнему государю Алексею Михайловичу всяя Русии, но обаче вяще бы себе добра восхотел с своими державцы с погаными немцы, восхотел бы большей властец быти и царством владети и смуту бы и крамолу учинил велику зело».

Сергей БУТУРЛИН (1872–1938)

22 сентября. 150 лет назад родился орнитолог, писатель, один из основателей научного охотоведения Сергей Александрович Бутурлин (22.09.1872, г. Монтрё, Швейцария – 22.01.1938, г. Москва). Детство и юность провёл в Симбирске и в сёлах Лава и Белый Ключ Симбирской губ. (ныне Сурского р-на Ульяновской обл.), где находились имения его бабушки. Учился в Симбирской мужской гимназии. Автор книг «Дикие гуси Российской империи» (1901), «Материалы для орнитофауны Симбирской губернии» (1906), «Настольная книжка охотника» (1924), «Полный определитель птиц СССР» (1935), «Лоси» (1934), «Дробовое ружьё» (1937) и др. Именем Бутурлиных названы три улицы в Ульяновске.

НАСТОЛЬНАЯ КНИЖКА ОХОТНИКА (отрывок из предисловия)

Охота, добывание в лесах и болотах диких зверей и птиц – есть одна из крупных отраслей народно-государственного хозяйства и, конечно, самая древняя. Многие, многие тысячи лет назад, когда не только не было фабрик и городов, но не знали люди и осёдлого земледелия, когда не было даже и кочевых скотоводов, так как и скот ещё не был одомашнен, – в те отдалённые времена бродячие, дикие предки современного человечества жили одною только охотой с рыбной ловлей. Охота и кормила, и одевала, и защищала их от крупных хищников.

Потому-то охота и сейчас так часто является могучею, непобедимою страстью, что она наследственно передаётся из такого отдалённого мрака веков, когда в охоте была вся жизнь, вся мысль человека, и только лучший охотник выживал в борьбе с мамонтами, пещерными львами и медведями и оставлял по себе потомство...

Фабрика, хлебопашество и даже скотоводство и сейчас далеко не всюду проникли, вытесняя охоту как фундамент хозяйственной жизни. Но где это вытеснение совершилось, охота остаётся как лучший, самый здоровый отдых для нервов, утомлённых работой за станком, конторкой или письменным столом.

Но будет ли охотник промышленником, снимающим себе пропитание охотой, или же только любителем, охотящимся только для отдыха, здоровья и забавы, много ему надо искусства и знания, чтобы быть дельным, хорошим и добычливым охотником.

Выбор ружья, уход за ним, пристрелка, стрельба; разведение, воспитание и обучение разных пород собак; нахождение и преследование различных зверей и птиц: вся эта техническая сторона охоты образует целую науку, и науке этой на одном русском языке посвящены тысячи томов книг, а на других языках, в особенности английском и немецком, и ещё во много раз больше.

Изучить науку охоты и овладеть искусством применять эти знания на деле невозможно из книг. Только личный опыт, любовный труд, внимательное, многолетнее наблюдение окружающей природы, жизни зверей и птиц в их вольной обстановке

могут дать охотнику нужные знания и навыки. Книги могут только облегчить этот труд, сократить необходимые годы ученичества. Так ведь это бывает и во всём другом.

Не школа и не книга делают врача, инженера, учёного, художника или ремесленника, а собственный труд, работа в клинике, в лаборатории, в мастерской. Школа и книга – только главные помощники в деле учения.

Тем более маленькая, карманная книжка не может дать всего необходимого молодому или неопытному охотнику. Дело такой книжки: обратить внимание читателя на те главные вопросы, с которыми ему следует ознакомиться, дать ему самые общие, основные наставления да указать, где надо искать более подробных сведений.

Именно теперь, когда рухнула старая земельная собственность, когда бесчисленные «кабинетские», «удельные», помещичьи и иные частные угодья стали доступными всем, потому что принадлежат всему народу; теперь, когда провозглашён и проводится в жизнь лозунг «охота – для всех», – особенно настоятельно чувствуется потребность в первоначальном, простом и кратком руководстве для охотника, как любителя, так и промышленника.

До революции много издавалось охотничьих календарей и справочных книжек, но они были приспособлены только к нуждам интеллигентных любителей охоты, оставляли совершенно в стороне охоту как промысел и мало могли дать и крестьянину-охотнику. Кроме того, даже лучшие из них, как двухтомный календарь Анофриева, перепечатывались из года в год без достаточной проверки и накопили на своих страницах достаточное число грубых ошибок и неверных указаний. При новых же условиях жизни не вышло ещё ни одного охотничьего руководства, достаточно хорошо составленного.

Поэтому я решился, несмотря на большой потребовавшийся для этого труд, не «составить» с помощью клея и ножниц новое руководство из лоскутков старых статей и календарей, но написать эту небольшую книжку совершенно заново, по новой программе, затрагивающей все главные стороны охоты-промысла и охоты-техники, охотничьей науки...

Пётр АЛЕШКОВСКИЙ (р. 1957)

22 сентября. 65-летний юбилей отмечает писатель и журналист Пётр Маркович Алешковский (р. 22.09.1957, г. Москва). Окончил Московский государственный университет (1979). Автор книг прозы «Как новгородцы на Югру ходили» (1988), «Арлекин, или Жизнеописание» (1995), «Владимир Чигринцев» (1997), «Седьмой чемоданчик» (1999), «Чайки» (2002), «Институт сновидений» (2009), «Обратная сторона Луны» (2010) и др. Ведущий программы «Азбука чтения» на «Радио Культура». Весной 2016 года посетил Ульяновск в рамках проекта «Академия литературы»; во Дворце книги 12 апреля представил свой новый роман «Крепость», ставший победителем премии «Русский Букер» (2016).

КРЕПОСТЬ (отрывок из романа)

Каллистов развернул дело правильно, но на взлёте карьеры погиб в автомобильной катастрофе. Мальцов работал у него научным консультантом, потом замом по научной части, счастливо и упорно исследовал город, писал статейки и отчёты, ездил на конференции и в ус не дул. Женился, пожил пять скучных лет с добродушной женой, стряпавшей диссертацию о крюковом пении, но забывавшей сварить макароны, детей не завёл, развёлся по обоюдному согласию и об этом опыте жизни забыл.

Маничкина поставили не без протекции Мальцова. После гибели Каллистова его самого настойчиво тянули в директора, но он был убеждён: учёный не должен занимать административные посты. Мальцов собирал материалы к докторской об отношениях Золотой Орды и Руси, подписывать сметы и отвечать за бюджетные деньги не умел и учиться этому не собирался. Он тогда решительно отказался от директорского кресла и числился первым заместителем по науке и руководителем археологической экспедиции. Вчера Маничкин уволил Мальцова и уничтожил экспедицию.

Оба удара были подлые и оба смертельные.

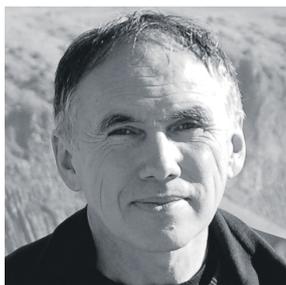
– Видишь ли, – говорил Мальцов, беседуя с бутылкой, – оба удара смертельные, а я пока ещё жив. Странно.

Прикончив первую, он свернул голову второй. Радости водка не приносила, только тело обмякло, будто утратило держащий его скелет, и в голове закружилось нечто, как бывает при решении логической задачи. Он чувствовал священный трепет, словно вот-вот уловит пока ещё недосягаемый высший смысл. Мозг взвешивал аргументы строго и точно, отбирал ходы, как в шахматном поединке, но все они разбивались о наглую, крепкую защиту противника, и Мальцов никак не мог найти брешь. Мысль, устав спотыкаться, ускользала, и его бесило, что не удаётся решить мучившую его жизненно важную задачу. Наконец он потерял все связи, что поначалу так красиво выстраивались в голове. Голова вдруг опустела и, глупая и бесполезная, только оскорбляла его тем, что ещё как-то и зачем-то сидела на поникших плечах. В окно врвался мертвенный свет луны, нырявшей в низких тучах, холодные тени скользили по стенам, по столу, по дивану. Мальцов почувствовал озноб, потянулся к одеялу, но понял, что и оно не спасёт.

Холод продирает до костей. Хотя на дворе стоял поздний август, термометр за окном показывал плюс семь. Холод сочился из стен. Мальцов на мгновение представил себя замурованным в мокром заплесневелом склепе, где в тёмных углах расселись повылезавшие из скользких нор жирные зелёные жабы. Положив облепленные бородавками головы на надутые груди, они изредка моргали глазками, презирающими белый свет и чистый воздух, следили за ним, мающимся в запечатанном заклетьем подземелье, как за обречённым попасть на их липкий язык мотыльком. Сидели и ждали беззвучно, ждали нехорошего, что всегда случается там, где из кирпичных пор проступает солоноватая ржавая верховая вода, где беззвучно пересекает прокишущую черноту кожистые крылья нетопырей, где тишина пропитана едким грибок и давит, как тяжёлая глина на гробовую доску, и того гляди продавит несортовую колючую сосну и погребёт навечно, отрежет даже малейшую возможность выскрестись отсюда, залепит глаза, забьёт рот, погрузит в невыносимое небытие, в мокрое безмолвие железистого болота, на котором построены все наши старые северные города.

Он тряхнул головой, откинул с глаз потную чёлку, как старый конь у водопоя, атакованный тучей оводов, и прогнал адское наваждение. В Твери у него была маленькая двухкомнатная квартира, в которой они какое-то время жили с Ниной и умирающей матерью. Он продал её, когда расписался с Ниной, и решил дожить в родном городе до конца. И только тут ощутил, что у него есть свой дом. Наследственная хрущёвская халупа в Твери всегда казалась ему чуждой, он не воспринимал её как фамильное гнездо. Здесь же всё начиналось правильно, стала выстраиваться семья, правда, дом оказался не простым – с историей. Двухэтажный, длинный, он стоял на взгорке в тянутой перспективе таких же жёлто-белых строений екатерининской застройки по берегу реки. Могучий, аки крепостная стена, за века дом накопил в себе тугую энергию, распиравшую его изнутри. От неё стены кое-где пошли трещинами, их спешно замазывали цементом, да раз в десять лет город латал железную кровлю. И вот на тебе, теперь зачем-то и дом ополчился на Мальцова. Проверять, что ли, на прочность?

Владимир ГУРКИН (р. 1957)

22 сентября. 65 лет исполняется культурологу, краеведу Владимиру Александровичу Гуркину (р. 22.09.1957, г. Советская Гавань Хабаровского края). С 1973 года живёт в Ульяновске. Окончил Московский медицинский институт имени Н.И. Пирогова (1981), докторантуру Российского института культурологии (2002). Преподавал в УГПИ и УлГУ. Доктор культурологии (2006). Профессор кафедры истории и культуры УлГУ. Автор изданий «На берегах Русского Нила: история изучения территории Симбирского Поволжья» (2005), «Симбирскоеведение: основные этапы истории изучения Симбирского Поволжья» (2009), «Лики земли Симбирской» (2015) и др. Награждён медалью Н.М. Карамзина (2018).

НА БЕРЕГАХ РУССКОГО НИЛА (отрывок из книги)

Попробуем теперь представить, сколько времени могло понадобиться Богдану Хитрову, чтобы доехать до места будущего Симбирска. Согласно историческим источникам XVI – XVII столетий, «днища» (т. е. расстояние дневного перехода) лёгкой конницы составляли 60–80 вёрст. Расстояние от Москвы до Алатыря составляло 590 вёрст. А от Алатыря до Симбирска – 160 вёрст. Вторая неделя Великого поста в 1648 году начиналась 20 февраля, а в указе говорится о том, чтобы подготовка происходила «без всякого мотчания», поэтому неудивительно, что уже 27 февраля из Алатыря уходит отчёт о высылке на строительство курмышских служилых людей. Если сюда добавить и тот факт, что до курмышских строителей на строительство новой черты «от реки Барыша до реки Волги» ещё 2 февраля прибыло 40 человек ядринских стрельцов, а также проводились и другие подготовительные работы, то очевидно, что объединённый полк окольничего и воеводы Б. Хитрово, двигаясь налегке, мог прибыть в конечную точку – на место постройки будущей симбирской крепости – уже в первой половине марта 1648 года.

Нам неизвестны документы, отражающие ход строительства симбирского кремля, поэтому можно лишь предполагать на основе косвенных данных, когда же был основан город, который в документах тех лет часто назывался «Синбирской».

Строительство города начиналось с закладки соборной церкви. Ю.Н. Мельников справедливо указывал, что в XVII веке существовал специальный чин закладки новых городов. При этом он предположил, что закладка церкви приходилась на праздник Троицы, так как Симбирская соборная церковь получила название во имя Живоначальной Троицы. Однако насколько можно проследить по другим источникам, название церкви не всегда связывается напрямую с днём начала её строительства. Так, например, Тамбовская соборная церковь называлась Преображенской (праздник Преображения Господня отмечается 6 августа), хотя начало строительства крепости относится к 27 апреля 1637 года. Более того, как указывала в своей книге г. В. Алфёрова, существовала практика, когда задолго до начала строительства города церковь в Симбирске получила название Троицкой. Поэтому

можно говорить с уверенностью лишь то, что закладка Симбирска происходила весной 1648 года.

Дворяне и служилые люди ехали на строительство, несмотря на то, что зачастую сами пребывали на грани разорения. Так, например, уже в феврале 1648 года поступила челобитная царю: «Указано нам ныне арзамасцам всему городу, обеим половинам, а нам нижегородцам одной половине, быть на той государеве службе с окольничим, с Богданом Матвеевичем Хитрово в степи к Волге города ставить и вал валить с ним вместе бессрочно. А ныне ты, государь, пожаловал всех замосковных городов нашу братью на своей государеве службе обеими половинами быть нигде не велел, а украинным городам быть по четвертем. А мы, арзамасцы, служим тебе, государю, мимо всех замосковных и украинных городов лишек обеими половинами 5 лет: на Пузской засеке, на Ломове в Кальмиусском походе, в Керенском, в Карсуне, а те все замосковные и украинные города служили в те годы пополам. И мы от тех твоих государевых беспрестанных и бессрочных служб, и от хлебного недороду и от конского падежа обеднели и одолжали великими долгами, и многие мы твоей государеве службе насилу арзамасцев за скудностью живет и треть». В заключение челобитной арзамасцы просят послать не всех, а лишь половину. Однако в ответ царь написал на челобитной: «Учинить по сему государеву указу» (т. е. оставить в силе прежний указ). Неудивительно, что Левон Травин жаловался царю в мае того года, что многие арзамасцы указ не слушают, стрельцов бьют, службы избегают или же говорят своим дворовым людям, чтобы те сказывали, будто они уже уехали на службу.

Важная информация о ходе строительства Симбирской черты представлена в строельной книге Симбирска. Согласно этому тексту мы узнаём, что сначала была построена черта около Симбирска, затем в 1652 году – остроги и вал тарасный около Симбирска и других крепостей Симбирской черты, а затем, в 1653 году – от Симбирской черты до Карсунской, всего при этом было построено около 90 километров укреплений. Причём для окончания строительства требовалось меньшее количество людей (с пяти дворов по человеку вместо прежнего порядка – с трёх дворов по человеку)...

Фёдор ПАВЛОВ (1892–1931)

25 сентября. 130 лет со дня рождения чувашского поэта и драматурга Фёдора Павловича Павлова (25.09.1892, с. Богатырёво, ныне Цивильского р-на Чувашии – 02.06.1931, г. Сочи). Окончил Симбирскую чувашскую учительскую школу (1911) и Симбирскую духовную семинарию (1916). Работал учителем пения чувашской учительской школы в Симбирске; с 1920 года жил в Чебоксарах. Литературную деятельность начал с цикла стихотворений «Памятник моей юности» (1909–1913). Автор поэм «Тевик» (1909), «Метелица» (1910–1913); комедии «На суде» (1917); драмы «В деревне» (1922); книг «Сырнай» (1924), «Чувашские песни» (1931) и др. Именем Павлова названы музыкальное училище и улица в Чебоксарах.

В страдающем мире одна
Гора золотая стоит,
От века до века она
Таинственным светом блестит.

На этой горе золотой,
Нам кажется, счастье живёт –
Туда всякий скользкой тропой
То бодро, то робко идёт.

Иные дойдут до горы,
Иные – увы! – не дойдут.
Дошедшие видят дары
И с радостью в гору идут.

Вершины достиг человек,
Но что же он видит на ней?
Увидел ли то, что весь век
Любил он душою своей?

Увы, не увидел того,
Что в жизни своей он любил,
Что было святыней его,
Во что он поверил, чем жил.

Желанье умчалось, как сон,
И радость потухла в очах,
Стоит он, обманом сражён,
В душе и смятенье, и страх.

Мечты отлетели давно,
Разбитое сердце щемит.
Пред ним всё туманно, темно,
И ум, омрачённый, молчит...

Пётр АЛЕКСАНДРОВ (1927–1999)

25 сентября. 95 лет назад родился поэт Пётр Стефанович Александров (25.09.1927, г. Омск – 19.08.1999, г. Самара). С 1932 года жил с семьёй в Самаре. Окончил факультет русского языка и литературы Куйбышевского педагогического института (1949). Преподавал в Мичуринском пединституте. Защитил кандидатскую диссертацию на тему «Принципы составления словаря синонимов современного русского литературного языка» (1963). Работал в Куйбышевском пединституте, затем был сторожем на складе в Куйбышеве, разносчиком при почтамте. По нелепой случайности провёл год в тюрьме. Жил в г. Мелекесе Ульяновской обл. Автор поэмы «Смертный бог»; посмертного поэтического сборника «Стихотворения» (2009, Мичуринск).

В этой жизни всё пустое:
Все удачи, все заботы,
И надеюсь лишь на то я,
Что не вижу я чего-то.

Землю хитрые невежды
Сгубят скоро, дурью маясь.
На одно моя надежда:
Может, в чём-то ошибаюсь.

Я сторожем ночным служу
На железнодорожном складе
И счастлив тем, что я брожу
Июльской полночью в прохладе.

Я счастлив тем, что пью ночной
Живительный и вольный воздух,
И тем, что небо надо мной
Во тьме светил – дрожащих звёздах.

Я счастлив, потому что я
К природе и свободе ближе,
Чем сановитая свинья,
Купающаяся в престиже.

Я счастлив, потому что я
Не рвусь к богатству и почёту
И славлю радость бытия,
Рассвета видя позолоту.

Я счастлив тем, что солнце есть,
Что день петух встречает криком,
И что вовек миров не шесть
В единстве их несметноликом.

Ты, великая тайна по имени
Мироздание, Жизнь, Естество,
Ты восторгом и скорбью пои меня
До земного конца моего.

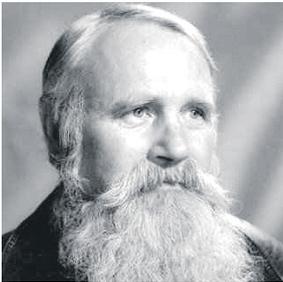
Посылай мне и милость Господнюю –
Вдохновения сладостный звон,
И обрушивай дух в преисподнюю,
Чтобы творчески мучился он.

А когда я не вынесу бремени
Бытия в непосильном бою,
Призови на весенней заре меня
Возвратиться в стихию Твою.

Когда тебе не повезло
И ты в кольце угроз,
Иди вперёд всему назло,
Грозою против гроз.

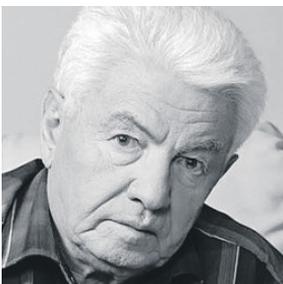
Когда пожар в твоём доме,
А недруг на крыльце,
Иди сквозь боль, иди сквозь тьму
С улыбкой на лице.

И если гибель все пути.
Закрела впереди,
Сумей и в ней маяк найти,
Погибнув, победи!

Николай ЛЕДОВСКИХ (р. 1947)

25 сентября. 75-летний юбилей отмечает журналист, актёр, литератор Николай Васильевич Ледовских (р. 25.09.1947, г. Рубцовск Алтайского края). Муж писательницы Н.А. Решетовской (1919–2003), первой жены А.И. Солженицына. В 1994 году сопровождал его в поездке по России. После смерти жены стал наследником архива Солженицына. Написал исследование «Тайны «Матрёниного двора», стихотворную «Оду «Матрёнину двору». Соавтор книги «Один год и один день Александра Исаевича» (2013). В ноябре 2015 года привёз в Ульяновск фотовыставку «Неизвестный Солженицын»; провёл встречу в Каминном зале областного Дворца книги; был почётным гостем музея «Усадьба Языковых». Живёт в Москве.

Владимир ВОЙНОВИЧ (1932–2018)

26 сентября. 90 лет назад родился прозаик, поэт, драматург Владимир Николаевич Войнович (26.09.1932, г. Сталинабад, ныне г. Душанбе, Таджикистан – 27.07.2018, г. Москва). Член Союза писателей СССР (1962). В 1980 году был выслан из СССР; до середины 2000-х гг. жил в Мюнхене (Германия). Несколько раз приезжал на творческие встречи в Самару (1993, 2000, 2006, 2011, 2012); не раз бывал проездом в Ульяновской области. Автор повестей «Мы здесь живём» (1961), «Два товарища» (1967), «Степень доверия» (1972); романов «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» (1975), «Претендент на престол» (1979), «Москва 2042» (1986), «Монументальная пропаганда» (2000), «Перемещённое лицо» (2007) и др.

ЗОЛОТЦЕ

Голову воткнув в мою шинель
Авиационного солдата,
Девушка из города Кинель
Золотцем звала меня когда-то.
Ветер хороводился в трубе,
А она шептала и шептала...
Я и впрямь казался сам себе

Слитком благородного металла.
Молодость не вечное добро.
Время стрелки движет неустанно.
Я уже, наверно, серебро,
Скоро стану вовсе оловянным.
Но увидев где-то у плетня
Девушку, обнявшую солдата,
Я припомню то, что и меня
Называли золотцем когда-то.

ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ

Живущий только временно живёт,
А неживущий не живёт не временно.
Освободясь от жизненного бремени,
Он вечности частица и оплот.
Он там, где есть нежизни торжество:
Ни тьмы, ни света, ни зимы, ни лета...
Хорошего там нету ничего,
Но ничего плохого тоже нету.
Там нет дурных вестей, утрат, растрат,
Тюрьмы, сумы и чириев на коже,
Там дрожь не бьёт и зубы не болят,
Не жмут ботинки и тоска не гложет.
Там смерти страх неведом никому,
Ни храбрым людям, ни трусливым людям.
Пусть даже мир окончится, ему,
Тому, кто там, конца уже не будет.
Ваш предок тем особо дорожил,

Такую мысль в себе лелеял гордо,
Что с Пушкиным в одну эпоху жил
И с Гоголем в одни и те же годы.
Что ж, за приливом следует отлив,
Не всякий век талантами расцвечен,
А наш и вовсе сир и сиротлив,
Гордиться нечем, кажется, и нечем.
Но жребий исправим, поскольку он
На время жизни выпал, а помрёт,
И с гениями сразу всех времён
В течении нежизни совпадёте.
Покуда там пребудете вы, тут
Случится всё хорошее, и даже
Враги все ваши старые умрут
И новые отправятся туда же.
Так вот без страха ждите свой черёд.
Что наша жизнь? Лишь миг на перевале...
Вот минет он, и вечность развернёт
Свой бесконечный свиток перед вами.

Иван ЕФРЕМОВ (1907–1947)

27 сентября. 115 лет со дня рождения чувашского поэта, журналиста Ивана Григорьевича Ефремова, литературный псевдоним – Ехрем Иване (27.09.1907, с. Кайсарово Симбирского у. Симбирской губ., ныне Цильнинского р-на Ульяновской обл. – 12.10.1947, г. Чебоксары). Родился в семье священника. Окончил Ульяновский чувашский педагогический техникум (1924). С 1931 года жил в Чебоксарах. Член Союза писателей СССР (1934). Участник Великой Отечественной войны. Автор изданных Средне-Волжским издательством книг «Молодость» (1933), «Книга любви» (1933). Стали народными песни на его стихи «В селе Кайсарово, у Свяги», «Поработал вдоволь я сегодня», «От души работал в поле» и др.

Александр СУХОВО-КОБЫЛИН (1817–1903)

29 сентября. 205 лет назад родился драматург и переводчик Александр Васильевич Сухово-Кобылин (29.09.1817, г. Москва – 24.03.1903, коммуна Больё-сюр-Мер, Франция). В 1859 году стал симбирским землевладельцем, купив имение в селе Полое Ардатовского у. Симбирской губ. (ныне Ардатовского р-на Мордовии). Автор трилогии «Свадьба Кречинского» (1854), «Дело» (1861) и «Смерть Тарелкина» (1869), изданной в 1869 году под названием «Картины прошедшего». В репликах Муромского, Кречинского и Расплюева использовал названия Симбирской губернии. Пьесы ставились на сцене Симбирского театра. Почётный академик Петербургской Академии наук по разряду изящной словесности (1902).

СВАДЬБА КРЕЧИНСКОГО (отрывок из пьесы)

Муромский (очень вежливо). Жить изволите в Москве или в деревне?

Расплюев. В Москве-с, в Москве, то есть иногда... а то больше в деревне.

Муромский. Скажите, в какой губернии имеее поместье ваше?

Расплюев. В Симбирской-с, в Симбирской.

Муромский. А уезд какой?

Расплюев (скоро). Какой уезд?

Муромский (кивая головою). Да-с.

Расплюев. Как бишь его (нагибается и думает) того... то есть ох... как его?... (В сторону.) Да я в этом захолустье ни одного уезда не знаю. (Вслух и пощелкивает пальцем.) Вот так на языке и вертится... Эх... господи... Михайло Васильич! да как его уезд-от?

Кречинский. Какой уезд?..

Расплюев. Да наш уезд.

Кречинский. А! в Ардатовском.

Расплюев. *(делает жест рукою Муромскому).* Ну вот!..

Муромский. В Ардатовском?

Расплюев *(прихлёбывает чай и кивает).* Симбирской губернии, Ардатовского уезда-с.

Муромский. Да Ардатовский уезд в Нижегородской губернии.

Расплюев *(фыркнув в чашку).* В Нижегородской? Как в Нижегородской? Ха, ха, ха, ха!.. Михайло Васильич! Что ж это такое? Они говорят, что Ардатовский уезд в Нижегородской губернии... ей-ей! ха, ха, хе, хе!..

Кречинский. Да нет! Их два: один Ардатов Нижегородской губернии, другой – Симбирской.

Расплюев *(делает рукою к Муромскому).* Ну вот!..

Муромский *(делает рукою жест).* Да, точно, именно: один Ардатов в Нижегородской, а другой – в Симбирской.

Расплюев. Один-то Ардатов в Нижегородской, а другой – в Симбирской. *(Оправляется.)*

Муромский. Извините, извините, ваша правда. Скажите, а предводителем у вас кто?

Расплюев. А? *(В сторону.)* Да это дурак какой-то навязался? Что ж это будет? *(Махнув рукою.)* Эх, была не была!.. *(Вслух.)* Бревнов.

Муромский. Как-с?

Расплюев. Бррревнов-с!

Муромский. Не знаю... не имею чести знать...

Расплюев *(в сторону).* Я думаю, что не знает.

Муромский. И хороший человек?

Расплюев. Предостойнейший! Мухе – и той зла не сделает.

Муромский. В наше время это редкость.

Расплюев. Гм! Редкость! Нет, Пётр Константиныч, решительно скажу, таких людей нет.

Муромский. Ну, однако...

Расплюев *(горячо).* Уверяю вас, нет. Поищите!..

Муромский *(с участием).* Вы, как заметно, имели от людей и огорчения в жизни.

Расплюев. Имел! *(Поправляя на себе фрак.)* Такие, могу сказать, задавались мне огорчения в жизни, что с иного, могу сказать, все бы обручи полетели, – и вот невредим, жив и...

Муромский *(со вздохом).* Бывает, всё бывает в жизни... А как у вас земля?

Расплюев. А что земля! Земля ничего.

Муромский. У вас там должен быть чернозём? Точно: ведь Симбирская чернозёмная губерния.

Расплюев. Да, да, да, как же! Чернозём, – удивительный чернозём, то есть чёрный, чёрный... у! вот какой!

Муромский. И скажите, урожаи должны быть отличные?

Расплюев. Урожай? Да я в этом захолустье обобрать хлеб не могу... *(хохочет),* ей-ей, не могу.

Муромский. Неужели?

Расплюев. Право, не могу. Да мне чёрт с ним! Мне его даже не жалко... *(Хохочет.)*

Муромский *(тоже смеётся).* А степные-то помещики каковы? Скажите: умолот как у вас бывает?..

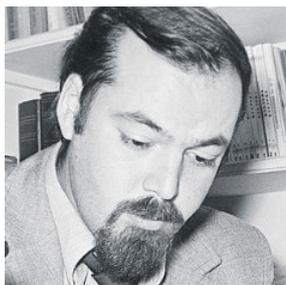
Расплюев *(в сторону).* Да он нарочно... *(Подняв глаза.)* Господи, что ж это будет?.. *(Обтирает пот.)* Ну... об умолоте я вам не скажу ничего, потому...

Кречинский *(оборачиваясь).* Помилуйте, Пётр Константиныч! Да что вы его спрашиваете? Ведь он только по полям собаками ездит; ведь он по хозяйству ни в зуб толкнуть...

Муромский. Скажите, Михайло Васильич, имение ваше в Симбирской губернии, а родственники ваши живут в Могилёвской губернии.

Кречинский. Симбирское – это у меня материнское имение...

Владимир РЫБАКОВ (1947–2018)

29 сентября. 75 лет со дня рождения писателя, журналиста Владимира Мечиславовича Рыбакова (29.09.1947, г. Алес, Франция – 20.08.2018, коммуна Сен-Жан-дю-Гар, Франция). В 1956 году репатриировался с родителями в СССР. В 1972-м вернулся с матерью во Францию. Работал в газете «Русская мысль», в издательстве «Посев» в Германии. В 1989–1995 гг. жил в Москве; был главным редактором газеты НТС «За Россию», членом исполнительного бюро НТС. В марте 1993 года приезжал в Ульяновскую область, посетил Димитровград. Автор повестей и романов «Тяжесть» (1977), «Тавро» (1981), «Тиски» (1985), «Афганцы» (1988), «Тень топора» (1991), «Creature» (2005), «Тайна Чингисхана» (2007) и др.

ТЯЖЕСТЬ (отрывок из повести)

Я шёл по дороге, изнашивая на ней третью пару сапог, много убеждений и всю свою прежнюю жизнь. Солнце с ослепительным холодом и яркостью освещало мир, всё вокруг было чёрным (жалкие пятна снега лишь подчеркивали это) и очень старым. Казалось, под ветром окаменел сам воздух, так он был колюч и твёрд. Из-за разбросанных вдаль и вблизи цепей сопки рождалось впечатление множества горизонтов, нереальность которых подсказывала за ними пустоту. Легче было представить конец света, чем это повторение утесняющей глаза мёртвой земли. Почему-то человечество решило, что лучше смерть, чем пустота. Ему виднее.

На первом посту стоял Быблев, толстый украинец, уже фазан. Он оказался верующим, и мне было приказано снять у него с груди нательный крест. Это было год назад. Невольное уважение к кресту заставило уговаривать его, но Быблев ревел белугой и не соглашался. Подошёл Колька. Бог знает теплоту его слов, я только услышал от этого лицемера, что можно в сердце носить Господа. Быблев подошёл ко мне и спросил штатским голосом:

– Товарищ младший сержант, крест этот ко мне от прадеда пришёл, можно его сохранить?

В тот вечер, при отбое, когда все поджимали животы, чтобы по команде снять галифе, не расстёгивая ремня, дабы уложиться в положенные шестьдесят секунд, он отказался лечь, не помолвившись. Я не рассердился, но Быблев должен был понять, что быть похожим на других – естественный способ уцелеть. Он спал четыре часа в сутки, остальные – чистил галюны, мыл полы, чтобы вечером стоять на своём. Моя растущая симпатия только увеличивала наказание. Я импровизировал формулировки нарядов вне очереди, лишь бы начальство не узнало, что Быблев опирается на религию и религией нарушает дисциплинарный устав Советской армии. И я уже отчаивался вытащить парня, как вновь проскользнул к нему Свежнев. Я облегчённо вздохнул: трудно было каждый день за час до отбоя наказывать стукача роты и удалять его из казармы. Теперь Быблев ложился со всеми, чтобы встать ночью (давал дневальному пачку папирос – совет Коли) и, замолвив сперва свой грех, прочесть вечернюю молитву.

Однажды я сказал ему:

– Ты знаешь, что надоел мне?

– Нет.

Я нелепо ткнул пальцем в потолок:

– Верить?

– Верю.

– Почему?

– Потому что верю. Все верят, только многие сами этого не знают.

Хотелось мне тогда протянуть ему руку, но нельзя было, авторитет есть авторитет. Да и боялся, что в последнюю секунду передумаю и стукну его за уверенность.

Быблев стоял у знамени полка в жарко натопленном штабе, где дремота теплом окутывала взгляд опасной истомой. Он не спал. Предупредив его о возможной проверке, сразу направился к посту салаги Кырыгла.

Тёрлись друг о дружку сапоги, мысли за что-то цеплялись, никак не могли зацепить. Так иногда в дремоте тёплая родная рука, занесённая над лицом, превращается в ряды беснующихся спиралей... и исчезает вместе с ними сложившаяся радость.

Пост: завалившийся окопчик, склад, ржавая колючая проволока кругом и возле грибка с телефоном дрыхнувший Кырыгл. Автомат валялся рядом, он даже не лёг на него. Сладкий храп, вырывающийся из шубы, заставил меня спокойно улыбнуться, нагнуться, подобрать автомат, размахнуться... но в последнее мгновение передумать и направить удар чуть выше. Приклад обрушился на копчик Кырыгла. Он взвыл и пополз так жалобно, что захотелось ударить ещё.

– Встать! Сволочь!

Он не мог, боль толкала его руки, ужас дёргал лицо.

– Встать!

Кырыгл увидел мою улыбку и, сдерживая стон, поднялся. Узкие глаза превратились в щёлки и смотрели неподвижно с боязливой злобой. Мне захотелось раздавить этого Кырыгла, он должен был уже не выть – пищать. Я сильнее раздвинул губы, чувствуя с неясной тревогой оскал на своём лице...

Эдуард ЦИММЕРМАН (1822–1903)

200 лет назад родился писатель, путешественник, переводчик Эдуард Романович Циммерман (1822, ? – не ранее 1903, ?). Совершил путешествие по США, Венесуэле, Австралии, Зеландии, Гавайским островам, Северной Америке. В 1890-х гг. не раз совершал плавание на пароходе по Волге, побывал в Симбирске. Автор сочинений «Народные школы в Америке» (1862), «Путешествие по Америке в 1869–1870 гг.» (1870), «Путешествие по Венесуэле» (1875), «Путешествие вокруг света» (1886), «По Закаспийской железной дороге» (1889), «Открытие Америки» (1892), «В глубь Азии: поездка в Самарканд» (1893), «Вниз по Волге» (1896), «Путевые очерки о поездках по Средней Азии, Египту, Тунису и Алжиру» (1897) и др.

ПО ЗАКАСПИЙСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ (отрывок из книги очерков)

Пароход компании «Кавказ и Меркурий», на котором я занял место, забрав нефть и нагрузившись разной кладью, двинулся в море около трёх часов пополудни. Раскинувшись амфитеатром по скату холма, город с его обширною набережною, обведённою каменным парапетом, с стоявшими у пристани паровыми и парусными судами, явил перед нами живую картину довольно значительного торгового порта. Миновав нефтяные заводы Нобеля в Чёрном Городке, мы вышли в открытое море, и вскоре Баку с его пустынными окрестностями пропал совсем из вида. Почти в одно время с нами из порта вышли ещё два парохода – один в Астрахань, другой в Петровск; а далее нам повстречались другие суда, возвращавшиеся с восточных берегов. Вблизи и вдаль то и дело показывались паруса, так что вообще Каспийское море представилось нам в оживлённом виде. По поверхности вод ходила лёгкая зыбь. Качки почти вовсе не ощущалось. Хотя и рассказывают о случающихся будто бы бурных волнениях Каспия и о сильной качке на нём, но сравнительно с океаном вряд ли на этом море бывают очень высокие волны. Да и самые пароходы с их низкими бортами, как мне казалось, вовсе не приспособлены к плаванью по бурным волнам.

Проехав спокойно ночь, мы в девятом часу утра стали осторожно пробираться между островами и мелями и приблизились к противоположному восточному берегу. Перед нами показалась песчаная покатость, и пароход, издав гулкий, протяжный свист, вскоре пристал к выдавшейся в море пристани. Пассажиры третьего класса, большею частью армяне, персы и бухарцы, в пёстрых халатах и с чалмами на головах, гурьбой высыпали с палубы на подмости и шумно и крикливо направились к рельсам. В то же время на пароход устремились носильщики, без оглядки толкая встречных и предлагая свои услуги пассажирам. Этим делом здесь промышляют большею частью персы, не знающие, как оказывается, соперников по части переноски тяжёлых кладей. Среди азиатского люда кое-где лишь мелькнёт окладистая борода русского мужика; но здесь он является более в качестве зрителя или распорядителя, уряжающего, так сказать, движение азиатской толпы.

Здесьняя исходная станция закаспийской железной дороги носит название «Узун-Ада», что в

переводе значит «длинный остров». И действительно, она расположена на продолговатом острове, сплошь покрытом голыми песками и слившемся с материком Азии неглубокою мелью. Крайняя необходимость заставила построить вокзал на таком бесприютном месте. Дело в том, что благодаря морской глубине« близ острова здесь предпочтительно пред другими местами оказалась возможность заложить удобную пристань для больших судов, глубоко сидящих в воде. И вот на голых песках, которые прежде посещались разве одними тюленями, года два тому назад соорудили станцию, а по мели навели дамбу, для того чтобы соединить остров с материком, и по дамбе, как бы по перешейку, проложили рельсы по направлению к востоку.

Сдав свой чемодан одному из персов, я последовал за ним на вокзал, с тем чтобы занять место в вагоне второго класса. Однако слова «вагон», «вокзал», «станция» могут, пожалуй, ввести в заблуждение читателей, привыкших разъезжать по нашим вполне готовым железным дорогам, движение по которым открывается не прежде, пока все постройки и весь подвижной состав не приноровлены к удобствам прихотливого пассажира. Если б мне пришлось писать для жителей западного полушария, для американцев, то я мог бы объясниться в двух-трёх словах, сказав, что мы находимся теперь на только что возникшей железной дороге, и меня поняли бы без дальнейших толкований. И действительно, в Соединённых Штатах нам нередко приходилось разъезжать по дороге, на которой подвижной состав состоял из одних платформ и нескольких товарных вагонов, а станциями служили наскоро сколоченные бараки. В таком же виде застал я и нашу закаспийскую дорогу, когда впервые проехал по ней. Однако в сравнении с американскими первобытного свойства постройками вокзал в Узун-Ада может считаться даже роскошным: он состоит из двух деревянных небольших домов, из которых один назначен для пассажиров 1-го и 2-го классов, а другой – для 3-го, или, вернее сказать, для азиатской черни. В буфете, которым заведует армянин, предлагаются чай, разные напитки и закуски...

*Юбилейный календарь подготовил
Николай Марянин, поэт и краевед*

